

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 17, № 3, 2026

«Жанры в цифровых и социальных медиа»

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Вилинбахова Е.Л., д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, профессор, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Водяницкая А.А., д-р филол. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, профессор, Ереванский Государственный Университет им. В.Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения;

Головкин Е.В., чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор, Институт лингвистических исследований РАН, Россия;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан;

Зенов-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Иванова С.В., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;

Ключкова Е.С., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия;

Кронгауз М.А., д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Кушнерук С.Л., д-р филол. наук, доцент, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия;

Мавродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;

Хохлова М.В., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Цзясин Ван, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;

Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.

С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich's Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор; Ф.К.С. Бастиан – редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; И.Е. Лебедева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail редакции: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 30.09.2026

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2026

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 17, No. 3, 2026

“Genres in Digital and Social Media”

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2026

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Elena L. Vilinbakhova, Dr.Sc. (philol.), leading researcher, prof., The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation;

Albina A. Vodyanitskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

Gayane R. Gasparyan, Dr.Sc. (philol.), prof., Yerevan State University after V. Brusov, Yerevan, Republic of Armenia;

Evgeniy V. Golovko, corresponding member of RAS, Dr.Sc. (philol.), prof., Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Yelena S. Klochkova, Ph.D (philol.), St. Petersburg Electrotechnical University, Russian Federation;

Maxim A. Krongauz, Dr.Sc. (philol.), prof., HSE University, Moscow, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Svetlana L. Kushneruk, Dr.Sc. (philol.), prof., Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation;

Ivanka T. Mavrodieva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Maria V. Khokhlova, Ph.D (philol.), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation;

Jiaying Wang, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;

Aleksandra F. Yakovleva, Ph.D (political), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФC77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager; Ph.Ch.S. Bastian – editor.

A.A. Kononova – computer layout; I.E. Lebedeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 30.09.2026

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2026

Содержание

Чернявская В.Е. <i>Жанры в цифровых и социальных медиа: слово редактора</i>	7
Богинская О.А. <i>«Не всегда ясно...»: коммуникативные стратегии отрицания в русскоязычных отзывах официальных оппонентов</i>	12
Гладко М. <i>Психотерапевтическая лексика как маркер языкового вкуса эпохи в медиадискурсе (на материале белорусских медиатекстов)</i>	31
Денисова Г.В., Смирнова О.В., Стебловская С.Б. <i>Меметическая культура: анализ репрезентации семейных отношений в интернет-мемах России и Китая</i>	53
Евсеева И.В., Белоусова М.В. <i>Эмоционально-оценочный потенциал медиатекстов о нейтральных российских спортсменах и его роль в формировании имиджа и антиимиджа атлетов</i>	68
Жаркынбекова Ш.К., Аймолдина А.А. <i>Визуальная и вербальная идентичность города в цифровом пространстве социальных сетей (кейс Астаны)</i>	91
Ионкина Е.Ю., Евтушенко О.А. <i>Лингвистическая репрезентация ценностных ориентаций современного английского руководителя: на материале медиажанра интервью</i>	108
Перминова Г.В., Дойникова М.И. <i>Лингвопрагматические механизмы речевой самозащиты и их детерминация партийной принадлежностью (на материале дебатов бундестага)</i>	125
Чернявская В.Е., Павлова Е.А. <i>Идеологическая конкуренция медиарезонансных слов: корпусно-ориентированный анализ номинаций “coronavirus” и “Chinese virus” в англоязычных СМИ</i>	145
Mavrodieva I. <i>Linguistic Features of Podcasts in the Bulgarian Digital Ecosystem</i>	165
Myrzabek B., Mambetova M. <i>Kazakh Folklore and Children’s Texts: Pragmatic and Semantic Transformations of Narrative in Didactic Practice</i>	181

Обзоры

Салимовский В.А. <i>К обсуждению эпистемической ситуации в современном речеведении: что происходит с лингвистикой речи в постнеклассический период развития науки?</i>	207
---	-----

Рецензии

Горшкова Н.Э. <i>Язык в пространстве стилистики: Рецензия на книгу Lesley Jeffries, Dan McIntyre «Stylistics. Cambridge Textbooks in Linguistics». Cambridge: Cambridge University Press, 2025. ISBN 9781108441872</i>	222
Синельникова Л.Н. <i>Стилистика в единстве аналогового и виртуально-цифрового измерения. Рецензия на монографию Н.И. Клушиной «(Нео)стилистика в эпоху искусственного интеллекта». Москва: ФЛИНТА, 2026. ISBN 978-5-9765-5864-9</i>	227

Contents

Chernyavskaya V.E. <i>Genres in Digital and Social Media: From the Editor</i>	7
Boginskaya O.A. <i>“It’s not Always Clear...”: Negation Strategies in Russian Dissertation Reviews</i> ...	12
Gladko M.A. <i>Therapy Speak as a Marker of the Language Taste of the Era in Media Discourse (Based on Belarusian Media Texts)</i>	31
Denisova G.V., Smirnova O.V., Steblovskaya S.B. <i>Memetic Culture: An Analysis of the Family Relationships Representation in Internet Memes in Russia and China</i>	53
Evseeva I.V., Belousova M.V. <i>The Emotional & Evaluative Potential of Media Texts about Individual Neutral Athletes and its Role in the Formation of the (Anti)image of Athletes</i>	68
Zharkynbekova Sh.K., Aimoldina A.A. <i>Visual and Verbal Construction of Urban Identity in the Digital Space of Social Media: The Case of Astana</i>	91
Ionkina E.Yu., Evtushenko O.A. <i>Linguistic Representation of the Value Orientation of a Modern English Manager: Based on the Media Genre of Interview</i>	108
Perminova G.V., Doynikova M.I. <i>Linguopragmatic Mechanisms of Verbal Self-Defense and Their Determination by Party Affiliation (Based on Bundestag Debates)</i>	125
Chernyavskaya V.E., Pavlova E.A. <i>Ideological Clash of Media-Resonant Words: Corpus-Assisted Analysis of the Nominations “Coronavirus” and “Chinese Virus” in English-Language Media</i>	145
Mavrodieva I. <i>Linguistic Features of Podcasts in the Bulgarian Digital Ecosystem</i>	165
Myrzabek B., Mambetova M. <i>Kazakh Folklore and Children’s Texts: Pragmatic and Semantic Transformations of Narrative in Didactic Practice</i>	181

Review articles

Salimovsky V.A. <i>On the Epistemic Situation in Contemporary Speech Studies: What’s New in the Linguistics of Speech in the Post-Non-Classical Period of Science?</i>	207
---	-----

Reviews

Gorshkova N.E. <i>Language Within the Scope of Stylistics: Rewiew on Book “Stylistics. Cambridge Textbooks in Linguistics” by Lesley Jeffries, Dan McIntyre. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. ISBN 9781108441872</i>	222
Sinelnikova L.N. <i>Stylistics in the Fusion of Analog and Virtual-Digital Technologies. Review of N.I. Kulushina's Monograph “(Neo)Stylistics in the Era of Artificial Intelligence”. Moscow: FLINTA, 2026. ISBN 978-5-9765-5864-9</i>	227

Редакторская заметка

УДК 81'13

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17301>

EDN: <https://elibrary/YJFFVA>

ЖАНРЫ В ЦИФРОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: СЛОВО РЕДАКТОРА

В.Е. Чернявская

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Аннотация. Тематический номер посвящен текстовым жанрам и языковой репрезентации в новых медиа, цифровых и социальных. Цифровые технологии получают статус «мета-медиа» по отношению к традиционным коммуникативным форматам. Новые медиа возвращают к основополагающим вопросам о жанре. Возникновение новых жанров напрямую обусловлено двумя ключевыми факторами: изменениями в обществе и в его институтах и распространением новых технологий. В цифровых медиа используются традиционные давно сложившиеся «старые» жанры и возникают новые. Языковая специфика и коммуникативные процедуры не только определяются техническими средствами, но возникают в результате взаимодействия между социальными и коммуникативными целями и формами коммуникации. В публикуемых статьях поднимаются значимые проблемы в связи с языком и иными семиотическими ресурсами выражения смыслов в зависимости от медийности, в связи со средствами выражения оценочности, используемыми стратегиями и коммуникативными техниками коммуникативного взаимодействия, поликодовыми структурам.

Ключевые слова: жанр текста, цифровые медиа, социальные медиа, метамедиа, гибридизация жанра.

Для цитирования: Чернявская В.Е. Жанры в цифровых и социальных медиа: слово редактора // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 7–11. DOI: 10.18721/JHSS.17301

GENRES IN DIGITAL AND SOCIAL MEDIA: FROM THE EDITOR

V.E. Chernyavskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

 chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Abstract. The special issue examines text genres and linguistic representation in new media, digital and social. Digital media acquire the status of “meta media” in relation to traditional communication formats. New media bring us back to fundamental questions about genre. The emergence of new genres is determined by two key factors: changes in society and societal institutions, and the spread of new technologies. Digital media use both traditional, long established “old” genres and new ones that emerge. The linguistic features and communicative techniques are not only determined by technical means but also arise as a result of the interaction between social and communicative goals and forms of communication. The published articles address significant issues related to linguistic and other semiotic resources for expressing meanings, depending on the medium, as well as to the means of expressing evaluation, the strategies and communicative moves, and multimodal structures.

Keywords: Genre, digital media, social media, metamedia, genre hybridity.

Citation: Chernyavskaya V.E. Genres in Digital and Social Media: From the Editor, Terra Linguistica, 17 (3) (2026) 7–11. DOI: 10.18721/JHSS.17301

Понятие *новые медиа* выдвинулось в фокус языковедческих исследований. После провозглашения с 1990-х гг. медиального поворота (medial turn) в современном блоке языковедческих наук сложился новый вектор исследовательского интереса к медиальной обусловленности смысловыражения и привязанности смыслов к коммуникативным каналам. Новые медиа являются сегодня инструментом анализа коммуникации в ее принципиально мультимодальной природе. Одновременно новые медиа — это объект и точка кристаллизации исследовательского интереса к языковым явлениям и процессам, которые медиа транслируют и оформляют. Понятие «медиа», «медиальное» используется, как известно, в нескольких значениях. Прежде всего, медиа можно понимать как формат или канал коммуникации, по которому передается информация. Это основополагающее представление заложено моделью Клода Шеннона и Уоррена Уивера, американских инженеров и математиков. «Математическая теория коммуникации» [1] показала, что передаваемая информация всегда опосредуется каналом передачи и его, канала, спецификой. Термин «медиа» вытеснил из научного оборота «канал» и стал укорененным и доминирующим в социально-ориентированных теориях коммуникации вслед за канадским философом и культурологом Маршаллом Маклюэном. Известный афоризм, сформулированный им в 1964 г. [2], точно определяет суть новых объяснительных подходов: «The medium is the message» — «Коммуникативный канал создает эксклюзивность, избранность содержания». Технологическая экспансия дополнила традиционное для лингвистической науки разделение устного и письменного каналов высказывания. В современном контексте это обозначается как «старые медиа». Они противопоставляются «новым медиа», цифровым форматам, технически опосредованным. При этом нельзя не указать, что представление о медиа как о технически оснащенном носителе информации является самым распространенным, но не достаточным для понимания сути того, что анализируется как медиально опосредованные смыслы. Связь с техническим носителем информации и с техногенными процессами в современной коммуникации не

является единственным и исключительным качеством в определении медиа и в использовании этого термина. Медиа как обозначение канала коммуникации дифференцируется по мере опосредованности технологиями. Медиа первого уровня («media first degree») в том сложившемся представлении, которое определяет сегодня аналитическую перспективу, — это речевой аппарат человека, его устная речь с невербальными составляющими (так называемым языком тела), включая письменность от руки. Медиа второго уровня («media of the second degree») включают аналоговые технологии — от печатных книг, газет, журналов до радио, телевидения. Они участвуют в производстве, хранении и передаче информации во времени и пространстве. Интернет-технологии или цифровые технологии получают статус «мета-медиа», медиа третьего уровня («media of the third degree») [3].

Понимая медиа как речевую форму коммуникации, упорядочивающую и моделирующую содержание и функцию сообщения, лингвистика по-новому настраивает исследовательскую оптику по отношению к жанрам текста. Жанры и исследования жанров являются сердцевинной проблемой лингвистики вообще и лингвистики медиа, если проецировать термин на самостоятельное исследовательское направление. Новые цифровые медиа возвращают нас к традиционным основополагающим вопросам, в числе которых вопросы о жанре, возникающие на основе ставших классическими типологий жанров. Жанры являются одними из самых стабильных индикаторов коммуникации и культуры. Цифровизация смещает некоторые концептуальные границы, которые раньше работали для устной, письменной, печатной коммуникации. Возникновение новых жанров напрямую обусловлено двумя ключевыми факторами: изменениями в обществе и в его институтах, с одной стороны, и распространением новых технологий, с другой. В цифровых медиа как используются традиционные, давно сложившиеся «старые» жанры, так и возникают новые. Одновременно многие старые жанры переместились в онлайн-пространство. Вопрос «Нужно ли нам новое определение жанра в эру интернет-медиа?» [4] переводит исследовательскую аналитику к наблюдению за тем, как гибко меняются жанровые модели; происходит гибридизация жанра в новой среде [5–11]. Интернет-технологии предлагают определенные возможности для коммуникации, которые пользователи адаптируют, трансформируют, изменяют или исключают, не используют для своих коммуникативных целей. Таким образом, жанры текстов и коммуникативные процедуры работы с ними определяются не только техническими средствами, они возникают в результате взаимодействия между социальными и коммуникативными целями и формами коммуникации. Технические возможности поддерживают и усиливают определенные коммуникативные привычки, одновременно исключают и препятствуют использованию других форм.

Цифровая среда отличает в некоторых моментах онлайн-жанры от оффлайн-жанров. Отличительными чертами, которые вытекают из технически осложненной специфики самой среды, являются интерактивность, мультимодальность и гибридность. Ни один из этих аспектов не был введен или изобретен с развитием интернет-технологий, но технические возможности поддерживают и повышают их значимость и типичность для интернет-текстов. Кроме того, расширилось представление о массовой коммуникации, а также о конкретных жанрах и коммуникативных практиках, формирующих массовую коммуникацию. Если в 1980–1990-е гг. рекламная коммуникация оставалась для исследователей и практиков за пределами сферы СМИ как отдельная область, то в современном контексте продвигающие тексты, проблема оценочности и социально значимых эффектов использования слова включаются в анализ текстов массовой информации [12]. К массмедийной коммуникации сегодня относятся некоторые тексты научно-популярного, общественно-политического, экономического, дидактического дискурсов и др. Расширение объема понятия «массмедиа» в аналитической практике перемещает акценты на необходимость изучения жанрового разнообразия в целом.

В публикуемых статьях поднимаются значимые проблемы, связанные с новыми подходами к медиажанрам, к языковым жанрам и шире — к семиотическим ресурсам выражения смыслов в зависимости от медиальности, к средствам выражения оценочности, к используемым стратегиям и коммуникативным техникам коммуникативного взаимодействия, к поликодовым структурам. Анализ представлен на репрезентативных выборках языкового материала. Номер объединяет результаты, охватывающие лишь часть проблемного поля, выдвинутого в предлагаемом выпуске.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Shannon C.** Weaver W. The Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. Iss. 3. P. 379–423. DOI: 10.1002/j.1538-7305.1948.tb00917.x
2. **McLuhan M.** Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.
3. **Jensen K.B.** Media Convergence: The Three Degrees of Network, Mass, and Interpersonal Communication. London; New York: Routledge. 2010. 208 p.
4. **Молодыхенко Е.Н.** Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 67–93. DOI: 10.17223/19986645/75/4
5. **Дементьев В.В.** Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194
6. **Дементьев В.В.** Онлайн-тесты в новостном браузере: лингвистические и речевые характеристики // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 62–78. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-62-78
7. Emerging genres in new media environments // ed. by C.R. Miller, R.A. Kelly. Cham: Palgrave Macmillan. 2017. 450 p.
8. **Giltrow J., Stein D.** Genres in the Internet: Innovation, evolution, and genre theory // Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre / ed. by J. Giltrow, D. Stein. John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 1–26. DOI: 10.1075/pbns.188
9. **Chernyavskaya V.E.** To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7. Iss. 2. P. 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63.
10. **Чернявская В.Е.** Культура отказа в научной коммуникации: семантика и прагматика отрицательной оценки в экспертизе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 4. С. 955–974. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411
11. **Чернявская В.Е., Горшкова Н.Э.** Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16. № 1. С. 74–89. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-5
12. **Чернявская В.Е.** Социальное значение в зеркале политической корректности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 2. С. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208

REFERENCES

- [1] **Shannon C., Weaver W.**, The Mathematical Theory of Communication, Bell System Technical Journal, 27 (3) (1948) 379–423. DOI: 10.1002/j.1538-7305.1948.tb00917.x
- [2] **McLuhan M.**, Understanding Media: The Extensions of Man, McGraw-Hill, New York, 1964.
- [3] **Jensen K.B.**, Media Convergence: The Three Degrees of Network, Mass, and Interpersonal Communication, Routledge, London, New York, 2010.
- [4] **Molodychenko E.N.**, Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era?, Tomsk State University Journal of Philology, 75 (2022) 67–93. DOI: 10.17223/19986645/75/4

- [5] **Dementyev V.V.**, What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics?, *Speech Genres*, 3 (27) (2020) 172–194. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194
- [6] **Dementyev V.V.**, Online Tests in the News Browser: Linguistic and Speech Genre Characteristics, *Speech Genres*, 1 (25) (2020) 62–78. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-62-78
- [7] *Emerging genres in new media environments*, ed. by C.R. Miller, R.A. Kelly, Palgrave Macmillan, Cham, 2017.
- [8] **Giltrow J., Stein D.**, Genres in the Internet: Innovation, evolution, and genre theory, *Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre*, ed. by J. Giltrow, D. Stein, John Benjamins Publishing Company, 2009, pp. 1–26. DOI: 10.1075/pbns.188
- [9] **Chernyavskaya V.E.**, To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews, *Training, Language and Culture*, 7 (2) (2023) 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63
- [10] **Chernyavskaya V.E.**, Culture of rejection in scientific communication: Semantics and pragmatics of negative evaluative language in peer-review, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21 (4) (2024) 955–974. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411
- [11] **Chernyavskaya V.E., Gorschkova N.E.**, Hybrid genre in persuasive communication, *Slovo.ru: Baltic accent*, 16 (1) (2025) 74–89. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-5
- [12] **Chernyavskaya V.E.**, Social meaning in the mirror of political correctness, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18 (2) (2021) 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Чернявская Валерия Евгеньевна

Valeria E. Chernyavskaya

E-mail: chernyavskaya_ve@spbstu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

Поступила: 02.09.2026; Одобрена: 15.09.2026; Принята: 25.09.2026.

Submitted: 02.09.2026; Approved: 15.09.2026; Accepted: 25.09.2026.

Научная статья

УДК 81'1

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17302>

EDN: <https://elibrary/XMFREQ>

«НЕ ВСЕГДА ЯСНО...»: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОТЗЫВАХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОППОНЕНТОВ

О.А. Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

✉ boginskayaoa@ex.istu.edu

Аннотация. Цель настоящего исследования — разработать типологию коммуникативных стратегий отрицания, используемых в жанре отзыва официального оппонента. Типология стратегий опирается на понятие этики экспертной оценки, определяемой как система конвенциональных правил и ограничений, регулирующих оценочное высказывание в жанре отзыва. Актуальность обусловлена, с одной стороны, возрастающей ролью экспертной оценки в системе современной научной аттестации, а с другой — недостаточной изученностью коммуникативного потенциала отрицания в оценочных жанрах научного дискурса. Материалом послужили 60 русскоязычных отзывов официальных оппонентов. Показано, что в жанре отзыва отрицание выполняет широкий спектр функций и является гибким коммуникативным инструментом, позволяющим оппоненту управлять тоном критики и поддерживать профессиональный диалог с соискателем. Выявленное распределение функций отрицания между интеракционными (72,9%) и интерактивными (27,1%) типами отражает два взаимосвязанных аспекта оценочной деятельности эксперта. Преобладание интеракционных функций связано с необходимостью управления межличностными отношениями, тогда как интерактивные функции реализуют логико-аргументативный аспект экспертизы, обеспечивая структурирование критики. Выявлены семь коммуникативных стратегий, реализуемых через дискурсивные функции отрицания: проблематизация, дипломатизация, дистанцирование, коммуникативный баланс, опровержение, эпистемическая категоризация и легитимация. Иерархия данных стратегий отражает базовое противоречие жанра отзыва: оппонент должен быть одновременно критиком и дипломатом, экспертом и собеседником, совмещая объективную оценку с поддержанием конструктивного тона и диалогической перспективы. Полученные результаты вносят вклад в понимание речевого поведения участников научной коммуникации и расширяют теоретические представления о функционировании отрицания в оценочных жанрах.

Ключевые слова: отрицание, отзыв о диссертации, коммуникативная стратегия, дискурсивная функция, этика экспертной оценки.

Для цитирования: Богинская О.А. «Не всегда ясно...»: коммуникативные стратегии отрицания в русскоязычных отзывах официальных оппонентов // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 12–30. DOI: 10.18721/JHSS.17302

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17302>

“IT’S NOT ALWAYS CLEAR...”: NEGATION STRATEGIES IN RUSSIAN DISSERTATION REVIEWS

O.A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation

 boginskayaoa@ex.istu.edu

Abstract. The study aims to develop a typology of the communicative strategies of negation. The typology is based on the concept of ‘ethics of expert evaluation’ as a system of conventional rules and limitations, which regulate evaluative activities of the expert. The relevance of this study stems, on the one hand, from the growing role of peer review in the modern academic certification system, and on the other, from the insufficient research into the communicative potential of negation in the genre of dissertation review. The corpus includes 60 Russian-medium reviews of dissertations. The study demonstrated that negation is a flexible rhetorical tool that allows for solving controlling the tone of criticism and maintaining a professional dialogue with the applicant. The distribution of negation functions between interactional (72.9 %) and interactive (27.1 %) types reflects two interrelated aspects of the expert’s evaluative activity. The predominance of interactional functions is associated with the need to manage interpersonal relationships, while the interactive functions serve the logical and argumentative aspect of the evaluation, structuring critique. The qualitative analysis revealed seven communicative strategies of negation: problematization, diplomacy, assertion of an expert position, communicative balance, refutation, epistemic categorization, and legitimation. The hierarchy of these strategies reflects the fundamental contradiction of the review genre: the opponent must be simultaneously a critic and a diplomat, an expert and an interlocutor. The results contribute to our understanding of the communicative strategies of scientific communication and expand theoretical understanding of the role of negation in evaluative genres.

Keywords: negation, dissertation review, communicative strategy, discursive function, ethics of expert evaluation.

Citation: Boginskaya O.A. “It’s not Always Clear...”: Negation Strategies in Russian Dissertation Reviews, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 12–30. DOI: 10.18721/JHSS.17302

Введение

Отзыв официального оппонента о диссертации представляет собой один из ключевых жанров научной коммуникации, который создается в ответ на диссертацию и является частью полилога с участием соискателя, оппонентов, членов диссертационного и экспертного советов [1]. Задача оппонента — дать объективную оценку исследованию, выявить сильные стороны работы, указать на недостатки, вовлечь соискателя в диалог через постановку проблемных вопросов. Эта многофункциональность накладывает определенные ограничения на языковое оформление. Эксперт обязан быть убедительным и одновременно дипломатичным, соблюдая нормы академической вежливости.

В российской лингвистике жанр отзыва официального оппонента исследовался в основном сквозь призму его институциональной природы и оценочной доминанты. Отсюда — закономерный интерес к средствам выражения оценки, механизмам хеджирования и бустинга, жанрово-композиционным особенностям этого ключевого элемента защиты. О.С. Баканова, проанализировав 50 отзывов, выделила типичные способы языкового выражения положительной оценки. Автор описала языковые средства, используемые как для усиления, так и для смягчения оценки, позволяющие оппоненту соблюдать этическое и психологическое равновесие в научной коммуникации, не нарушая норм академической вежливости и сохраняя объективность

суждения [2]. Обратившись к организационному аспекту жанра, Ю.А. Петренко обосновала двухуровневую структуру отзыва, включающую характеристику материала и его оценку. Исследователь справедливо подчеркивает, что репрезентация оценки жестко обусловлена параметрами институциональности, предписанными статусами и ролями участников [3].

Значительное внимание в исследованиях отзыва уделено также проблеме диалогичности и управления категоричностью оценки. В работе Е.Ю. Викторовой отмечается, что «официальный отзыв является важным звеном в научном взаимодействии, происходящем в процессе защиты диссертаций» [1, с. 373], а сама процедура защиты представляет собой гипержанр, в рамках которого отзыв выступает как реактивное образование, создаваемое в ответ на диссертацию. В работах, посвященных стратегиям хеджирования, Е.Ю. Викторова определила их как проявление диалогичности письменной научной речи, выявила различия между хеджами и бустерами [4, 5] и предложила типологию хеджинг-стратегий [6]. Аналогичные механизмы управления категоричностью оценки описаны и в [7, 8], где были выделены лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования и средства позиционирования, используемые оппонентами.

Анализ предыдущих исследований позволяет выделить несколько отличительных характеристик жанра отзыва, среди которых — реактивность, институциональность и диалогичность. Однако жанрообразующей доминантой остается оценочность. Без экспертного суждения о научной значимости работы отзыв превращается в аннотацию или информационную справку. Именно оценочность, эта эпистемическая оценка научного результата, определяет специфику отзыва. И именно здесь, в зоне пересечения оценки и институциональных ограничений, формируется коммуникативный потенциал отрицания. Потенциал, который до сих пор не был раскрыт.

Цель исследования — на материале русского языка разработать типологию коммуникативных стратегий отрицания, используемых в жанре отзыва официального оппонента. В работе используются две взаимодополняющие теоретические рамки. Модель дискурсивных функций отрицания К. Цзяна и К. Хайленда [5] представляет собой инструмент классификации. Она позволяет систематизировать случаи употребления отрицания по их формальным и семантическим характеристикам и отвечает на вопрос «Какую роль выполняет отрицание в высказывании?». Этика экспертной оценки, основывающаяся на понятиях «культуры отказа» и «эмотивной экологичности» языка, в свою очередь, представляет собой экспланаторный механизм, показывая, почему оппоненты выбирают те или иные стратегии.

Для достижения цели потребовалось решить несколько задач:

- 1) описать дискурсивные функции отрицания в корпусе текстов и выявить языковые средства их актуализации;
- 2) разработать типологию коммуникативных стратегий отрицания, используемых оппонентами;
- 3) установить корреляцию между выделенными стратегиями и дискурсивными функциями отрицания.

Теоретические основы исследования

Оценочность в научном дискурсе. Оценка — неотъемлемая характеристика научной деятельности [7, 9, 10]. Она обеспечивает строгость познания, участвует в конструировании нового знания и организует коммуникативное взаимодействие внутри научного сообщества [11, 12]. Однако было бы ошибкой полагать, что ее функции исчерпываются когнитивными задачами. В научном дискурсе оценка предстает как институционально-этическая практика [13], где выбор языковых средств определяется не только познавательными установками, но и нормами профессиональной этики. Это разграничение — между когнитивным и институционально-этическим — принципиально важно для анализа оценочных жанров. Именно здесь формируются

риторические стратегии, позволяющие эксперту совмещать объективность суждения с соблюдением коммуникативных конвенций.

Как показано в исследовании П.И. Кондратенко [14], экспертная оценка апеллирует не к субъективным предпочтениям, а к коллективно разделяемым дисциплинарным нормам и критериям научности. И это коренным образом отличает оценочную деятельность эксперта в науке от оценочных практик в других сферах. С.Т. Нефедов справедливо отмечает, что оценка есть не что иное, как лингвосемиотический и прагматический ресурс, который, с одной стороны, интегрирует участников дискурса в научную деятельность, а с другой — выступает сигналом их включенности в академическое профессиональное сообщество, скрепленное общими интересами и целями [10].

Таким образом, оценочность пронизывает научную деятельность на всех уровнях. Одним из ее инструментов выступает отрицание, на что, в частности, указывается в работе Е.С. Ключковой, отмечающей, что «в формировании оценочных смыслов воздействуют такие категории, как модальность, отрицание, квантификация, градуальность и т.п.» [15, с. 59]. Опираясь на исследование Е.С. Ключковой, можно заключить, что отрицание является одной из ключевых категорий, участвующих в модификации оценочного значения.

Отрицание как категория оценочности. Отрицание — одна из фундаментальных категорий языка. Его психологическое и, главное, логическое значение колоссально, ведь утверждение и отрицание взаимно обуславливают друг друга, а где нет утверждения, там нет и истины, там нет человеческой мысли [16].

В русском языке категория отрицания характеризуется сложной системой средств выражения. При этом есть показатель отрицания с максимально широкой сочетаемостью — частица *не*. Отрицание выражается также частицей *ни*, местоимениями и наречиями с *ни-* (*никто, ничто, никогда*), предикативными местоимениями с *не-* (*негде, некому*), словами *нет, нельзя* и другими предикативами, прилагательными и наречиями с префиксом *не-* (*невозможно, нежелательно, немного*) [17]. Кроме того, в русском языке существует и имплицитный способ выражения отрицания, который предполагает, что отрицательное значение содержится в семантике слова или в конструкции и не имеет формального выражения [18]. Однако нужно отметить, что в отличие от разговорного языка или языка художественной литературы случаи имплицитного отрицания в меньшей степени характерны для языка отзыва, где институциональность требует эксплицитности и формальной определенности оценочного суждения. Имплицитное отрицание, основанное на иронии, столь частое в разговорной речи, не соответствует требованиям институциональной прозрачности, поскольку не позволяет соискателю однозначно идентифицировать характер критического замечания. Именно поэтому в исследуемом корпусе доминирующую роль играют эксплицитные отрицательные конструкции, что повлияло на методологическое решение ограничить анализ только эксплицитными маркерами отрицания.

В научной коммуникации отрицание приобретает особую значимость. Оно участвует в позиционировании автора по отношению к высказыванию, в структурировании аргументации и в управлении межличностными отношениями. К. Цзян и К. Хайленд отмечают, что отрицание способствует проекции отношения автора к пропозициям и предвосхищению альтернативных мнений читателей [5]. М. Парвиз и Ц. Чжан добавляют, что отрицание, охватывающее широкий спектр формальных проявлений, выполняет в научном дискурсе важную функцию, связанную с выражением контраста, исключения и эпистемической позиции [19].

Особый интерес представляет функционирование отрицания в оценочных жанрах научного дискурса — рецензиях, отзывах, экспертных заключениях. Здесь оно становится одним из основных инструментов выражения критической позиции. Важное теоретическое наблюдение о механизме возникновения оценочных импликаций через отрицание было сделано С.Т. Нефедовым [20]. Исследуя немецкоязычный научный дискурс, он показал, что высказывания с

отрицанием служат для обозначения отклонения наличного положения дел от ожидаемого. Отсутствие ожидаемого, рассматриваемое в свете общепринятых конвенций, имплицитно негативную оценку. Этот механизм, как представляется, используется и в отзывах. Оппоненты, указывая на недостатки, именно так и строят свои замечания: они апеллируют к дисциплинарным нормам и констатируют их нарушение.

Однако для анализа того, как отрицание реализует свои оценочные функции, необходим более детальный инструментарий. Таким инструментарием выступает модель, предложенная К. Цзяном и К. Хайлендом [5].

Модель дискурсивных функций отрицания. Выбор этой модели методологически оправдан. Во-первых, в ней последовательно разграничиваются интерактивные и интеракциональные функции отрицания. Это членение охватывает оба основных измерения академического дискурса — логико-аргументативное, связанное со структурированием содержания, и интеракциональное, касающееся управления отношениями между участниками коммуникации. Во-вторых, эвристическая ценность модели подтверждена эмпирически в исследовании Ю. Юаня, Л. Лю и К. Цзяна [9], где она была применена к материалу англоязычных рецензий на статьи. Модель позволяет эксплицировать дифференциальные признаки выделяемых функций, опираясь на их формальные и семантические характеристики.

В русле данной модели выделяются два типа функций отрицания. К интерактивному типу относятся функции, связанные со структурированием дискурса, организацией информационных потоков и маркированием логических связей между элементами высказывания, — сопоставление, добавление и следствие. Сопоставление предполагает включение отрицания в контрастивные конструкции, сигнализируемые союзами и наречиями противительной семантики (*но, однако*), где отрицательный компонент участвует в противопоставлении двух или более элементов высказывания. Добавление реализуется в координативных структурах с кумуляцией отрицательных элементов (*ни... ни, повторяющееся не*), создающих эффект накопления и усиления отрицательного значения. Функция следствия указывает на отсутствие ожидаемого результата исследования или аргументации, причинно-следственной связи или корректности методологического решения, что придает высказыванию полемический характер.

Ко второму типу — интеракциональному, ориентированному на выражение субъективной позиции автора, — относятся функции маркирования отношения пишущего к пропозициональному содержанию и к адресату. Хеджирование предполагает комбинацию отрицания с эпистемическими маркерами (*не вполне, не совсем, не всегда*), выполняющими функцию смягчения категоричности высказывания. Усиление реализуется через сочетание отрицания с интенсификаторами (*абсолютно не, совершенно не*), что придает высказыванию повышенную степень категоричности и уверенности автора в своем суждении. Наконец, выражение оценки охватывает случаи употребления отрицания в конструкциях, эксплицирующих критическое отношение, согласие или несогласие (*не представляется убедительным, не вызывает сомнения*). В рамках данной функции выделяются пять типов реализации:

1) прямая оценка, которая представляет собой наиболее эксплицитный способ выражения оценочного отношения, характеризуется сочетанием отрицания с оценочным предикатом и служит констатации несоответствия работы дисциплинарным нормам (*не соответствует, не обоснован*);

2) дистанцированная оценка, коммуникативная функция которой — субъективизация оценки, снижение категоричности суждения, сохранение «лица» адресата (*не представляется, не кажется*);

3) литотическая оценка, усиливающая уверенность в справедливости суждения через отрицание возможности сомнения (*не вызывает сомнения*);

4) имплицитная оценка, констатирующая отклонения от нормы без формулировки прямой оценки (*не следует, не позволяют, невозможно*);

5) превентивная оценка, управляющая восприятием последующих критических замечаний и деинтенсифицирующая их негативный потенциал (*не умаляют достоинств*).

В табл. 1 представлены дискурсивные функции отрицания, проиллюстрированные примерами.

Таблица 1. Дискурсивные функции отрицания
Table 1. Discursive functions of negation

Дискурсивная функция	Описание	Пример
Сопоставление	Отрицательная конструкция входит в контрастивные структуры, маркируемые союзами и наречиями противительной семантики. Через контраст между заявленным и осуществленным фиксируется несоответствие работы дисциплинарным ожиданиям, что воспринимается как негативная оценка методологической последовательности или внутренней логики исследования.	<i>Автор обращается к данному материалу, но не дает его системного анализа.</i>
Добавление	Отрицательные элементы накапливаются в координативных конструкциях, создавая эффект кумулятивной критики. Последовательное перечисление отклонений от нормы создает эффект системного недостатка, усиливая негативный оценочный эффект.	<i>В работе не представлен обзор литературы по данной проблеме, не определены критерии отбора материала.</i>
Следствие	Отрицательная конструкция указывает на отсутствие, неполноту или несостоятельность того элемента исследования, который логически ожидается в рамках дисциплинарных норм и жанровых конвенций.	<i>Данный вывод не следует из представленного анализа.</i>
Хеджирование	Отрицательная конструкция сочетается с эпистемическими маркерами, выполняющими функцию смягчения категоричности высказывания. Создает градуальный эффект, оставляя пространство для диалога, частичного согласия и последующего уточнения позиции.	<i>Мы не вполне согласны с данным утверждением.</i>
Усиление	Отрицательная конструкция сочетается с интенсификаторами, выполняющими функцию усиления категоричности высказывания. Закрывает диалогическую перспективу, представляя оценку как безапелляционную.	<i>Данный подход абсолютно не обоснован.</i>
Выражение оценки	Отрицательная конструкция используется для формулирования оценочного суждения, выражающего критическое отношение, неудовлетворенность, согласие или несогласие оппонента с позицией соискателя. Непосредственно передает отношение оппонента к работе, ее отдельным аспектам или позиции автора.	<i>Не представляется убедительным...</i>

Поясню, что все выделенные функции отрицания в жанре отзыва так или иначе участвуют в реализации оценочности. Различие между ними состоит в том, как именно оценочность эксплицируется. Функция «выражение оценки» представляет собой наиболее прямой способ. Хеджирование и усиление градуируют категоричность оценки, смягчают или усиливают ее. Следствие, сопоставление и добавление указывают на отклонение от нормы, и сам этот акт указания в институциональном контексте экспертизы воспринимается как оценочный.

Следует, однако, подчеркнуть, что данная модель, будучи эффективным инструментом классификации, не дает ответа на вопрос, почему оппоненты выбирают ту или иную стратегию оценки. Для объяснения этого выбора необходимо обратиться к институциональным нормам и конвенциям, определяющим речевое поведение экспертов.

Этика экспертной оценки. Данное понятие развивает концепцию «культуры отказа», разрабатываемую в российской лингвистике В.Е. Чернявской [21]. Понятие «культура отказа» используется для описания социального и профессионального взаимодействия участников научного сообщества в условиях осознаваемой научной состязательности. Как отмечает исследователь, «непризнание результата, негативная критика являются неустраняемыми составляющими научной деятельности» [Там же, с. 958]. «Культура отказа» трактуется при этом как совокупность дискурсивных практик, в которых эксперты оказываются перед необходимостью совмещать объективную критическую оценку с поддержанием конструктивного тона, не усугубляя негативных последствий для профессиональной репутации коллеги.

В [22] констатируется, что академическая среда сама по себе есть не что иное, как культура отказа (*rejection culture*), а само слово *rejection*, по справедливому замечанию авторов, несет отчетливо негативный заряд. Н. Дей [23] идет дальше, отмечая, что для некоторых ученых отказы — это не просто досадная формальность, а эмоционально травмирующий опыт, способный ощутимо снизить творческую отдачу, продуктивность и профессиональное удовлетворение. Эти выводы, как легко заметить, вполне созвучны характеристике экспертной оценки как институциональной практики, в которой тональность критики становится тем самым решающим фактором — именно она определяет, как адресат воспримет вынесенное суждение [24].

Таким образом, в исследовательской традиции фиксируется, что экспертная оценка представляет собой не только фильтр качества, но и механизм идентификационного давления, требующий от участников научной коммуникации особых коммуникативных стратегий, позволяющих смягчать негативное воздействие критики на адресата.

«Культура отказа» в отзыве приобретает риторико-коммуникативный характер: она проявляется не в вердикте, а в способах выражения оценки. Во избежание теоретической несостоятельности использования понятия, которое по определению предполагает наличие институционального решения об отклонении, в данной работе предлагается использование понятия «этика экспертной оценки» для обозначения системы практических условий, ограничений и конвенций, регулирующих оценочное высказывание в жанре отзыва. Данное понятие не отменяет и не дублирует «культуру отказа», а дополняет и конкретизирует ее применительно к жанру отзыва, где институциональное решение об отказе отсутствует, а потребность в управлении критической оценкой сохраняется.

Кроме того, понятие этики экспертной оценки созвучно и концепции экологической эмотивности, разрабатываемой В.И. Шаховским, которая представляет собой защиту человека от деструктивного употребления языка. В.И. Шаховский формулирует этический принцип, регулирующий отношение к адресату: язык не должен травмировать человека [25]. Это уровень общей максимы, отвечающий на вопрос о том, как следует относиться к адресату. Однако в отличие от экологической эмотивности, которая задает общий вектор поведения говорящего, этика экспертной оценки формулирует конвенциональные правила и ограничения, которые регулируют поведение эксперта в строго заданном институциональном контексте. Она предлагает систему механизмов, которые непосредственно регулируют языковой выбор эксперта, отвечая на вопрос, с опорой на какие механизмы эксперт должен реализовать эти ограничения в своей речи. К числу таких механизмов можно отнести нормоцентричность оценки, то есть апелляцию не к субъективному мнению, а к коллективно разделяемым дисциплинарным нормам и критериям научности; сохранение «лица» адресата, предполагающее, что критическое замечание не будет ставить под сомнение его общую профессиональную компетентность; поддержание диалога, открывающее возможность ответной реакции соискателя; ситуативную допустимость категоричности лишь в исключительных случаях, когда работа вступает в очевидное противоречие с дисциплинарными стандартами.

Материал и методология исследования

Эмпирической базой настоящего исследования послужили отзывы официальных оппонентов, размещенные на официальных сайтах диссертационных советов российских университетов и научных организаций: Института филологии Сибирского отделения РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Кемеровского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Государственного университета просвещения и Челябинского государственного университета.

При формировании корпуса были применены три критерия отбора. Во-первых, в корпус включались исключительно отзывы о диссертациях на соискание ученой степени кандидата или доктора филологических наук, что позволило минимизировать междисциплинарные вариации. Во-вторых, анализу подвергались только отзывы официальных оппонентов, то есть те тексты, которые в системе диссертационной экспертизы выполняют функцию внешней независимой оценки и обладают наибольшей критической направленностью. В-третьих, временной диапазон — с 2020 по 2026 г. — позволил отразить современные практики экспертного дискурса.

На основе указанных критериев сформирован корпус из 60 отзывов. Этого объема, как представляется, достаточно для выявления устойчивых коммуникативных стратегий. В соответствии с этическими требованиями все персональные данные были удалены.

Анализ данных проводился в несколько этапов с использованием методов корпусной лингвистики и интерпретативного анализа.

- 1) Все отзывы, извлеченные с официальных сайтов, были преобразованы в текстовый формат.
- 2) Для автоматизированного поиска отрицательных конструкций использовалось программное обеспечение AntConc (Version 4.2.0). Сфера анализа ограничивалась только эксплицитными маркерами отрицания, поскольку имплицитные способы, как справедливо показано в [20], требуют иного аналитического инструментария и выходят за рамки настоящего анализа.
- 3) Все извлеченные случаи употребления отрицательных маркеров были подвергнуты ручной проверке. Поскольку предметом является коммуникативный потенциал отрицания в оценочных высказываниях, из анализа исключались случаи отрицания, не выполняющие оценочной функции: отрицание в составе устойчивых клишированных выражений (*нельзя не отметить*); отрицание в цитатах и примерах, приводимых оппонентом из текста диссертации; случаи двойного отрицания, где отрицательные маркеры взаимно нейтрализуются и не создают отрицательного смысла (*не мог не заметить*).
- 4) Для каждой функции отрицания и каждого маркера отрицания были подсчитаны абсолютные частотности и процент от общего числа.
- 5) На основе анализа дискурсивного окружения отрицательных маркеров были выделены коммуникативные стратегии отрицания. Каждая стратегия была соотнесена с соответствующей функцией используемой модели и механизмами этики экспертной оценки.

Результаты исследования

Результаты анализа частотности дискурсивных функций отрицания представлены в табл. 2.

В корпусе доминируют интеракциональные функции: почти три четверти всех случаев отрицания служат выражению позиции автора отзыва, тогда как на тексторганизирующие стратегии приходится немногим более 27%. Соотношение красноречивое. Оппоненты обращаются к отрицанию преимущественно тогда, когда задача связана с открытым выражением субъективного мнения и экспертной позиции.

В интерактивном контексте главное функциональное назначение отрицания — оспаривание методологической корректности, выявление несостоятельности интерпретационных решений,

Таблица 2. Частотность дискурсивных функций отрицания
Table 2. Frequency of the discursive functions of negation

Функция	Частотность	%
<i>Интерактивные функции</i>		
Следствие	31	13,1
Сопоставление	18	7,6
Добавление	15	6,4
	64	27,1
<i>Интеракционные функции</i>		
Выражение оценки	117	49,6
Усиление	6	2,5
Хеджирование	49	20,8
	172	72,9
Итого	236	100

демонстрация отсутствия ожидаемого результата. Именно этими задачами объясняется доминирование следствия в составе интерактивных функций. В интеракционном контексте, напротив, наиболее отчетливо заявляет о себе функция выражения оценки, охватывающая почти половину всех случаев. Подобное распределение не случайно: оно находится в полном соответствии с институциональным статусом оппонента, призванного осуществлять экспертизу научной значимости. Доля отрицательных конструкции с хеджами меньше. Это объясняется жанровыми ожиданиями: от официального оппонента требуется определенная степень прямоты и аргументированной категоричности. Избыточное смягчение рисковало бы быть истолкованным как неопределенность или уклончивость. Вместе с тем само наличие хеджирования свидетельствует о том, что соблюдение норм академической вежливости остается для оппонентов значимым фактором.

Частотность маркеров отрицания показана в табл. 3.

Таблица 3. Частотность маркеров отрицания
Table 3. Frequency of negation markers

Маркер	Частотность	%
Частица <i>не</i>	185	78,4
Префикс <i>не-</i> (невозможно, неясно, непонятно, нелогично, недостаточно, несбалансированный)	22	9,3
Местоимения <i>никакой</i> (-ая, -ие), <i>ничто</i>	12	5,4
Союз <i>ни... ни</i>	10	4,3
Предикатив <i>нет</i>	3	1,3
Наречия <i>нигде, никогда</i>	3	1,3
Всего	236	100

Здесь мы видим абсолютное доминирование частицы *не*, на долю которой приходится 78,4% всех выявленных случаев. Полученные данные коррелируют с выводами предшествующих исследований как в области русской грамматики [17, 18], так и в зарубежной лингвистике [5, 9, 19, 26], где базовые отрицательные операторы занимают сходное положение.

Ниже рассмотрим выделенные функции отрицания в рамках двух выделенных контекстов.

Интерактивные функции отрицания. Показательным в отношении следствия представляется следующий фрагмент, иллюстрирующий, как отрицание служит средством выявления методологических дефектов в диссертационном исследовании.

*Из приведенных данных **не следует** тот вывод, к которому приходит автор.*

Отрицание направлено не на эмпирические данные как таковые, а на их интерпретацию, что позволяет оппоненту оспаривать не факты, а сам способ их осмысления. Глагол *следует* с отрицанием сигнализирует о нарушении причинно-следственной связи, о разрыве между эмпирической базой и выводами. В этом отношении отрицание выступает как орудие проблематизации, как инструмент вскрытия несоответствия между декларируемым и реализованным. При этом отсутствие прямой оценочной лексики сохраняет за высказыванием статус объективной констатации, что и требуется жанровой природой отзыва.

Сопоставительное отрицание маркирует контрастивные отношения между элементами текста. В отзывах эта стратегия используется для указания на несоответствия или противоречия в работе:

*Объект исследования определен слишком обще, «...звучащая речь немцев (все-таки немцев?)»-мемонитов плодитч» (с.4) является скорее **не** объектом, а материалом исследования.*

Конструкция *скорее не X, а Y* реализует типичное для сопоставительного отрицания замещение одной категории другой. Вводимое наречием *скорее* смягчение не является случайным стилистическим нюансом, а представляет собой осознанный прием деинтенсификации, благодаря которому критика из констатации ошибки превращается в рекомендацию по уточнению терминологического аппарата. Вопросительная вставка (*все-таки немцев?*) дополнительно переводит замечание из регистра безапелляционного утверждения в регистр уточняющего вопроса. Подобные ходы выполняют двойную функцию: они позволяют эксперту указать на нарушение дисциплинарных конвенций, не подвергая сомнению общую компетентность соискателя и не блокируя возможность дальнейшего диалога.

Отрицание в контексте добавления реализуется в координативных конструкциях, накапливающих отрицания (*ни... ни, повторяющееся не*):

*В работе **не представлен** критический анализ источников, **не обоснован** выбор методов исследования.*

Отрицание повторяется дважды, создавая эффект кумулятивной критики. Каждое отрицание само по себе — полноценное замечание, но их последовательное перечисление усиливает общее впечатление методологической несостоятельности. Оба отрицания относятся к одному объекту (*в работе*), создавая единое негативное поле. Как показал анализ, эта стратегия используется относительно редко, поскольку накопление критики может восприниматься как излишне жесткое.

Интеракционные функции отрицания. Среди интеракционных функций наиболее частотной, как показывают полученные данные, оказалось выражение оценки. Оппоненты, как правило, прибегают к отрицанию для формулирования критических суждений, открыто выражая свое отношение к рецензируемой работе:

***Не представляется** убедительным решение автора исключить из анализа значительный пласт материала.*

Здесь отрицание реализует дистанцированную оценку через конструкцию с глаголом субъективного восприятия не представляется, создающим эффект отстраненности. В.Е. Чернявская определяет такую стратегию как “non-attendance of first-person pronouns in peer-reviewer’s identification” [27] (отказ от авторизации от первого лица), цель которой — объективация оценки с помощью выведения субъекта речи из высказывания. Суть данной стратегии заключается в том, что рецензент сознательно избегает использования местоимений первого лица и заменяет их безличными или дистанцированными конструкциями. Это позволяет представить оценку не как личное мнение эксперта, а как вывод, основанный на разделяемых дисциплинарных нормах, что объективирует суждение и придает ему дополнительный авторитет. Конструкция

не представляется выводит субъекта речи из высказывания, создавая эффект отстраненности, но при этом сама структура оценки имплицитно указывает на то, что решение соискателя не соответствует ожиданиям эксперта.

Внимания заслуживает пример, в котором оценка в отрицательной конструкции служит эпистемической категоризации:

*Данные факты, по нашему мнению, **не требуют** проверки и доказательства при помощи научных методов.*

Функция здесь — не просто констатация отсутствия необходимости проверки, а категоризация знания. Отрицание разделяет факты на те, которые требуют проверки (сомнительные, новые), и те, которые в этом не нуждаются (очевидные, аксиоматические).

Наконец, пример, характерный для жанра, где отрицание выполняет превентивную функцию.

*Нижеследующие критические размышления, комментарии, вопросы и рекомендации **не умаляют** достоинств рассматриваемого научного сочинения.*

Оппонент, предвзяв критику, прибегает к специальной оговорке, цель которой — деинтенсификация потенциально негативного восприятия последующих замечаний. Такая превентивная риторика, в терминах Т.В. Лариной, представляет собой «коммуникативный подарок» [28] — своеобразный аванс доброжелательности, который эксперт дарит автору, заранее признавая достоинства работы. Такая превентивная риторика отвечает жанровой потребности в балансе между критикой и признанием достоинств [27]. Отрицательная конструкция — это уже не просто критика, а метаоценка. Оппонент оценивает собственные замечания: они достоинств работы не умаляют.

И здесь — следующий пример, не менее показательный:

***Не вызывает** сомнения мысль о том, что структура текста-стимула имплицитно оказывает влияние на структуру текста-реакции.*

Перед нами — литота. Утверждение формулируется через отрицание противоположного. Отрицание здесь не смягчает, как можно было бы подумать. Напротив — усиливает. Уверенность тем выше, чем категоричнее отрицается возможность сомнения.

Еще один пример, где отрицание реализовано двумя маркерами, усиливающими друг друга:

*Высказанные же по ходу отзыва замечания являются **не более чем** очень частными репликами, **никак не** влияющими на целиком и полностью положительный финальный вывод.*

Рассматриваемый фрагмент также репрезентирует собой реализацию превентивной функции отрицания. Оппонент, завершая экспертизу, прибегает к самоограничению статуса собственных критических реплик, квалифицируя их как *не более чем частные*. Тем самым блокируется сама возможность интерпретации высказанных замечаний в качестве основания для пересмотра положительного вердикта. Данный риторический ход решает одновременно несколько институционально значимых задач. Во-первых, он обеспечивает сохранение «лица» адресата, поскольку недостатки работы подаются как не имеющие системного характера. Во-вторых, он поддерживает диалогическую перспективу, нейтрализуя негативный потенциал критики и не оставляя у соискателя ощущения несправедливости. В-третьих, он аргументативно укрепляет финальное заключение, делая его безусловным и непротиворечивым. В терминах этики экспертной оценки данный ход представляет собой концентрированное воплощение двух ее фундаментальных механизмов — сохранения «лица» адресата и поддержания диалога. Отрицание здесь выступает не столько как логическая операция, сколько как риторический инструмент управления восприятием критики, обеспечивающий гармоничное завершение институционального взаимодействия.

Иную задачу решают отрицательные конструкции с хеджами на уровне отдельных оценочных суждений. Здесь отрицание работает не с восприятием критики в целом, а с интенсивностью каждого конкретного замечания. Задача хеджирующего отрицания — смягчить, сделать критику

менее резкой, представить недостатки диссертационного исследования менее заметными и значимыми, уменьшая интенсивность проявления оценочного признака и указывая на неабсолютный характер оценки [8]. Тем самым на микроуровне реализуется тот же принцип сохранения «лица» адресата и поддержания диалога, но уже в рамках отдельного высказывания, а не всего текста отзыва в целом.

Не вполне соглашусь с трактовкой автора, но признаю ее оригинальность.

Сочетание частицы *не* с наречием *вовне* имеет градуальный эффект. Несогласие оказывается частичным, оставляющим пространство для диалога. Противопоставительный союз *но* вводит компенсирующую часть: признание оригинальности, что уравнивает критику. Хеджирование здесь — не просто стилистический прием. Оппонент сохраняет институциональную функцию критика, но не переходит в конфронтацию.

Вот еще один пример из той же серии:

Во-вторых, в тексте не всегда приведены ссылки на страницы источников.

В отличие от категоричного отрицания, указывающего на недостаток прямо, здесь он представлен как регулярный, а не как абсолютный. П.И. Кондратенко [29] отнесла подобные конструкции к ядерным средствам деинтенсификации. Они позволяют эксперту указать на проблему, сохраняя объективность и избегая излишней категоричности.

Особого внимания заслуживает пример, где смягчение достигается синтаксической конструкцией:

Если в китайском языке практически отсутствуют нейтральные определения запаха, то не формирует ли это особую «антропоцентрическую негативную ольфакторную картину мира»?

Риторический вопрос позволяет оппоненту не столько вынести вердикт, сколько обозначить проблемное поле для совместного обсуждения — представить критическое суждение как альтернативное мнение [27]. В терминах этики экспертной оценки в данном примере реализуется механизм поддержания диалога, поскольку соискатель оказывается не пассивным получателем критики, а активным участником обсуждения, что способствует сохранению его профессионального «лица».

И, наконец, функция усиления. В корпусе она представлена сравнительно небольшим числом случаев.

Предложенная классификация абсолютно не соответствует традициям отечественной школы.

Наречие *абсолютно* усиливает отрицание до предельной степени категоричности, исключая какую бы то ни было возможность компромисса или частичного согласия. Примечательно, что оппонент в данном случае апеллирует не к своему субъективному мнению, а к устоявшейся научной традиции, что придает высказыванию дисциплинарную значимость и одновременно снижает его уязвимость для оспаривания. Усиливающее отрицание маркирует, таким образом, ситуацию, в которой, по убеждению оппонента, работа вступает в серьезное противоречие с общепринятыми в дисциплине нормами. Сходный механизм обнаруживается и в следующем примере:

Данный подход отнюдь не является новым в лингвистике.

Наречие *отнюдь* выполняет функцию усиления отрицания, создавая эффект дезавуирования: оппонент решительно отвергает претензию на научную новизну, не оставляя пространства для дискуссии. Такая конструкция может быть воспринята как нарушение норм академической вежливости.

В процессе кодирования отрицательных конструкций в корпусе отзывов были выявлены случаи, которые не поддавались однозначной категоризации в рамках используемой модели. Ниже представлен один из наиболее репрезентативных примеров.

Автор ни в первой, ни во второй части работы не дает развернутого определения ключевого термина, хотя во введении заявляет о необходимости терминологической четкости.

Здесь можно выделить три функции отрицания – добавление (кумулятивное отрицание), следствие (отсутствие ожидаемого результата), сопоставление (контраст между заявлением и реальностью). Представляется, что доминирующей функцией отрицания здесь является следствие, поскольку основная интенция оппонента – указать на отсутствие определения ключевого термина (отклонение от нормы). Добавление (*ни... ни*) усиливает эффект системности недостатка, а сопоставление подчеркивает противоречие.

На основе рассмотренных выше функций, отвечающих на вопрос, какую роль выполняет отрицание в оценочном жанре, были выделены коммуникативные стратегии, показывающие, с какой целью отрицание используется (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение коммуникативных стратегий, дискурсивных функций отрицания и механизмов этики экспертной оценки
Table 4. Correlation between the communicative strategies, the discursive functions of negation and the expert evaluation ethics mechanisms

Коммуникативная стратегия	Функция отрицания	Механизм этики экспертной оценки
Проблематизация	Следствие Добавление Сопоставление Выражение прямой оценки	Нормоцентричность
Дипломатизация	Хеджирование	Сохранение «лица» адресата, поддержание диалога
Дистанцирование	Выражение дистанцированной оценки	Нормоцентричность
Коммуникативный баланс	Выражение превентивной оценки Хеджирование	Поддержание диалога
Опровержение	Усиление	Ситуативная допустимость категоричности
Эпистемическая категоризация	Выражение имплицитной оценки	Нормоцентричность
Легитимация	Выражение литотической оценки	Сохранение «лица» адресата

Соотношение коммуникативных стратегий и дискурсивных функций не является однозначным: одна и та же функция может воплощать разные стратегии, и, напротив, одна стратегия может реализоваться через разные функции. Так, функция «выражения оценки» оказывается наиболее гибкой: в зависимости от подтипа реализации (прямая, дистанцированная, литотическая, имплицитная, превентивная) она может быть задействована в стратегиях проблематизации, дистанцирования, коммуникативного баланса, эпистемической категоризации и легитимации. Хеджирование, в свою очередь, реализует как стратегию дипломатизации, так и стратегию коммуникативного баланса. Напротив, интерактивные функции участвуют только в реализации стратегии проблематизации, что объясняется их логико-аргументативной природой. Усиление коррелирует исключительно со стратегией опровержения, что делает эту стратегию наиболее категоричной и, как следствие, наименее частотной.

Добавлю, что представленная иерархия стратегий отражает не столько жесткое закрепление функций за стратегиями, сколько зоны их пересечения, где выбор конкретного языкового средства определяется коммуникативной задачей и контекстуальными факторами. Именно это пересечение и есть пространство этики экспертной оценки. Оппонент должен критиковать. Но – сохраняя конструктивный тон. Это противоречие пытаются разрешить ядерные стратегии – проблематизация и дипломатизация, – которые непосредственно реализуют два механизма: нормоцентричность и сохранение «лица» адресата. Периферийные же актуализируются в исключительных случаях.

Используя стратегию проблематизации, оппонент апеллирует не к своему субъективному мнению, а к дисциплинарным нормам, к стандартам аргументации. Указывая на отсутствие логических связей или на методологические просчеты или прямо констатируя несоответствие работы дисциплинарным нормам, он действует строго в рамках предписанной роли.

Дипломатизация задействует механизмы сохранения «лица» адресата и поддержания диалога. Хедж в отрицательной конструкции придает высказыванию градуальный характер, вследствие чего критика утрачивает безапелляционность и трансформируется в приглашение к дискуссии, защищая адресата от деструктивного воздействия [25]. Указанное построение позволяет оппоненту сохранять критическую функцию, не переходя в открытую конфронтацию.

На втором уровне — дистанцирование, коммуникативный баланс и легитимация. Они реализуют институциональный статус оппонента как эксперта, уполномоченного выносить суждения о научной значимости работы, и обеспечивают управление восприятием критики. Их частотность ниже, чем у первых двух, но они остаются значимыми, поскольку без них оппонент не мог бы в полной мере реализовать свою экспертно-оценочную функцию. Как и стратегия проблематизации, дистанцирование реализует механизм нормоцентричности. Посредством дистанцированных оценочных конструкций (*не представляется, не кажется*) оппонент представляет оценку как вывод, основанный на профессиональном опыте и на разделяемых дисциплинарных нормах, что позволяет сохранять авторитет суждения, не вступая в открытое противостояние с автором работы. Несмотря на формальное использование глаголов субъективного восприятия, эти конструкции не столько выражают личное мнение, сколько объективируют его, выводя субъекта речи из высказывания и создавая эффект отстраненности. Именно эта отстраненность и позволяет сохранять авторитет суждения, не вступая в открытое противостояние с автором работы.

Стратегия коммуникативного баланса функционирует на метауровне, реализуя механизм поддержания диалога через превентивную риторику. Оппонент, как правило, предваряет развернутый блок критики специальной оговоркой, цель которой состоит в деинтенсификации потенциально негативного восприятия последующих замечаний и в эксплицитном признании бесспорных достоинств рецензируемого труда. Данная стратегия реализуется через конструкции, отрицающие снижение ценности работы в силу высказываемых замечаний (*не умаляют достоинств*), что позволяет оппоненту сглаживать острые углы и предотвращать конфликтную интерпретацию последующих критических суждений.

Наконец, стратегия легитимации реализует механизм сохранения «лица» адресата через литотическое утверждение (*не вызывает сомнения*). Отрицание здесь — это уже не критика. Это инструмент консенсуса и поддержки. Признание достоинств работы создает тот самый коммуникативный фон, который смягчает восприятие последующих замечаний.

На периферии — стратегии опровержения и эпистемической категоризации. Опровержение — предельный случай, ситуативная допустимость категоричности. К усиливающему отрицанию оппонент прибегает только тогда, когда работа вступает в очевидное противоречие с дисциплинарными стандартами. Но и в этом случае — анализ это подтверждает — апелляция обращена не к субъективному мнению, а к дисциплинарным нормам.

Эпистемическая категоризация принципиально отличается от прочих стратегий: объектом ее является не критика как таковая, а разграничение знания по его эпистемическому статусу — очевидное / неочевидное, доказуемое / недоказуемое, требующее проверки / не требующее проверки. Соответственно, и коммуникативная задача, решаемая данной стратегией, носит иной характер: оппонент не столько указывает на недостаток, сколько определяет статус того или иного элемента научного знания. Преимущественно такая необходимость возникает при оценке методологической обоснованности работы либо при определении границ применимости полученных результатов. Низкая частотность эпистемической категоризации в исследуемом корпусе

обусловлена рядом системных факторов. Во-первых, в жанре отзыва центральной коммуникативной задачей является либо выявление недостатков (стратегия проблематизации), либо подтверждение достоинств (стратегия легитимации). Оппонент, как правило, сосредоточен на том, что соискатель не учел, упустил или допустил методологический просчет, а не на констатации того, что некое положение не требует доказательств. Во-вторых, даже в тех случаях, когда оппонент мог бы прибегнуть к эпистемической категоризации, он нередко выбирает иные стратегии, позволяющие выразить ту же интенцию с дополнительным прагматическим эффектом. Так, вместо констатации «это положение не требует доказательства» оппонент выбирает легитимацию (*не вызывает сомнения*), которая не только констатирует статус знания, но и оказывает адресату коммуникативную поддержку. Таким образом, низкая частотность эпистемической категоризации обусловлена жанровой спецификой отзыва.

Заключение

Выделенные стратегии отрицания — это не что иное, как конкретные экспликации механизмов оценки. Каждая из семи стратегий по-своему — и это важно подчеркнуть — реализует институциональную логику экспертного оценивания. Даже стратегия опровержения не выходит за рамки налагаемых ограничений, поскольку оппонент апеллирует не к субъективному мнению, а к дисциплинарным нормам. И это — решающий аргумент, подтверждающий институциональную природу его высказывания. Низкая частотность опровержения — не случайность: система ограничений регулирует речевое поведение экспертов. Допускает категоричность — но только в исключительных случаях.

Предложенная типология стратегий отрицания эксплицирует те лингвосомиотические механизмы, посредством которых участники научной коммуникации реализуют институциональные задачи, опираясь на механизмы этики экспертной оценки. Поскольку каждое сообщение должно обладать терапевтическим воздействием [30], осознанный выбор стратегии отрицания позволит оппоненту совместить объективность критики с сохранением психологического комфорта адресата.

Таким образом, исследование вносит вклад в понимание того, как абстрактные категории языка оказываются вовлечены в конструирование социально значимых смыслов в рамках институционально регламентированных жанров. В работе развиваются два взаимосвязанных теоретических направления. Во-первых, конкретизируется концепция «культуры отказа» путем помещения в фокус анализа конкретных языковых механизмов экспертизы в жанре отзыва официального оппонента. Во-вторых, исследование вписывается в проблематику эмотивной лингвоэкологии, демонстрируя, каким образом выбор стратегий отрицания позволяет оппоненту защитить адресата от деструктивного воздействия критики, сохраняя при этом необходимую объективность суждения. Кроме того, в работе демонстрируется эвристический потенциал модели К. Цзяна и К. Хайленда применительно к русскоязычному материалу, что открывает перспективы для ее дальнейшей адаптации при анализе других оценочных жанров академического дискурса.

Типология коммуникативных стратегий отрицания, разумеется, не является исчерпывающей. Выявленные семь стратегий отражают те закономерности, которые были установлены на материале лишь 60 отзывов официальных оппонентов по филологическим наукам. Однако очевидно, что как внутри данной дисциплины, так и за ее пределами могут существовать иные стратегии, не вошедшие в предложенную типологию, или же выделенные стратегии могут получать специфическую реализацию в других научных областях. Поэтому перспективы исследования видятся в двух направлениях. Во-первых, расширение корпуса за счет отзывов по другим научным специальностям позволило бы верифицировать универсальность выделенных стратегий, выявить возможные дисциплинарные различия в их реализации и расширить их число.

Во-вторых, поскольку в фокусе настоящего исследования находились только эксплицитные средства отрицания, за рамками анализа остался обширный пласт имплицитных способов. Его описание могло бы дополнить картину коммуникативных стратегий отрицания. В совокупности эти направления, на наш взгляд, способны существенно расширить сложившиеся представления о роли отрицания в экспертной оценке. В-третьих, дальнейшее развитие исследования может быть связано с расширением корпуса за счет отрицательных отзывов, что позволит описать более полный спектр стратегий отрицания, используемых в практике диссертационной экспертизы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Викторова Е.Ю.** Хеджирование в письменной научной речи как проявление ее диалогичности (на материале отзывов о диссертации) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24. Вып. 4. С. 371–378. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-4-371-378
2. **Баканова О.С.** Особенности выражения положительной оценки в научном тексте (на материале официальных отзывов оппонентов о диссертации) // Мир русского слова. 2019. № 2. С. 37–41. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12037
3. **Петренко Ю.А.** Отзыв как жанр академического дискурса и его основные характеристики (на примере отзывов на диссертации и авторефераты диссертаций) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 11. С. 262–267. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.55
4. **Викторова Е.Ю.** Хеджи vs бустеры: коммуникативное смягчение и усиление в жанре официального отзыва на диссертацию // Жанры речи. 2023. Т. 18. № 2 (38). С. 126–131. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131
5. **Jiang F., Hyland K.** “The datasets do not agree”: Negation in research abstracts // English for Specific Purposes. 2022. Vol. 68. P. 60–72. DOI: 10.1016/j.esp.2022.06.003
6. **Викторова Е.Ю.** Хеджинг-стратегия в оценочном научном дискурсе: междисциплинарное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23. № 1. С. 5–17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.1.1
7. **Boginskaya O.A.** Linguistic insights into attitudinal stance in Russian philology thesis reviews // Training, Language and Culture. 2024. Vol. 8, № 3. P. 95–104. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-95-104
8. **Богинская О.А.** Лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования в русском языке: опыт анализа отзывов о диссертации // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 18–32. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32
9. **Yuan Y., Liu L., Jiang F.** When reviewers negate and authors navigate: Negation in peer review comments and author responses // English for Specific Purposes. 2025. Vol. 80. P. 31–43. DOI: 10.1016/j.esp.2025.05.008
10. **Нефёдов С.Т.** Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 4. С. 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408
11. **Hood S.** Appraising Research: Evaluation in Academic Writing. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. XI, 227 p. DOI: 10.1057/9780230274662
12. **Hyland K., Diani G.** Introduction: Academic evaluation and review genres. Academic evaluation: Review genres in university settings / ed. by K. Hyland, G. Diani. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. DOI: 10.1057/9780230244290_1
13. **Ellinger A., Jonsson P., Chapman K., Ellinger A.E.** The Ideal Review Process Is a Three-Way Street // Human Resource Development Review. 2023. Vol. 22. Iss. 2. P. 251–274. DOI: 10.1177/1534-4843231170030
14. **Кондратенко П.И.** Лингвокультурные особенности оценивания в научно-экспертной коммуникации (на материале немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий) // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207

15. **Ключкова Е.С.** Стратегии оценки в открытой научной рецензии: полярность оценки и вариативность ее репрезентации // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16. № 2. С. 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204
16. **Пешковский А.М.** Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.
17. **Падучева Е.В.** Отрицание // *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Грамматические категории и синтаксические классы* / отв. ред. В.А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 285–338.
18. **Бондаренко В.Н.** Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212 с.
19. **Парвиз М., Чжан Ц.** Отрицание в аннотациях диссертаций английских, китайских и иранских авторов в кросс-культурном аспекте // *Russian Journal of Linguistics*. 2025. Т. 29. № 3. С. 513–537. DOI: 10.22363/2687-0088-42981
20. **Нефедов С.Т.** Катализаторы оценки: как распознать оценочные смыслы // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 11. С. 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945
21. **Чернявская В.Е.** Культура отказа в научной коммуникации: семантика и прагматика отрицательной оценки в экспертизе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024. Т. 21. № 4. С. 956–975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411
22. **Allen K.-A., Gregory D.M., Saeed P., Shane J.R., Hattie J.** Addressing academic rejection: Recommendations for reform // *Journal of University Teaching and Learning Practice*. 2020. Vol. 17. Iss. 5. Art. no. 19. DOI: 10.53761/1.17.5.18
23. **Day N.E.** The Silent Majority: Manuscript Rejection and Its Impact on Scholars // *Academy of Management Learning & Education*. 2011. Vol. 10. Iss. 4. P. 704–718. DOI: 10.5465/amle.2010.0027
24. **Horn S.A.** The Social and Psychological Costs of Peer Review: Stress and Coping With Manuscript Rejection // *Journal of Management Inquiry*. 2016. Vol. 25. Iss. 1. P. 11–26. DOI: 10.1177/1056492615586597
25. **Шаховский В.И.** Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015 № 1. С. 11–19.
26. **Sun S.A., Crosthwaite P.** “The findings might not be generalizable”: Investigating negation in the limitations sections of PhD theses across disciplines // *Journal of English for Academic Purposes*. 2022. Vol. 59. Art. no. 101155. DOI: 10.1016/j.jeap.2022.101155
27. **Chernyavskaya V.E.** To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews // *Training, Language and Culture*. 2023. Vol. 7. Iss. 2. P. 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63
28. **Ларина Т.В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 507 с.
29. **Кондратенко П.И.** (Де)интенсификаторы оценок на службе вежливой научно-экспертной коммуникации: лингвокультурные особенности // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Т. 13. С. 63–81. DOI: 10.21638/spbu33.2023.103
30. **Ларина Т.В.** Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // *Вопросы психолингвистики*. 2019. Т. 1. № 39. С. 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57

REFERENCES

- [1] **Viktorova E.Y.**, Hedging in written academic discourse as manifestation of its dialogue nature (based on dissertation reviews), *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 24 (4) (2024) 371–378. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-4-371-378
- [2] **Bakanova O.S.**, Peculiarities of expression of a positive evaluation in scientific text: on the basis of reviews of official opponents of the thesis, *World of the Russian Word*, 2 (2019) 37–41. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12037
- [3] **Petrenko Y.A.**, Basic Characteristics of Review as Academic Discourse Genre (by the Material of Reviews on Theses and Author’s Abstracts), *Philology. Theory & Practice*, 13 (11) (2020) 262–267. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.55

- [4] **Viktorova E.Y.**, Article Hedges vs boosters: Communicative mitigation and enhancement in the genre of dissertation review, *Speech Genres*, 18 (2 (38)) (2023) 126–131. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131
- [5] **Jiang F., Hyland K.**, “The datasets do not agree”: Negation in research abstracts, *English for Specific Purposes*, 68 (2022) 60–72. DOI: 10.1016/j.esp.2022.06.003
- [6] **Viktorova E.Y.**, Transdisciplinary Study of Hedging Strategy in Evaluative Academic Discourse, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 23 (1) (2024) 5–17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.1.1
- [7] **Boginskaya O.A.**, Linguistic insights into attitudinal stance in Russian philology thesis reviews, *Training, Language and Culture*, 8 (3) (2024) 95–104. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-95-104
- [8] **Boginskaya O.A.**, Russian lexical and syntactic hedges in dissertation reviews, *Russian Language Studies*, 21 (1) (2023) 18–32. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32
- [9] **Yuan Y., Liu L., Jiang F.**, When reviewers negate and authors navigate: Negation in peer review comments and author responses, *English for Specific Purposes*, 80 (2025) 31–43. DOI: 10.1016/j.esp.2025.05.008
- [10] **Nefedov S.T.**, The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18(4) (2022) 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408
- [11] **Hood S.**, *Appraising Research: Evaluation in Academic Writing*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2010. DOI: 10.1057/9780230274662
- [12] **Hyland K., Diani G.**, Introduction: Academic evaluation and review genres. *Academic evaluation: Review genres in university settings*, ed. by K. Hyland, G. Diani, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2009. DOI: 10.1057/9780230244290_1
- [13] **Ellinger A., Jonsson P., Chapman K., Ellinger A.E.**, The Ideal Review Process Is a Three-Way Street, *Human Resource Development Review*, 22 (2) (2023) 251–274. DOI: 10.1177/15344843231170-030
- [14] **Kondratenko P.I.**, Linguistic and cultural features of evaluation in academic expert communication (based on German and Russian academic reviews in Linguistics), *Terra Linguistica*, 13 (2) (2022) 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207
- [15] **Klochkova Ye.S.**, Evaluation strategies in open peer-review: Polarity of evaluation and representational variability, *Terra Linguistica*, 16 (2) (2025) 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204
- [16] **Peshkovskiy A.M.**, *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian Syntax from a Scientific Perspective]*, 7th ed., Uchpedgiz, Moscow, 1956.
- [17] **Paducheva Ye.V.**, *Otritsaniye [Negation], Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Grammaticheskiye kategorii i sintaksicheskiye klassy [Materials for a Corpus-Based Grammar of Russian: Grammatical Categories and Syntactic Classes]*, ed. by V.A. Plungyan, Nestor-Istoriya, St. Petersburg, 2020, pp. 285–338.
- [18] **Bondarenko V.N.**, *Otritsaniye kak logiko-grammaticheskaya kategoriya [Negation as a logical-grammatical category]*, Nauka, Moscow, 1983.
- [19] **Parviz M., Zhang Q.**, Negation in thesis and dissertation abstracts by English, Chinese, and Iranian writers from a cross-cultural perspective, *Russian Journal of Linguistics*, 29 (3) (2025) 513–537. DOI: 10.22363/2687-0088-42981
- [20] **Nefedov S.T.**, Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 15 (11) (2022) 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945
- [21] **Chernyavskaya V.E.**, Culture of rejection in scientific communication: Semantics and pragmatics of negative evaluative language in peer-review, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21 (4) (2024) 956–975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411
- [22] **Allen K.-A., Gregory D.M., Saeed P., Shane J.R., Hattie J.**, Addressing academic rejection: Recommendations for reform, *Journal of University Teaching and Learning Practice*, 17 (5) (2020) 19. DOI: 10.53761/1.17.5.18
- [23] **Day N.E.**, The Silent Majority: Manuscript Rejection and Its Impact on Scholars, *Academy of Management Learning & Education*, 10 (4) (2011) 704–718. DOI: 10.5465/amle.2010.0027
- [24] **Horn S.A.**, The Social and Psychological Costs of Peer Review: Stress and Coping With Manuscript Rejection, *Journal of Management Inquiry*, 25 (1) (2016) 11–26. DOI: 10.1177/1056492615586597

[25] **Shakhovsky V.I.**, Ecological Compatibility Mode in Emotional Communication, Russian Journal of Linguistics, 1 (2015) 11–19.

[26] **Sun S.A., Crosthwaite P.**, “The findings might not be generalizable”: Investigating negation in the limitations sections of PhD theses across disciplines, Journal of English for Academic Purposes, 59 (2022) 101155. DOI: 10.1016/j.jeap.2022.101155

[27] **Chernyavskaya V.E.**, To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews, Training, Language and Culture, 7 (2) (2023) 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63

[28] **Larina T.V.**, Kategoriya veshlivosti i stil kommunikatsii: Sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy [The Category of Politeness and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions], Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, 2009.

[29] **Kondratenko P.I.**, Evaluative (de)intensifiers in the service of polite academic expert communication: linguistic and cultural specifics, German Philology at the St Petersburg State University, 13 (2023) 63–81. DOI: 10.21638/spbu33.2023.103

[30] **Larina T.V.**, Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review, Journal of Psycholinguistics, 1 (39) (2019) 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Богинская Ольга Александровна

Olga A. Boginskaya

E-mail: boginskayaoa@ex.istu.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Поступила: 15.07.2026; Одобрена: 19.08.2026; Принята: 30.08.2026.

Submitted: 15.07.2026; Approved: 19.08.2026; Accepted: 30.08.2026.

Научная статья

УДК 81'42:316.77

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17303>

EDN: <https://elibrary/VYTNLN>

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК МАРКЕР ЯЗЫКОВОГО ВКУСА ЭПОХИ В МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ МЕДИАТЕКСТОВ)

М. Гладко

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь

 mgladko29@gmail.com

Аннотация. В современном медиадискурсе социальные, политические, культурные события все чаще описываются через психотерапевтическую лексику, которая служит для аудитории готовым языком интерпретации реальности, оценки и осмысления событий. В статье исследуется функционирование психотерапевтической лексики на материале белорусских газетных и телевизионных онлайн-текстов за период 2021–2026 гг. Методология исследования включает контекстуальный, дистрибутивный, лингвопрагматический, сопоставительный анализы, тематическое кодирование. Установлено, что, несмотря на тематическую специализацию с максимальной концентрацией в сферах межличностных отношений и трудовой деятельности, психотерапевтическая лексика фиксируется в различных тематических доминантах медиатекста, включая те, которые напрямую не связаны с психологической проблематикой (политика, экономика, экология, спорт и т.д.). Регулярная встречаемость, даже при невысокой плотности, свидетельствует об экспансии и универсализации психотерапевтической лексики как инструмента интерпретации и оценки социальных, политических процессов. Выделены шкалы расширения ее синтагматических связей (тематическая, градуальная («конкретное — абстрактное»), темпоральная, «частное — общее» («индивидуальное — коллективное»), «узвальное — окказиональное» («стандартное — креативное»)). В медиадискурсе психотерапевтическая лексика вступает в сочетания с существительными различных семантических групп (зоонимы, институциональная сфера, номинирующие социально-психологические понятия, ресурсные категории, бытовые объекты, аффективные состояния), что свидетельствует о ее лингвокреативном потенциале. В статье обосновывается, что психотерапевтическая лексика выступает универсальным инструментом интерпретации действительности, эмоциональной оценки и лингвокреативной игры, а ее регулярное употребление формирует в медиадискурсе психологизированный языковой вкус. На основе объективных показателей разработана шкала устойчивости/укорененности лексики в медиадискурсе, позволяющая количественно оценить степень внедренности психотерапевтической лексики и интерпретировать ее как маркер языковой моды.

Ключевые слова: медиадискурс, белорусские СМИ, языковая мода, психотерапевтическая культура, психотерапевтическая лексика, лексическая сочетаемость, прагматические функции.

Для цитирования: Гладко М. Психотерапевтическая лексика как маркер языкового вкуса эпохи в медиадискурсе (на материале белорусских медиатекстов) // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 31–52. DOI: 10.18721/JHSS.17303

THERAPY SPEAK AS A MARKER OF THE LANGUAGE TASTE OF THE ERA IN MEDIA DISCOURSE (BASED ON BELARUSIAN MEDIA TEXTS)

M. Gladko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

mgladko29@gmail.com

Abstract. In contemporary media discourse, social, political, and cultural events are increasingly described through psychotherapy vocabulary, which serves as a ready-made language for audiences to interpret reality, evaluate, and comprehend events. This article examines the functioning of psychotherapeutic vocabulary using Belarusian online newspaper and television texts for the period 2021–2026. The research methodology includes contextual, distributional, linguopragmatic, and comparative analyzes, as well as thematic coding. It has been established that, despite thematic specialization with a maximum concentration in the areas of interpersonal relationships and work, psychotherapeutic vocabulary is recorded in various thematic dominants of the media text, including those not directly related to psychological issues (politics, economics, ecology, sports, etc.). This regular occurrence, even at low density, testifies to the expansion and universalization of psychotherapeutic vocabulary as a tool for interpreting and evaluating social and political processes. The scales of expansion of its syntagmatic connections are identified (thematic, gradual (“concrete – abstract”), temporal, “particular – general” (“individual – collective”), “usual – occasional” (“standard – creative”). In media discourse, psychotherapeutic vocabulary enters into combinations with nouns of various semantic groups (zoonyms, institutional sphere, nominating socio-psychological concepts, resource categories, everyday objects, affective states), which indicates its lingua-creative potential. The article substantiates that psychotherapeutic vocabulary acts as a universal tool for interpreting reality, emotional assessment, and lingua-creative play, and its regular use forms a psychologized linguistic taste in media discourse. Based on objective indicators, a scale of stability/rootedness of vocabulary in media discourse has been developed, which allows for a quantitative assessment of the degree of implementation of psychotherapeutic vocabulary and its interpretation as a marker of linguistic fashion.

Keywords: media discourse, Belarusian mass media, language fashion, psychotherapy culture, therapy speak, lexical compatibility, pragmatic functions.

Citation: Gladko M.A. Therapy Speak as a Marker of the Language Taste of the Era in Media Discourse (Based on Belarusian Media Texts), *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 31–52. DOI: 10.18721/JHSS.17303

Введение

Каждая эпоха формирует собственный языковой вкус — понятие, введенное в научный оборот В.Г. Костомаровым, который определял его как «меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» [1, с. 24]. Языковой вкус, или языковая мода, описывает «принятые на определенном этапе развития человечества нормы и стандарты языкового поведения, культуры речи»¹, совокупность предпочтительных лексических единиц, которые в определенный исторический период воспринимаются как наиболее адекватные для выражения социально значимых смыслов и коммуникативных установок. Иными словами, языковой вкус фиксирует те лексические ресурсы, через которые общество интерпретирует собственный опыт.

Темп языковой динамики резко повышается в переломные исторические периоды. *Язык революции, язык перестройки, язык пандемии* становятся не просто метафорами, но ключевыми

¹ Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. С. 389.

словами, фиксирующими то, как социальные катаклизмы ускоряют лексическое обновление и перестройку дискурсивных практик. Сегодня к этим факторам добавляются «терминологический бум» в социально-гуманитарных науках, медиатизация институциональных дискурсов и высокая восприимчивость аудитории к модным дискурсивным практикам.

Если в эпоху революций доминирующим источником новых слов выступала идеологическая сфера, в период пандемии — медицинский дискурс, то в современной медиасреде аналогичную роль все активнее выполняют дискурсивные практики, изначально принадлежавшие узкопрофессиональным сферам. В последние десятилетия психотерапевтическая культура формирует особое мировоззрение, «способ мышления» и образцы действия, пронизывающие все сферы общества [2, с. 8] и распространяющиеся через медиа, популярную литературу, социальные сети [3, с. 5]. Терапевтический поворот в современном обществе связывается с формированием автономного индивидуалистического «Я», особого психологизированного мировоззрения, способа мышления, когда идеи и практики психологии становятся основным инструментом самопознания и решения проблем в различных сферах общества [3, с. 4–8; 4, с. 289], с функционированием психотерапевтического дискурса как доминирующего способа осмысления личности и общества [4, с. 298; 5]. По мнению Д. Неринга и др., «триумф психотерапевтического» определяет то, как индивиды мыслят, чувствуют и действуют, как социальные институты управляют этими процессами, а также как социальные изменения, проблемы и властные отношения артикулируются в публичном дискурсе [4, с. 297].

Психотерапевтическая лексика (ПЛ) выступает ключевым проводником психотерапевтической культуры, ее языковым воплощением, посредством чего в медиапространстве транслируются ценностные установки, задается особый фокус восприятия действительности и субъектов коммуникации. Поясним, что мы отдаем предпочтение использованию понятия *психотерапевтическая лексика*, которая составляет подсистему более широкой системы психологической лексики, но обладает собственной спецификой. Выбор данного термина обусловлен тремя причинами. Во-первых, анализируемые единицы являются языковым воплощением *терапевтического поворота (therapeutic turn)* — процесса проникновения психотерапевтических идей и практик в различные сферы общества, описанного в исследованиях зарубежных и отечественных ученых [2–6]. Во-вторых, в зарубежной литературе для обозначения этого феномена закрепились термины *psychotherapy language*, *therapy speak* [2; 4–7], что подчеркивает именно терапевтическое, а не общепсихологическое происхождение этой лексики. В-третьих, в отличие от психологической лексики, которая выполняет преимущественно номинативную и описательную функции, фиксируя психические процессы и структуры личности (мышление, память, эмоции, восприятие), ПЛ ориентирована на оценку, диагностику и регуляцию поведения, что обусловлено ее источником — клинической практикой и консультированием. Именно эта функциональная специфика — способность описывать и квалифицировать личности и отношения между ними, явления действительности — определяет активную экспансию ПЛ в современную коммуникацию.

Исследование Л. Эрамиан, П. Маллори и М. Герберта показывает, что язык и идеи психотерапии (например, акцент на «здоровых» или «токсичных» отношениях, личных границах, самораскрытии) перестают быть инструментом исключительно клинической или романтической сферы и становятся универсальным «культурным репертуаром» для осмысления любых форм близости [7].

В лингвистике анализ функционирования ПЛ проводится в нескольких направлениях. В сопоставительном этимологическом исследовании В.А. Колесник и И.Н. Фомина отмечают, что значительная часть ПЛ в русском языке является заимствованной, а ее распространение в непрофессиональной коммуникации ведет к утрате точности и появлению дополнительных коннотаций, не свойственных исходному термину [8, с. 189–190]. По мнению исследователей

в области лексикологии, лексической семантики, психологические термины в повседневной речи подвергаются детерминологизации, т.е. покидают терминологическую систему и утрачивают первоначальные критерии [9, с. 328], изменяют семный состав и объем, утрачивают диагностическую точность и превращаются в общие ярлыки для обозначения неприятных людей [10–12]. Данный процесс также описывается термином *семантическое обесцвечивание* (*semantic bleaching*) – явление, при котором исходное значение слова размывается, уступая место эмоционально-оценочным коннотациям [13; 14]. Кроме того, одним из ключевых механизмов, лежащим в основе экспансии ПЛ, является метафорический перенос [15, с. 69].

С позиции прагмалингвистики С.В. Лебедева и Н.В. Астахова предложили рассматривать ПЛ через призму эвфемии, показав ее двойственную природу: смягчение травматичного опыта в профессиональной среде и гиперболизацию в бытовом дискурсе [16].

Исследования ПЛ в профессиональном (журналистском) медиадискурсе остаются крайне малочисленными [9; 17]. Так, Т.А. Пивоварчик выделяет некоторые устойчивые речевые конструкции психотерапевтического дискурса, проникающие в газетные статьи, формирующие *психологический конструкцион* – совокупность частотных коллокаций и синтагм, заимствованных из психологии [17, с. 34].

В зарубежной научной литературе представлены результаты исследования *therapy speak*, которые преимущественно сосредоточены на анализе ПЛ в повседневном употреблении в социальных медиа, ее этических последствиях, связывая языковые изменения с макросоциальными процессами (неолиберализм, индивидуализация, глобализация). Зарубежные исследователи говорят о неточности и поверхностности использования психотерапевтического языка [13; 14; 18]. Корпусные и вычислительные исследования данного феномена эмпирически подтверждают гипотезу *концептуального расползания* (*concept creep*), или семантических трансформаций ПЛ, согласно которой клинические термины в дискурсе социальных сетей расширяют свое значение, охватывая все более широкий круг бытовых и социальных явлений [19]. Ключевым механизмом таких изменений выступает трансформация контекстуального окружения лексем: например, *токсичный* (*toxic*) в научной литературе сохраняет связь с химическими веществами, тогда как в пользовательской коммуникации становится маркером деструктивных качеств личности или нездоровых социальных и коммуникативных практик (*токсичная маскулинность, токсичные отношения*) [19, с. 138].

С. Исерн-Мас и М. Альмагро вводят понятия эпистемической и аффективной несправедливости, показывая, как использование терминов *границы, токсичность, газлайтинг* может обесценивать эмоциональный опыт других людей и маскировать властные отношения [13].

Таким образом, большинство работ либо сосредоточено на семантических изменениях отдельных терминов, либо рассматривает ПЛ в широком контексте языковой моды в непрофессиональном пользовательском дискурсе в социальных сетях без углубленного анализа прагматических функций. Между тем исследование ПЛ в медиакommunikации приобретает не только лингвистическую, но и социокультурную значимость. Лексика престижной сферы психологии, выходя за пределы профессиональной коммуникации, превращается из профессионального инструмента в ресурс медиакommunikации. Его изучение позволяет выявить, как посредством ПЛ автор сообщения по-новому оценивает и категоризирует явления, накладывая на них психотерапевтическую оптику и тем самым формируя у адресата определенное отношение к действительности.

Материал и методика исследования

В ходе предварительного анализа методом сплошной выборки были отобраны 1600 текстов из onliner.by, Tochka.by, ont.by, news.by за период 2021–2026 гг., представляющих новостные, информационно-аналитические, информационно-развлекательные онлайн-версии газет и

онлайн-порталы телеканалов. Из них выделены 828 текстов, содержащих ПЛ, которые составили эмпирическую базу исследования.

Анализ проводился в несколько этапов. На первом этапе был проведен тематический анализ ПЛ посредством программы QDA Miner Lite. Тематическая кодировка текстов осуществлялась комбинированным способом: сначала проводилась автоматическая кластеризация текстов по тематическим рубрикам (новости, аналитика, развлекательные материалы) с последующей ручной верификацией каждого фрагмента, содержащего ПЛ, для исключения случаев несоответствия рубрики и фактического содержания. Фрагменты, отнесенные к неверной рубрике, вручную перераспределялись по тематическим сферам с учетом контекста. Далее кодировка осуществлялась вручную. Каждому фрагменту текста, содержащему ключевой термин, присваивался тематический код (геополитика, образование и др.). Выделенные коды впоследствии объединялись в тематические блоки. В отличие от автоматической кластеризации, ручное кодирование позволило учитывать контекстуальные нюансы и исключать случаи омонимии. Частотный анализ проводился с использованием встроенных инструментов QDA Miner Lite: вычислялась доля каждой темы в общем массиве проанализированных фрагментов, на основе чего были рассчитаны индексы тематической насыщенности для построения таблицы тематической специализации лексем. Для проверки надежности 20% выборки было повторно закодировано независимым экспертом (согласованность составила 99%).

На втором этапе для выявления механизмов лексической экспансии ПЛ был проведен анализ сочетаемости с выделением основных шкал расширения синтагматических связей. Семантические трансформации исследовались методами контекстуального и дистрибутивного анализов, а также сопоставительного анализа дефиниций клинических психотерапевтических терминов и их семантики в медийных контекстах.

На третьем этапе метод лингвопрагматического анализа позволил выявить прагматические функции ПЛ в медиатекстах.

На четвертом этапе для выявления динамики актуализации ПЛ в белорусском медиадискурсе был проведен диахронический анализ (в программе QDA Miner Lite): сопоставлены частотности ключевых лексем по годам (2021–2026) на основе распределения всего корпуса по временным срезам.

На пятом этапе на основе полученных эмпирических данных были разработаны показатели устойчивости/укорененности ПЛ в медиадискурсе, построена шкала, позволяющая интерпретировать количественные данные по степени внедренности ПЛ в медиадискурс (от крайне низкой до высокой). Для настоящего исследования на основе эмпирических данных был рассчитан индекс устойчивости ПЛ в белорусском медиадискурсе.

Результаты исследования

Первоначально ПЛ функционировала в рамках клинической психологии, психоанализа, психотерапии и психиатрии, представляя собой терминологическую подсистему медицинского дискурса. В ее ядре можно выделить четыре основные тематические группы [16, с. 131]:

1) психические состояния и расстройства (*тревожное расстройство, паническое расстройство, биполярное аффективное расстройство, шизофрения, пограничное расстройство личности*), часть которых закреплена в международных классификациях;

2) терапевтические подходы и методы (*гештальт-терапия, арт-терапия, незавершенный гештальт*), каждый из которых формирует собственный метаязык (невроз, бессознательное, сублимация и др.);

3) процессы взаимодействия в терапии (*раппорт, эмпатия, активное/эмпатическое слушание*), описывающие динамику отношений между терапевтом и пациентом;

4) состояния и изменения в процессе терапии (*ресурсы, аутентичность, инсайт, рефрейминг, резистенция*), фиксирующие этапы и результаты терапевтической работы.

В современном медиадискурсе эти единицы активно выходят за пределы профессиональной коммуникации и перегруппировываются вокруг трех доминантных групп. **Лексические единицы, входящие в тематическую группу «отношения»**, служат для номинации межличностных или межгрупповых взаимодействий, их качественных характеристик. Сюда входят: обозначения негативных практик (*абьюз, газлайтинг, токсичность, обесценивание*); понятия, связанные с установлением дистанции (*границы, сепарация*); ярлыки (*нарцисс, абьюзер*). **Термины психологического благополучия** аккумулируют слова, связанные с идеалами саморегуляции, личностного роста и управления эмоциями. В эту группу входят: практики самоуправления (*ресурс, осознанность, зона комфорта, экологичность*); маркеры (желаемых) состояний (*аутентичность, внутренняя опора, устойчивость*). **Лексические единицы, вербализующие эмоциональные состояния**, используются для номинации настроений и психофизических реакций — *депрессия, выгорание, паническая атака, травма, тревога*. Функционирование данных единиц в медиадискурсе в ряде случаев характеризуется утратой терминологической точности и переориентацией на оценочную и эмоциональную репрезентацию события или факта действительности.

В данном исследовании анализировались частотные и/или регулярно воспроизводимые лексемы, зафиксированные в медиатекстах различных тематических сфер. Термины с низкой частотностью употреблений (до двух раз в текстах одной тематической доминанты) и узкой сферой функционирования — при обсуждении психологических проблем (*обесценивание, сепарация, паническая атака, внутренняя опора* и др.) не были включены в выборку.

Тематические области психотерапевтической лексики

В ходе анализа ПЛ зафиксирована во всех рассматриваемых типах медиадискурса — новостном, информационно-аналитическом и информационно-развлекательном. Однако ее частотность и функциональная нагрузка существенно варьируются в зависимости от тематической направленности медиатекста. Анализ распределения ПЛ по тематическим областям позволяет выявить зоны ее максимальной концентрации и периферийную сферу.

На основе частотного анализа всего корпуса текстов были установлены **основные / ядерные реципиентные тематические сферы** с максимальной концентрацией ПЛ. В рамках выделенных тематических сфер для каждой лексемы была вычислена нормализованная доля употреблений (табл. 1). В ячейках таблицы первое число обозначает абсолютную частоту употреблений лексемы в соответствующей тематической сфере, второе (в скобках) — нормализованную долю, рассчитанную как отношение частоты в данной сфере к общей частоте лексемы. На основе этих данных осуществлялся расчет плотности употребления ПЛ (суммарное количество употреблений лексем в каждой тематической сфере). Градации плотности определены по шкале *очень высокая* ($>0,45$), *высокая* ($0,30-0,45$), *средняя* ($0,15-0,30$), *низкая* ($<0,15$).

Анализ распределения ПЛ показывает выраженную асимметрию. В медиадискурсе формируется специализированный лексический фонд, где одни единицы закрепляются за макроблоком «Межличностные отношения», другие демонстрируют более широкую сочетаемость, охватывая самые разнообразные тематики.

Максимальная плотность ПЛ фиксируется в сфере «Межличностные отношения» (1299), что указывает на ее ядерный статус. Значительная концентрация наблюдается в рамках тематических доминант «Политика» (694) и «Работа / профессиональная деятельность» (468). Сферы «Социальная сфера» (356) и «Медиа/Интернет» (382) демонстрируют средние показатели, что тем не менее указывает на перенос психотерапевтической оптики на социальные процессы и коммуникацию в цифровом пространстве. Меньшие значения в тематической сфере «Экономика» (179) указывают на низкую плотность ПЛ в данной области: ПЛ проникает в экономический дискурс точно, через отдельные коллокации.

Таблица 1. Тематическая специализация психотерапевтической лексики в медиадискурсе²
Table 1. Thematic specialization of psychotherapeutic vocabulary in media discourse

Лексема	Политика	Социальная сфера	Межличностные отношения	Работа / профессиональная деятельность	Экономика	Медиа/ Интернет
токсичный	120 (0,24)	36 (0,07)	188 (0,38)	38 (0,07)	59 (0,12)	68 (0,13)
газлайтинг	64 (0,53)	12 (0,10)	25 (0,21)	8 (0,07)	4 (0,03)	8 (0,07)
абыюз/абыюзер	108 (0,31)	24 (0,07)	138 (0,39)	49 (0,14)	21 (0,06)	14 (0,04)
нарцисс	56 (0,26)	8 (0,04)	132 (0,62)	4 (0,02)	4 (0,02)	8 (0,04)
ред флаг / красный флаг	4 (0,02)	8 (0,04)	120 (0,65)	36 (0,20)	4 (0,02)	12 (0,07)
границы	16 (0,07)	12 (0,05)	144 (0,64)	24 (0,11)	4 (0,02)	26 (0,12)
травма	36 (0,20)	44 (0,24)	80 (0,43)	4 (0,02)	8 (0,04)	12 (0,07)
тревожность	28 (0,16)	32 (0,18)	68 (0,39)	32 (0,18)	8 (0,05)	8 (0,05)
стресс	60 (0,29)	16 (0,08)	48 (0,24)	56 (0,27)	16 (0,08)	8 (0,04)
выгорание	16 (0,08)	20 (0,10)	36 (0,19)	104 (0,54)	12 (0,06)	4 (0,02)
забота	84 (0,41)	16 (0,08)	80 (0,39)	12 (0,06)	4 (0,02)	8 (0,04)
триггер	56 (0,29)	24 (0,13)	36 (0,19)	8 (0,04)	8 (0,04)	59 (0,31)
депрессия	15 (0,09)	30 (0,18)	40 (0,24)	18 (0,11)	12 (0,07)	52 (0,31)
психологический	18 (0,09)	34 (0,17)	52 (0,27)	16 (0,08)	8 (0,04)	68 (0,35)
уязвимость	3 (0,04)	34 (0,40)	23 (0,27)	11 (0,13)	3 (0,04)	10 (0,12)
самооценка	—	2 (0,07)	19 (0,63)	9 (0,30)	—	—
созависимость	3 (0,06)	3 (0,06)	31 (0,61)	10 (0,20)	4 (0,08)	—
жертва	7 (0,08)	1 (0,01)	39 (0,42)	29 (0,31)	—	17 (0,18)

При этом ряд лексических единиц демонстрирует устойчивую гетерогенную специализацию: *токсичный*, *газлайтинг* активно используются при обсуждении тем межличностных и политических отношений; *тревожность* — межличностных и трудовых отношений.

Наибольшая востребованность ПЛ характерна для тематической доминанты «Межличностные отношения», содержащей оценку семейных, профессиональных, дружеских взаимодействий. Ядерными единицами здесь являются *токсичный* (0,38), *абыюз/абыюзер* (0,39), *нарцисс* (0,62), *границы* (0,64). Их высокие корреляции свидетельствуют о формировании кластера диагностических номинаций личности, которые позволяют адресату интерпретировать межличностные конфликты через лексические маркеры патологии и эмоциональной нормы: *Психолог назвала красные флаги, по которым можно распознать нарцисса* (sb.by, 29.05.2026).

При анализе макроструктуры медиатекста, замечено, что в 38% текстов ПЛ используется в его сильных позициях — заголовках, подзаголовках, лидах/подводках и выполняет функцию привлечения и удержания внимания. Размещение модных лексем в заголовочном комплексе обеспечивает быструю узнаваемость темы и установку на ее «психологизированное» восприятие. Так, в заголовках *За что девушки по всему миру полюбили вампира? Разбираем «Сумерки» с психологией*; *Звезда «Друзей» рассказала о токсичной обстановке на съемках культового сериала* ПЛ не только номинирует тему, но и активизирует в сознании адресата готовые когнитивные схемы (фреймы), связанные с модным психологическим дискурсом (типы проблемных людей, отношения, опасность).

² Лексемы представлены в обобщенном виде и включают все словоформы и производные единицы, зафиксированные в корпусе. Лексема жертва учитывалась только в значении «пострадавший от насилия, абыюза или психологического давления»; случаи употребления в других значениях (например, «жертва пожара», «жертва обстоятельств») не принимались во внимание.

ПЛ тематической группы «Межличностные отношения» зачастую воспроизводится в прямой речи героев репортажа. Частотность таких вкраплений особенно высока в текстах о семейных и романтических, профессиональных/трудовых отношениях, в жанре личных историй, интервью с непубличными людьми: *Лана утверждает, что игры помогли ей **восстановить самооценку**, которая была разрушена из-за отношений с противоположным полом: **Она никогда не была высокой, но получилось только хуже. Я вышла замуж: **получилось созависимо и абьюзивно**, и из брака я ушла в опустошении и отчаянии*** (onliner.by, 11.12.2025). Пл способствует сокращению коммуникативной дистанции и эмпатическому включению адресата, так как призвана создать эффект «узнавания» схожих проблем и психоэмоциональных состояний, формировать солидарность. Частотное включение микроблоков данной тематической доминанты, оценка и описание отношений через психологическую призму в медиатекстах различной жанровой и тематической направленности формируют психологизированный фокус и способ отражения действительности.

Как уже отмечалось, в медиатексте термин из сферы психологии утрачивает диагностическую точность и превращается в оценочный ярлык, который может быть применен к любому объекту – вплоть до астрологических характеристик. В последнее время Пл активно проникает в тексты-гороскопы, где она выполняет аттрактивную и идентификационную функции – маркирует содержание текста как актуальное и модное и позволяет читателю отождествить себя с предлагаемым описанием: *Звездные **нарциссы**: названы знаки зодиака с самым высоким уровнем самовлюбленности... Окружите вниманием, прислушивайтесь к мнению и эмоциям. Раку жизненно важно почувствовать вашу **уязвимость** в ответ* (sb.by, 04.05.2026).

Употребление Пл призвано создать у аудитории ощущение глубины и «научности» анализа, а также позволяет примерить на себя предлагаемые психологические характеристики. Таким образом, гороскопы с включениями Пл конструируют психологизированный образ адресата, предлагая ему готовый язык для самоописания. Помимо этого посредством Пл формируются дискурсивные аффективные и моральные регуляторы, адресованные массовой аудитории. Так, гороскопы конструируют нормативные модели эмоционального поведения: например, Раку предписывается уязвимость и потребность во внимании, а Льву – готовность к жертвенности. Соответственно, можно сделать вывод о том, что Пл выполняет регулятивную функцию в медиатексте, поскольку задает рамки эмоционального самоощущения и взаимодействия, т.е. ожидаемые модели чувствования и поведения в обществе.

Наибольшие показатели корреляции в тематической зоне «Политика» демонстрируют лексемы *абьюз/абьюзер* (0,31), *токсичный* (0,24), *триггер* (0,29), *нарцисс* (0,26), *забота* (0,41). Эти единицы наиболее характерны для информационно-аналитических текстов онлайн-изданий и аналитических жанров телевидения (*комментарий, аналитическое интервью, обозрение, дискуссия*), где политическая повестка, межгосударственные отношения, политические конфликты и действия акторов интерпретируются в терминах психологических состояний, межличностных отношений или психологического давления. Лексемы *абьюз/абьюзер, токсичный, нарцисс* функционируют как *оценочно-диагностические квалификаторы*, позволяющие медиатексту конструировать субъективную картину «токсичных» или «абьюзивных» политических, социальных взаимодействий: *У всех этих артистов, предавших и покинувших свою страну, нет никаких убеждений. <...> Они думают только о себе. Это самовлюбленные **нарциссы**, у которых нет никакой позиции* (sb.by, 18.02.2026); ***Нарцисс** – находка для шпиона, а блогер из ГРУ тем более. Украинская разведка выдала себя с потрохами* (sb.by, 26.03.2024). Конструирование образа в рамках оппозиции «здоровое – патологическое», акцентирующее деструктивное поведение и психоэмоциональное расстройство, служит мощным средством коммуникативного воздействия. Оно позволяет автору медиатекста имплицитно навязывать адресату оценочную рамку восприятия, в которой объект описания заранее квалифицируется как «нездоровый», «опасный» или

«требующий вмешательства». Адресат оказывается вовлеченным в процесс моральной квалификации события или личности, при этом альтернативные интерпретации исключаются или маркируются как «патологические». Эмоциональная окраска этих терминов способствует повышению убедительности сообщения, управлению восприятием адресата [20, с. 32].

Триггер является одной из частотных лексем в медиатекстах тематической группы «Политика», где он функционирует как синоним катализатора, спускового крючка для различных процессов: *Гренландия — это триггер для развала НАТО* (sb.by, 12.04.2026). При этом сохраняется исходная семантика «запускающего механизма», что делает этот термин особенно удобным для обсуждения политических процессов.

В текстах, посвященных социально значимым событиям, наиболее высокие проценты употреблений демонстрируют единицы *уязвимость* (0,40), *травма* (0,24), *тревожность* (0,18), *психологический* (0,17), что свидетельствует о фокусе обозначения социальных процессов через призму психического состояния и эмоциональной уязвимости, вербальной маркировки социальных проблем как эмоционально значимых.

Существенное проникновение ПЛ наиболее очевидно в рамках тематической группы «Работа / профессиональная деятельность». Наибольшие проценты употреблений демонстрируют *выгорание* (0,54), *стресс* (0,27), *тревожность* (0,18), *ред флаг / красный флаг* (0,20), *абыюз* (0,14), номинирующие психоэмоциональные последствия трудовой деятельности. Таким образом, медиатекст перестает быть безличной хроникой событий и становится диалогом с адресатом на понятном ему психологизированном языке.

Лексема *выгорание* (состояние, характеризующееся снижением психических возможностей внутри профессии, возраста, возникновением недовольства [21, с. 48]) демонстрирует высокую частотность в текстах, посвященных: трудовым практикам и корпоративной культуре (сверхурочная работа, многозадачность, удаленная форма работы); условиям труда (неудовлетворительные бытовые условия, нехватка личного пространства); психологическим последствиям профессиональной деятельности (хроническая усталость, снижение мотивации, эмоциональное истощение); стратегиям преодоления проблем (уход из профессии, смена образа жизни, переезд в деревню). При этом лексема используется для описания как физического, так и внутреннего (психологического) состояния объекта речи: *Недосып, параллельные созвоны и выгорание: рассказываем, на что они готовы пойти, чтобы получать сразу две зарплаты. Это тоже что-то вроде зависимости* (Tochka.by, 26.11.2025).

Отметим, что в медиатекстах профессиональная деятельность все чаще актуализируется посредством лексем эмоционального истощения и психологической нагрузки (*выгорание, стресс, депрессия*), что указывает на переход от инструментально-функционального подхода к описанию труда к психоэмоциональному. В жанрах репортажа, интервью макроструктурные блоки, содержащие откровенные признания и рефлексии говорящего о профессиональных проблемах (включая эмоциональную рефлексию), функционируют как аффективный и аттрактивный элемент, обеспечивающий вовлечение аудитории. Кроме того, данные единицы способствуют признанию усталости, индивидуального опыта в качестве социально значимого переживания.

Высокие значения в тематической сфере «Медиа/Интернет» фиксируются для слов *триггер* (0,31), *депрессия* (0,31), *психологический* (0,35), *токсичный* (0,13). Использование этих терминов служит описанию информационных эффектов, вирусного контента, алгоритмического воздействия и механизмов запуска общественных реакций: *Компании сосредоточились на алгоритмах, которые искусственно подогревают активность через негативные реакции, фактически превращая социальные платформы в инструмент распространения токсичного контента* (sb.by, 16.03.2025). Коллокации *триггерный контент, цифровое выгорание, токсичный алгоритм* выполняют оценочную функцию.

В рамках выявленных ядерных тем плотность ПЛ составляет 3 и более употреблений на один медиатекст. Вместе с тем заметим, что ПЛ активно задействуется не только в предсказуемых (*отношения, психология*), но и в ряде неожиданных тематических областей. В ходе исследования был выявлен отдельный репертуар тематических областей, в которых ПЛ встречается с относительно низкой, но регулярной частотностью (табл. 2) — 1–2 лексемы на текст, что указывает на менее интенсивное, но фиксируемое проникновение. В отличие от табл. 1, где представлены шесть ядерных реципиентных зон ПЛ, табл. 2 отражает иные тематические зоны, не вошедшие в первую классификацию. Эти тематические доминанты образуют **периферийные** (по плотности на текст), но **устойчивые** (по регулярности употребления) направления экспансии ПЛ.

Таблица 2. Устойчивые периферийные тематические области использования психотерапевтической лексики в медиадискурсе
Table 2. Regular Peripheral Thematic Zones of Psychotherapeutic Vocabulary in Media Discourse

Тема	Процент использования	Индекс тематической насыщенности
Информационные войны	10–12%	0,71–0,86
Технологии	9–11%	0,64–0,79
Поп-культура	8–10%	0,57–0,71
Маркетинг	4–5%	0,29–0,36
Урбанистика	4–5%	0,29–0,43
Образование	3–4%	0,21–0,29
Экология	3–4%	0,21–0,29
Спорт	3–4%	0,21–0,29
Происшествия/криминал	3–4%	0,21–0,29
Языковая политика	<1%	<0,07

Наибольший индекс тематической насыщенности ПЛ фиксируется в текстах, посвященных информационным войнам и цифровым технологиям. В рамках маркетинговой, образовательной, экологической, урбанистической тематик показатели корреляции существенно ниже, варьируя от 0,21 до 0,43. Минимальная степень вовлеченности ПЛ наблюдается при освещении языковой политики страны (<0,07). В то же время ее присутствие свидетельствует о тенденции к психологизации даже тех сфер, которые традиционно далеки от сферы психологии.

Данные результаты свидетельствуют о том, что ПЛ концентрируется в тех тематических зонах медиадискурса, где оценочная и эмоционально-воздействующая функции оказываются наиболее востребованными, тогда как в менее психоэмоционально нагруженных сферах ее использование носит эпизодический, но тем не менее устойчивый характер.

Наиболее показательной является лексема *триггер*, которая все чаще выходит за пределы психотравматологии и осваивается в темах, связанных с общественными, политическими, экологическими и урбанистическими процессами и событиями. Изначально *триггер* определяется как стимул, запускающий у индивида с посттравматическим стрессовым расстройством непровольные флешбэки или панические реакции³. В текстах экологической проблематики лексема используется для описания факторов, запускающих коллективную тревогу и протестные настроения (*экологический триггер, климатический триггер*): *Исследователи отмечают, что аномальная жара 2024 года выступила экологическим триггером для активизации протестных движений в ряде регионов, заставив граждан требовать пересмотра промышленной политики* (Tochka.by, 09.08.2024).

³ American Psychological Association. Trigger // APA Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org/trigger> (дата обращения: 02.04.2026).

В урбанистическом медиадискурсе *триггер* маркирует градостроительные конфликты, когда решение о застройке или сносе объекта воспринимается жителями как угроза их стабильности и становится спусковым механизмом для мобилизации (*триггер городских конфликтов*): *Решение о застройке сквера на улице Якуба Колоса оказалось триггером, объединившим жителей соседних домов против точечной застройки. За две недели инициативная группа собрала более 2000 подписей* (онт.by, 19.10.2024).

Таким образом, лексема *триггер* утрачивает привязку к индивидуальной психической травме и обеспечивает драматизацию и психологизацию общественных процессов и событий. Единичный факт (коррупционный скандал, экологическое происшествие, авария) осмысливается как травмирующий стимул, запускающий конфликты: *Массовые акции протеста, сопровождающиеся беспорядками, столкновениями с... продолжаются в Сербии почти год. Триггером послужило обрушение навеса на недавно построенном объекте* (sb.by, 18.09.2025); *Еще одним триггером, подогревающим социальное напряжение, стали коррупционные схемы* (news.by, 26.02.2026). Замена нейтральных терминов (*повод, катализатор, фактор*) на психологически маркированную лексему служит средством перевода события из объективно-аналитического регистра в регистр психоэмоционального переживания. Это позволяет автору представить социальный конфликт как реакцию «травмированного» общества на болезненный стимул.

В информационных текстах, посвященных городскому развитию, инфраструктурным проектам и конфликтам вокруг застройки, ПЛ используется как средство эмоциональной оценки городского пространства. В таких контекстах появляются выражения *токсичная городская среда, травма индустриального города, психологическое давление городской среды*, которые способствуют осмыслению города/пространства как субъекта, способного «давить», «травмировать». ПЛ также служит трансформации обсуждения социальных проблем в сферу субъективного чувственного переживания, описывая пространство как источник психоэмоционального напряжения.

В текстах о климатических изменениях и экологических угрозах фиксируется активное использование выражений *климатическая тревожность, экологическая травма, триггер экологических протестов/процессов*: *Климатическая тревожность: как лесные пожары становятся триггером экологической травмы для целых поколений. <...> После разрушительного наводнения жители города диагностируют у себя «экологическую травму»: даже звук дождя становится триггером, вызывающим желание бежать* (onliner.by, 08.08.2023). Экологическая проблема в таком случае представляется как объективная проблема или угроза и как источник коллективного аффективного состояния, что призвано усилить эмпатический отклик адресата.

В текстах, посвященных спорту, посредством ПЛ осуществляется фокус на деструктивных практиках, нежелательном поведении и эмоциональной оценке взаимодействия участников (спортсменов, тренеров, болельщиков) *токсичный вид спорта, абьюз в спорте, футбольный газлайтинг, онлайн-абьюз, абьюзивный тренер: Абьюзером... оказался родной брат и партнер по паре* (onliner.by, 26.06.2022). Соответственно, ПЛ смещает акцент с собственно спортивных достижений и соревновательной динамики на аффективную составляющую описываемых событий — психологическое давление, нарушение границ и эмоциональное насилие в отношениях между спортсменами, тренерами и болельщиками.

Интересно, что ПЛ, в частности лексема *абьюз* и ее дериваты, становится частотным маркером текстов с тематической доминантой «Происшествия/криминал». В криминальных телерепортажах ПЛ выполняет аттрактивную функцию, служит инструментом эмоционального нагнетания, конструирования образа угрозы. Клинически маркированное слово помещается в сильную текстовую позицию (заголовочную конструкцию, лид, макроблок «детали события») и задает соответствующую рамку восприятия героя, например: *В один из дней 27-летняя женщина вернулась домой, где ее ждал подвыпивший муж. Абьюзер сразу начал предъявлять жене претензии, из-за чего разгорелась ссора* (news.by, 05.12.2023).

Механизмы лексической экспансии психотерапевтической лексики: сочетаемостные трансформации в медиадискурсе

Тематический анализ позволил зафиксировать сферы экспансии ПЛ. Для выявления механизмов этой экспансии был проведен анализ сочетаемости лексем. Медиадискурс выступает активной лингвокреативной средой, в которой формируется особый лексический фонд, восходящий к психотерапевтической терминологии, но приобретающий новые возможности сочетаемости, прагматические функции, выходящие далеко за пределы исходной профессиональной сферы. ПЛ переосмысливается, адаптируется и вступает в новые синтагматические связи, порождая коллокации, не имеющие аналогов в исходной терминосистеме. Таким образом, медиадискурс конструирует собственный лексический ресурс, который становится инструментом социальной диагностики, публичной оценки фактов действительности в самых разных сферах.

Расширение сочетаемости ПЛ проанализируем как освоение новых зон по нескольким направлениям, или шкалам.

Первая шкала — **тематическая** (горизонтальная экспансия) — перенос ПЛ из исходной сферы (психология, межличностные отношения) в другие тематические области (экономика, политика, урбанистика, поп-культура и т.д.). При этом семантическое ядро сохраняется, но предметно-тематическая область меняется.

В ряде слов-сопроводителей ПЛ появляется лексика, номинирующая экономические, политические, общественные, технологические процессы (*психология чаевых, культура выгорания, токсичная должность, токсичные политические условия, цифровая тревожность, психология скиддок, информационная травма, экономический стресс*). ПЛ, первоначально описывающая межличностные отношения (*токсичный человек, абьюзивные отношения*), применяется к объектам и явлениям сферы экономики, маркетинга, банковской сферы и т.д. Технологические, экономические явления и процессы описываются через психологические категории вреда, травмы или эмоционального давления. Так, лексема *токсичный* не столько описывает свойства объекта речи (вызывающего эмоциональное напряжение, провоцирующего агрессию, негативные реакции [18]), сколько маркирует его как социально нежелательный, деструктивный и требующий регуляции: *Безусловно, исходить нужно из технологического и финансового суверенитета — минимизация зависимости от токсичных долговых инструментов* (sb.by, 16.04.2024).

Нейтральные термины (*рискованные активы, нестабильные инструменты, высокودолговая зависимость*) заменяются на эмоционально заряженную лексику, ассоциируемую с психотерапией, которая выполняет дисфемистическую функцию. В этом случае нежелательные явления маркируются как вредоносные, истощающие ресурсы: *В бизнес-кругах все чаще говорят о необходимости проверять контрагентов на «токсичность»; Президент отметил, что по экспортно-импортным операциям 75% и выше у нас в мире расчетов осуществляется с использованием доллара и евро, токсичных для нас валют* (sb.by, 25.10.2022).

Как видим, лексика психотерапевтической диагностики придает политическим, экономическим и технологическим явлениям аффективно-перцептивную значимость для аудитории: события и процессы не столько анализируются, сколько переживаются через призму психологического дискомфорта, угрозы или травматического опыта.

Вторая шкала — **темпоральная** (временная характеристика: временное → хроническое). Объединение некоторых качественных прилагательных с ПЛ меняет темпоральную характеристику описываемого явления. ПЛ призвана номинировать и описывать не эпизодические состояния, а устойчивые, хронические, почти экзистенциальные характеристики: *усталость → хронический нересурс, конфликт → токсичная среда* (как постоянная характеристика): *Речь идет о хроническом нересурсе. Это не просто усталость, это депрессия целой диаспоры, потерявшей почву под ногами* (онт.by, 12.07.2025). Коллокации *токсичное наследие, хронический нересурс, низкий ресурс, информационный стресс* фиксируют длительные состояния, угрожающие психологическому

благополучию индивида или группы. Такие лексические единицы интенсифицируют оценку: хроническое состояние воспринимается как более серьезное, требующее не просто ситуативной реакции, а системного вмешательства.

Третья шкала — **референтной определенности/неопределенности** (движение от конкретного, единичного референта к размытому, обобщенному) — подразумевает перенос термина от одушевленного субъекта, обозначения конкретных межличностных взаимодействий к абстрактному и/или неодушевленному, безличному объекту (процесс, структура, среда, алгоритм, технология), например: *токсичный человек* → *токсичный контент*, *токсичный алгоритм*, *токсичный кейс*; *абьюзивные отношения* → *информационный абьюз*, *зарплата как форма абьюза*; *психологическая травма* → *экологическая травма*, *культурная травма*.

Исходно данная ПЛ служила описанию конкретных межличностных взаимодействий: *токсичный* — вызывающий стойкий психологический дискомфорт, эмоциональное истощение в общении между людьми, *абьюз* — насилие в паре, *границы* — разграничение «Я» и «Другого» в психотерапии. В медиадискурсе их сочетание со неодушевленными словами-сопроводителями, репрезентирующими носителя характеристики или агента действия, ведет к деантропоморфизации субъекта воздействия: ответственность за негативное действие снимается с конкретного субъекта и перекладывается на структуру, среду и т.д. В фрагменте *Google, позиционируя себя как арбитр истины, фактически нарушает основополагающие принципы демократии, крайне произвольно трактуют алгоритм, который позволяет объявлять определенные источники и алгоритмы «токсичными»* (sb.by, 19.02.2025) вредоносным агентом выступает алгоритмическая система, которая «подогревает» негативные реакции. При этом сама структура (алгоритм, город, медиасистема и т.д.) наделяется психологическими свойствами — она может «газлайтить», «быть токсичной», «обесценивать», «вызывать выгорание». Так, *токсичный алгоритм* — это алгоритм, который порождает у пользователя ощущение давления, тревоги, беспомощности; городской стресс — это не характеристика города, а состояние человека, вызванное городской средой. Таким образом, деантропоморфизация субъекта воздействия сопровождается антропоцентрической оптикой: в центре внимания остается человек с его эмоциональным опытом, а объекты и явления действительности оцениваются по тому, как они на этот опыт влияют.

Четвертая шкала **«индивидуальное — коллективное» / «частное — общее»** (переход от описания индивидуального опыта к характеристике групповых состояний). В медиадискурсе лексемы, изначально описывавшие межличностные отношения, применяются к социальным институтам, общностям. Расширение сочетаемости ПЛ в ряде случаев осуществляется за счет присоединения существительных, номинирующих коллективный субъект — социальные общности, профессиональные группы (педагоги, врачи), институции (корпорация, государство). ПЛ характеризует как индивидуальный опыт, так и групповые состояния: *выгорание поколения*, *депрессия поколения*. Фиксируются коллокации, где термин, первоначально обозначающий насилие в личных отношениях, сочетается с новыми словами-сопроводителями, порождая некоторые устойчивые варианты (*абьюзивный партнер* → *корпоративный абьюз*, *токсичный партнер* → *токсичная компания*), которые используются для описания социальных, трудовых отношений и практик, механизмов управления.

Показательным примером такого расширения являются сочетания *США-абьюзер*, *компания-абьюзер*, *токсичная страна*. Здесь качественное прилагательное характеризует страну/организацию, которая независимо от чьей-либо воли оказывает психологическое давление на человека, истощает его ресурс, провоцирует стресс, осуществляет давление. В итоге медиаадресату предлагается психологизированная трактовка события или субъекта речи, «диагноз» происходящего: *В этом плане США ведут себя как классические абьюзеры, которые до прямого рукоприкладства еще не дошли, а предпочитают угрозы, манипуляции и шантаж. В данном случае в качестве рычага давления использовались финансы* (онт.by, 07.06.2023).

Раньше для описания и аналитической интерпретации событий, явлений или действий субъектов преимущественно использовались морализаторские языковые средства или эмоционально-экспрессивные пейоративы из обыденной коммуникации, выражающие оценку через поведенческие или нравственные категории (например, *лживый, недобросовестный, скверный характер, подлый, злодейский, эгоист, трусливый, вредный, агрессивный, скандальный*). В современном медиадискурсе данные функции все чаще реализуются посредством терминов, обозначающих психологическое состояние. Такой переход свидетельствует о формировании психологизированного языка медиа. Оценка и интерпретация событий, явлений или поведения людей осуществляются через языковые репрезентанты психического состояния, эмоциональной регуляции и личностной (не)компетентности. Квалификация поведения или действий объекта речи как эмоционально или психически вредоносных призвана выполнять прагматическую функцию: усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию и задает фокус интерпретации событий.

Пятая шкала — «**узуальное — окказиональное**» / «**стандартное — креативное**». ПЛ выходит за рамки стандартных коллокаций для создания юмористического эффекта (иронии, пародии, абсурда) или в качестве средства языковой выразительности. В итоге формируется единичное лингвокреативное преобразование, которое не закрепляется в языке медиа, но демонстрирует речевую креативность и/или рефлексия автора над модным дискурсом или модными словами. Шкала фиксирует намеренную девиацию от узуальной сочетаемости.

ПЛ наиболее часто вступает в нестандартные сочетания с существительными различных семантических групп. Анализ корпуса материала позволил выделить тематические типы существительных, номинирующих:

- 1) социально-психологические понятия — лексико-семантическая группа «Пространственные и средовые характеристики», объединяющая локативные существительные, обозначающие не физическое пространство, а условия, совокупность обстоятельств, эмоциональный контекст взаимодействия (*токсичный фон оппонентов*);
- 2) институциональные и профессиональные сферы (*корпоративный нарцисс*);
- 3) физиологические и ресурсные состояния, описывающие дефицит витальных возможностей (*нересурс из-за дождя*);
- 4) бытовые объекты (*токсичные отношения с гардеробом, абьюзивная погода*);
- 5) животных, т.е. зоонимы (*кот-абьюзер, хаски-абьюзер*);
- 5) аффективные состояния (*токсичный стыд, токсичный позитив*);
- 6) характеристики отношений (*токсичная грань совершенно несоседских отношений*).

Наиболее частотное и стилистически маркированное употребление ПЛ фиксируется в рекреативных жанрах — музыкальных и кинообзорах, рецензиях на клипы и сериалы, модных обзорах. Однако лингвокреативные сочетания наблюдаются также в информационно-аналитических медиатекстах практически всех тематических групп. Например, в заголовке культурного обзора «*Битва клипов: кордебалет в райсуде, эталонный абьюз и атака бывших*» (onliner.by, 07.12.2025) автор соединяет качественно-оценочное прилагательное с положительной семантикой, маркирующее соответствие стандарту *эталонный*, с лексемой, номинирующей психологическое насилие. *Эталонный* используется в сочетаниях, которые описывают ориентир или образец, например: *эталонный стиль, эталонный пример, эталонная работа*. Создаваемый сочетанием *эталонный абьюз* оксюморонный эффект усиливается за счет его применения для описания публичного развода в шоу-бизнесе: абьюз предстает не как травматический опыт, а как «образцовое шоу» с кордебалетом и пирамидой бокалов. В таких контекстах ПЛ становится лингвокреативным инструментом зрелищности и развлекательности, т.е. рекреативности.

В окказиональных конструкциях ПЛ реализует иронико-пародийную и метарефлексивную функции, становясь инструментом языковой игры и метакоммуникативной рефлексии над

распространенностью модных слов. Иллюстрацией первого случая является репортаж телеканала ОНТ, посвященный видеоролику, в котором хаски, отвечая на агрессию козленка, вынуждает его спасаться бегством. Автор включает в ткань повествования ироничный комментарий *Пхах, и сразу побежала кому-то жаловаться на хаски-абьюзера* (онт.by, 15.02.2022). Лексема *абьюзер* используется для описания поведения собаки (*хаски-абьюзер*). С точки зрения лексической сочетаемости данная конструкция представляет собой нарушение узуальной коллокационной нормы, поскольку термин *абьюзер* обычно соотносится с антропонимическим субъектом и предполагает наличие сложных социальных и психологических отношений власти, контроля и эмоционального насилия. Соединение этой лексики с зоонимом формирует эффект семантической несовместимости, лежащий в основе комического.

В этом случае проявляется механизм игровой деконтекстуализации термина, при котором специализированная единица извлекается из профессионального дискурса и помещается в нарочито несоответствующую ситуацию, например: *Токсичные разборки, водитель может подарить поездку, гонки на скорость. Все ли вы знаете про такси в Минске* (онт.by, 14.10.2023); *В весенних отчетах количество официально зарегистрированных безработных в Германии пробило психологическую отметку, колеблясь в районе 3 миллионов человек* (sb.by, 13.2026). Автор текста / журналист сознательно использует модную ПЛ зачастую в абсурдизированном контексте, создавая иронический эффект как для «оживления» текста, так и для усиления воздействия на аудиторию.

В ходе анализа было замечено, что последние три года наряду с реализацией иронической и аттрактивной функций ПЛ отражает рефлексию над современной речевой модой. Ее использование, вместе с эмоционализацией и аттрактивностью, становится ироническим способом акцентирования чрезмерной модности/популярности терминов психологии и их инфляционного употребления в современной коммуникации: *Тема старая, обращена к страдающим дамам: пока мужики развлекаются, женщины сидят взаперти, варят борщ. Доколе? Хватит терпеть абьюзеров! Но в то же время — как их не терпеть? Ведь они вон какие классные* (onliner.by, 24.08.2025).

Рассмотрим фрагмент статьи о популярности советских фильмов: *Нынче в соцсетях стало модным критиковать идейные нарративы советских фильмов. Например, чрезмерно сильное желание женщин той эпохи построить семью. Даже главных героинь оscarоносного фильма «Москва слезам не верит» или киноленты «Девчата» обвиняют сегодня в принятии абьюза* (sb.by, 19.06.2025). Комический эффект возникает за счет контраста между современной ПЛ и референтной сферой — советским кинематографом, где феномен психологического насилия не являлся частью дискурса и не был в фокусе общественного внимания. Используя выражение *принятие абьюза* при описании поступков киногероинь, автор иронически обыгрывает моду на ПЛ, показывая, как современные оценочные категории механически переносятся на исторический, культурный контекст. Здесь осмеивается навязчивая привычка интерпретировать любые жизненные коллизии через психотерапевтическую оптику.

Отметим, что выделенные шкалы синтагматических связей ПЛ не являются строго изолированными — они могут пересекаться и взаимодополнять друг друга. Например, коллокация *финансовый абьюз* одновременно иллюстрирует действие тематической (перенос из межличностной сферы в профессиональную) и градуальной (переход от конкретного субъекта к системе, институции) шкал. Аналогичным образом сочетание *хронический нересурс* фиксирует пересечение темпоральной шкалы (переход от временного состояния к хроническому) и шкалы «частное — общее» (индивидуальное состояние осмысливается как коллективное). Такая вариативность свидетельствует о высокой адаптивности ПЛ, ее активном проникновении в различные типы медиадискурса и трансформации клинических терминов в универсальный инструмент интерпретации явлений действительности, отражающий языковую моду.

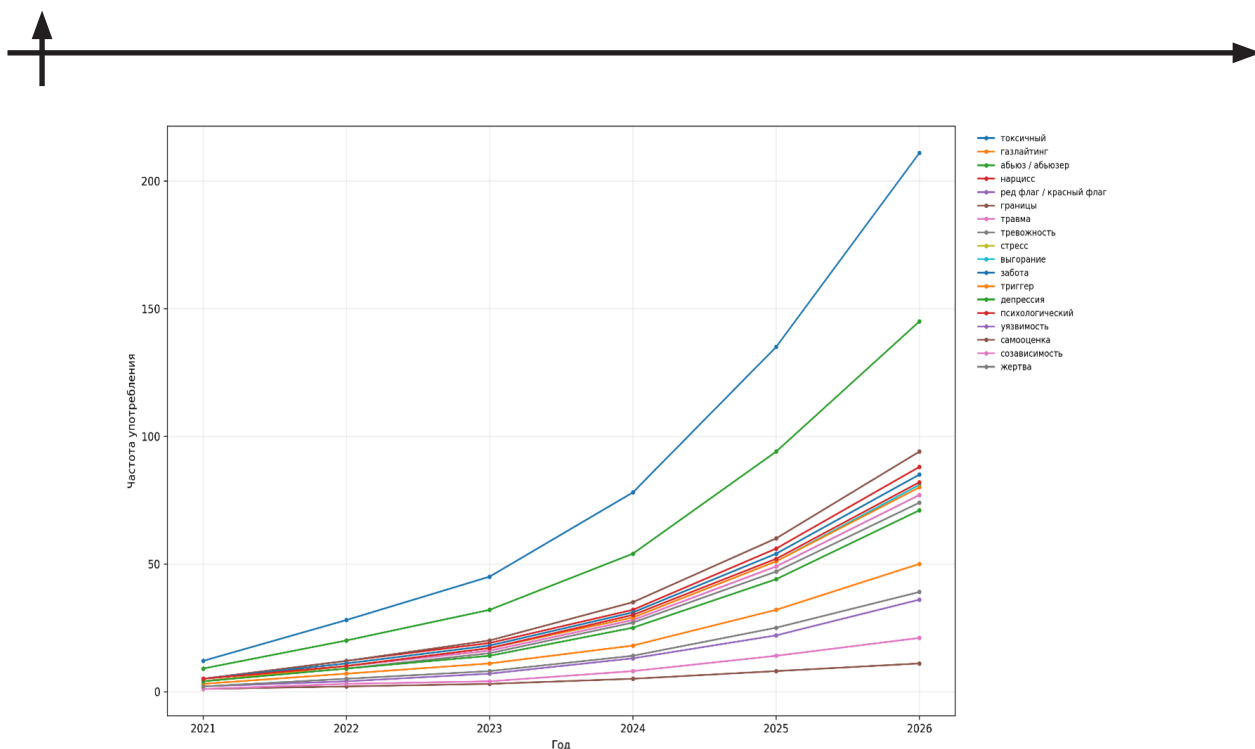

Рис. 1. Динамика частотности психотерапевтической лексики в медиадискурсе (январь 2021 г. — июнь 2026 г.)

Fig. 1. Frequency dynamics of psychotherapeutic vocabulary in media discourse (January 2021 — June 2026)

Динамика частотности психотерапевтической лексики в белорусском медиадискурсе

Для выявления динамики актуализации ПЛ в медиадискурсе был проведен сопоставительный анализ частотности ключевых лексем за январь 2021 г. — июнь 2026 г. Полученные данные демонстрируют (рис. 1) устойчивую восходящую динамику частотности ПЛ на протяжении всего исследуемого периода.

Совокупная частотность представленных единиц увеличивается с 77 употреблений в 2021 г. до 1473 в первой половине 2026 г., что свидетельствует о существенном расширении присутствия ПЛ в медиатекстах. При этом рост не является равномерным: наиболее заметное увеличение частотности наблюдается после 2024 г., и в 2026 г. проявляется устойчивое увеличение частотности, достигающее максимума, что позволяет говорить об активизации процесса лексико-семантической психологизации медиадискурса.

Наиболее выраженная динамика характерна для лексемы *токсичный*, частотность которой возрастает с 12 употреблений в 2021 г. до 211 в 2026 г. Существенный рост демонстрируют также *абыюз/абыюзер* — с 9 до 145 употреблений, *нарцисс* — с 5 до 88, *границы* — с 5 до 94 и *ред флаг / красный флаг* — с 4 до 77. Динамика этих единиц особенно показательна, поскольку они не столько номинируют внутренние психические состояния, сколько интерпретируют поведение, отношения и социально-политических взаимодействия.

Отдельную группу составляют лексемы, связанные с эмоциональным состоянием субъекта. Так, последовательность роста частотности лексем *тревожность*, *стресс*, *выгорание*, *травма* указывает на активизацию и расширение практики репрезентации социальных и индивидуальных состояний посредством психологически маркированной номинации.

Показательна динамика лексем *триггер*, *психологический*, *депрессия*, *забота*. Их частотность также возрастает на протяжении всего рассматриваемого периода, однако абсолютные значения остаются ниже показателей лексических единиц *токсичный* или *абыюз/абыюзер*. Это позволяет утверждать, что психологизация в медиадискурсе осуществляется как посредством оценочной квалификации субъектов и отношений, так и через постепенное расширение лексического

инструментария описания эмоционального опыта, механизмов регуляции и психологической рефлексии.

Особого внимания заслуживает лексема *уязвимость*, частотность которой увеличивается с 2 до 36 употреблений. Несмотря на относительно невысокие абсолютные показатели, ее динамика свидетельствует о распространении медиафрейма (структуры знаний, задающей определенный угол зрения на медиасобытие или явление), в котором субъект описывается через состояние психологической незащищенности и эмоциональной чувствительности. Аналогичную, хотя и менее выраженную динамику демонстрируют слова *самооценка*, *созависимость*, *жертва*.

Принципиально важно, что представленная динамика характеризует не просто увеличение количественной представленности отдельных слов, а изменение языкового способа медиаконструирования действительности. Рост частотности ПЛ свидетельствует о внедрении и активном расширении психотерапевтического фокуса медиакартины мира.

Психотерапевтическая лексика как маркер языковой моды, или языкового вкуса

Для обоснования тезиса о том, что ПЛ является маркером языковой моды в медиакommunikации, будем опираться на комплекс разработанных нами объективных показателей. Речь идет о витальности языковой моды — способности определенных лексических ресурсов активно и устойчиво внедряться в медиадискурс, формируя новые речевые предпочтения и интерпретационные модели.

Объективные показатели экспансии ПЛ в медиадискурсе представим по следующим основаниям:

1) **количественный охват медиатекстов** — зафиксированная выборка из 828 текстов (из 1600 проанализированных), содержащих ПЛ, свидетельствует о том, что ПЛ присутствует в 51,8% медиатекстов;

2) **широта тематического спектра** — ПЛ фиксируется как в ядерных, так и периферийных реципиентных тематических областях, в рамках тем, связанных с психологией и межличностными отношениями, и в ряде других тематических областей, не связанных с психологической проблематикой напрямую. Это свидетельствует о расширению сфер употребления языка за пределы исходной дискурсивной ниши;

3) **плотность/интенсивность употребления** — в ядерных тематических сферах плотность ПЛ составляет 3 и более лексем на текст, что свидетельствует о высокой степени насыщенности медиадискурса терапевтической лексикой. Даже в периферийных зонах фиксируется 1–2 лексемы на текст, что указывает на ее устойчивое присутствие;

4) **динамика частотности** — совокупная частота употребления ПЛ увеличивается с 2021 до 2026 г. (см. рис. 1), что демонстрирует устойчивую восходящую динамику ПЛ и ее закрепление в медиакommunikации;

5) **вариативность синтагматических связей** — ПЛ демонстрирует расширение сочетаемости по нескольким шкалам: тематической, градуальной, шкале «частное — общее», темпоральной, шкале «узуальное — окказиональное», что указывает на высокую адаптивность ПЛ к различным контекстам и жанрам;

6) **грамматическая экспансия** (освоение ПЛ новых грамматических форм, в частности, глагольных — *абыюз* → *абыюзить*);

7) **семантическое расширение** (изменение значений лексем при переходе из профессионального дискурса в медийный). Данные аспекты не рассматриваются в настоящей статье, поскольку они уже были подробно проанализированы в предшествующих исследованиях (например: [9; 11; 12; 15 и др.]);

8) **престижность и модность** — регулярное использование ПЛ в популярных у медиааудитории жанрах (гороскоп, кинообзор, музыкальная рецензия и т.д.), в сильных позициях текста

(заголовки, подзаголовки, лиды), где она выполняет аттрактивную функцию, одновременно маркируя текст как актуальный и «психологически грамотный», а также использование метатекстовых операторов (*как сейчас модно говорить, как принято сейчас говорить, как говорит молодежь*). Метатекстовая рефлексия свидетельствует о том, что употребление ПЛ осознается авторами как маркер современности и модности;

9) **интерноризация/освоенность в повседневном дискурсе и медиадискурсе** — использование ПЛ в прямой речи героев публикаций, в комментариях пользователей и интервью свидетельствует о том, что психотерапевтический язык присвоен носителями и служит для них средством осмысления личного опыта (межличностные отношения, психоэмоциональные состояния, профессиональные трудности); использование ПЛ призвано создавать эффект достоверности;

10) **метадискурсивная рефлексия** — критика избыточности ПЛ и ее ироническое обыгрывание. Как отмечает Н.А. Красавский, рефлексия над языковыми явлениями свидетельствует об их укорененности в языковом сознании [22].

Шкала устойчивости/укорененности психотерапевтической лексики в медиадискурсе

Для количественной оценки степени внедренности лексики в медиадискурс была разработана шкала устойчивости/укорененности ПЛ (табл. 3), которая отражает степень ее экспансии, регулярности, функциональной насыщенности. В основу шкалы заложены объективные факторы, фиксирующие реальное присутствие и функционирование ПЛ в медиатекстах.

Таблица 3. Шкала устойчивости/укорененности лексики в медиадискурсе
Table 3. Scale of steadiness/entrenchment of lexis in media discourse

Значение индекса	Степень устойчивости	Характеристика
< 20	Крайне низкая	лексика фиксируется в единичных текстах, преимущественно в узкой тематической сфере; частотность стабильно низкая; новые коллокации не образуются; грамматическая и семантическая экспансии отсутствуют; динамика роста не фиксируется; престижность и модность, освоенность в повседневном дискурсе и медиадискурсе, метадискурсивная рефлексия не фиксируются
21–40	Низкая	лексика используется эпизодически, преимущественно в специализированных изданиях или рубриках; тематический спектр ограничен 2–3 сферами; насыщенность текста — до 1 лексемы; динамика роста незначительная; случаи грамматической и семантической экспансии единичны; редкие случаи использования лексики в сильных позициях (<5% заголовков), метарефлексия единичная, интерноризация эпизодическая
41–60	Средняя	лексика регулярно встречается в нескольких тематических сферах (<10); насыщенность текста — 1–2 лексемы; частотность демонстрирует умеренный рост; фиксируются отдельные случаи нестандартной сочетаемости; случаи грамматической и семантической экспансии эпизодические (<20% от общего числа употреблений лексем); лексика используется в сильных позициях (<10% заголовков); метатекстовые операторы единичны или отсутствуют; интерноризация в речи героев эпизодическая (<10% интервью); метарефлексия единичная
61–80	Устойчивая	лексика активно используется в широком спектре тематических сфер (<20); насыщенность текста — 2–4 лексемы; частотность демонстрирует устойчивый рост; фиксируется активное расширение сочетаемости по 3 и более шкалам; лексика является объектом метадискурсивной рефлексии; регулярные (>20% от общего числа употреблений лексем) случаи грамматической экспансии и семантического расширения значений; используется регулярно в сильных позициях (10–30% заголовков); метатекстовые операторы регулярны; интерноризация в речи героев и комментариях (10–30% интервью/постов); метадискурсивная рефлексия фиксируется в 5–15% текстов

Окончание таблицы 3

Значение индекса	Степень устойчивости	Характеристика
> 81	Высокая	лексика проникает в 20 и более тематических сфер; насыщенность текста — 4 и более лексемы; частотность демонстрирует экспоненциальный рост; фиксируется высокая сочетаемость вариативность по 5 шкалам; лексика является объектом метадискурсивной рефлексии; регулярно фиксируются новые грамматические формы (глаголизация, адъективация и т.д.), устойчивое семантическое расширение значений более 70% слов-репрезентантов; используется в >30% заголовков; метатекстовые операторы в >20% текстов; интерноризация в >30% интервью/комментариев; метадискурсивная рефлексия в >15% текстов; регулярные новые грамматические формы и семантическое расширение >50% слов-репрезентантов

На основе полученных эмпирических данных индекс устойчивости ПЛ в белорусском медиадискурсе рассчитывается следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Индекс устойчивости психотерапевтической лексики в белорусском медиадискурсе
Table 4. Entrenchment Index of Psychotherapeutic Vocabulary in Belarusian Media Discourse

Параметр	Показатель	Балл (0–100)	Обоснование
Частотность употребления	3209 употреблений	75	Высокая, не максимальная
Насыщенность текста	3,5 лексемы на текст	72	Значительная, не максимальная
Тематический спектр	16 тематических зон	78	Широкий, не максимальный
Динамика роста (2021–2026)	Рост в 19 раз (с 77 до 1473)	80	Интенсивный
Вариативность синтагматических связей	5 шкал	82	Высокая, максимальная
Грамматическая экспансия	29% от общего числа употреблений лексем	70	Присутствует, не максимальная
Семантическое расширение	48% от общего числа употреблений лексем	72	Присутствует, не максимальная
Престижность и модность	Регулярное использование в сильных позициях (38% текстов) и популярных жанрах; фиксируются метатекстовые операторы	82	Высокая
Интерноризация	ПЛ используется в прямой речи героев (18% интервью/репортажей)	74	Значительная, не максимальная
Метадискурсивная рефлексия	Фиксируются случаи иронического обыгрывания и пародирования (39% текстов)	82	Высокая

Полученное значение индекса устойчивости $(75 + 72 + 78 + 80 + 82 + 70 + 72 + 82 + 74 + 82) / 10 = 76,7$ соответствует верхнему порогу «Устойчивой» степени (61–80).

Таким образом, применение шкалы устойчивости/укорененности позволяет обосновать тезис о том, что ПЛ является устойчивым и динамично развивающимся маркером современного языковой моды в медиадискурсе.

Заключение

ПЛ в современном медиапространстве приобретает статус универсального модного языкового инструмента акцентирования различных аспектов картины мира, интерпретации и оценивания личности и действительности.

Распространенность, плотность и распределение ПЛ по самым разным жанрам и тематическим доминантам медиадискурса подтверждает формирование в нем особого психологизированного фокуса репрезентации реальности, при которой межличностные отношения, политические процессы, цифровая коммуникация, профессиональная деятельность и т.д. описываются посредством лексики эмоционального состояния, психологической (не)нормы, психического (не)благополучия. Экспансия ПЛ в медиадискурс формирует психотерапевтический фокус, способствует сведению событий, процессов к межличностному взаимодействию (например, абьюзивные отношения между странами), восприятию посредством психоэмоционального опыта, индивидуальных и коллективных состояний. Расширение сочетаемости ПЛ происходит по нескольким направлениям: от единичного к обобщенному, от конкретного к абстрактному, от индивидуального к коллективному, от временного к хроническому, от узуального к окказиональному. Это свидетельствует о превращении ПЛ из узкопрофессионального инструмента в распространенный и востребованный ресурс интерпретации событий и фактов действительности. При этом ПЛ выполняет аттрактивную, эмоционально-воздействующую, регулятивную, оценочную, дисфемистическую, рефлексивную функции. ПЛ в медиадискурсе становится объектом лингвокреативной рекомбинации — намеренного нарушения узуальных сочетаний с целью создания иронического или экспрессивного эффекта и концентрации внимания на предмете речи.

Исходя из сказанного, целесообразно сделать вывод, что наблюдаемые процессы свидетельствуют о формировании языкового вкуса, ориентированного на психологизированную интерпретацию действительности, где ПЛ становится ключевым ресурсом оценки и интерпретации медиакартины мира.

Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ использования ПЛ в различных типах медиадискурса (профессиональный журналистский и пользовательский), в разных языковых и культурных средах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 319 с.
2. Симонова О.А. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 7–24. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24
3. Lerner J., Rivkin-Fish M. On Emotionalisation of Public Domains // *Emotions and Society*. 2021. Vol. 3. Iss. 1. P. 3–14. DOI: 10.1332/263169021X16135678312345
4. Nehring D., Plotkin M., Csuri P., Viotti N. Re-Thinking Therapeutic Cultures: Tracing Change and Continuity in a Time of Crisis and Change // *Sociological Research Online*. 2024. Vol. 29. Iss. 2. P. 287–298. DOI: 10.1177/13607804241249284
5. Illouz E. *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help*. Berkeley: University of California Press, 2008. 294 p.
6. Madsen O.J. *The Therapeutic Turn: How Psychology Altered Western Culture*. London: Routledge, 2014. 204 p. DOI: 10.4324/9781315779584
7. Eramian L., Mallory P., Herbert M. Friendship, Intimacy, and the Contradictions of Therapy Culture // *Cultural Sociology*. 2024. Vol. 18. Iss. 4. 507–527. DOI: 10.1177/17499755231157440
8. Колесник В.А., Фомина И.Н. К вопросу об этимологии психологических терминов: сопоставительный анализ русской и английской терминосистем // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2024. № 8–2. С. 189–196. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.8-2.29
9. Павлова А.И., Грязнова В.М. Процесс детерминологизации терминов из области психологии в языке современных развлекательных телепередач // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 327–332. DOI: 10.37493/2409-1030.2025.2.20

10. **Isern-Mas C., Almagro M.** Unmasking therapy-speak // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2025. Vol. 46. Iss. 6. P. 465–489. DOI: 10.1007/s11017-025-09730-5
11. **Заманова И.В.** Современные принципы лексикографической интерпретации психической лексики (на примере нормативного толкового словаря) // *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 1. С. 10–26. DOI: 10.21603/2023-25-1-10-26
12. **Здриковская Т.А., Мохова Ю.А.** Функционирование психотерапевтических терминов в русскоязычном интернет-дискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1548–1553. DOI: 10.30853/phil20220284
13. **Almagro M., Isern-Mas C.** Blunting concepts: The double-edged effect of popularizing psychotherapy language // *Philosophical Psychology*. 2025. 1–28. DOI: 10.1080/09515089.2025.2573763
14. **Morgan P.** *Semantic Bleaching: Loss of Meaning in Hyper-Exposed Language*. Berlin: epubli, 2026. 151 p.
15. **Истомина Е.М.** Использование психологических терминов в различных типах дискурсов (на примере новостного корпуса) // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2023. № 2 (113). С. 64–74. DOI: 10.23859/1994-0637-2023-2-113-6
16. **Лебедева С.В., Астахова Н.В.** Психотерапевтическая терминология в контексте теории эвфемии // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2024. Вып. 4 (55). С. 128–137.
17. **Пивоварчик Т.А.** Модные слова из предметной области «Психология» в текстах белорусских СМИ // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2025. № 3. С. 34–38. DOI: 10.63874/2218-029X-2025-3-34-38
18. **Assembling Therapeutics: Cultures, Politics and Materiality** / ed. by S. Salmenniemi, J. Nurmi, I. Perheentupa, H. Bergroth. London: Routledge, 2019. 238 p. DOI: 10.4324/9781351233392
19. **Iacob A., Uban A.S.** A Computational Analysis of the Emergence of Therapy-speak in Social Media // *The Proceedings for the 6th International Workshop on Computational Approaches to Language Change (LChange'26)*. Rabat, 2026. P. 131–146. DOI: 10.18653/v1/2026.lchange-1.12
20. **Краснощекова С.В., Галкина Е.В.** Эвиденциальные стратегии в текстах русскоязычных СМИ Республики Кыргызстан // *Terra Linguistica*. 2026. Т. 17. № 1. С. 24–42. DOI: 10.18721/JHSS.17102
21. **Колтунович Т.А.** Профессиональное выгорание в исторической ретроспективе: описательный период осмысления феномена // *Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук*. 2012. № 11–12 (20–21). С. 46–50.
22. **Красавский Н.А.** *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

REFERENCES

- [1] **Kostomarov V.G.**, *Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [The linguistic taste of the era. From observations on the speech practice of the mass media], Zlatoust, St. Petersburg, 1999.
- [2] **Simonova O.A.**, The 'Emotional Markup' of Psychotherapeutic Culture: Imperatives, Ideational Contradictions, and Lines of Analysis, *The Journal of Social Policy Studies*, 22 (1) (2024) 7–24. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24
- [3] **Lerner J., Rivkin-Fish M.**, On Emotionalisation of Public Domains, *Emotions and Society*, 3 (1) (2021) 3–14. DOI: 10.1332/263169021X16135678312345
- [4] **Nehring D., Plotkin M., Csuri P., Viotti N.**, Re-Thinking Therapeutic Cultures: Tracing Change and Continuity in a Time of Crisis and Change, *Sociological Research Online*, 29 (2) (2024) 287–298. DOI: 10.1177/13607804241249284.
- [5] **Illouz E.**, *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help*, University of California Press, Berkeley, 2008.
- [6] **Madsen O.J.**, *The Therapeutic Turn: How Psychology Altered Western Culture*, Routledge, London, 2014. DOI: 10.4324/9781315779584
- [7] **Eramian L., Mallory P., Herbert M.**, Friendship, Intimacy, and the Contradictions of Therapy Culture, *Cultural Sociology*, 18 (4) (2024) 507–527. DOI: 10.1177/17499755231157440

- [8] **Kolesnik V.A., Fomina I.N.**, Etymology of Russian and English Terms of Psychology: A Comparative Analysis, *Modern Science: Actual Problems of Theory & Practice*, 8–2 (2024) 189–196. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.8-2.29
- [9] **Pavlova A.I., Gryaznova V.M.**, The process of determinologization of terms from the field of psychology in the language of modern entertainment TV shows. *Humanities and law research*, 12 (2) (2025) 327–332. DOI: 10.37493/2409-1030.2025.2.20.
- [10] **Isern-Mas C., Almagro M.**, Unmasking therapy-speak, *Theoretical Medicine and Bioethics*, 46 (6) (2025) 465–489. DOI: 10.1007/s11017-025-09730-5
- [11] **Zamanova I.V.**, Modern Lexicographic Interpretation of Psychic Vocabulary: A Standard Explanatory Dictionary, *SibScript*, 25 (1) (2023) 10–26. DOI: 10.21603/2023-25-1-10-26
- [12] **Zdrikovskaya T.A., Mokhova Y.A.**, Functioning of Psychotherapeutic Terms in the Russian Internet Discourse, *Philology. Theory & Practice*, 15 (5) (2022) 1548–1553. DOI: 10.30853/phil20220284
- [13] **Almagro M., Isern-Mas C.**, Blunting concepts: The double-edged effect of popularizing psychotherapy language, *Philosophical Psychology*, (2025) 1–28. DOI: 10.1080/09515089.2025.2573763
- [14] **Morgan P.**, *Semantic Bleaching: Loss of Meaning in Hyper-Exposed Language*, epubli, Berlin, 2026.
- [15] **Istomina E.M.**, Using psychological terms in different types of discourse by the examples of news corpus, *Cherepovets State University Bulletin*, 2 (113) (2023) 64–74. DOI: 10.23859/1994-0637-2023-2-113-6
- [16] **Lebedeva S.V., Astakhova N.V.**, Psychotherapeutic Terminology in the Context of Euphemia Theory, *Theory of Language and Intercultural Communication*, 4 (55) (2024) 128–137.
- [17] **Pivavarchyk T.**, Buzzwords From the Subject Area “Psychology” in the Texts of Belarusian Media, *Vesnik of Brest University. Series 3. Philology. Pedagogics. Psychology*, 3 (2025) 34–38. DOI: 10.63874/2218-029X-2025-3-34-38.
- [18] *Assembling Therapeutics: Cultures, Politics and Materiality*, ed. by S. Salmenniemi, J. Nurmi, I. Perheentupa, H. Bergroth, Routledge, London, 2019. DOI: 10.4324/9781351233392
- [19] **Iacob A., Uban A.S.**, A Computational Analysis of the Emergence of Therapy-speak in Social Media, *The Proceedings for the 6th International Workshop on Computational Approaches to Language Change (LChange’26)*, Rabat, 2026, pp. 131–146. DOI: 10.18653/v1/2026.lchange-1.12
- [20] **Krasnoshchekova S.V., Galkina E.V.**, Evidential Strategies in Russian-language Media Texts of the Kyrgyz Republic, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 24–42. DOI: 10.18721/JHSS.17102
- [21] **Koltunovich T.A.**, Professional Burnout in the Historical Retrospection: Descriptive Period of Understanding A Phenomenon, *Novyy universitet. Seriya: Aktualnyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [The new university. Series: Actual problems of the humanities and social sciences], 11–12 (20–21) (2012) 46–50.
- [22] **Krasavskiy N.A.**, *Emotsionalnyye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures], Peremena, Volgograd, 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Гладко Марина

Maryna Gladko

E-mail: mgladko29@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>

Поступила: 17.07.2026; Одобрена: 26.08.2026; Принята: 07.09.2026.

Submitted: 17.07.2026; Approved: 26.08.2026; Accepted: 07.09.2026.

Научная статья

УДК 39

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17304>

EDN: <https://elibrary/ROVTDL>

МЕМЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ РОССИИ И КИТАЯ

Г.В. Денисова , О.В. Смирнова ,
С.Б. Стебловская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

 denissovagv@my.msu.ru

Аннотация. Исследование разворачивается в логике компаративистского анализа актуальной разновидности медиаконтента — интернет-мемов. Мем-повестка изучена в ракурсе репрезентации семейных отношений в обществе через их фиксацию в медиaprостранстве, что ведет к формированию устойчивых нарративов. Мем рассматривается как универсальная коммуникативная единица, позволяющая преодолевать межкультурные барьеры, прежде всего, благодаря визуальной составляющей и смешению разных узнаваемых кодов на глобальном уровне. Одновременно авторы подчеркивают, что, несмотря на использование помимо языковых средств и, казалось бы, общедоступных для понимания визуальных средств, мемы часто содержат как эксплицитные, так и имплицитные отсылки к национальному культурному коду, что создает сложности для их восприятия и адекватной интерпретации у аудитории, принадлежащей к разным этнокультурным группам. Методология исследования разрабатывалась на основе антропоцентрической парадигмы научного гуманитарного знания, способствующего осуществлению перехода от описания, классификации и систематизации строго языковых явлений к моделированию комплексных семиотических ансамблей в системе человеческих отношений. Исследование проводилось на основе мониторинга, в котором приняли участие студенты факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова в мае — июне 2025 г. Отбор проводился из персонализированных лент социальных сетей, в том числе Xiaohongshu, WeChat, VK. В работе нашел подтверждение статус мема как мультилингвистической единицы интернет-коммуникации и как поликодового медиапродукта, генерирующего смыслы/контексты с одновременным использованием широкого набора кодов. Проведенный сравнительный анализ российских и китайских мемов семейной тематики позволил зафиксировать ряд тенденций, связанных с состоянием меметической культуры в контексте поликодовой коммуникативной культуры и отражающих ключевые стратегии в конструировании конфликтогенной повестки. Было выявлено, что мем не может однозначно рассматриваться как универсальная коммуникативная единица, так как и вербальные, и визуальные элементы мема в большинстве случаев содержат эксплицитные и имплицитные отсылки к национальному культурному коду; этнокультурная специфика проявляется как в плане конструирования мемов, так и на семиотическом уровне. Что же касается репрезентации семейных отношений в мемах, то она также содержит этнокультурные референции и отчасти свидетельствует об общем уровне конфликтности в обществе.

Ключевые слова: поликодовый текст, мемосфера, контент-анализ, концепт «семья», интернет-мем.

Для цитирования: Денисова Г.В., Смирнова О.В., Стебловская С.Б. Меметическая культура: анализ репрезентации семейных отношений в интернет-мемах России и Китая // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 53–67. DOI: 10.18721/JHSS.17304

MEMETIC CULTURE: AN ANALYSIS OF THE FAMILY RELATIONSHIPS REPRESENTATION IN INTERNET MEMES IN RUSSIA AND CHINA

G.V. Denisova , O.V. Smirnova ,
S.B. Steblovskaia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 denissovagv@my.msu.ru

Abstract. The present paper unfolds within the framework of a comparative analysis of a relevant type of media content: Internet memes. The meme agenda has been studied from the perspective of how family relationships are represented in society through their fixation in the media space, which leads to the stable narrative's formation. Memes can be interpreted as a universal communicative unit that allows to overcome intercultural barriers, primarily due to visual components and universally recognizable codes. At the same time, memes often contain both explicit and implicit references to national cultural codes, which can create difficulties for the perception and adequate understanding by different linguacultural groups. The research methodology is based on the anthropocentric paradigm of scientific humanities knowledge. For the purpose of this research, a monitoring among students of the Faculty of Journalism at Lomonosov Moscow State University in May and June 2025 was conducted. A random selection of memes was conducted manually from personalized social media feeds, including Xiaohongshu, WeChat, VK. The study confirms the status of the meme as a multilingual unit of Internet communication and as a polycode media product that generates meanings/contexts through the simultaneous use of a wide range of codes. The comparative analysis of Russian and Chinese memes with a family theme has revealed a number of trends related to the state of memetic culture. It was found that a meme cannot be unequivocally regarded as a universal communicative unit, since both the verbal and visual elements of a meme in most cases contain explicit and implicit references to the national cultural code. Also, ethnocultural specificity is manifested both in the construction of memes and at the semiotic level and the representation of meme family relationships not only contains ethnocultural references but also reflects the overall level of conflict in society.

Keywords: polycode text, memosphere, content analysis, concept of family, Internet meme.

Citation: Denisova G.V., Smirnova O.V., Steblovskaia S.B. Memetic Culture: An Analysis of the Family Relationships Representation in Internet Memes in Russia and China, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 53–67. DOI: 10.18721/JHSS.17304

Введение

Креолизованные интернет-мемы как актуальный медиаформат представляют собой сложные тексты, объединяющие визуальный и вербальный компоненты в единое смысловое целое и играющие значительную роль в формировании и закреплении социальных представлений о картине мира. Под «креолизованным мемом» понимается «текст, состоящий из вербальной и невербальной (изображение) частей: речевой цепи и изображения предмета, описанного в этой речевой цепи» [1, с. 9], что отвечает феномену поликодности и полимодальному дискурсу, на которые методологически ориентируется данное исследование. В условиях мультилингвизма цифрового пространства мемы часто относят к типу медиаконтента, содержащего универсальный коммуникативный код.

Исследования мема в лингвистическом аспекте и в целом вся активно развивающаяся меметика резонируют с трендом визуального (мультимодального) поворота: «Сегодня можно констатировать, что внутри лингвистики также сместился акцент с признания языка главным кодом

и архимедиумом коммуникации на изучение возможностей другого медиума — визуальной презентации смыслов и идентичностей» [2, с. 101]. В данной работе предлагается определять мем как массово ориентированный поликодовый медиапродукт, единицу интернет-коммуникации, генерирующую смысл через несколько каналов (кодов) одновременно.

В настоящее время явление поликодности изучается в междисциплинарном ключе [3, 4]. Большое внимание мему как важной коммуникативной единице современного медиaprостранства уделяется в рамках медиалингвистики [5, 6], представляющей комплексный подход к данной научной проблематике.

Методология данного исследования ориентируется на антропоцентрическую парадигму научного гуманитарного знания, способствующую осуществлению перехода от описания, классификации и систематизации языковых явлений к моделированию комплексных семиотических ансамблей в системе человеческих отношений. Особую значимость при таком подходе приобретает рассмотрение вопросов, связанных с эффективностью и точностью коммуникативных процессов, а также с особенностями обработки крупных информационных массивов в динамике их организации на современном этапе репрезентацией реальности посредством поликодовых текстов и формирования полимодальных дискурсивных моделей. Действительно, с одной стороны, визуальная природа мемов наряду с тенденцией к смешению кодов (транслитерация, англицизмы, пиктографика и пр.) и стремление к высокому уровню социальной индексальности [7] позволяют преодолевать межкультурные барьеры [8]; однако, с другой стороны, лаконизм и высокая семантическая плотность мемов обуславливают имплицитные отсылки не столько к универсальному, сколько к национальному культурному коду, что создает предпосылки для межкультурных коммуникативных сбоев при декодировании контента представителями различных лингвокультур [9, 10]. Также важным свойством мемов является их способность реагировать на актуальные события и отражать социальные противоречия, которые могут быть классифицированы по степени экспликации: открытый конфликт характеризуется очевидным вербальным или визуальным выражением и явной демонстрацией противостояния, в то время как имплицитный конфликт проявляется через иронию, сарказм, ценностное отчуждение [11]. Использование меметических средств позволяет актуализировать и делать более доступными для восприятия комплексные социокультурные проблемы. В этом смысле мы считаем анализ интернет-мемов эффективным инструментом для диагностики социальной напряженности.

Рассмотрение репрезентации в мемах трансформации семейных отношений представляет особый интерес, так как меметический контент выступает одновременно и как инструмент генерации, и как способ отражения межпоколенческих конфликтов. Отражение в мемах таких конфликтов ведет к семиотическому сдвигу: поколенческая идентичность начинает конструироваться не столько через биологический возраст, сколько через общность культурных маркёров и практик медиапотребления [12, 13].

Гипотеза исследования: рефлексия концепта «семья» находит отражение в мемосфере и обусловлена многоаспектным и разноректорным характером культурных контекстов и социальных паттернов, преломляющихся через культурные традиции и когнитивно-перцептивно-аффективный опыт индивида, что обуславливает вариативность, комплексность и диффузность его восприятия.

Для анализа в междисциплинарном ключе «семьи» как категории, представляющей важный элемент динамики социокультурного развития, в качестве эмпирического дизайна является эффективным экспериментальное изучение «следов» концептуализации категории «семья» в мемах. Под концептом в данном исследовании понимается обобщенная в коммуникативной деятельности и объединяющая различные элементы в единый семантический комплекс *мета-идея*, которая является крайне чувствительной к культурной специфике той общественной среды, где происходит ее поэтапное оформление, то есть концептуализация.

Концепт: 1) служит основой для интерпретации сходных понятийных категорий; 2) включен в определенную часть общественно разделяемой картины мира, формирующейся на основе индивидуального опыта социализации и профессионализации; 3) соотносится с конвенционализированными постулатами и стереотипными суждениями; 4) опосредован разными семиотическими конструктами – моделями его знаковой репрезентации и экспликации, которые непосредственно связаны с дискурсивной аспектизацией необходимых для последующей трансляции элементов структурирования общественного восприятия. При этом можно говорить о концептуализации и как о динамическом и конструктивном процессе, и как о процессе деконцептуализации, реверсивном и деконструктивном.

Исследования показывают, что мемы принимают активное участие в процессе поколенческого отчуждения [14, 15], а также выступают в роли носителей сообщений, которые конструируют, распространяют и укрепляют упрощенные образы «молодые»/«старые» и в целом дихотомию «отцы»/«дети» с различием не только в моральных ценностях и мировоззренческих установках, но и в уровне цифровой грамотности и медиапотребления. Происходящий семиотический сдвиг создает условия, при которых принадлежность к поколению начинает определяться в большей степени общими культурными маркёрами и практиками, нежели биографическим возрастом [16]. Этот феномен встраивается в широкий социологический контекст изучения межпоколенческих конфликтов, которые являются не просто следствием возрастных различий, но также (а, возможно, и прежде всего) продуктом специфического исторического и социального опыта, формирующего коллективное сознание групп [17, 18].

Не будет большим преувеличением утверждать, что в современных условиях именно мемы выступают в роли «зеркала» семейных отношений и стереотипов о них, существующих в обществе [19]. Функционируя как цифровые артефакты, они формируют национальный культурный опыт, причем их потребление носит осознанный коллективный характер [20]. Однако при кажущейся «безобидности» мемы способны выполнять также разрушающую и/или дестабилизирующую функцию [21, 22].

Мем как цифровой конструкт, заточенный на интерес к проблемным сторонам социокультурной действительности, способствует документализации конфликтного дискурса через привлекательную репрезентацию противоречий идеологического, семантического и социального характера. Под репрезентацией в данном случае предлагается понимать «опосредованный ментальный конструкт, субституирующий в сознании индивида действительность, в том числе ее аспекты, которые ввиду своей абстрактной природы исключают возможность прямого эмпирического наблюдения» [23, с. 47].

Современные исследования интернет-мемов развиваются в нескольких ключевых направлениях и с применением междисциплинарных подходов: 1) мем изучается как неотъемлемый элемент цифровой культуры [24, 25]; 2) анализируются этнопсихологические аспекты восприятия мемов представителями разных лингвокультур [26]; 3) изучаются особенности восприятия вербального и визуального компонентов мемов в ракурсе возможностей и способов их декодирования представителями разных визуальных парадигм [27].

Постановка проблемы

Параллельно с цифровыми трансформациями в обществе происходят глубокие структурные изменения института семьи, что находит яркое отражение в медиадискурсе. Примером такой кардинальной трансформации может служить китайское общество, в котором на протяжении всего периода XX–XXI вв. на фоне социально-политических, экономических и технологических преобразований наблюдается устойчивая динамика изменений в сфере семейных и межпоколенческих отношений. Традиционная конфуцианская концепция «сыновней почтительности», долгое время служившая краеугольным камнем института семьи, постепенно утрачивает свое

значение, особенно среди городского населения. Старшее поколение перестает восприниматься как безусловный носитель жизненного опыта и знаний даже в сельской местности, где восприятие семьи-клана также постепенно исчезает, что в целом позволяет констатировать кризис традиционных устоев [28].

В России отношение к семье среди молодежи зачастую входит в противоречие с моральными представлениями родителей и с государственной семейной политикой, что проявляется и при освещении семейной тематики в СМИ. Исследователи [29, 30] отмечают глубокий нравственный кризис, утрату ориентиров и перенос этого конфликта из семейной сферы в другие области общественной жизни. При этом СМИ часто не обладают гибкими стратегиями, позволяющими сочетать меняющиеся общественные реалии и индивидуальные потребности с семейными ценностями. Отмечаются растущие противоречия между традиционной семейной моралью и свободой выбора личности, ведущие к многочисленным конфликтам, порожденным неодинаковым уровнем сознания у представителей разных поколений одной семьи [31].

Очевидно, что современные медиа превратились из пассивных наблюдателей в активных участников социальных конфликтов. В рамках развивающейся медиаконфликтологии изучается эта двойственная роль медиа: их взаимосвязь с социальными противоречиями, потенциал в преодолении конфликтов, а также социальные индикаторы конфликтно-ориентированной повестки [32]. Эти исследования вписываются в широкий контекст медийного измерения социокультурных противоречий [33].

Материалы и методы исследования

Методология анализа семьи как концепта, репрезентируемого в меме как поликодовом тексте должна также учитывать специфику семиотической организации имплицитных характеристик данной категории в целом, влияющих на формирование общественного мнения, а также выявлять особенности выбора коннотации и средств выражения для целенаправленного структурирования информационного пространства. При формировании методологической рамки мы опирались на различные подходы к исследованию современного медиадискурса, в первую очередь на те, которые исследуют особенности реализации вербального и визуального компонентов [34], что позволило разработать комплексную методику, включающую семиотический и контекстуальный анализы.

В мониторинге, который проводился с целью изучения особенностей репрезентации семейных отношений в мемосфере Китая и России в рамках полимодального дискурса в мае – июне 2025 г., приняли участие студенты факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, в том числе 20 носителей русской лингвокультуры и 25 – китайской. Отбор исключительно креолизованных мемов проводился вручную в случайном порядке из персонализированных лент социальных сетей, в том числе Xiaohongshu, WeChat, VK. Материал для исследования отбирался по заданным характеристикам, в соответствии с которыми в содержании мема (в изображении и/или в тексте) отражались различные аспекты семейных отношений или родственных связей по следующим векторам: дети – родители, сестры – братья, внуки – бабушки/дедушки, невестки – свекрови, зятья – тещи и т.д.

В качестве принципа отбора было принято положение о том, что конфликтные мемы выполняют функцию репрезентации одной из сторон конфликта и служат маркером отношения определенной социальной группы к тому или иному явлению, поэтому их изучение позволяет получить ценные данные о ранжировании и о степени конфликтогенности в обществе в определенный временной период.

В результате первого этапа мониторинга был собран массив мемов, отражающих тематику семейных отношений – $N = 1000$, включая два массива: В КНР $N = 500$ и В РФ $N = 500$.

Далее был проведен отсев повторяющихся и нерелевантных мемов, в результате которого была сформирована выборка В1 № = 611, в том числе В1 КНР № = 276 и В1 РФ № = 335.

На следующем этапе проводился анализ присутствия конфликта в содержании вошедших в выборку мемов. После фиксации признаков конфликта из массива В1 были отобраны мемы с признаками конфликта В2 № = 456, в том числе В2 РФ № = 186 и В2 КНР № = 270. Дальнейшая процедура предполагала более глубокий анализ и классификацию мемов из массива В2. Для решения этой задачи была использована апробированная ранее методика анализа конфликтности [18], включающая следующие индикаторы: 1) признаки конфликта, уровень локализации конфликта (изображение, текст или визуально-вербальная совокупность); 2) субъекты конфликта; 3) характер конфликта; 4) способ выражения конфликта. В результате из общего массива мемов с признаками конфликта были выделены мемы с эксплицитным, то есть проявленным явно конфликтом – В3 № = 236, включая В3 РФ № = 190 и В3 КНР № = 46, а также мемы с конфликтом, обозначенным как латентный, имплицитный, – В4 № = 220, включая В4 КНР № = 140 и В4 РФ № = 80.

Результаты и обсуждение

В ходе первой процедуры были сформированы четыре основные группы мемов для проведения дальнейших этапов исследования:

- 1) массив мемов политематической направленности (В1 КНР № = 276 и В1 РФ № = 335);
- 2) массив мемов с признаками конфликта разного уровня (В2 КНР № = 186 и В2 РФ № = 270);
- 3) массив мемов с явным (эксплицитным) конфликтом (В3 КНР № = 46 и В3 РФ № = 190);
- 4) массив мемов с латентным (имплицитным) конфликтом (В4 КНР № = 140 и В4 РФ № = 80).

Дальнейшие этапы анализа последовательно отражены в таблицах.

Таблица 1. Наличие конфликта в содержании мема

Наличие конфликта	КНР		РФ	
	Количество мемов с конфликтом	Доля мемов с конфликтом, %	Количество мемов с конфликтом	Доля мемов с конфликтом, %
Да	186	67,39	270	80,6
Нет	90	32,61	65	19,4
Всего	276	100	335	100

Табл. 1 показывает, что количество конфликтных мемов в российском массиве больше, чем в китайском, так же, как и то, что в российской выборке число мемов с явно выраженным конфликтом (эксплицитным) значительно выше. Для китайской мемосферы, как и для китайской культуры в целом, принадлежащей к конфуцианскому типу (для него характерны почтительность по отношению к старшим, высокая ценность иерархии, культ семьи) явно выраженная конфронтация, которая может заключаться в бранной лексике, изображении рукоприкладства и т.д., является, скорее, исключением.

Из табл. 2 видно, что локализация конфликта в разных частях мема показывает определенные этнокультурные различия: в российских мемах заметно чаще для трансляции конфликта используется текст, в то время как в китайских мемах акцент на текст встречается очень редко.

В табл. 3 представлены результаты анализа по категории «Субъекты конфликта»: подавляющее число субъектов – это люди или антропоморфные существа, представляющие членов семьи. В российских мемах нередко субъектами выступают персонажи картин классической

Таблица 2. Локализация конфликта в структуре мема

Признаки	КНР		РФ	
	Количество мемов с конфликтом	Доля мемов с конфликтом, %	Количество мемов с конфликтом	Доля мемов с конфликтом, %
Только в изображении	14	7,53	21	7,7
Только в тексте	3	1,61	45	16,6
В изображении и подписи	169	90,86	204	75,7
Всего	186	100	270	100

Таблица 3. Субъекты конфликта в меме

Субъекты	КНР		РФ	
	Количество мемов	Доля мемов, %	Количество мемов	Доля мемов, %
Люди, антропоморфные существа	112	60,22	192	71,1
Вымышленные персонажи массовой культуры, персонажи мультфильмов или фильмов	62	33,33	52	19,2
Животные	7	3,76	7	2,5
Тексты	4	2,15	8	3
Знаменитости, актеры и пр.	1	0,54	11	4,2
Всего	186	100	270	100

живописи. Пример на рис. 1 демонстрирует конфликт «дети – родители» («Скажи мне, Настя, я плохая мать?» – «Я Кирилл...»). При этом в китайских мемах заметно чаще встречаются вымышленные персонажи массовой культуры – рисованные герои мультфильмов или анимэ, что отражает особенности китайской массовой культуры (рис. 5).

Большинство конфликтов семейного типа в обеих мемосферах приходится на конфликты «отцы»/«дети», участниками которых являются дети-подростки и взрослые дети. Характерно, что их доля заметно выше в российской выборке в сравнении с китайской (58% против 38%). Это указывает на большую остроту конфликта в российском обществе и свидетельствует о том, что в китайском обществе, невзирая на трансформации института семьи и эрозию ее традиционной модели, родительский авторитет и примат иерархической почтительности значительно выше, чем в российском.

Существенные различия также показывает набор субъектов семейных отношений. Мемов, отражающих отношения, например, с дядей, тетей, двоюродными братьями и сестрами в китайском массиве больше, что свидетельствует в целом о более широком диапазоне взаимодействия в китайской семье. Кроме того, в китайских мемах частым является использование обобщающих понятие семьи слов, таких как «родня», «родные», «родственники» (рис. 2). Таким образом, для китайской лингвокультуры, даже в современных условиях, концепт «родня» играет основополагающую роль, в то время как в российских мемах из всех родственников упоминаются только бабушки (рис. 3).

Наиболее существенные различия были зафиксированы в результатах анализа уровня эксплицитности конфликта. Явное присутствие конфликта зафиксировано в 70% российских и лишь в 14% китайских мемов (в пять раз меньше) (Табл. 4). Такая большая доля мем-контента с явным конфликтом может свидетельствовать о более высоком уровне агрессии, а также о недостаточных сдерживающих факторах в использовании табуированной, бранной или просто

грубой лексики, а также в изображении действий, носящих агрессивный или оскорбительный характер. Причем конфликтный эффект зачастую усиливается диссонансом между изображением и текстом: например, бесконфликтное изображение сочетается с бранной лексикой или, наоборот, изображение агрессивного действия — с нейтральным текстом (рис. 4). В российских мемах встречается уничижительная («позорище», «урод», «идиот», «тварь» и пр.) и даже obscene лексика, что, к сожалению, свидетельствует о высоком градусе конфронтации в российской цифровой меметической культуре.

В китайской меметической культуре конфликт эксплицируется чаще не семантически, а при помощи визуальных средств (угрожающие позы, выражения лица и пр.) Характерным примером является конфликт со свекровью, где агрессивная поза и выражение лица сочетаются с нейтральной подписью «Твоя свекровь здесь» (рис. 5).

В табл. 5 представлены результаты анализа особенностей репрезентации латентного конфликта.

Рис. 1. «Скажи мне, я плохая мать?»¹

Fig. 1. “Tell me, am I a bad mother?”

Рис. 2. «Когда тебе 30 и ты не замужем»²

Fig. 2. “When You're 30 and Unmarried”

¹ Скажи мне, Настя, я плохая мать? // Пикабу. URL: https://pikabu.ru/story/skazhi_mne_nastya_ya_plokhaya_mat_12730431 (дата обращения: 20.04.2026).

² URL: https://www.xiaohongshu.com/discovery/item/69e298ac000000001a02ce0e?app_platform=android&ignoreEngage=true&app_version=9.47.0&share_from_user_hidden=true&xsec_source=app_share&type=normal&xsec_token=CB1DFEhUx8LptxNBN9Ww4zecTS19qyoR5-MMvqeoSxO9M%3D&author_share=1&xhsshare=&shareRedId=N0xGQjs4RTs2NzUyOTgwNjY0OTc4OTw6&apptime=1790096394&share_id=e15f59d4a9fd4161870d98e7c7f4dc14&share_channel=qq&qq_aio_chat_type=2 (дата обращения: 21.05.2025).

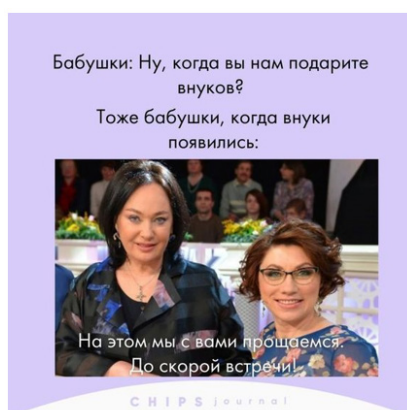

Рис. 3. «Когда вы нам подарите внуков?»³
Fig. 3. “When will you give us grandchildren?”

Когда младшая сестра хочет пожаловаться
на тебя родителям

Рис. 4. «Я и младшая сестра»⁴
Fig. 4. “My Younger Sister and I”

Рис. 5. «Твоя свекровь здесь»⁵
Fig. 5. “Your mother-in-law is here”

³ АйДаПрикол. URL: <https://idaprikol.ru/picture/babuski-nu-kogda-vy-nam-podarite-vnukov-toze-babuski-kogda-VCPngEYCA> (дата обращения: 23.04.2026).

⁴ Ответ на пост «Перепадка из-за цены на газ с президентом Молдовы» // Пикабу. URL: https://pikabu.ru/story/otvet_na_post_perepalka_iz_zh_tsenyi_na_gaz_s_prezidentom_moldovyi_9425163 (дата обращения: 22.05.2025).

⁵ URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/399115795> (дата обращения: 12.04.2025).

Таблица 4. Тип конфликта в меме

Тип конфликта	КНР		РФ	
	Количество мемов	Доля мемов, %	Количество мемов	Доля мемов, %
Явный	46	24,73	190	70,3
Латентный	140	75,27	80	29,6
Всего	186	100	270	100

Таблица 5. Характеристики скрытого конфликта

Характеристики	КНР		РФ	
	Количество мемов	Доля мемов, %	Количество мемов	Доля мемов, %
Ценностный	44	31,43	18	22,5
Общая негативная установка	96	68,57	62	77,5
Всего	140	100	80	100

Для анализа латентного конфликта было решено разделить его на такие составляющие, как ценностный конфликт (разное отношение детей и родителей к работе, увлечениям, браку, деньгам и т.д.) и конфликт, связанный с общей негативной установкой. Оба показателя в китайской и российской выборках примерно на одинаковом уровне, с превалированием общей негативной установки, в принципе характерной для латентного конфликта.

Ограничения и дискуссия

В качестве ограничений в данном исследовании следует отметить то, что оно проводилось с привлечением специфической группы участников и исполнителей, в основном сотрудников и учащихся факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, в той или иной степени погруженных в контекст российской и китайской мемосфер. Часть участников имела предшествующий опыт работы с мемами, что могло отразиться на результатах опроса, поскольку опыт взаимодействия с материалом сходных типов приводит к трансформации стратегий когнитивной обработки. Также ограничением являлось то, что работа проводилась на двух языках: это требовало дополнительных усилий по переводу и трактовке содержания мемов на этапе контент-анализа. Полученные данные выявили ключевые критерии идентификации этнокультурной мемосферы на тему семейных отношений, однако предшествующий опыт работы с мемами показывает, что требуются отдельная проработка и выявление корреляций уровня конфликтности мемосферы с соответствующими процессами и тенденциями в обществе.

Выводы

Исходя из поставленной цели был зафиксирован ряд тенденций, связанных с состоянием меметической культуры и отражающих ключевые стратегии в конструировании конфликтной повестки по теме семейных отношений в российской и китайской мемосферах. Исследование показало, что этнокультурная специфика проявляется как в плане конструирования мемов, так и на семиотическом уровне. При этом следует обратить особое внимание на то, что репрезентация конфликта содержит этнокультурные референции и отражает не только специфику семейных отношений, но также общий уровень конфликтности в обществе.

Проведенное исследование выявило, что наиболее существенная дивергенция наблюдается в уровне конфликтности: для российской цифровой культуры характерна высокая степень

эскалации — 70,3% конфликтных мемов носят эксплицитный характер, в то время как в китайской выборке доминирует латентный конфликт (75,9%), а явная конфронтация зафиксирована лишь в 14,1% случаев. Данное различие, вероятно, обусловлено социокультурными особенностями китайской культуры, которая основывается на конфуцианских паттернах («сыновняя почтительность»), способствующих сохранению ценности семейной иерархии.

Локализация конфликта также демонстрирует кросс-культурные расхождения. Российская мемосфера допускает большую автономию вербального компонента (16,6% чисто текстовых мемов против 1,61% в КНР). Различается и субъектный состав: если в России доминирует человек или антропоморфное изображение (71,1%), то в Китае значительную долю занимают вымышленные персонажи массовой культуры (33,33%), выступающие буфером для трансляции социального недовольства.

Исследование подтвердило статус мема как поликодовой единицы интернет-коммуникации и как полимодального медиапродукта, ориентированного на массовую аудиторию и генерирующего смыслы/контексты с одновременным использованием широкого набора кодов. В то же время конфликтологический сравнительный анализ российских и китайских мемов семейной тематики на этом этапе выявил, что мем не может однозначно рассматриваться как универсальная коммуникативная единица, так как и вербальные, и визуальные элементы креолизованного мема в большинстве случаев содержат эксплицитные и имплицитные отсылки к национальному культурному коду.

Мем-повестка, отражающая семейные отношения в обществе, остро и быстро реагирует на смену ценностных парадигм, в том числе и тех, которые происходят в семейном укладе, то есть через фиксацию в медиaprостранстве изменений фактически формирует устойчивые нарративы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Тарасов Е.Ф.** Смысловое восприятие креолизованного текста // Креолизованный текст: смысловое восприятие: коллективная монография / отв. ред. В.И. Вашунина. М.: Институт языкознания РАН. 2020. С. 9–15.
2. **Чернявская В.Е.** Визуальность в социокультурной проекции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотик. 2021. № 2 (28). С. 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
3. **Абдрафикова А.А., Чемодурова З.М.** Поликодовость как стратегия построения современного художественного текста // Дискурс. 2025. № 11 (6). С. 120–132. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-120-132
4. **Фомин А.Г., Габитов Ш.Р.** Поликодовость как фактор эффективности коммуникации (на материале новостных постов в Telegram) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2025. № 2 (70). С. 19–32. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-19-32
5. **Шомова С.А.** Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 399–424. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1977
6. **Позднякова Ю.** Мем как средство популяризации науки (на примере сообщества «классный ученый») // Динамика медиасистем. 2026. Т. 6. № 2. С. 308–312. DOI: 10.47475/2949-3390-2026-6-2-308-312
7. **Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е.** Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолнгвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106
8. **Dynel M.** “I have Seen Image Macros!”: Advice Animal Memes as Visual-Verbal Jokes // International Journal of Communication. 2016. Iss. 10. P. 660–668.
9. **Shifman L.** Memes in Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. 200 p. DOI: 10.7551/mitpress/9429.001.0001

10. **Денисова Г.В., Смирнова О.В., Сапунова О.В.** Лингвикокультурные универсалии как доминирующий фактор восприятия мемов // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2023. № 6. С. 43–49. DOI: 10.20339/PhS.6-23.043
11. **Смирнова О.В., Шкондин М.В., Денисова Г.В., Стебловская С.Б.** Индикаторы конфликтности в российском медиадискурсе: анализ интернет-мемов // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11. № 1. С. 41–58. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).41-58
12. **Giorgi G.** Exploring generational othering through Internet memes // *The Sociological Review*. 2025. Vol. 74. Iss. 1. P. 194–215 DOI: 10.1177/00380261251314555
13. **Connolly J.** Generational Conflict and the Sociology of Generations: Mannheim and Elias Reconsidered // *Theory, Culture & Society*. 2019. Vol. 36. Iss. 7–8. P. 153–172. DOI: 10.1177/026327-6419827085
14. **Casey A.** The role of internet memes in shaping young people's health-related social media interactions // *Digital Health: Sociological Perspectives*. 2018. Vol. 3. Iss. 2. P. 185–200. DOI: 10.4324/9781351026987-14
15. **Giorgi G.** Methodological directions for the study of memes // *Handbook of Research on Advanced Research Methodologies for a Digital Society* / ed. by G. Punziano, A. Delli Paoli. IGI Global, 2022. P. 627–663. DOI: 10.4018/978-1-7998-8473-6.ch036
16. **Dynel M.** Memefying deception and deceptive memefication: Multimodal deception on social media // *From Lying to Perjury. Linguistic and Legal Perspectives on Lies and Other Falsehoods* / ed. by L.R. Horn. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2022. P. 139–162. DOI: 10.1515/9783110733730-007
17. **Bolin G.** Generational 'we-sense', 'they-sense' and narrative: An epistemological approach to media and social change // *Empiria: Revista de metodología de ciencias sociales*. 2019. Iss. 42. P. 21–36. DOI: 10.5944/empiria.42.2019.23249
18. **Boccia Artieri G.** Generational 'We sense' in the Networked Space: User Generated Representation of the Youngest Generation // *Broadband Society and Generational Changes* / ed. by F. Colombo, L. Fortunati, Frankfurt am Main: Peter Lang. 2011. P. 109–120.
19. **Marhánková J.** The changing practices and meanings of grandparenthood. Reflections on the demographical trends and changing representations of ageing // *Sociology Compass*. 2015. Vol. 9. Iss. 4. P. 309–319. DOI: 10.1111/soc4.12259
20. **Wiggins B.E., Bowers G.B.** Memes as Genre: A Structural Analysis of the Memescape // *New Media & Society*. 2015. Vol. 17. Iss. 11. P. 1886–1906. DOI: 10.1177/1461444814535194
21. **Nissenbaum A., Shifman L.** Internet Memes as Contested Cultural Capital: The Case of 4chan's /b/ Board // *New Media & Society*. 2017. Vol. 19. Iss. 4. P. 483–501. DOI: 10.1177/1461444815609313
22. **Ross A.S., Rivers D.J.** Internet Memes as Polyvocal Political Participation // *The Presidency and Social Media: Discourse, Disruption, and Digital Democracy in the 2016 Presidential Election* / ed. by Schill, J.A. Hendricks. New York: Routledge, 2018. P. 285–308.
23. **Вартанова Е.Л.** Понятие «репрезентация» в дискурсе медиаисследований // *Социальный конфликт в цифровой медиасреде: репрезентация, речевой дискурс, актуальные вызовы: коллективная монография* / под общ. ред. Е.Л. Вартановой. М.: URSS, 2025. С. 45–53.
24. **Манович Л.** Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 250 с.
25. **Manovich L.** Cultural Analytics. London; Cambridge, MA: MIT Press, 2020. 318 p.
26. **Smirnova O.V., Denisova G.V., Svitich L.G., Lin Ch., Steblovskaia S.B., Antipova A.S.** Psychological and Ethnocultural Sensitivities in the Perception of COVID-19 Memes by Young People in Russia and China // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2020. Vol. 13. Iss. 4. P. 148–167. DOI: 10.11621/PIR.2020.0410
27. **Сапунова О.В., Денисова Г.В., Гладкова А.А.** Кросскультурные особенности реализации конфликта визуального и вербального компонента в условиях цифровизации // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 2. С. 123–134. DOI: 10.18721/JHSS.15212
28. **Ван М., Цун Л.** Структура семьи и традиции семейных отношений в Китайской Народной Республике в историко-социальном контексте // *Социология*. 2020. № 4. С. 174–180.
29. **Шабунова А.А., Калачикова О.Н.** Современная российская семья: кризис или эволюция // *Социальное пространство*. 2024. Т. 10. № 2. Ст. № 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.2
30. **Бархатов Е.Д.** Кризис института семьи в России: предпосылки, теория и практика // *Ex jure*. 2026. № 2. С. 155–162. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-2-155-162
31. **Смирнова О.В., Фролова Т.И.** Кризис семьи в медиаизмерениях (анализ текстов российских СМИ) // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2011. № 1. С. 203–227.

32. Демина И.Н., Шкондин М.В. Журналистика в мире повседневности: слагаемые конвенциональной целостности как фактора преодоления конфликтов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 1 (34). С. 134–143. DOI: https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_1_134

33. Смирнова О.В., Шкондин М.В., Сивякова Е.В. Медийное измерение социальных противоречий как направление университетского научного дискурса // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 4. С. 585–596. DOI: [10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).585-596](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).585-596)

34. Сапунова О.В., Денисова Г.В., Гладкова А.А. Кросскультурные особенности реализации конфликта визуального и вербального компонента в условиях цифровизации // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 2. С. 123–134. DOI: [10.18721/JHSS.15212](https://doi.org/10.18721/JHSS.15212)

REFERENCES

[1] Tarasov Ye.F., Smyslovoye vospriyatiye kreolizovannogo teksta [Semantic perception of a creolized text], Kreolizovannyi tekst: smyslovoye vospriyatiye [Creolized text: semantic perception], collective monograph, ed. by V.I. Vashunina, Institut yazykoznaniya RAN, Moscow, pp. 9–15. 2020.

[2] Chernyavskaya V.E., Image and Visuality in Sociocultural Dimension, ИРАЭХМА. Journal of Visual Semiotics, 2 (28) (2021) 96–109. DOI: [10.23951/2312-7899-2021-2-96-109](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2021-2-96-109)

[3] Abdrafikova A.A., Chemodurova Z.M., Polycode Strategy in Contemporary Fiction, Discourse, 11 (6) (2025) 120–132. DOI: [10.32603/2412-8562-2025-11-6-120-132](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-120-132)

[4] Fomin A.G., Gabitov Sh.R., Multimodality as a Factor of Effective Communication (Based on News Messages on Telegram), LUNN Bulletin, 2 (70) (2025) 19–32. DOI: [10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-19-32](https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-19-32)

[5] Shomova S.A., Meme Chronicler: Representation of the Pandemic News Agenda in the Runet Memetic Content, Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 5 (2021) 399–424. DOI: [10.14515/monitoring.2021.5.1977](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977)

[6] Pozdnyakova J., The meme as an instrument of science popularization (the case of the ‘klassnyi uchenyi’ online community), Dynamics of Media Systems, 6 (2) (2026) 308–312. DOI: [10.47475/2949-3390-2026-6-2-308-312](https://doi.org/10.47475/2949-3390-2026-6-2-308-312)

[7] Molodychenko E.N., Chernyavskaya V.E., Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 19 (1) (2022) 103–124. DOI: [10.21638/spbu09.2022.106](https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106)

[8] Dynel M., “I have Seen Image Macros!”: Advice Animal Memes as Visual-Verbal Jokes, International Journal of Communication, 10 (2016) 660–668.

[9] Shifman L., Memes in Digital Culture, MIT Press, Cambridge, MA, 2014. DOI: [10.7551/mitpress/9429.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/9429.001.0001)

[10] Denisova G.V., Smirnova O.V., Sapunova O.V., Linguocultural Universalities as the Determining Factor in Perceiving Memes, Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6 (2023) 43–49. DOI: [10.20339/PhS.6-23.043](https://doi.org/10.20339/PhS.6-23.043)

[11] Smirnova O.V., Shkondin M.V., Denisova G.V., Steblovskaia S.B., Conflict Indicators in Russian Media Discourse: Internet-Meme Analysis, Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism, 11 (1) (2022) 41–58. DOI: [10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).41-58](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(1).41-58)

[12] Giorgi G., Exploring generational othering through Internet memes, The Sociological Review, 74 (1) (2025) 194–215. DOI: [10.1177/00380261251314555](https://doi.org/10.1177/00380261251314555)

[13] Connolly J., Generational Conflict and the Sociology of Generations: Mannheim and Elias Reconsidered, Theory, Culture & Society, 36 (7–8) (2019) 153–172. DOI: [10.1177/0263276419827085](https://doi.org/10.1177/0263276419827085)

[14] Casey A., The role of internet memes in shaping young people’s health-related social media interactions, Digital Health: Sociological Perspectives, 3 (2) (2018) 185–200. DOI: [10.4324/978135-1026987-14](https://doi.org/10.4324/978135-1026987-14)

[15] Giorgi G., Methodological directions for the study of memes, Handbook of Research on Advanced Research Methodologies for a Digital Society, ed. by G. Punziano, A. Delli Paoli. IGI Global, 2022, pp. 627–663. DOI: [10.4018/978-1-7998-8473-6.ch036](https://doi.org/10.4018/978-1-7998-8473-6.ch036)

- [16] **Dynel M.**, Memefying deception and deceptive memefication: Multimodal deception on social media, From Lying to Perjury. *Linguistic and Legal Perspectives on Lies and Other Falsehoods*, ed. by L.R. Horn, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2022, pp. 139–162. DOI: 10.1515/9783110733730-007
- [17] **Bolin G.**, Generational ‘we-sense’, ‘they-sense’ and narrative: An epistemological approach to media and social change, *Empiria: Revista de metodología de ciencias sociales*, 42 (2019) 21–36. DOI: 10.5944/empiria.42.2019.23249
- [18] **Boccia Artieri G.**, Generational ‘We sense’ in the Networked Space: User Generated Representation of the Youngest Generation, *Broadband Society and Generational Changes*, ed. by F. Colombo, L. Fortunati, Peter Lang, Frankfurt am Main, 2011, pp. 109–120.
- [19] **Marhánková J.**, The changing practices and meanings of grandparenthood. Reflections on the demographical trends and changing representations of ageing, *Sociology Compass*, 9 (4) (2015) 309–319. DOI: 10.1111/soc4.12259
- [20] **Wiggins B.E., Bowers G.B.**, Memes as Genre: A Structural Analysis of the Memescape, *New Media & Society*, 11 (17) (2015) 1886–1906. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1177/146144-4814535194>
- [21] **Nissenbaum A., Shifman L.**, Internet Memes as Contested Cultural Capital: The Case of 4chan's /b/ Board, *New Media & Society*, 19 (4) (2017) 483–501. DOI: 10.1177/1461444815609313
- [22] **Ross A.S., Rivers D.J.**, Internet Memes as Polyvocal Political Participation, *The Presidency and Social Media: Discourse, Disruption, and Digital Democracy in the 2016 Presidential Election*, ed. by Schill, J.A. Hendricks, Routledge, New York, 2018, pp. 285–308.
- [23] **Vartanova E.L.**, Ponyatiye «reprezentatsiya» v diskurse mediaaissledovaniy [Media and social conflicts: theoretical and methodological challenges of an interdisciplinary approach], *Sotsialnyy konflikt v tsifrovoy mediasrede: reprezentatsiya, rechevoy diskurs, aktualnyye vyzovy* [Social conflict in the digital media environment: representation, speech discourse, current challenges], collective monograph, ed. by E.L. Vartanova, URSS, Moscow, 2025. pp. 45–53.
- [24] **Manovich L.**, *Teorii soft-kultury* [The theories of soft-culture], Krasnaya lastochka, Nizhny Novgorod, 2017.
- [25] **Manovich L.**, *Cultural Analytics*, MIT Press, London, Cambridge, MA, 2020.
- [26] **Smirnova O.V., Denisova G.V., Svitich L.G., Lin Ch., Steblovskaia S.B., Antipova A.S.**, Psychological and Ethnocultural Sensitivities in the Perception of COVID-19 Memes by Young People in Russia and China, *Psychology in Russia: State of the Art*, 13 (4) (2020) 148–167. DOI: 10.11621/PIR.2020.0410
- [27] **Sapunova O.V., Denisova G.V., Gladkova A.A.**, Cross-cultural peculiarities of the conflict between the visual and verbal components viewed within the framework of digitalization, *Terra Linguistica*, 15 (2) (2024) 123–134. DOI: 10.18721/JHSS.15212.
- [28] **Wang M., Cong L.**, Family Structure and Traditions of Family Relations in the People's Republic of China in a Historical and Social Context, *Sociology*, 4 (2020) 174–180.
- [29] **Shabunova A.A., Kalachikova O.N.**, Modern Russian Family: Crisis or Evolution, *Social Area*, 10 (2) (2024) 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.2
- [30] **Barkhatov E.D.**, The Crisis of the Family Institution in Russia: Background, Theory and Practice, *Ex jure*, 2 (2026) 155–162. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-2-155-162
- [31] **Smirnova O.V., Frolova T.I.**, Family Crisis in Media Measurements (the Analysis of Russian Media Texts), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 1 (2011) 203–227.
- [32] **Demina I.N., Shkondin M.V.**, Journalism in the World of Everyday Life: Components of Conventional Integrity as a Factor in Overcoming Conflicts, *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 1 (1 (34)) (2021) 134–143. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_134
- [33] **Smirnova O.V., Shkondin M.V., Sivyakova E.V.**, Social Contradictions Media Measurement as a Way of University Scientific Discourse, *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10 (4) (2021) 585–596. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(4).585-596
- [34] **Sapunova O.V., Denisova G.V., Gladkova A.A.**, Cross-cultural peculiarities of the conflict between the visual and verbal components viewed within the framework of digitalization, *Terra Linguistica*, 15 (2) (2024) 123–134. DOI: 10.18721/JHSS.15212

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Денисова Галина Валерьевна

Galina V. Denisova

E-mail: denissovagv@my.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>

Смирнова Ольга Владимировна

Olga V. Smirnova

E-mail: smirnova.olga.msu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1349-4241>

Стебловская Софья Борисовна

Sophia B. Steblovskaia

E-mail: steb1@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3866-852X>

Поступила: 10.07.2026; Одобрена: 02.09.2026; Принята: 23.09.2026.

Submitted: 10.07.2026; Approved: 02.09.2026; Accepted: 23.09.2026.

Научная статья

УДК 81'4

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17305>

EDN: <https://elibrary/TUAOEX>

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАТЕКСТОВ О НЕЙТРАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ СПОРТСМЕНАХ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА И АНТИИМИДЖА АТЛЕТОВ

И.В. Евсеева , М.В. Белоусова

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация

 ivevseeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению механизмов языковой репрезентации в отечественном медиадискурсе имиджа и антиимиджа нейтрального российского спортсмена. Цель исследования – выявить роль эмоционально-оценочных средств в медиатекстах, направленных на формирование положительного и отрицательного образа нейтрального спортсмена в российском медиапространстве. Эмпирическим материалом выступили 310 медиатекстов различных жанров, опубликованные в период с декабря 2024 г. по апрель 2026 г., а также 1326 комментариев читателей к этим текстам. Основным методом исследования выступил лингвистический анализ эмоционально-оценочных средств, в основу которого положена дискурсивно-аналитическая методика анализа оценок. В ходе исследования были определены ядерные и периферийные имиджевые и антиимиджевые характеристики нейтральных спортсменов, содержащиеся в медиатекстах. Было установлено, что данные характеристики создаются при помощи типизированных эмоционально-оценочных средств языка, формирующих позитивный или негативный эмоционально окрашенный образ спортсмена в зависимости от интенций автора. Анализ материала позволил сделать вывод о том, что универсальным инструментом формирования имиджа выступают транслируемые в имиджевых текстах ценностные смыслы, передаваемые посредством эмоционально-оценочного потенциала языка. Данное исследование может быть рассмотрено как базовый этап в поисках путей коррекции имиджа нейтрального российского спортсмена в массовом сознании.

Ключевые слова: оценочность, эмотивность, лингвоимиджелогия, имидж спортсмена, имиджевые характеристики, антиимиджевые характеристики.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-00603 «Лингвистическая имиджелогия как междисциплинарное направление лингвистического знания: от практики к теории»

Для цитирования: Евсеева И.В., Белоусова М.В. Эмоционально-оценочный потенциал медиатекстов о нейтральных российских спортсменах и его роль в формировании имиджа и антиимиджа атлетов // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 68–90. DOI: 10.18721/JHSS.17305

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17305>

THE EMOTIONAL & EVALUATIVE POTENTIAL OF MEDIA TEXTS ABOUT INDIVIDUAL NEUTRAL ATHLETES AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE (ANTI)IMAGE OF ATHLETES

I.V. Evseeva , M.V. Belousova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

 ivevseeva@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of the linguistic representation mechanisms of the image (positive) and anti-image (negative) of individual neutral athletes from Russia in the Russian media discourse. The main purpose of the research is to establish the role of emotional and evaluative linguistic tools in media texts that form positive and negative image of individual neutral athletes in the Russian media discourse. The research material consists of 310 media texts published between December 2024 and April 2026, and 1,326 online comments on these texts. The main research method was the linguistic analysis of emotional and evaluative linguistic tools. It is based on the discursive-analytical methodology of assessment analysis. The analysis is aimed at 1) identifying the elocutionary potential of a mass media texts expressed through emotional and evaluative tools that forming image and anti-image of individual neutral athletes, and 2) establishing the effectiveness of this linguistic tools that contribute to the achievement of the speech influence predicted by the author. The main and secondary image and anti-image characteristics of individual neutral athletes in media texts were found. These characteristics are created using emotional and evaluative language tools that form a positive or negative image of athletes, depending on the author's intentions. The data obtained enables to determine that the universal tool for image making is the value meanings transmitted in image texts through the emotional and evaluative potential of language. This study can be viewed as a foundational step in seeking ways to adjust the image of individual neutral athletes from Russia in the public consciousness.

Keywords: evaluation, emotivity, linguistic imageology, image of an athlete, image characteristics, anti-image characteristics.

Acknowledgements: The research was financially supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00603, "Linguistic Image Studies as an Interdisciplinary Field of Linguistic Knowledge: From Practice to Theory."

Citation: Evseeva I.V., Belousova M.V. The Emotional & Evaluative Potential of Media Texts about Individual Neutral Athletes and its Role in the Formation of the (Anti)image of Athletes, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 68–90. DOI: 10.18721/JHSS.17305

Введение

Исследование посвящено изучению механизмов языковой репрезентации в отечественном медиадискурсе имиджа и антиимиджа нейтральных российских спортсменов, решивших принять участие в XXV зимних Олимпийских играх в Италии (далее – Олимпиада, Игры).

Выявление механизмов языковой репрезентации имиджа какого-либо объекта в массовом сознании рассматривается как одна из актуальных задач лингвистической имиджелогии – развивающегося междисциплинарного направления, изучающего средства языкового выражения, направленные на создание имиджа кого-либо, чего-либо. Антиподом термину «имидж» вступает «антиимидж», номинирующий процесс формирования негативного образа отдельных явлений, личностей, стран или профессиональных сообществ.

Имидж и антиимидж – это не два разных набора техник, а две стороны одной коммуникативной стратегии – продвижения объекта: они строятся по схожим механизмам, но с противоположной оценочной полярностью. Именно эмоционально-оценочные единицы лингвисты

рассматривают как ведущий инструмент имиджирования (и антиимиджирования). Однако, как представляется, языковые механизмы имиджирования зависят от типа дискурса и от ценностных установок. То есть в процессе формирования имиджа в спортивном, политическом или рекламном медиатексте работают разные приемы: в одном случае внимание в большей степени обращается на факты и статистику, в другом — на эмоцию и оценку. С учетом этого медиатекст не просто передает информацию, а транслирует определенную систему ценностных установок, для реализации которых подбираются соответствующие языковые средства.

Цель исследования — выявить роль эмоционально-оценочных средств в медиатекстах, направленных на формирование положительного и отрицательного образа нейтрального¹ российского спортсмена в российском медиaprостранстве. Среди ведущих задач выделяются следующие:

- изучить эмоционально-оценочные средства как инструмент имиджирования;
- установить эффективность этих средств в спортивном типе дискурса для формирования устойчивого образа нейтрального спортсмена, его имиджа или антиимиджа.

Изучение эмоционально-оценочных средств в имиджевом ключе и установление их эффективности при имиджировании объекта конкретного типа дискурса вносят вклад в понимание механизмов конструирования имиджа и антиимиджа в современном российском медиадискурсе, что представляется актуальным для лингвоимиджелогии и медиалингвистики.

Материал исследования составили медиатексты и тексты-комментарии к ним.

Привлекались медиатексты различных жанров (новостные и аналитические статьи в СМИ; реплики-высказывания журналистов, общественных и политических деятелей в соцсетях, побуждающие к дискуссии), опубликованные в период с декабря 2024 г. по апрель 2026 г. Рассматриваемые медиатексты размещены на сайтах:

- 1) информационных агентств ТАСС, РБК, РИА Новости, новостного агрегатора ИноСМИ;
- 2) интернет-изданий «Газета.ru», News.ru, RTVI, Life.ru, «Царьград ТВ», «Наша версия», «Российской газеты» RG.RU и газеты «Аргументы и факты», общественно-политической газеты Санкт-Петербурга «Фонтанка.ру» и ведущего делового СМИ Республики Татарстан «БИЗ-НЕС Online»;
- 3) спортивных информационных ресурсов «Советский спорт», «Спортс», «Спорт-экспресс», «Чемпионат», «Матч ТВ», «МК-Спорт», Metaratings, Sportbox, Sport24, Sportliga.com.

В рамках исследования также использовались тексты, размещенные на платформе «Дзен» и в telegram-каналах журналистов А. Шейнина «ШЕЙНИН», М. Шахназарова «ШАХНАЗАРОВ», спортивных журналистов Д. Кузнецова «Нате!», Т. Кокориной, А. Васильева и К. Белокурова «Нейтральные. Олимпийские. Наши», В. Жукова «Лапидарность», Е. Вайцеховской «Тележка Вайцеховской», военного корреспондента Д. Стешина «Русский тарантас», общественного деятеля Б. Корчевникова «Борис Корчевников», начальника штаба бригады ополченцев ЛНР «Призрак» Ю. Шевченко «Юрий Шевченко», спортивного комментатора Д. Губерниева «Дмитрий Губерниев | Реальный Губер», экспертно-аналитической площадки «Сибирский клуб». Приведенные информационные ресурсы отличаются направленностью редакционной политики: часть из них представляет консервативные взгляды, часть — либеральные, большинство же не имеет конкретной политической направленности и освещает разные точки зрения. Общий объем эмпирического материала, позволившего сделать выводы, составил 310 медиатекстов (в статье приведены примеры из 43 текстов).

С целью выявления эффективности используемых в медиатекстах эмоционально-оценочных средств языка к анализу были привлечены комментарии читателей. Материал был отобран методом сплошной выборки, всего было проанализировано 1560 комментариев.

¹ Российский спортсмен, выступающий на Играх в Милане, официально обозначен AIN (Athlète Individuel Neutre) — индивидуальный нейтральный атлет. Экипировка такого спортсмена не содержит цветов государственного флага, а в случае его попадания на пьедестал гимн России не исполняется и государственный флаг не поднимается [РБК. 28.01.2026].

Авторская орфография и пунктуация в иллюстративном материале приводятся без изменения.

Основным **методом исследования** был выбран лингвистический анализ эмоционально-оценочных средств, в основу которого положена методика лингвистического анализа оценок (дискурсивно-аналитическая методика), разработанная С.Т. Нефедовым [1].

Цель анализа заключается, во-первых, в выявлении выраженного посредством эмоционально-оценочных единиц элокутивного потенциала массмедийного текста, направленного на формирование имиджа и антиимиджа российского спортсмена с нейтральным статусом, и, во-вторых, — в установлении эффективности этого потенциала, т.е. языковых средств, которые способствуют достижению перлокутивного эффекта — прогнозируемого автором речевого воздействия.

Методика анализа материала предусматривала два этапа.

На *первом этапе* из массива новостных, аналитических медиатекстов, текстов постов, касающихся темы Олимпиады, были отобраны текстовые фрагменты, в которых содержались эмоционально-оценочные характеристики нейтральных спортсменов либо выражалось отношение к нейтральному статусу спортсменов. Посредством методов контекстуального и семантического анализа лексических единиц из текстовых фрагментов были выявлены элокутивные средства языка, через которые реализуются дискурсивные смыслы имиджевых и антиимиджевых характеристик. Метод количественного подсчета был использован для определения количества текстовых фрагментов, соответствующих конкретным имиджевым или антиимиджевым характеристикам, посредством чего были установлены ядерные и периферийные смыслы, направленные на формирование имиджа или антиимиджа.

На *втором этапе* исследования были проанализированы комментарии читателей массмедийных текстов, в ходе чего выявлялась роль эмоционально-оценочных средств языка в достижении прогнозируемого автором перлокутивного эффекта для формирования имиджа или антиимиджа. Способ установления эффективности речевого воздействия медиатекстов путем анализа интернет-комментариев к ним был предложен Е.Н. Басовской [2] как перспективный метод изучения медиаречи. В рамках данной работы тексты-комментарии классифицировались в соответствии с теми стимулами, реакцией на которые они выступили. Методами контекстуального и функционально-стилистического анализов была выявлена стилистическая маркированность слов и выражений, составляющих текст комментария.

Изученность темы и терминологический аппарат исследования

Исследования имиджевой проблематики, проводимые активно в последние два десятилетия, способствовали становлению лингвистической имиджологии. Достижения в спорте, среди прочего, формируют позитивный имидж страны [3], что делает спортивную сферу одной из значимых в плане имиджирования, что уже являлось предметом лингвистических исследований.

Имидж спорта рассматривается лингвистами с позиций лингвоимиджологии [4], лингвокогнитивного [5], лингвокультурологического [6] и дискурсивного [7] подходов. Ученые обращают внимание на раскрытие языковых аспектов формирования имиджа разных стран в спортивном медиадискурсе России [8], Китая [9] и др., на анализ речевых средств формирования имиджа спортсменов, тренеров и спортивных организаций в медиа [10]. Наше исследование выполнено в русле лингвоимиджологии, изучающей, среди прочего, средства языкового выражения имиджа и антиимиджа. Остановимся на понимании терминов «имидж» и «антиимидж», образующих антонимическую пару.

В современных исследованиях имидж трактуется как целенаправленно создаваемый эмоционально окрашенный образ какого-либо объекта, намеренно внедряемый в массовое сознание [11, с. 342] с целью вызвать у аудитории «нужную», «правильную» реакцию [12, с. 302]. Имиджевые характеристики объекта — это структурные элементы имиджа, несущие в себе значение,

эмоцию или ценностную установку [12, с. 304]; конкретные формулировки, чаще всего отвечающие на тот или иной вопрос о предмете имиджирования или вызывающие определенные ассоциации². Данные характеристики содержатся в имиджевых текстах. Д.А. Мажоров такие тексты подразделяет на собственно-имиджевые (их цель — формировать или корректировать имидж объекта) и несобственно-имиджевые («тексты, потенциально могущие оказывать влияние на имидж») [12, с. 305]. Первую группу составляют PR-тексты, тексты имиджевой и социальной рекламы (в них упоминается спонсорство), вторую — тексты, которые могут влиять на имидж объекта (журналистские и рекламные). То есть имиджевые тексты в классификации Д.А. Мажорова представляют собой более широкую категорию, куда включены разного рода тексты, в том числе PR-тексты, направленные на формирование благоприятного имиджа кого-либо, чего-либо.

Рассматриваемые в рамках данного исследования журналистские тексты относятся к типу несобственно-имиджевых, которые потенциально могут оказывать влияние на имидж нейтральных спортсменов, но не представляют собой рекламные или PR-тексты, а их главной целью, по крайней мере — большинства из них, не является формирование/изменение имиджа. Авторы текстов, фокусируясь на определенных (около)спортивных событиях, дают оценку нейтральному статусу как явлению и спортсменам, участвующим в Олимпиаде в таком статусе. В зависимости от интенций авторов текстов о нейтральных спортсменах формируются полярные представления, соотносимые с пониманием имиджа и антиимиджа.

Термин «имидж», предложенный американским экономистом К. Боулдингом в конце 1950-х гг., был определен как «поведенческий стереотип, основанный не на действительных фактах, а на престиже, мнениях, иллюзиях, которые люди создают о самих себе, на мифологическом представлении о прошлом, на воображаемом представлении о будущем, и который способен влиять как на поступки отдельных личностей или групп, так и на поведение целых наций»³. Это определение согласуется с пониманием имиджа как идеализированного образа, призванного сформировать исключительно позитивное отношение окружающих к объекту имиджирования. Сравните: «...имидж — это то, кем или чем хочет выглядеть (казаться) объект в глазах окружающих, это специально и даже нередко искусственно создаваемый образ, необходимый его носителю по тем или иным причинам и отвечающий стереотипным или прототипическим представлениям о том, кем или чем должен являться этот объект на деле» [13, с. 10]. В трудах имиджевой направленности есть предложение выделять два типа имиджа (позитивный и негативный) в зависимости от степени эмоционального воздействия на аудиторию⁴ [14], что, как мы считаем, противоречит вышеприведенным определениям термина «имидж». Использование антонимичного термина «антиимидж» в значении «негативный имидж» [15, с. 115] снимает это противоречие. Антиимидж представляет собой целенаправленно формируемый негативный образ объекта, который может создаваться с целью атаковать уже сформированный позитивный имидж [16, с. 222]. Если привлекательные характеристики объекта содержатся в имиджевых текстах, то антиимиджевые характеристики создают основу для антиимиджевого текста. Антиимиджевые тексты обладают признаками конфликтных текстов [17, с. 153]: субъективностью в подаче информации, оскорбительностью выражений, ерничеством, наличием грубой лексики и других языковых конфликтогенов.

Исследователи, изучающие имиджевую проблематику с лингвистических позиций, отводят определяющую роль в формировании имиджа и антиимиджа оценочным и эмоциональным средствам языка. Категория оценки направлена на создание определенного ценностного отношения общественности к объекту имиджирования [18, с. 255], а категория эмотивности — на

² Ольшевский А.С., Ольшевская А.С. Негативные PR-технологии. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 64.

³ Галумов Э.А. Международный имидж современной России (Политологический анализ): автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. М., 2004. С. 7.

⁴ Овчинникова А.М., Шульга Н.В. Основы имиджелогии: конспект лекций. Омск: Омский государственный университет путей сообщения, 2019. 55 с.

выражение автором эмоций по отношению к нему и на достижение тем самым экспрессивности имиджевого текста, также способствующей реализации воздействующей функции [19, с. 482]. Эмоциональные и оценочные средства языка создают эмоционально окрашенный образ объекта имиджирования, необходимый для эмоционального отклика аудитории, на получение которого ориентированы имиджевые/антиимиджевые тексты [20, с. 1967]. В качестве инструментов формирования имиджа оценочные языковые средства изучались на материале анализа текстов о публичных личностях⁵, в том числе политиках [21], о предприятиях⁶ [20], населенных пунктах [22] и др.

Существует два полярных подхода к соотношению оценочности и эмотивности в языке: 1) данные категории рассматриваются как единый эмоционально-оценочный компонент [23, 24]; 2) признавая тесную спаянность оценки и эмоции, исследователи определяют их в качестве относительно самостоятельных явлений языка, поскольку существуют оценочные лексемы без эмоционального компонента и наоборот [25, 26]. Опираясь на концепцию основоположника лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского [27], мы рассматриваем эмоциональность и оценочность как разные, но тесно связанные явления. При анализе имиджевых и антиимиджевых медиатекстов их невозможно рассматривать изолированно.

В рамках данного исследования мы отталкиваемся от разработанной С.Т. Нефедовым методики лингвистического анализа оценок, которая «включает структурную сегментацию текстов на предикации, выделение оценочно заряженных предикаций и рассмотрение употребленных в них оценочных средств» [1, с. 763]. Эта методика предусматривает изучение прагматики оценочных средств языка прагма-семантическими методами, в частности методом контекстуального анализа, и ориентирована на вскрытие механизмов, с помощью которых в конкретной сфере коммуникации конструируется и воспроизводится социальная реальность.

Результаты исследования

Вслед за исследователями, которые изучают семантику и прагматику эмоционально-оценочных средств языка [1, 27, 28 и др.], учитывающих не только то «что сказано», но и «как сказано» и «в каком контексте», мы рассматриваем эти средства не столько как «украшение» речи, сколько как инструменты формирования дискурсивной позиции, ценностных ориентиров и управления отношением аудитории к проблеме.

Задача **первого этапа** исследования – выявление в современных отечественных медиатекстах эмоционально-оценочных средств языка, использованных с целью формирования имиджа и антиимиджа российских спортсменов в связи с их желанием выступить на международных соревнованиях в нейтральном статусе.

Анализ 310 оригинальных текстов сферы спортивного медиадискурса позволил выявить разнообразные средства эмоциональной оценки, дающие возможность установить авторскую интенцию – создание имиджа или антиимиджа нейтрального российского спортсмена. Это подтверждает выводы других исследователей (см. раздел «Изученность темы и терминологический аппарат исследования») о том, что эмоционально-оценочные единицы языка являются лингвистическим «фундаментом», на котором в медиатекстах строятся имидж и антиимидж. Причем в медиатекстах используются одни и те же эмоционально-оценочные ресурсы языка, которые становятся основой как имиджевой, так и антиимиджевой характеристики спортсменов в зависимости от интенции автора текста. Сравните, например, использование бранной, грубой лексики – аффективов (В.И. Шаховский при классификации эмотивов лексического уровня помимо аффективов выделяет коннотативы и потенциальные эмотивы [27]). В текстах

⁵ Лозовский Ю.Г. Языковые средства создания имиджа известной личности (на материале СМИ Приморского края): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Владивосток, 2009. 22 с.

⁶ Мухина М.В. Оценка как языковое средство формирования имиджа предприятия (по материалам Интернет-сайтов телефонных компаний): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2013. 21 с.

имиджевой направленности отрицательная оценка противников нейтрального статуса выражается интенсивнее посредством использования аффективов:

Причём здесь фигуристы, спортсмены? Они сами решат, ехать им или нет. А мнение про бойкот в жопу засуньте (Life.ru. 16.05.2025);

*Эти разговоры о том, ехать или не ехать в таком статусе, пора заканчивать. Не нужно слушать всяких **идиотов**, которые рассказывают нам о псевдопатриотизме* (Советский спорт. 28.03.2025)

(ср.: Их карьера коротка, а мировая ситуация сложна. Олимпийский комитет России и федерации по видам спорта это понимают. Нужно объединяться, помогать, а не усложнять жизнь. Никто не вправе навешивать на наших ребят ярлыки (Фонтанка.ру. 06.03.2025)).

Инвективная лексика («в жопу засуньте», «идиоты») — предельно грубое отторжение чужой позиции, такая лексика трактуется как маркер сильной дискурсивной границы: говорящий не просто не согласен, а демонстративно исключает чужое мнение из легитимного обсуждения, маркирует его как неприемлемое. Аффективы используют и авторы антиимиджевых текстов при выражении радикальной позиции:

Мы — Россия. И точка. P.S. В задницу всех «нейтралов» (Юрий Шевченко. Telegram. 09.02.2026).

Здесь грубая экспрессивная лексика усиливает категоричность предшествующей конструкции, где слово «точка» уже выступает маркером окончательности, закрывая возможность диалога и подчеркивая безапелляционность позиции. Следующая фраза, поданная как постскрипtum («P.S. В задницу всех „нейтралов“»), помимо выражения оппозиции «свои — чужие» (слово «нейтралы» приобретает пейоративный оттенок: человек, который не занимает явной стороны, воспринимается как уклонист, предатель), резко усиливает эмоциональную нагрузку, выражая презрение и раздражение.

Сравните также реализацию потенциальных эмотивов (эмоционально-нейтральных лексических единиц, получивших несвойственную им эмоциональную окраску в определенном контексте) в имиджевых текстах:

*Калужанки будут шить, создавать форму, **доспехи**, в которых героини-олимпийцы будут **возвращать** то, что у нас постоянно пытаются отнять — славу и победы российского спорта* (РБК. 24.01.2026) — здесь метафора «доспехи» подчеркивает идею защиты, активного противостояния внешним вызовам и усиливает миссию спортсмена, ключевое слово «возвращать» выражает идею не просто участия, а триумфального возвращения утраченного), и в антиимиджевых текстах:

*Сколько раз ещё «мировое спортивное сообщество» должно вытереть о нашу страну ноги, чтобы довод «это же спортсмены, они ради Олимпиады **всю жизнь тренируются** — можно и унизиться, и про Родину забыть по такому случаю» больше не озвучивался?* (Царьград ТВ. Telegram. 22.10.2025) — здесь, казалось бы, нейтральное сочетание «это же спортсмены», «всю жизнь тренируются», с одной стороны, подчеркивают жертвенность, с другой — бессмысленность решения. Автор подводит к мысли, что никакие жертвы не оправдают предательства Родины.

Остановимся на специфике средств выражения эмоционально-оценочных смыслов. В отличие от имиджевых текстов, в антиимиджевых текстах о нейтральных российских спортсменах есть место иронии, выражаемой либо графически (заклЮчением в кавычки слов, употребленных в ироническом ключе), либо при помощи антифразиса. Основой антиимиджевых характеристик нередко становятся лексемы в кавычках, употребленные в ироническом значении:

*Но давайте посмотрим на условия этого «**допуска**» трезвым взглядом, без эмоциональных причитаний о «**коротком веке спортсмена**»* (Sportliga.com. 20.11.2025);

*И если «**олимпийские мечтатели**» приезжают домой с одной серебряной медалью, возникает вопрос — а какой прирост с этого обществу?* (Аргументы и факты. 24.02.2026);

Они выходят на арену без атрибутов своей страны, без флага и гимна. Официально это называется «сохранить спорт для спортсменов» (Царьград ТВ. 10.02.2026).

Посредством антифразиса выражается не просто ироничный смысл слова, а циничная злая насмешка автора:

*Но более всех **отличилась** наша лыжница Дарья Непряева — надела чужие лыжи и **двинула** на дистанцию. Пришла одиннадцатой — даже чужие лыжи не помогли* (Наша версия. 28.02.2026);

*По большому счету, гора родила мышь. **Мышь**, которая **умудряется** на своем «старте мечты» получить дисквалификацию, обувшись в чужие лыжи* (Аргументы и факты. 24.02.2026).

Еще пример — лексемы с эмоционально-оценочным значением, сопутствующим денотативному значению (коннотативы), в имиджевых текстах работают на интенсификацию положительной оценки нейтральных спортсменов:

*Заветные 115 баллов загораются в верхнем левом углу. Трибуны **взрываются, скандируют!** Петр не только «Первый», а еще и «**Великий**» с такими прыжками* (Спортс. 26.02.2026), а в антиимиджевых текстах коннотативы усиливают негативную оценку нейтральных спортсменов:

*Меня мало интересуют нейтральные атлеты, прошедшие процедуру **неподдержки СВО** и **постыдно затершие** Георгиевскую ленту в своих соцсетях, **отрекась** от героической памяти предков и многовековой истории нашей страны!* (Спортс. 04.01.2026).

Из 310 привлеченных к анализу медиатекстов 127 были определены как имиджевые, позитивно характеризующие нейтральных российских спортсменов, 72 — как антиимиджевые, дающие отрицательную оценку таких атлетов. Оставшиеся 111 текстов были оценены как тексты с объективно-нейтральной подачей информации.

В результате анализа текстов было выявлено 22 имиджевые характеристики (из них 14 ядерных и 8 периферийных) и 20 антиимиджевых характеристик (9 ядерных и 11 периферийных) нейтральных спортсменов — участников Олимпиады. К ядерным характеристикам мы относим такие, которые встречаются в четырех и более контекстах. Выявление ядерных характеристик позволяет утверждать, что в них выражены не случайные, а повторяемые из текста в текст устойчивые утверждения. Имиджевые характеристики представлены в табл. 1, антиимиджевые — в табл. 2.

Представим результаты анализа текстовых фрагментов, в которых проявлены наиболее частотные имиджевые и антиимиджевые характеристики. Анализ строился с опорой на выявление семантики эмоционально-оценочных средств и дискурсивных функций, формирующих механизмы смыслопорождения текста.

Наиболее частотная имиджевая характеристика в текстах массмедиа: нейтральный статус — это единственный шанс спортсмену проявить себя, выявлена в 15 контекстах (ниже маркируем их цифровым индексом и буквой И — имиджевый контекст):

(1И) *Мы и так потеряли очень много, а можем и целое поколение спортсменов. Потребуется немало усилий, чтобы вернуться. И те, кто критикует нейтральный статус, не понимают в спорте и как короток век атлетов* (Советский спорт. 01.08.2025);

(2И) *Медалей не будет. <...> Но и говорить, что если не претендовать на топ-3, то и вообще ехать не стоит, вообще глупо. Спортсмены должны выступать, и это главное. Олимпиада — это колоссальный опыт, который позволит расти дальше и надеяться на успехи молодых атлетов в будущем* (Чемпионат. 19.12.2025);

(3И) *Поддержим наших атлетов в любой ситуации. На Олимпийском собрании я обратился к его участникам с речью, лейтмотивом которой стала мысль, что мы не должны создавать дополнительные препятствия своим же спортсменам. Век профессионала очень короток, а ситуация в мире сегодня непростая. Это ощущают и ОКР, и федерации по отдельным видам спорта. Надо сплотиться, помогать, а не мешать. Никому не позволим клеймить ребят, обзывая их иноагентами и предателями, — сказал Дегтярев* (Спортс. 06.03.2025);

Таблица 1. Количественная представленность имиджевых характеристик в текстах массмедиа
Table 1. Quantitative representation of image characteristics in mass media texts

Имиджевые характеристики	Количество контекстов
1) Нейтральный статус — единственный шанс спортсмену проявить себя	15
2) Нейтральные спортсмены — одни из главных претендентов на олимпийские медали	14
3) Нейтральный статус спортсменов — важный шаг к восстановлению России в системе мирового спорта	12
4) Нейтральные спортсмены достойно выступили на Олимпиаде	11
5) Нейтральных спортсменов будет поддерживать вся Россия	10
6) Нейтральные спортсмены — защитники России на международных соревнованиях в условиях жестких ограничений	10
7) «Главное — не победа, а участие»	9
8) Нейтральные спортсмены известны во всем мире, и все знают, какую страну они представляют	7
9) Нейтральные спортсмены вызывают к себе доброжелательное отношение со стороны иностранных соперников	7
10) Нейтральные спортсмены — герои	6
11) Неполучение российским спортсменом нейтрального статуса — трагедия	6
12) Выступление нейтральных спортсменов на Олимпиаде — патриотично, их осуждение со стороны общественности — непатриотично	5
13) Нейтральные спортсмены — надежда России	5
14) Приоритет России — победы российских спортсменов	4
15) Получение нейтрального статуса — личное решение спортсмена, но не общественности	3
16) Нейтральные спортсмены взяли только одну олимпийскую медаль не из-за слабой подготовки, а из-за длительного отстранения России	3
17) Государство обязано материально поощрить нейтральных спортсменов, выступивших на Олимпиаде	3
18) Нейтральные спортсмены уважительно относятся к журналистам	3
19) Нейтральные спортсмены — вне политики, они выполняют свою работу	3
20) Нейтральный статус не несет ничего плохого	3
21) За нейтральных спортсменов не стыдно болеть, так как они не являются «квасными патриотами»	1
22) Нейтральные спортсмены — гордость России	1

(4И) Когда FIS выступила с заявлением (о допуске), я был очень рад. Это возможность, которой мы должны воспользоваться. Для меня это означает возможность выступить на Олимпийских играх. И, конечно же, дебютировать в Кубке мира (Спортс. 04.12.2025);

(5И) Я заполнил заявку и отправил ее в FIS. В ответ мне прислали анкету, которую я даже не сразу открыл. Через неделю FIS еще раз обратились ко мне и напомнили, что у меня лежит незаполненная анкета. Тогда я уже решил, что нужно довести дело до конца. Все-таки в спорте может произойти все, что угодно. Подумал, что буду дураком, если откажусь от такой возможности (Sport24. 20.01.2026);

(6И) С 6 по 22 февраля все те, кому удалось завоевать квоты и получить приглашения на Игры от Международного олимпийского комитета, будут бороться за медали турнира, который является самой главной мечтой в жизни спортсменов (Sport24. 29.01.2026);

(7И) Выступать надо в любом случае, в том числе и в нейтральном статусе. Понимаю всю серьезность и важность, ведь каждый спортсмен занимается для того, чтобы побывать на Олимпийских играх и постараться показать достойные результаты (Советский спорт. 18.01.2026);

(8И) ...я отношусь нормально к тому, что некоторые ребята без флага выступают, потому что для них выступления — это главное в их жизни. Выступить на Олимпиаде, хоть и без флага, это огромный шанс (Советский спорт. 17.11.2025);

Таблица 2. Количественная представленность антиимиджевых характеристик в текстах массмедиа
Table 2. Quantitative representation of anti-image characteristics in mass media texts

Антиимиджевые характеристики	Количество контекстов
1) Нейтральный статус спортсмена – это унижение великой страны и дискриминация русского народа	18
2) Нейтральные спортсмены – это не россияне	12
3) Нейтральный статус спортсмена ради выступления на Олимпиаде – непатриотично	10
4) Трансляция выступлений нейтральных спортсменов на Олимпиаде – непатриотично	10
5) Нейтральные спортсмены плохо выступили на Олимпиаде	10
6) Нейтральные спортсмены – предатели России	7
7) Нейтральные спортсмены, допущенные на Олимпиаду, не являются лидерами своих дисциплин внутри России	5
8) Нейтральные спортсмены – не герои	5
9) Согласие на нейтральный статус – основание для унижения спортсменов	5
10) Нейтральный статус спортсменов противоречит спортивным принципам	3
11) Россияне не обязаны поддерживать нейтральных спортсменов	3
12) Нейтральный статус для именитых спортсменов – унижительно	3
13) Нейтральные спортсмены – позор России	3
14) Полное отстранение российских спортсменов от Олимпиады лучше нейтрального статуса	2
15) Государство не должно материально поощрять нейтральных спортсменов, выступивших на Олимпиаде	2
16) Поддержка россиян нужна не нейтральным спортсменам, а тем, кто отказался от нейтрального статуса	2
17) Болельщики-сторонники нейтрального статуса – предатели России	1
18) Нейтральные спортсмены вызывают к себе негативное отношение со стороны иностранных соперников	1
19) Нейтральный статус – это поражение России	1
20) Нейтральные спортсмены неуважительно относятся к журналистам	1

(9И) *Фигуристы всю жизнь мечтают попасть на Олимпиаду. Им совершенно наплевать, в каком статусе они туда поедут. Есть обыватели, которые не думают о фигурном катании во время СВО. Их тоже можно понять. Не понимаю только тех, кто осуждает наших ребят за такое отношение к нейтральному статусу* (Спортс. 22.08.2025);

(10И) *...если представится возможность выступить на Играх в Милане в нейтральном статусе – надо соглашаться. Наши ребята засиделись, а спортивный век короткий. Конечно, им надо дать возможность проявить себя* (Советский спорт. 27.07.2025);

(11И) *Тезис, что родина вложила (средства) и чувствуется какая-то несправедливость, он применим к тем, кто сменил спортивное гражданство, а не к тем, кто поехал и привез медаль в Россию. Появилось окошечко, они поехали, забрали золото и привезли сюда. Эти спортсмены ничего не меняли, занимались и занимаются здесь. Карьера спортсмена очень скоротечна. Годы уходят, мы можем потерять эти самые медали. Это не очень хорошо* (РИА Новости Спорт. 14.04.2025);

(12И) *Я отношусь хорошо! Если есть возможность ехать, надо ехать. Это их профессия. И даже если они будут в нейтральном статусе, все знают, откуда они. Когда они приедут сюда, у них будут и гимны, и флаги, но выступать надо даже под нейтральным. Потому что они половину своей жизни отдают спорту. <...> Поэтому надо ехать и выступать, если есть такая возможность* (Чемпионат. 05.07.2025);

(13И) *Выступление на Олимпиаде должно пойти на пользу многим российским спортсменам в плане опыта, поскольку большинство из них ранее не участвовали в соревнованиях такого уровня в связи с многолетним недопуском на международные старты* (ТАСС. 29.01.2026);

(14И) *Чем дольше наблюдаю в этом сезоне за Петром Гуменником, тем отчётливее вижу, какой колоссальный буст в профессиональном плане ему дала возможность выступить на Олимпиаде. Сегодняшний, заключительный перед Играми прокат произвольной программы на «Мемория» этом сезоне — эталонный пример отношения к себе, к своей подготовке, к шансу, который предястоит использовать в Милане. Мемориал в Питере планировался как контрольный старт, Гуменник именно так его и проехал: безупречно технически, без капли лишних эмоций, очень вдумчиво и в то же самое время раскованно внутренне и амплитудно* (Тележка Вайцеховской. Telegram. 22.01.2026);

(15И) *Для Коростелёва и Непряевой это, напротив, шанс всей жизни* (Бизнес Online. 07.02.2026).

Эмоционально-оценочные средства в этих контекстах направлены на реализацию следующих смыслов:

1) мобилизация солидарности и защита спортсменов (фрагменты 1И–3И) достигается через:

— использование лексических маркеров с негативной коннотацией («потеряли», «глупо», «клеить», «предатели» и др. — создается образ несправедливого давления и угрозы, сочетание «потеряли очень много» работает как интенсификатор, усиливая негативную оценку масштаба потерь) и создание контраста как оценочной имплицатуры (есть то, что уже потеряно, в перспективе может быть еще хуже — ситуация риска);

— убеждения посредством акцента на кратковременности спортивной жизни атлетов («век атлетов короток» — апелляция к срочности и невозможности потерь, это не просто констатация факта, а аксиологический постулат, который становится основанием для оценки: из-за краткости карьеры любое выступление ценно) и посредством формирования морально-этической рамки (противопоставление «мы должны помочь» — «нельзя мешать/клеить» — поддержка транслируется как долг, осуждение — как безнравственность);

2) использование возможности как личной перспективы спортсмена (фрагменты 4И–5И) реализуется через:

— открытое выражение позитивной эмоции («был очень рад»);

— прагматическую оценку («возможность выступить/ дебютировать», возможность — ключевой для спортсмена ценностный концепт);

— самооценку через антиценность («буду дураком» — самокритика, усиливающая мотивацию к действию);

3) оправдание нейтрального статуса через мечту и ценность Олимпиады (фрагменты 6И–10И) проявлено посредством:

— гиперболизации ценности («самая главная мечта», «огромный шанс»);

— смещения акцента с атрибутов на суть («им [спортсменам — *уточнение наше*] совершенно наплевать, в каком статусе они туда поедут» — деактуализация внешних символов — флага, гимна, статуса ради результата — выступления), на сочувствие и понимание («их тоже можно понять» — акцент на разных позициях и снижении конфронтации);

4) экономический и профессиональный расчет (фрагменты 11И–13И) достигается через:

— рациональный аргумент «потеря медалей» («родина вложила (средства)» в спортсменов, что должно быть отработано — «медаль в Россию»);

— прагматические оценки («не очень хорошо», «пойти на пользу» — оценка последствий в терминах пользы/вреда);

— временные маркеры как эмоциональные рычаги («годы уходят», «скоротечна» — создается ощущение упущенной выгоды);

— апелляцию к коллективной ответственности («мы можем потерять»);

5) экспертная оценка готовности спортсменов к Олимпиаде (фрагменты 14И–15И) передается через:

- профессиональные стандарты («безупречно», «эталонный» и др.), эмоционально усиленные концепты («колоссальный буст», «шанс всей жизни»);

- детализацию как легитимацию высокой экспертной оценки («вдумчиво и осторожно», «раскованно внутренне»).

Выявленные смыслы, достигаемые посредством применения эмоционально-оценочных средств, образуют единый смысловой контур, позволяющий установить в рассмотренных контекстах дискурсивные функции:

- **конструирование проблемной ситуации через лексику потерь**, что подается как угроза спорту («мы и так потеряли очень многое, а можем и целое поколение спортсменов» — фиксируется «кризис»);

- **создание иерархии ценностей с выраженным ценностным ядром** (Олимпиада как высшая цель и профессиональная реализация спортсмена ставятся выше внешних атрибутов — флага, гимна, статуса);

- **рационализация эмоционального и аргументация через «упущенную выгоду»** (сожаление, тревога облекаются в язык последствий: потеря медалей и опыта становится главным аргументом в пользу участия);

- **моделирование поведения спортсмена как эталонного** (на примере конкретного спортсмена показывается его готовность побеждать и постулируется сдержанность как профессиональная норма);

- **формирование позиции «мы»** (транслируется коллективное обязательство — солидарность сообщества вокруг спортсменов: «надо сплотиться, помогать»);

- **делегитимация критики** (выражения «не понимают в спорте», «вообще глупо» маркируют альтернативную позицию как некомпетентную и морально сомнительную);

- **нормализация нейтрального статуса и переопределение легитимности** (возможность выступать становится безусловной ценностью, а отказ от нее иррационален, так как участие в нейтральном статусе — это не компромисс, а исполнение профессионального долга).

Наиболее частотная антиимиджевая характеристика в текстах массмедиа — нейтральный статус спортсмена — это унижение великой страны и дискриминация русского народа — выявлена в 18 контекстах (маркируем их цифровым индексом и буквой А — антиимиджевый контекст):

(1А) *Нейтральный статус — это эксклюзивное наказание для русских и белорусов. Это сегрегация по национальному признаку. Когда наш спортсмен соглашается на АIN, он легализует этот расизм. Он своим присутствием говорит: «Да, я согласен, что мы — люди второго сорта. Да, к нам можно применять особые правила. Я готов потерпеть, лишь бы вы дали мне медальку». Это потеря достоинства на национальном уровне (Sportliga.com. 20.11.2025);*

(2А) *Президент Федерации спортивной борьбы России Михаил Мамиашивили сделал заявление относительно допуска российских спортсменов на Олимпийские игры. Как отмечает ТАСС, Мамиашивили сказал: «Любое ограничение по допуску и сейчас, и раньше недопустимо. Критерии отбора на Игры должны быть равными для представителя любой страны. Если такого не делается, то это дискриминация» (ТАСС. 28.01.2026);*

(3А) — *Получившие нейтральный статус спортсмены должны проявить солидарность и отказаться от участия в Олимпиаде? — Думаю, да. Это настолько дискриминационное решение, что тут даже было бы странно идти им навстречу (Спортс. 14.05.2025);*

(4А) *В военной истории человечества символика всегда имела решающее значение. Знамена полков берегли пуще жизни. Потеря знамени означала расформирование части и несмыслимый позор. А белый флаг во всех культурах, от античности до наших дней, считывался однозначно: «Мы сдаемся. Мы не готовы умирать. Мы принимаем ваши условия». В XXI веке Международный олимпийский комитет (МОК) совершил лингвистическую подмену понятий. То, что веками называлось капитуляцией, теперь упаковано в красивую маркетинговую обертку под названием «Индивидуальный*

нейтральный атлет» (AIN). <...> Но давайте посмотрим на условия этого «допуска» трезвым взглядом, без эмоциональных причитаний о «коротком веке спортсмена». Условия, выдвинутые Томасом Бахом и его чиновниками, не имеют ничего общего с духом олимпизма. Это фильтрация. Это сегрегация. И, наконец, это принуждение к публичному отречению. Sportliga.com разбирает каждый пункт «нейтрального протокола» и объясняет, почему согласие на эти условия — это не спортивный подвиг, а сделка с совестью, оплаченная западной валютой (Sportliga.com. 20.11.2025);

(5A) За российский флаг, за наш святой увенчанный крестом герб и такой же святой гимн отдали жизни уже тысячи героев — прямо сейчас. И малодушно отречься от страны — всегда, но особенно сегодня, когда эти символы России политы и освящены русской кровью, — это иудин грех, предательство, с которым сами пошедшие на эту сделку, скорее всего, не смогут жить. И никакие победы (если они ещё случатся) под униженным оплеванным нейтральным статусом не будут им в радость — да и какой смысл в этих «победах», если за тобой больше нет страны (Борис Корчевников. Telegram. 12.12.2025);

(6A) Стыдливо — но ради собственных эгоистичных побед/денег/гордыни (ну а ради чего ещё?) согласиться на оплётанный униженный статус выступать без русского флага — в то время, когда прямо сейчас за поднятие этого флага на каждом новом клочке земли кладут жизни русские бойцы... разве это не предательство своей страны малом? Разве такая «победа» может удовлетворить и вообще быть победой? Разве она не хуже поражения? И разве можно на этом фото не увидеть унижения страны? Предателя без роду и племени, оказавшегося за это в объятиях флага, несущего смерть моей — да и своей — Родине (Борис Корчевников. Telegram. 08.01.2026);

(7A) Если вы сошли с ума, если вы предлагаете нам отказаться от нашей сути, если вы готовы придумывать новые критерии, в рамках которых люди должны отказываться от пола, просто от самой своей сути, от идентичности, суть ли имена не переписать, — минуточку: мы подождём, пока вы переболеете, а сами мы организуем другие виды и возможности соревнований. Мы будем работать, мы будем ждать, когда у них там подход изменится. Мы будем влиять на эту ситуацию. Мы будем доказывать нашу правоту через арбитражи, через международные организации, через публичную сферу (Спорт-экспресс. 01.11.2025);

(8A) Кто-то поздравил своего дедушку с Днем Победы в социальных сетях — пропускает Олимпиаду. Другой промолчал — едет. Разве это нормально? (Спорт-экспресс. 02.11.2025);

(9A) Вообще парад наций — важное событие, Олимпийские игры для этого и были придуманы. <...> Что тут сказать — очередное большое унижение. Сначала под какими-то предложениями отобрали участников, большинство же оставили дома. Теперь вот в церемонии открытия принять участие не дают. Не знаю, разрешат ли нашим спортсменам жить в олимпийской деревне — они же постоянно говорят про безопасность. Надуманная глупость, которая вызывает возмущение (Спортс. 24.01.2026);

(10A) ...парад на церемонии открытия — это представление своей страны с флагом и в экипировке, это гордость для спортсмена. А когда идешь в непонятной форме с непонятным флагом — это унижение. Спортсмен не может гордиться тем, что представляет свою страну. Считаю благом для страны решение не участвовать в этом (Sport24. 25.01.2026);

(11A) Знаете, сейчас в нашем спорте чёрт знает что начинает твориться... Кого-то допускают под «нейтральным флагом», кого-то — не допускают... На фига оно нам, Русским, надо? На полусогнутых... Чуть ли не на коленях... Моё мнение — только под нашим Русским Флагом! И точка (Юрий Шевченко. Telegram. 08.01.2026);

(12A) Я прекрасно понимаю, что у спортсменов детство и юность положены на алтарь большого спорта. Но зачем унижаться, когда откровенно пинают? (ШАХНАЗАРОВ. Telegram. 02.11.2025);

(13A) Помяните мои слова — следующее поколение этих «профессиональных спортсменов» будет выступать в намордниках или в разорванных на заднице штанах. Просто представьте — у всей

сборной аккуратно разорваны штаны на заднице, вертикально, длина разрыва регламентирована специальной комиссией. И обязательно так будет, по всем законам мелкой травли (Русский тарантасъ. Telegram. 05.08.2025);

(14А) Непонятно только одно — как ещё должны оскорбить наших спортсменов, чтобы у рьяных сторонников «нейтрального» участия в Олимпиаде и прочих чемпионатах открылись глаза и проснулся мозг? Сколько раз ещё «мировое спортивное сообщество» должно вытереть о нашу страну ноги, чтобы довод «это же спортсмены, они ради Олимпиады всю жизнь тренируются — можно и унизиться, и про Родину забыть по такому случаю» больше не озвучивался? Что-то подсказывает — услышим мы ещё эти «аргументы», ох, услышим... (Царьград ТВ. Telegram. 22.10.2025);

(15А) Большой привет любителям оправдывать свои унижения под белым флагом: «мы всю жизнь тренировались», «мы всю жизнь шли к этому позору». Теперь поняли, на что вы всю жизнь положили? (Русский тарантасъ. Telegram. 09.02.2026);

(16А) Мы перестали себя считать великой державой, ядерной державой, спортивной державой. Над нами издеваются, мы прощали всех, кто воевал против нас. Ведь они воевали против Советского Союза, вся Европа издевалась над нами. Мы с улыбкой всех простили и снабдили полезными ископаемыми. Деньги храним там, а теперь нам запрещают флаг и гимн. От имени Тихонова можно сказать только одно — позор! (Спортс. 25.01.2026);

(17А) Россия год за годом пытается восстановиться в своих правах — в «большом спорте» мы их практически все потеряли: сегодня у нас нет на соревнованиях ни флага, ни гимна. Спортсменов делают «нейтральными», а заодно оказывают политическое давление, заставляя подписывать письма против собственной страны. И мало того, что нас заставляют унижаться, мы ещё и выплачиваем гигантские суммы за право быть униженными. От нас требуют принять новые правила, а кто с этим не соглашается, называют предателями. Самое же печальное, что некоторым депутатам нравится такая ситуация, да и не только им. Это как раз тот случай, когда с экрана кричат «Россия! Россия», а одновременно страну предают (Царьград ТВ. 08.11.2025);

(18А) В каком статусе? Беженцев, с белым флагом, в каком статусе? Мне важно, в каком статусе сборная поедет. В сложившейся ситуации без флага и гимна, без герба на груди ехать никуда не надо. Поэтому ничего хорошего не жду. А если мы готовы любыми средствами, любыми способами, то вопрос не ко мне (Спорт-экспресс. 27.01.2026).

Эмоционально-оценочные средства в данных контекстах способствуют реализации следующих смыслов:

1) подчеркивание несправедливости и избирательности («эксклюзивности») наказания русских и белорусских спортсменов (фрагменты 1А — 4А) путем использования лексем с семантикой отграничения, изоляции группы людей по этническому признаку, сопровождающейся негативным отношением к данной группе («сегрегация», «расизм», «дискриминация» / «дискриминационное решение», «фильтрация»). Реализация выявленного смысла сопровождается созданием отрицательного собирательного образа беспринципного нейтрального спортсмена посредством:

— приписывания ему негативно оцениваемых высказываний, демонстрирующих его согласие с дискриминационной политикой ради достижения личных результатов («Да, я согласен, что мы — люди второго сорта. Да, к нам можно применять особые правила. Я готов потерпеть, лишь бы вы дали мне медальку»);

— метафор (участие в нейтральном статусе = «белый флаг», «капитуляция», «несмываемый позор»);

— лексем с негативной коннотацией (выражения «сделка с совестью, оплачиваемая западной валютой», «потеря достоинства на национальном уровне» усиливают категоричную негативную оценку).

Модальность долженствования (фрагмент 3А) выступает средством выражения единственно возможного способа спортсмену действовать в рамках дискриминационной политики, сохраняя свою национальную идентичность (идея отказа от участия в Олимпиаде: «это настолько дискриминационное решение, что тут даже было бы странно идти им навстречу»);

2) ценностная несопоставимость нейтрального статуса и тех действий, которые необходимо совершить спортсмену ради его получения (фрагменты 5А — 8А), достигается при помощи контраста (на одной чаше весов «политые и освященные русской кровью» «российский флаг» / «русский флаг», за поднятие которого «на каждом новом клочке земли кладут жизни русские бойцы», «святой увенчанный крестом герб», «святой гимн», «самая суть» русского человека, на другой — «унизительный оплеванный нейтральный статус», победа, которая «хуже поражения», флаг, «несущий смерть Родине», «собственные эгоистичные победы/деньги/гордыня»), прагматическими оценками («малодушно отречься», «стыдливо <...> согласиться»). Получение нейтрального статуса подчеркивается устойчивыми выражениями с негативной коннотацией («иудин грех», предатель «без роду и племени», «вы сошли с ума»), риторическим вопросом («Разве это нормально?»);

3) унизительность участия России в Олимпиаде на выдвинутых условиях (фрагменты 9А—15А) проявляется:

- лексическими маркерами с негативной коннотацией («унижение» и гиперболизированное «очередное большое унижение»; «унижаться», «унизиться», «пинают», «надуманная глупость, которая вызывает возмущение»; выражения «вытереть о нашу страну ноги» и «На полусогнутых... Чуть ли не на коленях...» акцентируют внимание на уничижительности условий участия);

- гротеском (фрагмент 13А), прогнозирующим абсурдную ситуацию в будущем российского спорта («следствие» согласия российских спортсменов с проводимой дискриминационной политикой: «следующее поколение этих „профессиональных спортсменов“ будет выступать в намордниках или в разорванных на заднице штанах...»);

- демонстрацией, с одной стороны, сочувствия к спортсменам и одновременно, с другой — недоумения по поводу участия в Играх («Я прекрасно понимаю, что у спортсменов детство и юность положены на алтарь большого спорта. Но зачем унижаться, когда откровенно пинают?»).

Вопросительное предложение, включающее стилистически сниженное устойчивое выражение («На фига оно нам, Русским, надо?»), служит интенсификатором негативных эмоций, нарочитое написание лексемы *русский* с заглавной буквы подчеркивает ее особый символический смысл (величие народа, которое невозможно поставить в один ряд с участием в Играх на унизительных условиях);

4) смещение акцентов с внешнеполитического аспекта на внутривнутриполитический:

- заострение внимания на соотечественниках, допустивших унизительное отношение к стране (фрагменты 16А — 18А), реализуется посредством гиперболизации утраченного статуса («в „большом спорте“ мы их [права — уточнение наше] практически все потеряли» и «мы перестали себя считать великой державой, ядерной державой, спортивной державой...», заключаемое прагматической оценкой — «позор!»), апелляции к коллективной ответственности («мало того, что нас заставляют унижаться, мы ещё и выплачиваем гигантские суммы за право быть униженными») и, наоборот, снятие говорящим ответственности с себя, отграничение от группы «виновных» («если мы готовы любыми средствами, любыми способами, то вопрос не ко мне»).

В рассмотренных антиимиджевых контекстах проявлены следующие дискурсивные функции:

- **конструирование проблемной ситуации** посредством лексики с семантикой превосходства одной социальной группы над другой (международные спортивные организации против России; дискриминационная политика в отношении российских спортсменов и нормализация нейтрального статуса воспринимаются как унижение народа России);

- **создание иерархии ценностей с выраженным ценностным ядром** через противопоставление личностных стремлений общегосударственным ценностям;
- **моделирование поведения нейтрального спортсмена как безнравственного;**
- **нивелирование значимости нейтрального статуса** (оценка стремления «отречься от страны» ради «медальки»).

Анализ эмоционально-оценочных средств, выявленных из имиджевых и антиимиджевых контекстов на первом этапе исследования, показывает, что такие средства языка используются авторами медиатекстов не просто с целью выражения чувств, а как дискурсивные инструменты, задающие рамки восприятия текста, формирующие коллективную позицию и направляющие аудиторию к нужному выводу. В одних контекстах эти выводы согласуются с имиджевыми характеристиками (см. табл. 1), в других — с антиимиджевыми (см. табл. 2).

На **втором этапе** исследования были проанализированы тексты интернет-комментариев к рассмотренным ранее медиатекстам с целью установить, насколько эффективно эмоционально-оценочные языковые средства, при помощи которых реализуются выявленные дискурсивные смыслы, воздействуют на читателей.

Попутно отметим: опрос российских респондентов, касающийся их отношения к нейтральному статусу атлетов, представлен в работе [29]. Исследователи в 2025 г. (до начала Олимпиады), рассматривая сочетание «нейтральный статус» как дискурсивный маркер национальной идентичности, приходят к выводу о двояком восприятии такого статуса: с одной стороны, это «возможность самореализации спортсмена и возврата России в большой спорт с национальными символами» [29, с. 280], с другой — «унижение и предательство национальных интересов» [там же]. Опрос показал, что большинство респондентов поддерживают решение спортсменов участвовать в олимпиаде в нейтральном статусе. Анализ текстов интернет-комментариев периода конца 2024 г. — начала 2026 г. проведенный нами, демонстрирует иные результаты.

В начале исследования была предпринята попытка проанализировать невербальный отклик аудитории на медийные тексты — так называемые «реакции» в виде различных эмодзи, лайков/дизлайков, которые пользователи «ставят» тексту после его прочтения, выражая свое отношение к нему. Количество положительных реакций на имиджевые тексты составило 20354, на антиимиджевые — 47695, а отрицательных реакций — 764 и 1119 соответственно. Однако значительная часть рассматриваемых медиаресурсов не предоставляет пользователям возможности оставить эмодзи-реакцию, а владельцы некоторых Telegram-каналов ограничивают выбор доступных читателям реакций, оставляя только те эмодзи, которые имеют позитивное значение. В этой связи полученные результаты вряд ли могут быть использованы для выводов, направленных на установление эффективности средств языкового выражения, формирующих имиджевый или антиимиджевый потенциал медиатекста. Поэтому было принято решение обратиться к анализу вербальных комментариев, авторы которых, выражая личную позицию, опираются на эмоционально-оценочные средства из медиатекстов (цитируют их).

Имиджевые тексты о нейтральных спортсменах сопровождают 1030 комментариев (фиксировались только «первичные» комментарии, которые стали реакцией на исходный стимул (саму статью), а не на комментарии других пользователей), антиимиджевые — только 530, что отчасти объясняется отсутствием возможности у читателей оставить свою реакцию на платформах тех информационных ресурсов, которые публикуют преимущественно антиимиджевые тексты о нейтральных спортсменах (сайт «Царьград ТВ», telegram-каналы «Борис Корчевников», «Шейнин» и др.).

В контексте данного исследования эффективность языковых средств понимается следующим образом: эмоционально-оценочные языковые средства считаются эффективными, если они способствуют формированию имиджа или, наоборот, антиимиджа какого-либо объекта в

сознании аудитории, что отражается соответственно в позитивных или негативных текстах интернет-комментариев, которые данная аудитория оставляет к публикации.

С применением методики количественного подсчета было установлено процентное соотношение текстов-комментариев к имиджевым и антиимиджевым текстам.

Из 1030 комментариев к имиджевым текстам относятся:

- 109 текстов (10,6%), выражающие согласие пишущих с позицией автора, транслирующие готовность поддерживать нейтральных спортсменов на Олимпиаде;
- 309 комментариев (30%), демонстрирующие отрицательное отношение комментирующих к нейтральным спортсменам и отказ от поддержки их во время Игр;
- остальные 612 комментариев, представляющие собой тексты по теме статьи, не выражающие какую-либо оценку спортсменов, их сторонников, автора исходного текста и не демонстрирующие желание пишущих поддерживать / не поддерживать нейтральную сборную.

К антиимиджевым текстам относятся 530 комментариев, из которых:

- 171 комментарий (32,3%) выражает согласие с ключевыми смыслами антиимиджевых текстов, с отрицательной оценкой нейтральных спортсменов и их сторонников;
- 134 комментария (25,3%) транслируют несогласие пишущих с авторами антиимиджевых текстов;
- остальные 225 комментариев прямо или косвенно затрагивают тему исходного текста, но не содержат каких-либо оценок нейтральных спортсменов, их сторонников или автора текста.

Анализ текстов-комментариев к рассмотренным на первом этапе медиатекстам, составляющим наиболее распространенные имиджевую и антиимиджевую характеристики, показал следующее: транслируемые посредством эмоционально-оценочных средств языка в медиатекстах смыслы не способствуют формированию имиджа нейтральных спортсменов. Аудитория читателей негативно воспринимает аргументы авторов медиатекстов, высказываемые в поддержку атлетов, трансформируя тем самым имидж в антиимидж.

Реагируя на транслируемые смыслы имиджевых и антиимиджевых текстов, читатели оставляют негативно-оценочные комментарии, демонстрирующие ироничное или пренебрежительное отношение к спортсменам или сторонникам нейтрального статуса. Покажем это на примерах текстов-комментариев. Жирным шрифтом выделен дискурсивный смысл (выявлен в медиатекстах в ходе первого этапа исследования), в скобках указан шифр текстового фрагмента, к которому оставлена реакция, и языковые средства, выражающие смысл медиатекста.

Мобилизация солидарности и защита спортсменов (фрагмент 3И; противопоставление «надо сплотиться, помогать» — «никому не позволим клеймить ребят», апелляция к срочности, невозможности потерь — «век профессионала очень короток»):

- *Уже пол страны иноагентами заклеили. Расклеимлять будешь?* (Ми Ша) — иронический комментарий с отрицательной оценкой необходимости защиты спортсменов, подчеркиваемой в исходном тексте, достигается путем использования окказиональной лексики «расклеимлять» и гиперболизации «клеимения» в масштабах страны;

- *Клеймить — вряд ли многие станут. Но у каждого человека есть свое мнение, и Дегтярев вряд ли его изменит* (Luna02) — возражение автору исходного текста и имплицитный отказ от поддержки нейтральных спортсменов;

- *А век ребят на передке никого не интересует?* (Леди Брэкнелл) — смещение фокуса внимания с трудностей спортивной жизни на риски работы военных, находящихся на передовой (армейское жаргонное «передок»), чем достигается имплицитное противопоставление менее значимых проблем спортсменов более значимым проблемам военнослужащих в текущей политической ситуации;

- *Им скажут на арену на коленях выползать — выползут. Век атлета так короток, что можно всем чем угодно пожертвовать!* (rus 3) — иронический комментарий, подчеркивающий готовность спортсменов пойти на любые унижения ради профессиональной реализации.

Оправдание нейтрального статуса через мечту и ценность Олимпиады (фрагмент 9И; гиперболизация ценности — « всю жизнь мечтают попасть на Олимпиаду », деактуализация внешних символов, смещение акцента с атрибутов на суть):

— *А после олимпиады они мечтают попасть в госдуму или на крайний случай за счет бюджета построить школу или запустить ледовое шоу. И им совершенно наплевать в каком статусе они это сделают* (Ramisik) — комментарий, в ироническом ключе показывающий типичный в представлении некоторых путь становления спортсмена после завершения им профессиональной карьеры (демонстрация иерархии ценностей — сначала Олимпиада, потом — место в Госдуме);

— *Им совершенно наплевать, в каком статусе они туда поедут — и не надо петь про патриотизм у спортсменов* (Viks) — негативно-оценочный комментарий, эмоциональность которого усиливается разговорным «петь» с семантикой неумеренного и не соответствующего реальности восхваления патриотических настроений в спортивной среде;

— *Вот именно, им наплевать на людей, на страну, на защищающих их ребят, гибнущих на СВО. Только деньги и побольше. Фу, противно* (Возм. нет пред.) — трансляция негативной оценки посредством междометия «фу», выражающего отвращение/презрение, и помещения разговорно-сниженной лексики «наплевать» в иной контекст, отличный от исходного текста (градация «наплевать на людей, страну, гибнущих за них бойцов» против исходного «наплевать на статус»), что усиливает категоричность отрицательного отношения к спортсменам.

Унижительность участия России в Олимпиаде на выдвинутых условиях (фрагмент 12А; лексические маркеры с негативной коннотацией, демонстрация недоумения — «зачем унижаться, когда откровенно пинают?»):

— *Никакого патриотизма, так унижаться, и РОДИНУ свою унижают* (79941) — эмоциональность отрицательно-оценочного комментария усиливается капслоком, т.е. набором лексики «Родина» заглавными буквами, что в виртуальной коммуникации воспринимается как крик, как способ выразить сильные эмоции, подчеркнуть важность сообщаемого;

— *Это унижение не только спортсменов, но и унижение России и ее населения. Позор спортивным руководителям, которые не могут постоять за Родину и ее спортсменов* (Людмила) — негативная оценка транслируется повтором лексики с негативной коннотацией («унижение») и использованием лексики «позор», выражающей здесь чувство стыда, испытываемое пишущим из-за действий соотечественников;

— (фрагмент 14А; лексические маркеры с негативной коннотацией — «унизиться», «вытереть о нашу страну ноги»): *Спорт. сообщество не смогло бы о нас ноги вытирать, если бы не «спортсмены», соглашаясь выступать без гимна и флага, ради своей карьеры. Именно они, вместе Западу позволяют это делать и с ними за одно! Для меня они такие же, как и «испугавшиеся» Всех согласных выступать в роли нейтральных лишить гражданства и пусть едут выступать за другие страны, там пусть славу ищут свою* (MG-M) — отрицательное отношение к спортсменам достигается заключением соответствующих иронически употребленных лексем в кавычки.

Анализ текстов интернет-комментариев показал, что эмоционально-оценочные языковые средства имиджевых медиатекстов о нейтральных российских спортсменах не способствуют достижению перлокутивного эффекта. Вместо положительного оценивания нейтральных спортсменов авторы комментариев оставляют негативные реакции, цитируя фрагменты медиатекстов, основу которых составляет то или иное эмоционально-оценочное средство. В свою очередь, антиимиджевые медиатексты, в которых отрицательный образ нейтрального спортсмена также создается с опорой на эмоционально-оценочный потенциал языка, получают больше комментариев, выражающих согласие с позицией автора.

Заключение

Анализ медиатекстов, посвященных участию российских спортсменов в XXV зимних Олимпийских играх в нейтральном статусе, позволил выявить эмоционально-оценочные средства, направленные на формирование имиджа и антиимиджа нейтрального российского спортсмена в отечественном массмедийном дискурсе. В ходе исследования были определены ядерные и периферийные имиджевые и антиимиджевые характеристики нейтральных спортсменов, содержащиеся в медиатекстах. Было установлено, что данные характеристики создаются при помощи типизированных эмоционально-оценочных средств языка, формирующих позитивный или негативный эмоционально окрашенный образ атлетов.

С целью выявления эффективности используемого эмоционально-оценочного потенциала языка в процессе создания имиджевых и антиимиджевых медиатекстов о нейтральных российских спортсменах были проанализированы комментарии читателей этих текстов. Анализ комментариев показал, что передаваемые с использованием эмоционально-оценочных средств языка смыслы имиджевого медиатекста не оказывают того влияния на аудиторию, которое способствовало бы формированию положительного образа спортсменов в сознании людей. Аудитория читателей руководствуется личными представлениями о нейтральных спортсменах и посредством комментариев отстаивает собственную позицию, демонстрирующую определенные ценностные установки. Исследование показало, что **имиджевым инструментом выступают не эмоционально-оценочные средства языка, а передаваемые при помощи этих средств ценностные смыслы**, значимые для общества в целом, а не для отдельной личности.

В имиджевых текстах периода конца 2024 – начала 2026 г., конструирующих позитивный образ нейтрального спортсмена, вложены такие смыслы, как личные достижения спортсменов, необходимость развития их профессиональной карьеры и становление в мире большого спорта, то есть исключительно личные ценности, которые идут в разрез общественной повестке.

Есть основание полагать, что в процессе имиджирования нейтральных российских спортсменов в современной социально-политической ситуации стоит обратить внимание на иные содержательные аспекты образа спортсменов. При этом эмоционально-оценочные средства языка должны быть выражены имплицитно, нативно, что является одной из характеристик имиджевого текста [30, с. 582].

Создание позитивного имиджа российского спортсмена, в том числе спортсмена с нейтральным статусом, – это комплексная задача, которая требует баланса между спортивными достижениями, социальной активностью атлетов, учетом внешних условий и коммуникацией со СМИ. Данное исследование выявляет специфичность эмоционально-оценочных языковых средств в имиджировании нейтральных спортсменов и показывает, что универсальным инструментом формирования имиджа выступают транслируемые в имиджевых текстах ценностные смыслы, передаваемые посредством эмоционально-оценочного потенциала языка. Проявленные в тексте ценностные характеристики объекта, резонирующие с настроением общества, оказывают больший эффект в создании позитивного образа, а эмоционально-оценочные средства усиливают этот эффект.

Данное исследование может быть рассмотрено как базовый этап в поисках путей коррекции имиджа нейтрального российского спортсмена в массовом сознании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Нефедов С.Т.** Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 4. С. 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408

2. **Басовская Е.Н.** Оценка оценки: интернет-комментарий как инструмент измерения стилистической эффективности // Век информации. 2018. № 2–2. С. 16–17.
3. **Селезнева А.В., Палитай И.С.** Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 123–135. DOI: 10.18721/JHSS.10211
4. **Срыбный Д.С.** Имидж российского спорта в отечественных СМИ как предмет исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 14 (263). Вып. 34. С. 134–137.
5. **Скрипник А.В., Скрипник О.Г.** Моделирование ассоциативного поля концепта «спорт» как основа формирования имиджевых характеристик спорта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (187). С. 48–55. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-48-55
6. **Артюхина Л.А.** Медиаобраз спорта в США: сакральность, мифологемы, манипуляции // Медиасреда. 2021. № 1. С. 82–88. DOI: 10.47475/2070-0717-2021-10114
7. **Паутов А.Д., Пушкарёва Л.Г.** Блог о спорте как современный способ паблисити // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. Т. 4 (38). С. 48–52. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2019.38.48
8. **Покидова В.О.** Репрезентация России в спортивном дискурсе российских СМИ (на примере «Российской Газеты» и интернет-портала Sports.ru) // Современный дискурс-анализ. 2018. № 1 (18). С. 44–57.
9. **Чжао Н.** Олимпийские игры как инструмент формирования имиджа Китайской Народной Республики // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 1. С. 55–71.
10. **Трубченинова А.А.** Языковые средства формирования медийного имиджа спортсменов (на материале немецкого языка) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10–2. С. 213–216.
11. **Ремчукова Е.Н., Омеляненко В.А.** Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 2. С. 341–349. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-341-349
12. **Мажоров Д.А.** Формирование имиджа в СМИ: имиджеобразующие тексты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2007. № 2–2. С. 302–309.
13. **Кубрякова Е.С.** К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1 (14). С. 5–11.
14. **Шрамко Л.И.** Стратегии и тактики создания имиджа политика в современных медиа (на примере англоязычной качественной прессы) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 99–108. DOI: 10.18721/JHSS.15309
15. **Красовская О.В.** Неофициальные антропонимы в политическом медиатексте как имиджевый ресурс // Медиалингвистика. 2017. № 3 (18). С. 114–123. DOI: 10.17586/2070-9790-2017-3-18-114-123
16. **Ляшук О.Н.** Имиджмейкинг как культурная технология современности // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 1. С. 218–223.
17. **Акиншина Ю.М.** К вопросу о конфликтности медиатекста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 152–155.
18. **Прохоров А.В.** Специфика лингвистического моделирования имиджа // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 9 (125). С. 254–257.
19. **Блохина Т.Р., Погребняк Ю.В., Жигалова М.Р.** Роль эмотивности в формировании имиджа педагога и наставника в русской лингвокультуре (на материале ресурсов Интернет) // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 481–484. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-481-484
20. **Чернышова Л.А., Черникова Е.О.** Специфика использования языковых средств в формировании имиджа транспортных авиапредприятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 16 (6). С. 1965–1974. DOI: 10.30853/phil20230269
21. **Басыров Ш.Р.** Эмоционально-оценочная характеристика канцлера Олафа Шольца в немецких СМИ // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы

теории и практики: сб. научных трудов VIII Международной научно-практической конференции. Елабуга: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. С. 58–64.

22. **Терская Л.А., Давыденко Л.И.** Исследование имиджевых характеристик коттеджного поселка // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2016. № 1 (32). С. 235–242.

23. **Лукьянова Н.А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1986. 227 с.

24. **Васильев Л.М.** Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 175 с.

25. **Стернин И.А., Просовецкий Д.Ю.** Эмоция и оценка в семантике слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 54. С. 75–96.

26. **Солодилова И.А., Шепеля И.В.** Оценочность и эмотивность в семантике слова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 172–178.

27. **Шаховский В.И.** Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

28. **Чернявская В.Е.** Культура отказа в научной коммуникации: семантика и прагматика отрицательной оценки в экспертизе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 4. С. 956–975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411

29. **Каминская Т.Л., Мариева Е.А.** Нейтральный статус российского спортсмена как дискурсивный маркер национальной идентичности // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2026. № 2 (61). С. 269–282. DOI: 10.34680/2411-7951.2026.2(61).269-282

30. **Варфоломеева Ю.Н., Хантаев С.Н.** Семантика имиджевого текста в медиадискурсе // Российский гуманитарный журнал. 2016. № 5 (6). С. 580–589.

REFERENCES

[1] **Nefedov S.T.**, The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 18 (4) (2021) 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408

[2] **Basovskaia E.N.**, Assessing of Evaluation (Internet Review as a Measurement Tool of Stylistic Effectiveness), Information Age, 2–2 (2018) 16–17.

[3] **Selezneva A.V., Palitay I.S.**, Perception of their own country of Russian youth: value-symbolic and political and cultural aspects, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (2) (2019) 123–135. DOI: 10.18721/JHSS.10211

[4] **Srybny D.S.**, Image of Russian Sports in Russian Mass Media as a Subject of Research, Belgorod State University Scientific Bulletin: Humanities, 14 (263) (34) (2017) 134–137.

[5] **Skripnik A.V., Skripnik O.G.**, Modelling of the Associative Field of the Concept “Sport” as Basis of Formation of Image Characteristics of Sport, Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 10 (187) (2017) 48–55. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-48-55

[6] **Artyukhina L.A.**, Mediaobraz sporta v SShA: sakralnost, mifologemy, manipulyatsii [The media image of sports in the USA: sacredness, mythologemes, manipulations], Mediasreda [Media environment], 1 (2021) 82–88. DOI: 10.47475/2070-0717-2021-10114

[7] **Pautov A.D., Pushkareva L.G.**, Sports Blog as a Modern Way of Publicity, Russian Journal of Social Sciences and Humanities, 4 (38) (2019) 48–52. DOI 10.17238/issn1998-5320.2019.38.48

[8] **Pokidova V.O.**, Representations of Russia in sport discourse of Russian media (case of “Rossijskaya Gazeta” and e-portal Sports.ru), Sovremennyy diskurs-analiz [Modern discourse analysis], 1 (18) (2018) 44–57.

[9] **Zhao N.**, Olympic Games as a Tool for Forming the Image of the People’s Republic of China, Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics, 1 (2023) 55–71.

[10] **Trubcheninova A.A.**, Yazykovyye sredstva formirovaniya mediynogo imidzha sportsmenov (na materiale nemetskogo yazyka) [Linguistic means for forming media image of athletes (based on German-language materials)], Humanities, Social-Economic and Social Sciences, 10–2 (2015) 213–216.

[11] **Remchukova E.N., Omelianenko V.A.**, Linguistic Means of Russia’s Image Making in Modern Advertising, RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 8 (2) (2017) 341–349. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-341-349

- [12] **Mazhorov D.A.**, Formirovaniye imidzha v SMI: imidzheobrazuyushchiye teksty [Image formation in the media: image-forming texts], *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2–2 (2017) 302–309.
- [13] **Kubryakova E.S.**, To the Definition of the Notion “Image”, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (14) (2008) 5–11.
- [14] **Shramko L.I.**, Strategies and tactics of creating a politician’s image in the modern media (on the example of English-speaking quality press), *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 99–108. DOI: 10.18721/JHSS.15309
- [15] **Krasovskaya O.V.**, Informal Anthroponyms in Political Media Text as an Image-Building Resource, *Media Linguistics*, 3 (18) (2017) 114–123. DOI: 10.17586/2070-9790-2017-3-18-114-123
- [16] **Lyashchuk O.N.**, Iagemaking as a Cultural Technology in Modern Society, *Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 1 (2011) 218–223.
- [17] **Akinshina Yu.M.**, To the Question of Conflict in the Mediatext, *Bulletin of Kemerovo State University*, 1 (65) (2016) 152–155.
- [18] **Prokhorov A.V.**, Lingua-Cognitive Peculiarities of Image Modeling, *Tambov University Review. Series: Humanities*, 9 (125) (2013) 254–257.
- [19] **Blokhina T.R.**, **Pogrebnyak Yu.V.**, **Zhigalova M.R.**, The Role of Emotivity in Creating the Image of a Teacher and Mentor in Russian Linguoculture (Based on Internet Resources), *The World of Science, Culture and Education*, 4 (107) (2024) 481–484. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-481-484
- [20] **Chernyshova L.A.**, **Chernikova E.O.**, Specificity of using linguistic means to form the image of aircraft enterprises, *Philology. Theory & Practice*, 16 (6) (2023) 1965–1974. DOI: 10.30853/phil2023-0269
- [21] **Basyrov Sh.R.**, Emotional and evaluative characteristics of chancellor Olaf Scholz in German media, *Modern Problems of Philology and Methods of Teaching Languages: Theory and Practice*, collection of scientific papers of VIII International Scientific and Practical Conference, Kazan Federal University, Elabuga, 2024, pp. 58–64.
- [22] **Terskaya L.A.**, **Davydenko L.I.**, Study image characteristics of cottage settlement, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*, 1 (32) (2016) 235–242.
- [23] **Lukyanova N.A.**, *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive vocabulary of colloquial usage: problems of semantics], Siberian Polygraphic Enterprise “Nauka”, Novosibirsk, 1986.
- [24] **Vasilyev L.M.**, *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics], Vysshaya Shkola Publishers, Moscow, 1990.
- [25] **Sternin I.A.**, **Prosovetskiy D.Yu.**, Emotsiya i otsenka v semantike slova [Emotion and evaluation in the semantics of the word], *World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, 54 (2018) 75–96.
- [26] **Solodilova I.A.**, **Schepelja I.V.**, Evaluativeness and emotiveness in the word semantic, *Vestnik of the Orenburg State University*, 11 (186) (2015) 172–178.
- [27] **Shakhovskiy V.I.**, *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions], Gnosis, Moscow, 2008.
- [28] **Chernyavskaya V.E.**, Culture of rejection in scientific communication: Semantics and pragmatics of negative evaluative language in peer-review, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21 (4) (2024) 956–975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411
- [29] **Kaminskaya T.L.**, **Marieva E.A.**, Neutral status of Russian athlete as a discursive marker of national identity, *Memoirs of NovSU*, 2 (61) (2026) 269–282. DOI: 10.34680/2411-7951.2026.2(61).269-282
- [30] **Varfolomeeva Yu.N.**, **Khantaev S.N.**, The semantics of image text in media discourse], *Liberal Arts in Russia*, 5 (6) (2016) 580–589.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Евсеева Ирина Владимировна

Irina V. Evseeva

E-mail: ivevseeva@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0495-033X>

Белоусова Мария Владимировна

Mariia V. Belousova

E-mail: Mashakot11@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6577-1517>

Поступила: 10.03.2026; Одобрена: 07.09.2026; Принята: 18.09.2026.

Submitted: 10.03.2026; Approved: 07.09.2026; Accepted: 18.09.2026.

Научная статья

УДК 81'27:316.772(574)

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17306>

EDN: <https://elibrary/RFCZO>

ВИЗУАЛЬНАЯ И ВЕРБАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (КЕЙС АСТАНЫ)

Ш.К. Жаркынбекова¹ , А.А. Аймолдина²

¹ Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Республика Казахстан;

² Astana IT University, Астана, Республика Казахстан

 aliya.aimoldina@astanait.edu.kz

Аннотация. Статья посвящена согласованности языкового выбора и визуальной маркировки городской идентичности в публикациях об Астане в социальных сетях. Языковая политика Казахстана традиционно изучается либо на материале официальных документов, либо на материале офлайн-лингвистического ландшафта, тогда как то, как она проявляется на уровне рядового пользовательского мультимодального высказывания — в соотношении между языком подписи и визуальными маркерами идентичности, — остается малоизученным. Специфика мультимодального текста заключается в том, что язык и изображение образуют два автономных семиотических канала, способных не только дублировать, но и дополнять или опровергать идентичность, заданную друг другом. Цель статьи — установить, в какой мере визуальная маркировка городской идентичности Астаны (национальная символика, узнаваемые архитектурные объекты, этнически маркированные практики) согласуется с текстом публикации на казахском, русском или английском языках, а в каких случаях изображение совпадает, дополняет или вступает в противоречие с заданной вербально идентичностью. Материалом послужил корпус из 599 мультимодальных текстов, собранных за 2023–2026 гг. Анализ строится на сочетании теории лингвистического ландшафта, концепции виртуального лингвистического ландшафта и мультимодальной социально-семиотической модели Кресса и ван Левена, адаптированной для сопоставления языковой категории поста с типом и наличием визуальной идентификационной маркировки. Применяются такие методы, как мультимедийный дискурс-анализ, статистический анализ, аннотирование видеозаписей, кодирование на базе программного обеспечения ELAN с применением критерия χ^2 Пирсона. Результаты показывают, что визуальная маркировка городской идентичности Астаны в большинстве случаев согласуется с языком публикации, при этом казахоязычный сегмент заметно чаще, чем англоязычный и русскоязычный, тяготеет к дополняющему типу взаимодействия.

Ключевые слова: виртуальный лингвистический ландшафт, цифровая коммуникация, городское пространство, мультимодальные тексты, идентичность.

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН AP23488481)

Для цитирования: Жаркынбекова Ш.К., Аймолдина А.А. Визуальная и вербальная идентичность города в цифровом пространстве социальных сетей (кейс Астаны) // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 91–107. DOI: 10.18721/JHSS.17306

VISUAL AND VERBAL CONSTRUCTION OF URBAN IDENTITY IN THE DIGITAL SPACE OF SOCIAL MEDIA: THE CASE OF ASTANA

Sh.K. Zharkynbekova¹ , A.A. Aimoldina²

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan;

² Astana IT University, Astana, Republic of Kazakhstan

aliya.aimoldina@astanait.edu.kz

Abstract. This article examines the alignment between language choice and the visual marking of urban identity in social media posts about Astana. Language policy in Kazakhstan has traditionally been studied either through official documents or within offline linguistic landscapes, whereas its manifestation in everyday user-generated multimodal communication, particularly in the relationship between the language of a post and visual markers of identity, remains underexplored. A distinctive feature of multimodal texts is that language and image function as two autonomous semiotic channels that can not only duplicate but also complement or contradict the identity conveyed by one another. The aim of this article is to determine the extent to which the visual marking of Astana's urban identity (national symbols, recognizable architectural landmarks, and ethnically marked practices) aligns with the language of posts in Kazakh, Russian, or English, and to identify cases in which the visual component corresponds to, complements, or contradicts the identity constructed verbally. The study is based on a corpus of 599 multimodal texts collected between 2023 and 2026. The analytical framework combines linguistic landscape theory, the concept of the virtual linguistic landscape, and Kress and van Leeuwen's multimodal social semiotic approach, adapted to compare the language category of a post with the type and presence of visual identity markers. The methods include multimodal discourse analysis, statistical analysis, video annotation, and ELAN-based coding, with Pearson's chi-square (χ^2) test used to assess associations. The results show that the visual marking of Astana's urban identity is generally aligned with the language of the post; however, the Kazakh-language segment demonstrates a noticeably stronger tendency toward a complementary type of verbal-visual interaction than the English- and Russian-language segments.

Keywords: virtual linguistic landscape, digital communication, urban space, multimodal texts, identity.

Acknowledgements: The research was financially supported by as part of a project funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN AP23488481).

Citation: Zharkynbekova Sh.K., Aimoldina A.A. Visual and Verbal Construction of Urban Identity in the Digital Space of Social Media: The Case of Astana, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 91–107. DOI: 10.18721/JHSS.17306

Введение

Стремительное развитие цифровой коммуникации коренным образом изменило способы представления, обсуждения и восприятия языков в общественном пространстве. С распространением платформ социальных сетей и технологий геолокации общественный дискурс все чаще разворачивается не только в физических городских пространствах, но и в виртуальной среде, где пользователи непрерывно конструируют, воспроизводят и оспаривают значения, связанные с городами, идентичностью и социальной принадлежностью. В этом контексте концепция исследований виртуального лингвистического ландшафта (Virtual Linguistic Landscape, VLL) стала важным расширением классических исследований лингвистического ландшафта (Linguistic Landscape, LL) [1], позволяя ученым изучать многоязычие, языковые идеологии и конструирование идентичности в цифровой среде. основополагающая работа Д. Ивковича и Х. Лотерингтона рассматривает VLL как языковую репрезентацию киберпространства, утверждая, что

виртуальные среды формируют собственные динамичные и постоянно развивающиеся языковые экологии, отличающиеся от физических ландшафтов [2].

Изучение VLL — достаточно новое направление для многих стран постсоветского пространства, в частности Казахстана. Исторически сложившаяся уникальная языковая ситуация в стране, активное взаимодействие нескольких языков (казахского, русского и английского) в общественной и цифровой коммуникации и влияние других экстралингвистических факторов определяет необходимость более глубокого и всестороннего обращения к анализу VLL. Малоизученными являются, к примеру, представления пользователей цифровых платформ о городском пространстве. Социальные сети стали сегодня важными пространствами цифровых идентичностей и общественных мнений. Особый интерес в этом контексте представляет новая столица Казахстана — Астана, которая в условиях интенсивных процессов национального строительства, внутренней миграции, глобализации и расширения цифровой коммуникации является перспективной площадкой для изучения того, как многоязычие, городская идентичность и пространственные представления конструируются и переосмысливаются в онлайн-дискурсе. Данная статья восполняет этот пробел, ставя своей целью изучение VLL Астаны посредством анализа мультимодальных текстов, размещенных на платформах Facebook¹ (далее — Платформа 1) и Threads² (далее — Платформа 2).

Цель статьи заключается в том, чтобы установить, в какой мере визуальная маркировка городской идентичности Астаны (национальная символика, узнаваемые архитектурные объекты, этнически маркированные практики) согласуется с текстом публикации на казахском, русском или английском языках, а в каких случаях изображение повторяет, дополняет или, напротив, вступает в противоречие с идентичностью, заданной языковым выбором, — и различается ли эта модель согласования языка и образа между платформами. Соответственно, статья ставит перед собой два исследовательских вопроса:

1) Совпадает ли визуальная маркировка городской идентичности (национальная символика, узнаваемые архитектурные объекты, этнически маркированные практики) с языком публикации об Астане, или изображение совпадает, дополняет либо противоречит той идентичности, которую задает выбор казахского, русского или английского языков, — и какие типы вербально-визуального взаимодействия при этом преобладают?

2) Устойчива ли эта модель согласования языка и образа на обеих платформах, или они вырабатывают разные стратегии?

Полученные результаты позволяют глубже понять, каким образом пользователи социальных сетей участвуют в символическом конструировании городского пространства, а также демонстрируют роль цифровой коммуникации в формировании современных представлений о городе.

Теоретические основания анализа

Классическое определение понятия LL было предложено Р. Лэндри и Р.И. Бурисом [1], которые связывали его с видимым присутствием и визуальной заметностью языков на публичных и коммерческих знаках определенной территории. К таким знакам относятся дорожные указатели, рекламные щиты, названия улиц и мест, коммерческие вывески, а также надписи на государственных учреждениях. За последние два десятилетия исследования LL существенно расширились как в теоретическом, так и в методологическом отношении. Современные работы рассматривают LL не только как совокупность вывесок и надписей, но и как динамичные семиотические пространства, в которых пересекаются многоязычие, идеология, идентичность и социальные практики [3–6]. В этой перспективе лингвистические ландшафты понимаются как активные пространства конструирования смыслов, отражающие процессы глобализации,

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

² Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

мобильности и культурных трансформаций [7]. Исследования, проведенные в таких многоязычных образованиях, как Израиль, Гонконг, Южная Африка и Страна Басков, демонстрируют, каким образом публичная языковая репрезентация связана с языковой политикой, национальными идеологиями и формированием коллективных идентичностей [8; 9]. Изучение VLL требует выхода за пределы анализа языкового выбора и обращения к более широкому спектру семиотических ресурсов, участвующих в конструировании идентичностей, пространственных значений и социальных представлений. В настоящем исследовании данное понимание расширяется применительно к цифровой среде: LL рассматривается как пространство репрезентации и взаимодействия языковых, визуальных и других семиотических ресурсов, посредством которых пользователи конструируют социальные и пространственные значения [2].

Мысль о том, что смысл рождается не в языке самом по себе, а во взаимодействии разнородных ресурсов, высказывалась в разных лингвистических традициях параллельно и независимо друг от друга. В отличие от традиционных LL, основанных преимущественно на письменных знаках в физическом пространстве, VLL формируются посредством взаимодействия различных семиотических ресурсов, включая текст, изображения, видео, эмодзи, хэштеги, геотеги и другие платформенно-специфические элементы [10; 11]. В рамках мультимодальной социальной семиотики коммуникация рассматривается как результат взаимодействия различных модусов, каждый из которых вносит собственный вклад в процесс смыслообразования [12; 13]. А.А. Бернадкой описан сам механизм этого единства как синтез разнородных семиотических систем — графической, вербальной, иконической [14].

Важную роль в изучении VLL играет мультимодальный дискурс-анализ (Multimodal Discourse Analysis, MDA), который рассматривает значение как результат взаимодействия различных семиотических модусов в конкретном социальном и коммуникативном контексте. Опираясь на системно-функциональную лингвистику М.А.К. Хэллидея [15] и работы Г. Кресса и ван Левена [12], MDA позволяет исследовать не только языковые элементы цифровой коммуникации, но и визуальную композицию, цвет, изображения, эмодзи, хэштеги, типографические средства и другие платформенно-специфические ресурсы. Последний аспект — типографическая вариативность как самостоятельный носитель прагматического значения, участвующий в формировании типографического ландшафта наравне с семиотическим, — подробно рассмотрен в работе В.Е. Чернявской применительно к текстам, где выбор шрифта, начертания и графического оформления считается коммуникантами не менее осмысленно, чем выбор слов [16]. Как отмечает А.Г. Сонин, такой графико-вербальный комплекс воспринимается не последовательно, (сначала текст, потом картинка), а как единый когнитивный акт [17].

Мультимодальный характер VLL подтверждается исследованиями различных цифровых платформ и онлайн-сред. Так, в работе Г.М. Шипициной показано, как электронные средства массовой коммуникации меняют сами речевые жанры и графическое оформление письма [18]. К примеру, один из таких платформенно-специфических жанров — интернет-мем, описывается в работе Ю.В. Шуриной как мультимодальная единица с высоким потенциалом иронии [19].

Как показал анализ платформы WeChat [20], пользователи активно комбинируют различные языки, визуальные элементы и другие семиотические ресурсы для самопрезентации и конструирования идентичности. В рамках концепции пространственного репертуара (*spatial repertoire*) автор рассматривает значение как результат взаимодействия языковых и неязыковых ресурсов, используемых для интерпретации пространства и формирования чувства принадлежности к месту [20]. Аналогичные результаты представлены в исследовании [21], согласно которому китайские исследователи используют мультимодальные ресурсы платформы WeChat для конструирования идентичностей глобальных граждан и культурных посредников.

Исследователи акцентируют внимание на необходимости учета более широкого спектра семиотических ресурсов при анализе цифровых языковых практик [22]. В работе [23] доказано,

что коммуникация в VLL определяется взаимодействием языковых, визуальных и технологических элементов, включая изображения, типографические средства, символы, отзывы пользователей и практики транслингвирования. Авторы [24], исследуя веб-сайт Университета Бравиджая в Индонезии, показали, как языковая политика учреждения реализуется не только через выбор языков, но и посредством визуального оформления интерфейса, навигационной структуры и организации цифрового контента.

В последнее время замечен интерес к мультимодальности в исследованиях по изучению городского пространства в социальных сетях, где публикации представляют собой комплексные мультимодальные конструкции, объединяющие текст, изображения, эмодзи, хэштеги, геотеги и другие элементы цифровой коммуникации. Именно эта мультимодальная природа пользовательского контента делает социальные сети сильным инструментом для изучения того, как формируется образ места, — поскольку город здесь репрезентируется не единичным каналом, а комплексом взаимодействующих семиотических ресурсов. И если еще десятилетие назад городская идентичность конструировалась преимущественно через официальный дискурс (туристические буклеты, административные документы, СМИ), то сегодня этот процесс в значительной мере децентрализован и происходит на уровне пользовательских публикаций, где каждый автор поста одновременно выступает и потребителем, и производителем городского образа. Для городов, переживающих активную трансформацию (новую застройку, смену статуса, попытки закрепить международную узнаваемость), этот пользовательский, низовой уровень репрезентации становится не менее значимым, чем официальный, а зачастую и более показательным, поскольку отражает не декларируемую, а фактически усваиваемую населением идентичность места. Все это определяет стремление исследователей рассматривать город не только как материальное или геополитическое пространство, но и как продукт эксплуатации культурных смыслов, где символические процессы становятся определяющими для городского опыта [25].

Для мультязычных постсоветских городов эта исследовательская проблема особенно значима, поскольку выбор языка публикации здесь не является нейтральным техническим решением, а несет на себе отпечаток языковой политики, статусной иерархии языков и индивидуальной идентичностной позиции автора [26]. В этом плане обращение к VLL Казахстана приобретает особый интерес в силу специфики сложившейся языковой ситуации, характеризующейся сосуществованием казахского и русского, а в последние годы и английского языков [27–30]. В цифровой среде этот процесс интенсифицируется, поскольку социальные сети становятся площадкой для отражения языковых идеологий и конструирования городского бренда. Поэтому то, насколько эта языковая позиция подтверждается, дополняется или, напротив, вступает в противоречие с визуальным содержанием поста, остается практически неисследованным вопросом. Данная статья обращается к этому пробелу на материале Астаны, рассматривая согласование языка и образа в социальных сетях как отдельную аналитическую проблему, требующую специального теоретического и методического аппарата.

Методология и методика исследования

Исследование опирается на методологический подход, объединяющий количественный анализ соотношения языка и визуальной маркировки идентичности, мультимодальный анализ вербально-визуального взаимодействия и качественную интерпретацию репрезентативных случаев. Такое сочетание продиктовано самой природой исследовательского вопроса: установить, совпадает ли визуальная маркировка идентичности с языком публикации или расходится с ним, невозможно ни через подсчет одних лишь языковых пропорций, ни через качественное описание отдельных постов — нужны количественная база для оценки распространенности типов согласования и качественная интерпретация того, как конкретно это согласование или рассогласование работает в отдельном тексте.

Объектом исследования выбрана репрезентация столицы Казахстана в дискурсе социальных сетей. Астана представляет интерес для изучения VLL по нескольким сходящимся причинам: многоязычная среда города находится под прямым воздействием трехязычной государственной политики; статус новой столицы делает город площадкой постсоветского национально-го строительства и обладателем плотного набора узнаваемых архитектурных и символических объектов (Байтерек³, Хан Шатыр⁴, объекты ЕХРО⁵ и др.), которые могут выступать визуальными маркерами идентичности независимо от языка подписи; быстрая урбанистическая трансформация и внутренняя миграция создают устойчивый поток пользовательского контента, в котором город осмысливается в реальном времени.

Формирование корпуса. Материалом послужили общедоступные мультимодальные тексты, собранные на Платформах 1 и 2 за 2023–2026 гг. методом целенаправленной выборки по геотега, хэштегам и ключевым словам, связанным с Астаной (#Astana, #Астана, #АстанаҚаласы, «Astana», «Астана»). В корпус включались тексты при выполнении любого из следующих условий: прямое упоминание города, геотег Астаны, текстовое или визуальное обсуждение городской жизни, климата, инфраструктуры, идентичности или эмоционального восприятия города — при условии открытого доступа к публикации. Из корпуса исключались коммерческая реклама без содержательной связи с городом, дублирующиеся репосты и контент, сгенерированный ботами. Итоговый полный корпус составил 599 мультимодальных текстов (реконструкция объема приведена в разделе результатов), включающих текстовые публикации, хэштеги и сопутствующие визуальные материалы.

Процедура сбора данных. Сбор проводился вручную методом цифрового этнографического наблюдения и систематического архивирования скриншотов. Для каждой единицы фиксировались скриншот текста, дата публикации, платформа-источник, язык или языки публикации, хэштеги, визуальные компоненты и показатели вовлеченности. В соответствии с методологией VLL каждый скриншот рассматривался как единый семиотический артефакт, объединяющий текстовое, пространственное и визуальное измерения.

Стратифицированная выборка для кодирования. Для углубленного анализа из полного корпуса была сформирована стратифицированная выборка объемом 176 постов — по 22 текста на каждую из восьми страт (комбинация платформы и языковой категории: казахский, русский, английский, смешанный). Такой объем страты обеспечивает сопоставимость данных между платформами и языками при сохранении управляемого объема для ручного кодирования в программе ELAN, где один пост рассматривался как одна единица анализа (табл. 1).

Поскольку стратифицированная выборка намеренно уравнивает объем страт, она не применима для прямого расчета реальной пропорции языков. Для интерпретации языкового распределения по платформам используется обратный пересчет от указанной в таблице доли ($22 / \text{доля страты} = \text{исходный объем страты в полном корпусе}$).

Кодирование визуальной маркировки идентичности. Основная для настоящего исследования переменная — тип визуальной маркировки городской идентичности, присутствующей в изображении, видео или визуальном встроенном тексте поста. Кодирование опиралось на два уровня единиц: представленные участники ($n = 514$) — люди, здания, символы и другие объекты, зафиксированные в кадре, — и эмодзи ($n = 195$), закодированные по функции и оценочной направленности. Присутствие категории на уровне поста устанавливалось по тому, содержал ли он хотя бы одну единицу соответствующего типа среди представленных участников или эмодзи.

Национальная символика фиксировалась либо при наличии среди участников государственных символов, орнамента, юрты, флага или элементов традиционного костюма как знаковых, а

³ Байтерек (монумент) // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Байтерек_\(монумент\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Байтерек_(монумент)) (дата обращения: 04.08.2026).

⁴ Хан Шатыр // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хан_Шатыр (дата обращения: 04.08.2026).

⁵ Международный выставочный центр «ЕХРО» // VIZIT ASTANA. URL: <https://visitastana.kz/ru/exhibition-areas/mezhdunarodnyy-vystavochnyy-tsentr-expo/> (дата обращения: 04.08.2026).

Таблица 1. Распределение стратифицированной выборки по платформам и языкам

№	Платформа	Языковая категория	Публикаций в полном корпусе, <i>n</i>	Публикаций для ELAN, <i>n</i>	Доля от объема страты в полном корпусе
1	Платформа 1	Казахский	36	22	61,1%
2	Платформа 1	Русский	63	22	34,9%
3	Платформа 1	Английский	40	22	55%
4	Платформа 1	Смешанный	47	22	46,8%
5	Платформа 2	Казахский	99	22	22,2%
6	Платформа 2	Русский	221	22	10%
7	Платформа 2	Английский	22	22	100%
8	Платформа 2	Смешанный	71	22	31%
Всего			599	176	29,4% полного корпуса

не бытовых объектов, либо при наличии эмодзи с прямой национальной референцией (кз, юрта, орнаментальные мотивы). Узнаваемая архитектура определялась наличием среди участников объектов, однозначно идентифицируемых как символы Астаны, — Байтерек, Хан Шатыр, объекты ЕХРО, — в отличие от городской среды общего плана. Этномаркированные практики отмечались в том случае, если представленные участники или сопровождающий текст относили изображенное действие к традиционному празднику, ритуалу, кулинарной или досуговой практике, представленной как этнически специфичная. Если пост содержал единицы, относящиеся к нескольким категориям одновременно, кодировался доминирующий тип по визуальной заметности конкретного маркера в композиции.

Кодирование типа вербально-визуального взаимодействия. Наряду с типом визуальной маркировки идентичности кодировался тип взаимодействия между вербальным и визуальным компонентами поста — двойное кодирование, дополнение, интегративное единство, контраст [13, с. 103]. Двойное кодирование фиксировалось, когда изображение прямо повторяло идентичностный сигнал; интегративное единство — случай, когда визуальный компонент восполняет идентичностный сигнал, отсутствующий в вербальной части поста, при котором смысл невозможно вывести из одного модуса в отдельности; контраст фиксировался при прямом расхождении идентичностных сигналов.

Тематическая классификация. Для каждого поста стратифицированной выборки дополнительно фиксировались платформа, язык, год публикации, основная тема (семь укрупненных категорий: архитектура и городская эстетика; национальная и патриотическая идентичность; повседневная жизнь, принадлежность и личный опыт; городские проблемы, инфраструктура и климат; культура, события, туризм и досуг; развитие города, работа и возможности; сопоставление Астаны с другими городами) и оценочная направленность (положительная, отрицательная, нейтральная, амбивалентная/ироническая). Эти переменные не отвечают напрямую ни на один из двух исследовательских вопросов, но используются как контекстные для интерпретации количественных результатов и для отбора случаев в качественный анализ.

Статистическая обработка. Для проверки первого вопроса рассчитывалась частота каждого типа согласования (двойное кодирование/дополнение/интегративное единство/контраст) в целом по выборке и по языковым категориям, с проверкой связи между языком и типом согласования критерием χ^2 Пирсона. Для второго вопроса та же процедура повторялась отдельно для рассматриваемых платформ, после чего сопоставлялись распределения между платформами; устойчивость или различие модели между площадками оценивались через сравнение долей и, при достаточном объеме ячеек, через тест на взаимодействие переменных (платформа $\times$ язык $\times$ тип согласования).

Качественный анализ. Качественный анализ проводился на материале 176 текстов, отобранных так, чтобы представить все четыре типа согласования (двойное кодирование, дополнение, интегративное единство, контраст) на обеих платформах. Помимо иллюстративной функции, качественный анализ позволяет объяснить, почему в конкретной публикации возникает именно такое соотношение языка и образа: определяется ли оно адресатом поста, темой, официальным или ироничным регистром, платформенной нормой.

Этические принципы. В исследовании анализировался исключительно общедоступный контент социальных сетей. Имена пользователей, идентификаторы профилей и иная личная информация были анонимизированы. Иллюстративные скриншоты отобраны и представлены в соответствии с этическими принципами цифровых исследований и онлайн-этнографии.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ полного корпуса исследования, включающего 599 мультимодальных текстов, из которых 186 текстов (31,1%) были размещены на Платформе 1 и 413 (68,9%) – на Платформе 2, показал преобладание русскоязычных публикаций (284 мультимодальных текста, или 47,4%). На казахском языке было опубликовано 135 текстов (22,5%), к смешанной языковой категории относились 118 мультимодальных текста (19,7%), а на английском языке были представлены 62 текста (10,4%) (табл. 2).

Таблица 2. Распределение полного корпуса по платформам и языковым категориям

Платформа	Казахский, <i>n</i> (%)	Русский, <i>n</i> (%)	Английский, <i>n</i> (%)	Смешанный, <i>n</i> (%)	Всего
Платформа 1	36 (19,4)	63 (33,9)	40 (21,5)	47 (25,3)	186
Платформа 2	99 (24)	221 (53,5)	22 (5,3)	71 (17,2)	413
Всего	135 (22,5)	284 (47,4)	62 (10,4)	118 (19,7)	599

Распределение языков статистически значимо различалось между платформами: $\chi^2(3, n = 599) = 48,32, p < 0,001, V$ Крамера = 0,284. Платформа 2 характеризуется значительно более высокой долей русскоязычных публикаций – 53,5% против 33,9%. В свою очередь, Платформа 1 отличается более высокой представленностью английского языка – 21,5% против 5,3%, а также несколько большей долей смешанных публикаций – 25,3% против 17,2%.

Доминирующим типом визуального маркера в корпусе закономерно выступает узнаваемая архитектура (Байтерек, Акорда⁶, «Қазақ елі»⁷ и другие городские доминанты), тогда как национальная символика в узком смысле (флаги, гербовые элементы, орнамент как самостоятельный акцент) и этнически маркированные практики (традиционный костюм, юрта, обрядовые действия) встречаются существенно реже – на них приходится, соответственно, лишь около 5% и 3,5% публикаций по всему корпусу. Это распределение задает рамку для интерпретации дальнейших результатов: модель согласования языка и образа в собранном материале строится в первую очередь вокруг архитектурной, а не этнокультурной семиотики города.

Согласование языка и визуальной маркировки

Анализ распределения типов вербально-визуального взаимодействия показал явное преобладание двойного кодирования: из 176 закодированных случаев 122 (69,3%) отнесены именно к этому типу, то есть визуальный ряд напрямую подтверждает и повторяет идентичностный сигнал, заданный языком публикации. Второй по частотности тип – дополнение – встретился в 48 случаях (27,3%): изображение вводит содержательно смежную, но не тождественную вербальному тексту информацию, расширяя, а не дублируя заявленную идентичность. Остальные

⁶ Акорда (резиденция) // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Акорда_\(резиденция\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Акорда_(резиденция)) (дата обращения: 04.08.2026).

⁷ Казак ели (монумент) // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Казак_ели_\(монумент\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Казак_ели_(монумент)) (дата обращения: 04.08.2026).

два типа взаимодействия — интегративное единство (три случая) и контраст (три случая) — оказались немногочисленными, суммарно не превышающими 3,5% материала.

Так, показательным примером двойного кодирования является публикация PL2_RUS_010, посвященная противопоставлению Астаны и Алматы. Вербальная часть «*Готовьтесь, война городов объявлена*» задает иронический сценарий межгородского соперничества. Цифровая иллюстрация непосредственно воспроизводит эту оппозицию: Астана и Алматы представлены как два контрастных пространства по разные стороны символической границы, а их жители изображены посредством гиперболизированных и стереотипизированных образов. Надписи «*Астанинцы*» и «*А у нас в Алматы*» дополнительно закрепляют противопоставление, уже заданное текстом. В данном случае визуальный ряд не формирует нового идентичностного значения, а прямо подтверждает и усиливает вербально выраженную множественную межгородскую идентичность. Поэтому публикация представляет собой выраженный пример двойного кодирования между текстом и изображением (рис. 1).

Иной тип взаимодействия наблюдается в публикации PL2_RUS_012, отнесенной к категории «дополнение». Вербальный текст «*Все, я не уеду из Астаны. Влюбился*» выражает личное решение остаться в городе и эмоциональную привязанность к нему. Карусель фотографий при этом не повторяет сообщение о намерении остаться, а демонстрирует современную ночную архитектуру, благоустроенную городскую среду и визуально привлекательный облик столицы. Таким образом, вербальный компонент конструирует идентичность через личную принадлежность и эмоциональную связь с местом, тогда как визуальный компонент добавляет эстетическое и пространственное обоснование этой привязанности. Текст и изображение согласуются по общей положительной оценке города, но выражают разные грани городской идентичности: личную — в тексте и архитектурно-эстетическую — в визуальном ряду (рис. 2).

Эти данные свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве публикаций визуальная маркировка городской идентичности Астаны действительно согласуется с языковым выбором. Модель интегративного единства, когда изображение восполняет идентичностный сигнал, отсутствующий в вербальной части, представлена в материале точно, но показательно. Так, в публикации PL2_RUS_021 вербальная часть состоит только из эмоциональной формулы «*Обожаю* ❤️» и не называет объект положительной оценки, город или конкретный аспект городской идентичности. Визуальный компонент восполняет эту смысловую неполноту, показывая панорамный вид городской застройки в теплом вечернем освещении. Именно изображение позволяет интерпретировать публикацию как выражение любви к городскому пространству (рис. 3).

Рис. 1. Двойное кодирование вербального и визуального компонентов⁸

Fig. 1. Dual coding of verbal and visual components

⁸ В целях анонимизации все имена пользователей, фотографии профилей, даты публикаций и иные идентифицирующие сведения подвергнуты пикселизации. Источник: публикации из исследовательского корпуса; изображения обработаны авторами.

Рис. 2. Дополнение вербального содержания визуальной репрезентацией
Fig. 2. Supplementing verbal content with a visual representation

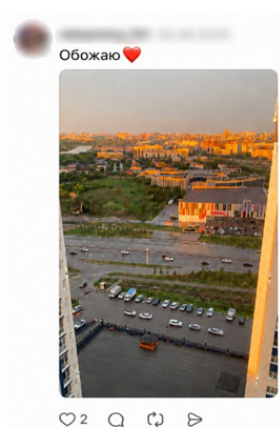

Рис. 3. Визуальная маркировка городской идентичности по типу интегративного единства
Fig. 3. Visual marking of urban identity based on the type of integrative unity

Показательно, что все три примера связаны с публикациями на русском языке, в которых вербальная часть носит краткий, функционально нейтральный или бытовой характер. В таких случаях визуальный компонент восполняет отсутствующую локальную или этнокультурную характеристику или дополнительно переосмысливает буквальное содержание текста.

Надо отметить, что связь между вербальным и визуальным компонентами может не совпадать предметно-семантически, но ее содержательная значимость сохраняется на прагматическом, ассоциативном или коммуникативном уровне. Показателен в этом отношении пример PL2_RUS_005, где его вербальная часть («Дорогие астанчане. Скиньте ваши самые красивые фотографии Астаны») выполняет прямую информационную функцию — обращение к аудитории и приглашение к обмену контентом (рис. 4). Визуальный компонент, однако, не иллюстрирует ни город, ни фотографии, о которых просит автор. На изображении мы видим телефон и котенка, смотрящего в экран. На уровне коммуникативной ситуации телефон является каналом просмотра и распространения цифрового контента, котенок же в этом процессе выступает узнаваемым визуальным кодом социальных медиа, отсылающим к действию, к которому призывает текст (к просмотру и обмену фотографиями). В этом случае изображение сопровождает и усиливает прагматическую задачу, заключающуюся в привлечении внимания и визуализации акта цифрового взаимодействия, к которому адресованы слова автора.

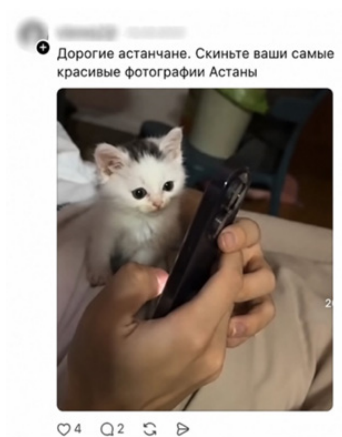

Рис. 4. Случай прагматического дополнения

Fig. 4. Case of pragmatic supplementation

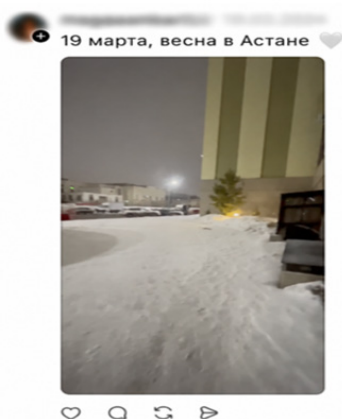

Рис. 5. Пример контраста между вербальным и визуальным компонентами

Fig. 5. Example of the contrast between verbal and visual components

Такой случай можно рассматривать как прагматическое дополнение, при котором визуальный компонент связан с вербальным через общую коммуникативную рамку поста.

Интересен также пример контраста PL2_RUS_009. Публикация, датированная 19 марта, сопровождается подписью «*весна в Астане* ❤️», в тот время как визуально фиксируется вполне зимнее состояние природы — снег, сугробы, заснеженная городская территория (рис. 5). Между модусами возникает прямая смысловая оппозиция, и именно это несовпадение порождает иронический эффект — календарная весна формально наступила, но визуальная реальность города ей не соответствует.

При этом следует отметить, что эффект такого контраста считывается по-разному в зависимости от позиции адресата. Для Астаны продолжительная зима, захватывающая март, порой апрель, — климатическая норма, а не отклонение, и жители города воспринимают подобное изображение не как парадокс или неожиданность, а как узнаваемую обыденную реальность местного климата. Ирония здесь работает не как удивление от расхождения ожидания и факта, а как локально понятная самоирония — рефлексия сообщества над собственным климатическим опытом, обращенная к тем, кто эту специфику разделяет. Иначе говоря, формальная категория контраста между вербальным и визуальным сохраняется, но его прагматический эффект

следует описывать не как объективный сбой соответствия сезону, а как культурно и локально обусловленную интерпретацию, доступную, прежде всего, адресату, знакомому с астанинским климатом. Анализ данных примеров свидетельствует о том, что, несмотря на существующие классификации типов взаимосвязи, понять ее можно через анализ только конкретного случая, а не общей схемы.

Различия по языку публикации

Распределение мультимодальных текстов по языку показало определенную неоднородность. Так, казахоязычные публикации демонстрируют самую высокую среди всех языковых групп долю дополнения — 34,1% (15 из 44 случаев) против 65,9% двойного кодирования, тогда как в англоязычном сегменте это соотношение смещено к 71,2% двойного кодирования против 25% дополнения, а в русскоязычном — к 70,7% против 22%. Другими словами, казахоязычный текст чаще, чем русскоязычный или англоязычный, сопровождается изображением, которое не просто повторяет заявленную городскую идентичность, а привносит дополнительный, содержательно смежный слой смысла. Это согласуется с тем, что в казахоязычном сегменте вербальная идентичность чаще строится не через прямое называние архитектурных объектов, а через модусы локальной и гражданской принадлежности, которые по своей природе менее буквально визуализируемы, чем, например, туристическая или глобальная идентичность (VI5), доминирующая в англоязычном сегменте.

Интерес представляют и отдельные визуальные маркеры. К примеру, признаки национальной символики зафиксированы только в англоязычном (шесть случаев) и казахоязычном (четыре случая) сегментах — ни в русскоязычных, ни в смешанных публикациях они не встречаются. Аналогичная асимметрия заметна и по этническим практикам: три случая в англоязычном, три — в казахоязычном, ноль — в русскоязычном и смешанном сегментах. При этом распределение узнаваемой архитектуры выглядит следующим образом: она отмечена в половине казахоязычных публикаций (22 из 44) и в 42% англоязычных (22 из 52). В 22% примеров на русском языке (девять из 41) русскоязычный сегмент вместо архитектурных доминант заметно чаще опирается на публикации, где визуальный маркер городской идентичности вообще отсутствует (27 из 41 случая, то есть почти две трети). Это подтверждает тот факт, что если казахский и английский языки в этом корпусе систематически сопровождаются визуализацией конкретных городских объектов, то русскоязычные публикации заметно чаще используют изображения, не несущие узнаваемого идентичностного содержания (портреты авторов, бытовые сцены, нейтральный интерьер).

Платформенные различия

На уровне всего корпуса распределение типов вербально-визуального взаимодействия оказывается практически идентичным на обеих платформах: на Платформе 1 двойное кодирование составляет 67% (59 из 88), дополнение — 29,5% (26 из 88); на Платформе 2 — 71,6% (63 из 88) и 25% (22 из 88) соответственно. Различие статистически незначимо, что на первый взгляд подсказывает вывод об устойчивости общей модели: обе платформы не демонстрируют выраженного сдвига в сторону большей рассогласованности языка и образа. Похожим образом ведут себя и базовые визуальные маркеры — доля публикаций с национальной символикой (четыре против шести), архитектурой (33 против 36) и этническими практиками (пять против одного) различается между платформами в пределах, которые не позволяют говорить о системном платформенном эффекте на уровне всего массива.

Однако при переходе на уровень отдельных языковых сегментов можно увидеть несколько иную картину. Так, к примеру, казахоязычные публикации ведут себя на двух платформах принципиально по-разному. На Платформе 1 среди 22 казахоязычных текстов дополнение (12 случаев, 54,5%) не просто присутствует, а фактически преобладает над двойным кодированием

(десять случаев, 45,5%) — это единственная комбинация «язык × платформа» во всем корпусе, где тип взаимодействия, отличный от прямого совпадения, оказывается более частотным, чем само двойное кодирование. На Платформе 2 та же языковая группа показала противоположную тенденцию: двойное кодирование достигает 86,4% (19 из 22), а дополнение падает до 13,6% (три случая). Проверка на статистическую значимость этого расхождения (критерий χ^2 для таблицы сопряжения «платформа × тип взаимодействия» внутри казахоязычного подкорпуса) дает значение $\chi^2 = 6,47$ при $p = 0,011$, что позволяет говорить о неслучайном характере этого различия, несмотря на небольшой объем подвыборки. Содержательно это означает, что казахоязычные пользователи Платформы 1 значительно чаще сопровождают городскую идентичность, заявленную на казахском языке, изображением, которое расширяет и конкретизирует эту идентичность, а не просто иллюстрирует уже названное словом, тогда как в казахоязычном сегменте Платформы 2 изображение работает преимущественно как прямое визуальное подтверждение вербально заданной идентичности, без существенного добавления нового содержания. Ни англоязычный, ни русскоязычный сегменты подобной платформенной поляризации не демонстрируют: соотношение двойного кодирования и дополнения в этих группах колеблется в диапазоне 63–79% против 16–27% на обеих платформах без выраженного разворота в противоположную сторону. Смешанные (билингвальные и трилингвальные) публикации занимают промежуточное положение — доля дополнения у них несколько выше на Платформе 2 (35,7%), чем на Платформе 1 (24%), однако эта разница не так заметна по сравнению с тем контрастом, который выявлен в казахоязычном сегменте, и не образует статистически проверяемого разворота модели.

Таким образом, на уровне всего корпуса, без учета языка публикации, модель согласования языка и образа выглядит устойчивой: обе платформы демонстрируют сопоставимое соотношение двойного кодирования и дополнения, и никакого выраженного платформенного эффекта на этом уровне обнаружить нельзя. Но эта устойчивость возникает потому, что относительно стабильные англоязычный и русскоязычный сегменты статистически «перекрывают» казахоязычную группу, где платформенная специфика проявляется намного заметнее. Именно в этом сегменте обе платформы вырабатывают, по сути, разные семиотические стратегии: одна платформа систематически тяготеет к дополняющему, расширяющему типу взаимодействия текста и образа, другая — к прямому визуальному подтверждению вербально заявленной идентичности. Это позволяет уточнить общий вывод исследования: модель согласования языка и образа в VLL Астаны сама по себе достаточно стабильна, но ее устойчивость не универсальна для всех языков одновременно, а платформенная дифференциация носит выборочный, обусловленный языком характер, наиболее отчетливо проявляясь именно там, где происходит проявление идентичности на государственном языке.

Заключение

Проведенный анализ мультимодальных публикаций об Астане позволяет уточнить характер отношений между вербальным и визуальным модусами в цифровой репрезентации городской идентичности. Как показали результаты исследования, в большинстве текстов изображение прямо подтверждает идентичность, заданную языком публикации, при этом узнаваемая архитектура, прежде всего, оказывается тем визуальным ресурсом, вокруг которого выстраивается это совпадение. Дополнение выступает вторым по значимости типом взаимодействия и распределено неравномерно: казахоязычный сегмент прибегает к нему заметно чаще, чем англоязычный или русскоязычный. Вербальная идентичность здесь чаще строится через модусы локальной и гражданской принадлежности, требующие визуального расширения, а не буквального повторения. Русскоязычный сегмент заметно чаще, чем казахоязычный и англоязычный, обходится без узнаваемого визуального маркера города. Данный результат указывает не столько

на рассогласование языка и образа, сколько на иной, менее локализованный характер визуальной практики, сопровождающей русскоязычный текст в этом корпусе.

Платформы демонстрируют статистически неразличимое соотношение двойного кодирования и дополнения по корпусу в целом. Однако эта устойчивость перестает быть общей закономерностью, как только материал разбивается по языковым сегментам. Именно в казахоязычном сегменте платформы вырабатывают статистически значимые разные стратегии: на Платформе 1 дополнение не просто присутствует, а превосходит по частотности двойное кодирование, в отличие от Платформы 2, где пропорция прямо противоположная. Это означает, что платформенная специфика носит не универсальный, а избирательный характер: она проявляется в том случае, когда идентичность проявляется на казахском языке, и остается практически невидимой в остальных языковых сегментах.

Теоретически данный результат уточняет само понятие «платформенного эффекта» применительно к MDA. Это подтверждает мысль о том, платформу следует рассматривать как фактор, взаимодействующий с языковым выбором, а не функционирующий независимо от него. Тем самым исследование смещает теоретическую рамку анализа VLL от вопроса, какая платформа и какой язык доминируют, к вопросу о том, как платформа и язык взаимодействуют между собой в конструировании городской идентичности. Такая постановка вопроса особенно значима для постсоветского контекста, где статус языков остается символически нагруженным и продолжает дифференцированно проявляться даже в, казалось бы, нейтральной механике социальных платформ.

Полученные результаты имеют определенные ограничения, которые следует учитывать при их интерпретации. Корпус ограничен двумя платформами и определенным временным окном, что не позволяет автоматически распространять выявленную закономерность ни на другие социальные сети, ни на более длительную временную перспективу.

Дальнейшие исследования VLL могут быть сфокусированы: 1) на привлечении дополнительных платформ социальных сетей для проверки того, является ли выявленная избирательность специфической чертой рассмотренной в статье пары или более общей закономерностью цифровой репрезентации Астаны; 2) на более детальном анализе паравербальных ресурсов (хэштегов и эмодзи) как самостоятельного слоя идентичностной маркировки, способного либо усиливать, либо частично компенсировать расхождения между языком и образом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Landry R., Bourhis R.Y.** Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // *Journal of language and social psychology*. 1997. Vol. 16. Iss. 1. P. 23–49. DOI: 10.1177/0261927x970161002
2. **Ivković D., Lotherington H.** Multilingualism in cyberspace: Conceptualising the virtual linguistic landscape // *International Journal of Multilingualism*. 2009. T. 6. № 1. P. 17–36. DOI: 10.1080/14790710802582436
3. **Blommaert J.** *Ethnography, superdiversity and linguistic landscapes: Chronicles of complexity*. Bristol: Multilingual Matters, 2013. 127 p. DOI: 10.21832/9781783090419
4. **Gorter D.** *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters, 2006. 89 p. DOI: 10.21832/9781853599170
5. **Pennycook A.** Translanguaging and semiotic assemblages // *International Journal of Multilingualism*. 2017. Vol. 14. Iss. 3. P. 269–282. DOI: 10.1080/14790718.2017.1315810
6. *Linguistic Landscape in the City* / ed. by E.G. Shohamy, E.B. Rafael, M. Barni. Bristol: Multilingual Matters, 2010. XXVIII + 384 p. DOI: 10.21832/9781847692993
7. **Cenoz J., Gorter D.** Linguistic landscape and minority languages // *International Journal of Multilingualism*. 2006. Vol. 3. Iss. 1. P. 67–80. DOI: 10.1080/14790710608668386

8. **Maly I., Blommaert J.** Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis (ELLA 2.0) (Tilburg Papers in Culture Studies, Paper 233). Tilburg University, 2019.
9. **Gorter D., Cenoz J.** Linguistic Landscape and Multilingualism // *Language Awareness and Multilingualism. Encyclopedia of Language and Education* / ed. by J. Cenoz, D. Gorter, S. May. Cham: Springer, 2017. P. 233–245. DOI: 10.1007/978-3-319-02240-6_27
10. **Hiippala T., Hausmann A., Tenkanen H., Toivonen T.** Exploring the linguistic landscape of geotagged social media content in urban environments // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2019. Vol. 34. Iss. 2. P. 290–309. DOI: 10.1093/llc/fqy049
11. **Hiippala T., Väisänen T.L.A., Pienimäki H.-M.** A multimodal approach to physical and virtual linguistic landscapes across different spatial scales // *Sociolinguistic Variation in Urban Linguistic Landscapes* / ed. by S. Henricson, V. Syrjäla, C. Bagna, M. Bellinzona. Helsinki: Finnish Literature Society, 2024. P. 158–178. DOI: 10.21435/sflin.24
12. **Kress G., Van Leeuwen T.** *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London; New York: Routledge, 2020. 310 p. DOI: 10.4324/9781003099857
13. **Чернявская В.Е.** Визуальность в социокультурной проекции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2 (28). С. 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
14. **Бернацкая А.А.** К проблеме креолизации текста // *Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2000. № 3 (11). С. 104–110.
15. **Halliday M.A.K.** Language as social semiotic // *The Discourse Studies Reader: Main currents in theory and analysis* / ed. by J. Angermuller, D. Maingueneau, R. Wodak. Amsterdam: John Benjamins. 2014. P. 263–272.
16. **Чернявская В.Е.** Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2023. Т. 22. № 5. С. 89–100. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.6
17. **Сонин А.Г.** *Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект*. Смоленск: СГПУ, 2005. 220 с.
18. **Шипицина Г.М., Воронцова Ю.А.** Реминисценции в современных печатных средствах массовой информации // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 6 (101). С. 73–81.
19. **Щурина Ю.В.** Интернет-мемы: проблема типологии // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2014. № 6 (59). С. 82–86.
20. **Yao X.** Metrolingualism in online linguistic landscapes // *International Journal of Multilingualism*. 2023. Vol. 20. Iss. 2. P. 214–230.
21. **Han Y.** Translanguaging as transnational spaces: Chinese visiting scholars' language practices on WeChat // *International Journal of Multilingualism*. 2020. Vol. 17. Iss. 2. P. 174–195. DOI: 10.1080/14790718.2018.1546308
22. **Bisilki A.K.** Online linguistic landscaping and indigenous languages in multilingual Ghana // *International Journal of Multilingualism*. 2025. Vol. 22. Iss. 3. P. 1794–1819.
23. **Kimambo G.E.** Analysing persuasion strategies in online advertising for third-hand cars in Tanzania: translanguaging in the virtual linguistic landscape // *International Journal of Multilingualism*. 2025. Vol. 22. Iss. 2. P. 397–414. DOI: 10.1080/14790718.2024.2312893
24. **Putri H.A., Rohmah Z.** Virtual linguistic landscape on the website of the faculty of cultural studies, Universitas Brawijaya, Indonesia // *International Journal of Multilingualism*. 2026. Vol. 23. Iss. 1. P. 234–249. DOI: 10.1080/14790718.2025.2521720
25. **Wang Y., Feng D.** History, modernity, and city branding in China: A multimodal critical discourse analysis of Xi'an's promotional videos on social media // *Social Semiotics*. 2021. Vol. 33. Iss. 2. P. 402–425. DOI: 10.1080/10350330.2020.1870405
26. **Chernyavskaya V.E., Zharkynbekova S.K.** Code switching patterns in Kazakh-Russian hybrid language practice: An empirical study // *Training, Language and Culture*. 2024. Vol. 8. Iss. 2. P. 9–19. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-2-9-19
27. **Aimoldina A., Zharkynbekova S.** Incorporating authentic models into business letter writing within the ESP course at Kazakhstani universities // *Hacettepe Egitim Dergisi*. 2014. Vol. 29. Iss. 2. P. 16–33.
28. **Zharkynbekova S., Shakhputova Z., Galiyeva B., Absadyk A.** Value Priorities of Student Youth in the Multi-Ethnic Space of Kazakhstan and Their Influence on Intercultural Communications // *Journalism and Media*. 2025. Vol. 6. Iss. 1. Art. no. 32. DOI: 10.3390/journalmedia6010032

29. Zharkynbekova Sh., Ayupova G., Galiyeva B., Shakhputova Z., Zabrodskaja A. Ethno-Linguistic Identity of Kazakhstani Student Youth in Modern Multinational Context of Kazakhstan (Sociolinguistic Analysis of Empirical Research) // Languages. 2025. Vol. 10. Iss. 2. Art. no. 33. DOI: 10.3390/languages10020033

30. Жаркынбекова Ш.К., Селиверстова Ж.Б. Лингвоаксиология ценностей в медиадискурсе Казахстана: анализ ключевых слов как репрезентантов общественных концептов // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 41–58. DOI: 10.18721/JHSS.16403

REFERENCES

[1] Landry R., Bourhis R.Y., Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study, *Journal of language and social psychology*, 16 (1) (1997) 23–49. DOI: 10.1177/0261927x970161002.

[2] Ivković D., Lotherington H., Multilingualism in cyberspace: Conceptualising the virtual linguistic landscape, *International Journal of Multilingualism*, 6 (1) (2009) 17–36. DOI: 10.1080/1479071-0802582436

[3] Blommaert J., *Ethnography, superdiversity and linguistic landscapes: Chronicles of complexity*, Multilingual Matters, Bristol, 2013. DOI: 10.21832/9781783090419

[4] Gorter D., *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*, Multilingual Matters, Clevedon, 2006. DOI: 10.21832/9781853599170

[5] Pennycook A., Translanguaging and semiotic assemblages, *International Journal of Multilingualism*, 14 (3) (2017) 269–282. DOI: 10.1080/14790718.2017.1315810

[6] *Linguistic Landscape in the City*, ed. by E.G. Shohamy, E.B. Rafael, M. Barni, Multilingual Matters, Bristol, XXVIII + 384 p. DOI: 10.21832/9781847692993

[7] Cenoz J., Gorter D., Linguistic landscape and minority languages, *International Journal of Multilingualism*, 3 (1) (2006) 67–80. DOI: 10.1080/14790710608668386

[8] Maly I., Blommaert J., *Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis (ELLA 2.0)* (Tilburg Papers in Culture Studies, Paper 233), Tilburg University.

[9] Gorter D., Cenoz J., Linguistic Landscape and Multilingualism, *Language Awareness and Multilingualism. Encyclopedia of Language and Education*, ed. by J. Cenoz, D. Gorter, S. May, Springer, Cham, 2017, pp. 233–245. DOI: 10.1007/978-3-319-02240-6_27

[10] Hiippala T., Hausmann A., Tenkanen H., Toivonen T., Exploring the linguistic landscape of geotagged social media content in urban environments, *Digital Scholarship in the Humanities*, 34 (2) (2019) 290–309. DOI: 10.1093/lc/fqy049

[11] Hiippala T., Väisänen T.L.A., Pienimäki H.-M., A multimodal approach to physical and virtual linguistic landscapes across different spatial scales, *Sociolinguistic Variation in Urban Linguistic Landscapes*, ed. by S. Henricson, V. Syrjälä, C. Bagna, M. Bellinzona, Finnish Literature Society, Helsinki, 2024, pp. 158–178. DOI: 10.21435/sflin.24

[12] Kress G., Van Leeuwen T., *Reading Images: The Grammar of Visual Design*, Routledge, London, New York, 2020. DOI: 10.4324/9781003099857

[13] Chernyavskaya V.E., Image and Visuality in Sociocultural Dimension, ПРАΞΗΜΑ. *Journal of Visual Semiotics*, 2 (28) (2021) 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109

[14] Bernatskaya A.A., K probleme kreolizatsii teksta [To the problem of creolization of the text], *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Humanities*, 3 (11) (2000) 104–110.

[15] Halliday M.A.K., Language as social semiotic, *The Discourse Studies Reader: Main currents in theory and analysis*, ed. by J. Angermuller, D. Maingueneau, R. Wodak, John Benjamins, Amsterdam, 2014, pp. 263–272.

[16] Chernyavskaya V.E., Typographic Landscape: Pragmatics of Typographic Variation, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22 (5) (2023) 89–100. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.6

[17] Sonin A.G., Ponimaniye polikodovykh tekstov: kognitivnyy aspekt [Understanding polycode texts: cognitive aspect], SGPU, Smolensk, 2005.

[18] Shipitsina G.M., Vorontsova Yu.A., Reminiscences in modern print media, *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities], 6 (101) (2011) 73–81.

- [19] **Shchurina Yu.V.**, Internet meme: the problem of typology, Cherepovets State University Bulletin, 6 (59) (2014) 82–86.
- [20] **Yao X.**, Metrolingualism in online linguistic landscapes, International Journal of Multilingualism, 20 (2) (2023) 214–230.
- [21] **Han Y.**, Translanguaging as transnational spaces: Chinese visiting scholars' language practices on WeChat, International Journal of Multilingualism, 17 (2) (2020) 174–195. DOI: 10.1080/14790-718.2018.1546308
- [22] **Bisilki A.K.**, Online linguistic landscaping and indigenous languages in multilingual Ghana, International Journal of Multilingualism, 22 (3) (2025) 1794–1819.
- [23] **Kimambo G.E.**, Analysing persuasion strategies in online advertising for third-hand cars in Tanzania: translanguaging in the virtual linguistic landscape, International Journal of Multilingualism, 22 (2) (2025) 397–414. DOI: 10.1080/14790718.2024.2312893
- [24] **Putri H.A., Rohmah Z.**, Virtual linguistic landscape on the website of the faculty of cultural studies, Universitas Brawijaya, Indonesia, International Journal of Multilingualism, 23 (1) (2026) 234–249. DOI: 10.1080/14790718.2025.2521720
- [25] **Wang Y., Feng D.**, History, modernity, and city branding in China: A multimodal critical discourse analysis of Xi'an's promotional videos on social media, Social Semiotics, 33 (2) (2021) 402–425. DOI: 10.1080/10350330.2020.1870405
- [26] **Chernyavskaya V.E., Zharkynbekova S.K.**, Code switching patterns in Kazakh-Russian hybrid language practice: An empirical study, Training, Language and Culture, 8 (2) (2024) 9–19. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-2-9-19
- [27] **Aimoldina A., Zharkynbekova S.**, Incorporating authentic models into business letter writing within the ESP course at Kazakhstani universities, Hacettepe Egitim Dergisi, 29 (2) (2014) 16–33.
- [28] **Zharkynbekova S., Shakhputova Z., Galiyeva B., Absadyk A.**, Value Priorities of Student Youth in the Multi-Ethnic Space of Kazakhstan and Their Influence on Intercultural Communications, Journalism and Media, 6 (1) (2025) 32. DOI: 10.3390/journalmedia6010032
- [29] **Zharkynbekova Sh., Ayupova G., Galiyeva B., Shakhputova Z., Zabrodska A.**, Ethno-Linguistic Identity of Kazakhstani Student Youth in Modern Multinational Context of Kazakhstan (Sociolinguistic Analysis of Empirical Research), Languages, 10 (2) (2025) 33. DOI: 10.3390/languages10020033
- [30] **Zharkynbekova Sh.K., Seliverstova Zh.B.**, Linguistic Axiology of Values in Kazakhstan's Media Discourse: an Analysis of Keywords as Representations of Social Concepts, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 41–58. DOI: 10.18721/JHSS.16403

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна

Sholpan K. Zharkynbekova

E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4160-6215>

Аймолдина Алия Аманжоловна

Aliya A. Aimoldina

E-mail: aliya.aimoldina@astanait.edu.kz

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5437-7386>

Поступила: 06.08.2026; Одобрена: 17.09.2026; Принята: 23.09.2026.

Submitted: 06.08.2026; Approved: 17.09.2026; Accepted: 23.09.2026.

Научная статья

УДК 81'33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17307>

EDN: <https://elibrary/QXZERH>

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ: НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАЖАНРА ИНТЕРВЬЮ

Е.Ю. Ионкина , О.А. Евтушенко

Волгоградский государственный технический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

 katya_dzhandalie@mail.ru

Аннотация. В фокусе внимания данной статьи находятся ценностные ориентации современного английского руководителя, рассматриваемые с позиций лингвокультурологии, лингвопрагматики и аксиологической лингвистики на материале медиажанра интервью, который представляет уникальное пространство для вербализации, трансляции этих ценностей и формирования эталонных моделей успешного управления. Исследование посвящено анализу ключевых ценностей английского руководителя и способов их языковой репрезентации. Эмпирическую базу исследования составили 50 текстов интервью с руководителями высшего звена, опубликованных в интернет-изданиях в 2019–2025 гг. (156 электронных страниц, около 400 репрезентативных контекстов). Методология исследования объединила методы аксиологического лексико-семантического анализа, интерпретативного анализа, элементы дискурсивного анализа, методы сплошной выборки и количественного подсчета. В результате исследования выявлена трехуровневая система ценностных ориентаций английского руководителя, включающая индивидуальные (опыт/достижения, труд, увлеченность, наставники), корпоративные (команда, дальновидность, лидерство, инновации, ориентация на клиентов) и межличностные (эмпатия, коммуникация) ценности. В ядро ценностной картины мира английского руководителя вошли такие ценности, как опыт, эмпатия, команда, дальновидность, клиенты, лидерство. Установлено, что ценностные ориентации английского руководителя взаимодействуют с основополагающей и системообразующей ценностью «успех» и сочетают профессиональные, корпоративные и культурные традиции. Продемонстрирован прагматический и аксиологический потенциал медиажанра интервью для вербализации ценностных ориентаций. Описаны языковые средства репрезентации ценностей на лексическом (номинативные единицы, оценочная лексика), грамматическом (перфектные формы, модальные глаголы, местоимения) и синтаксическом (побудительные конструкции, ценностные суждения, прецедентные высказывания) уровнях. Разработанная авторами комплексная модель анализа ценностных ориентаций позволит в будущем проводить сопоставительные исследования ценностей в других лингвокультурах. Практическая значимость связана с возможностью использования полученных данных в диагностике ценностного профиля кандидатов на руководящие позиции, в программах кросс-культурной подготовки менеджеров и в разработке тренингов по корпоративной коммуникации.

Ключевые слова: ценностные ориентации, английский руководитель, интервью, лингвокультура, лингвопрагматика, аксиологическая лингвистика.

Для цитирования: Ионкина Е.Ю., Евтушенко О.А. Лингвистическая репрезентация ценностных ориентаций современного английского руководителя: на материале медиажанра интервью // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 108–124. DOI: 10.18721/JHSS.17307

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE VALUE ORIENTATION OF A MODERN ENGLISH MANAGER: BASED ON THE MEDIA GENRE OF INTERVIEW

E.Yu. Ionkina , O.A. Evtushenko

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russian Federation

 katya_dzhandalie@mail.ru

Abstract. This paper focuses on the value orientations of the modern English leader, examined through linguocultural, linguopragmatic, and axiological lenses. The study draws upon the interview as a media genre, which provides a unique space for verbalizing, transmitting these values and shaping benchmark models of effective management. The empirical basis comprises 50 interviews with top-level managers published in online media between 2020 and 2026 (156 electronic pages, approximately 400 representative contexts). The methodology integrates axiological linguistic analysis, discourse analysis, and quantitative processing. As a result, the study identifies a three-level system of the English leader's value orientations: individual (experience, hard work, passion, mentors), corporate (team, vision, leadership, innovation, customer orientation), and interpersonal values (empathy, communication). The core of the English leader's value-based worldview includes experience, empathy, team, vision, customers, and leadership. Consequently, the value orientations of the English leader, grounded in the foundational value of success, integrate professional, corporate, and cultural traditions. Moreover, the study demonstrates the pragmatic and axiological potential of the "interview" genre for verbalizing value orientations. For the purposes of this study, the authors describe linguistic means of value representation at the lexical (nominative and evaluative lexis), grammatical (modal verbs, pronouns), and syntactic levels (imperative sentences, value judgments, precedent utterances). As a result, the comprehensive analytical model developed here enables future comparative research across other linguocultures. The practical relevance lies in its potential application for diagnosing value profiles of leadership candidates, cross-cultural training programs, and corporate communication workshops.

Keywords: value orientations, English leader, interview, linguoculture, linguopragmatics, axiological linguistics.

Citation: Ionkina E.Yu., Evtushenko O.A. Linguistic Representation of the Value Orientation of a Modern English Manager: Based on the Media Genre of Interview, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 108–124. DOI: 10.18721/JHSS.17307

Введение

Изучение языковых особенностей репрезентации личности в дискурсе как представителя определенной лингвокультуры является одним из наиболее разрабатываемых направлений лингвистических исследований. Выявление ценностных смыслов в языке основывается на антропоцентрическом подходе в лингвистике, в основе которого находится человек как субъект культуры со своими ценностными ориентирами. В рамках аксиологии ценность понимается как «значимость объекта для субъекта»¹. Ценности представляют собой высшие ориентиры поведения и являются «концентратом культуры» [1, с. 26], формируя ценностную картину мира, обусловленную особенностями культуры и включающую в себя как коллективные, так и индивидуальные ценности [2].

В социальной психологии и лингвистике для описания системы ценностей личности используется также термин «ценностные ориентации»², обозначающий направленное отношение

¹ Крюков В.В. Введение в аксиологию: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2001. 76 с.

² Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2003. 229 с.

человека к целям жизнедеятельности и средствам их достижения. В управленческой деятельности ценностные ориентации выступают детерминантами профессионального поведения руководителя, влияя на выбор способов решения задач и принятие решений [3, с. 268]. В условиях перехода от иерархического к ценностно-ориентированному управлению важно понимать, какие ценности транслируют успешные руководители и каким способом они это делают, так как их ценностные ориентации становятся основополагающим фактором формирования корпоративной культуры [4].

В лингвистических исследованиях с точки зрения аксиологии делается акцент на ценностной составляющей в структуре языковой личности. Ю.Н. Караулов выделяет «лингвокогнитивный уровень», отражающий ценностную картину мира человека [5, с. 53], тогда как В.И. Карасик при определении понятия «коммуникативная личность» выделяет в ее структуре ценностный аспект наряду с понятийным и поведенческим [6, с. 19]. Ценностные ориентиры языковой личности прослеживаются в любом типе дискурса, но в определенных сферах общения личностная специфика оценки может проявляться более выражено [6, с. 25]. Выбор личности английского руководителя как объекта исследования не является случайным и обусловлен культурно-исторической спецификой британской деловой культуры как одной из старейших и влиятельных в мире, сформировавшей специфические особенности. Такие особенности английской деловой коммуникации, как сдержанность, высокая роль подтекста, стратегии позитивной вежливости, избегание прямых конфликтов [7], оказывают влияние на вербализацию ценностных ориентаций английского руководителя, который выступает одновременно и локальным, и глобальным носителем деловой культуры.

Индивидуальные характеристики руководителя, к которым относится и система ценностных ориентаций, все чаще становятся предметом исследования разных отраслей научного знания: психологии, лингвокультурологии, лингвистической аксиологии, организационной лингвистики, теории менеджмента. В исследовании Э.Ш. Магомедовой [8] ценностные ориентации молодых руководителей рассматриваются как регуляторы поведения, основанные на мотивированном выборе приоритетного набора ценностей в конкретных обстоятельствах. Н.А. Журавлева [9] выделяет три социально-психологических типа ценностных ориентаций руководителей, различающихся значимостью ценностей личной жизни, экономических, прагматических, профессиональных и этических ценностей. В ряде исследований применялись метод социологических опросов для определения характерных черт современных топ-менеджеров [10], а также метод детального психометрического анализа текстов для определения стиля управления и профессиональных ценностей [11]. В отечественной и зарубежной психологии управления накоплен значительный опыт изучения ценностных ориентаций руководителей как регуляторов профессионального поведения и важной составляющей организационной культуры [3; 4; 12; 13]. Однако, как справедливо отмечает Н.Г. Наумова [14], языковой аспект описания ценностей в этих работах затрагивается редко и остается малоизученным. Например, объектом лингвистического исследования система ценностей становится при изучении некоторых типов дискурса — медиадискурса [15], административного дискурса [16], но этих исследований явно недостаточно, чтобы закрыть пробелы в научном знании, касающиеся ценностных ориентиров личности руководителя.

В данной работе предпринимается попытка описания системы ценностей современного английского руководителя на основе лингвистического подхода. **Актуальность** настоящего исследования объясняется необходимостью обращения к личности английского руководителя и изучения его системы ценностей как особенностей лингвокультуры. В лингвистике анализ ценностных предпочтений с точки зрения их национально-культурной специфики предоставляет возможности для исследования национального языкового сознания, построения модели языковой личности современного руководителя [2] и вносит вклад в развитие будущих сопоставительных исследований.

Цель данного исследования — выявить и охарактеризовать систему ценностных ориентаций английского руководителя на основе лингвистического анализа текстов интервью. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) установить перечень ценностных ориентаций на основе интерпретативного лексико-семантического анализа репрезентативных контекстов интервью; 2) классифицировать выделенные ценности и определить доминирующие с использованием количественного подсчета; 3) выделить основные лингвистические способы выражения ценностных ориентаций и определить ключевые ценностные смыслы.

Научная новизна исследования определяется: 1) индуктивным подходом к выявлению ценностных ориентаций, без опоры на предустановленный набор; 2) актуальным эмпирическим материалом (интервью 2019–2025 гг.), отражающим ценностные приоритеты руководителей в пост-пандемийный период; 3) комплексным лингвистическим анализом, впервые представляющим как тематический репертуар ценностей, так и систему языковых средств их репрезентации; 4) количественным обоснованием доминирующих ценностных ориентаций, составляющих ядро ценностной картины мира современного английского руководителя.

Материалы и методы

В качестве материала исследования были использованы тексты интервью с английскими руководителями различных сфер бизнеса и предпринимательства, отобранные из английских интернет-изданий за 2019–2025 гг.: theEnterpriseWorld (EW, <https://theenterpriseworld.com/>), theWired (WR, <https://www.wired.com>), theEconomist (ECM, <https://www.economist.com>), а также EntrepreneurInterviews, размещенные на платформах entrepreneur.com (ENTR, <https://www.entrepreneur.com/magazine>), the-ceo-magazine.com (CM, <https://www.theceomagazine.com>), mckinsey.com (MCK, <https://www.mckinsey.com>), vizaca.com (VZ, <https://www.vizaca.com/>). По материалам всех отобранных интервью была составлена выборка языковых примеров, куда вошли отдельные лексические единицы, словосочетания и смысловые группы. В качестве иллюстративных примеров приводятся также полные реплики интервью с руководителями со ссылками на указанные источники материала.

Современный медиажанр интервью с руководителем, на материале которого проводилось данное исследование, представляется оптимальным для изучения особенностей вербализации ценностных ориентаций. Это уникальный инструмент для трансляции ценностей и формирования имиджа, так как его гибридная природа (персонализированный и институциональный дискурс) способствует более полному раскрытию и саморефлексии руководителя. Как отмечает М.Р. Желтухина [17], интервью в современном медиапространстве выполняет не только информационную, но и имиджевую функцию, позволяя публичной личности транслировать свои ценности широкой аудитории. Специфика интервью как жанра заключается в его диалогической природе, в сочетании подготовленных и спонтанных элементов, в ориентации на массового адресата при сохранении иллюзии личностно-ориентированного общения [18]. Интервью с руководителями бизнеса относится к числу «элитарных» жанров медиадискурса, поскольку его героями становятся люди, достигшие высокого социального статуса и обладающие авторитетом в профессиональной среде [19]. Прагматическая значимость интервью с руководителями обусловлена, с одной стороны, желанием интервьюера раскрыть личность собеседника и показать его в выгодном свете для аудитории, а с другой стороны, стремлением самого руководителя через диалог-интервью выразить и донести свою ценностную позицию до потенциального потребителя данной информации.

Было проанализировано 50 текстов интервью, что составило 156 электронных страниц текста. Критериями отбора интервью послужили следующие: 1) респонденты — руководители высшего звена; 2) проблемно-тематический характер интервью; 3) объемные интервью (2000 слов и более) с развернутыми ценностными суждениями. Такой подход обеспечивает репрезентативность выборки и сопоставимость полученных данных.

В своем исследовании мы опираемся на **метод аксиологического лингвистического анализа** текста/дискурса, предложенный Е.Ф. Серебренниковой и называемый также «лингвистическая этносемиотика» — прием семантического анализа аксиологически ориентированной лингвистики [20, с. 42]. Данный прием носит субъектноцентрический характер и направлен на выведение смыслов ценностного содержания в ряду репрезентативных текстов. За **единицу анализа** принималась реплика руководителя, содержащая определенные аксиологические единицы (аксиологемы), репрезентирующая ценностное отношение. С помощью **метода сплошной выборки** было отобрано около 400 таких репрезентативных контекстов.

Центральной категорией анализа выступает **языковая оценка** — способ отражения системы ценностей в языке. Вслед за В.И. Карасиком [1, с. 25] мы рассматриваем оценки как вербальные проявления представлений о благе. Оценка понимается как когнитивный акт, устанавливающий отношение субъекта к объекту и являющийся «представителем прагматического значения», для понимания которого ключевое значение имеет интерпретация [21, с. 75]. Особое внимание уделяется имплицитным способам выражения оценки, поскольку они оказывают существенное влияние на восприятие ценностной позиции руководителя [22]. Кроме того, эмотивный компонент в семантике языковых единиц рассматривается как один из способов объективации оценки, что требует внимания к эмотивной лексике при анализе [14, с. 238].

Неотъемлемым этапом данного лингвистического анализа является **интерпретация**. **Интерпретативный анализ** позволяет установить наиболее общие закономерности языкового оформления всех выявленных ценностей руководителя с последующей классификацией и систематизацией полученных данных. Прием аксиологического семантического анализа текста обладает существенным преимуществом, поскольку исходит не из априорно данных ценностных конструктов определенной культуры, а из контекстов, интерпретация которых помогает установить оценочное содержание смыслов, заложенных автором в данном контексте, с опорой на употребляемые языковые структуры. Метод количественного подсчета использовался для определения доминирующих ценностных ориентаций в текстах интервью.

Результаты исследования

Категория «успех» как системообразующая ценность

На первом этапе исследования лингвистический анализ диалогической части текстов интервью позволил выделить категорию успеха как основополагающую ценностную категорию. Успех является определяющей категорией при выборе руководителя в качестве героя для беседы, и образ успешного руководителя создается журналистом уже в предисловиях к интервью [19, с. 100]. Непосредственно в самих диалогах-интервью руководитель позиционирует себя именно как успешная личность.

Исследование феномена успеха представляет интерес с точки зрения раскрытия ценностных оснований и отдельной личности, и общества в целом [23, с. 82]. Исследователи отмечают, что концепт «успех» принадлежит к числу «базовых культурных ценностей» [24], а также признается «транскультурной ценностью» — универсальной, значимой для любой культуры [20, с. 67]. Для руководителей успех обладает наивысшей значимостью, являясь основанием существования остальных ценностей, совокупность реализации которых и приводит к окончательной цели — успеху компании.

В текстах интервью для наименования успеха используются лексические единицы *success*, *to succeed*, *successful*, употребление которых от первого лица наделяет руководителя соответствующей характеристикой (*because of my success in business...*, *the reason I succeed...*, *my successful business...*) [AA³]. Было обнаружено около 60 подобных контекстов интервью. Смысловый потенциал категории «успех» раскрывается в понятиях, которые называет руководитель при ответе на

³ Здесь и далее выборка отдельных языковых примеров (слова и словосочетания) используется из архива авторов (АА) по материалам собранных интервью.

вопросы журналиста о его профессиональном пути. Было установлено, что английские руководители включают в категорию «успех» следующие ценностные составляющие, которые в английском языке объективируются конкретными номинациями: *never-ending thirst for knowledge, goal-orientation, personal experiences, courage, hard work, dreaming big, a compelling plan, a capable and motivated team, innovating, clients' needs, vision, successful partnerships*. Все перечисленные ценностные категории осмысливаются как ключевые факторы успеха, что можно проиллюстрировать следующим примером: *I think that **continuing to learn and build upon experiences** has been the key to success, as well as **being willing to work hard and take on some challenges** that others weren't able or were willing to do* (VZ: 14.11.2025).

В этой реплике ключ к успеху, по мнению руководителя, заключается в непрерывном обучении, приобретении опыта, усердной работе и готовности справляться с трудностями. Эти факторы являются ключевыми как для самого руководителя, так и для других управленцев, обращение к которым грамматически выражается прямой адресацией ко второму лицу с использованием местоимений *you, your*: *If **you** want to be successful in the long term, **you need to do more than what others are doing*** (VZ: 10.11.2025).

Помимо личных рассуждений об успехе, ценностный смысл данной категории в текстах интервью эксплицируется через описание критериев успеха компании в целом. Успешная компания — это, прежде всего, компания-лидер, характеризующаяся ростом, уникальностью своих продуктов и услуг. При описании компании руководитель создает образ, привлекательный для клиентов, что выражается использованием оценочных словосочетаний, которые в контексте интервью выступают синонимами успеха: *a market leader, the keys to its growth, a growing, thriving enterprise, our next level of leadership* и т.д. Как видно из следующего примера, успех ассоциируется именно с ростом, что выражено соответствующей лексемой *growth*, а критериями успеха выступают творческий подход и найм первоклассных сотрудников: *The keys to its **growth** lie in **continuing to be creative and recruiting top rated individuals** for new key senior management positions who can bring both exciting and fresh ideas to our company to complement **our** existing team and enable Snazzy to fulfill its medium to long term objectives* (MCK: 20.11.2025).

Руководители отождествляют себя с компанией, что выражается употреблением грамматических маркеров *we, our*, которые, согласно О.А. Евтушенко, являются основными маркерами корпоративности как ключевой ценности административного дискурса [16, с. 513]. Принадлежность руководителя к компании приравнивает его личный успех к совместному, корпоративному, достигнутому всей командой сотрудников. При этом категория успеха может приобретать дополнительные характеристики, такие как масштаб, количество, процентный состав, временную протяженность. Наиболее часто успех осмысливается в глобальных, мировых масштабах, что выражается имплицитно в семантике номинативных компонентов: *We have **a global footprint, employ hundreds of employees and generate over \$60M in annual revenue*** (VZ: 20.12.2025).

Таким образом, анализ контекстов интервью показывает, что «успех» проявляется не как отдельная, самостоятельная ценность, существующая наравне с остальными, но представляет собой системообразующую категорию, обладающую интегративным свойством, смысл которой раскрывается через набор других, более частных ценностных ориентаций. В понимании феномена успеха руководителями содержатся ценностные компоненты, репрезентирующие как личные факторы успешной деятельности руководителя, так и критерии успеха всей компании. Ядро категории личного успеха составляют такие ценностные ориентации, как *опыт, усердная работа, непрерывное обучение, целеустремленность, забота о людях*. К ядру категории корпоративного успеха относятся следующие ценности: *рост, уникальный опыт, лидерство, технологические инновации, команда, партнеры*.

Классификация ценностных ориентаций английского руководителя

Аксиологический лексико-семантический анализ текстов интервью позволил выделить определенное количество репрезентативных контекстов, в которых раскрываются ценностные ориентации руководителей. Интерпретативный анализ выделенных контекстов дал возможность составить общий перечень ценностных ориентаций английского руководителя и классифицировать их по группам. Далее был произведен количественный подсчет и были выделены доминирующие ценности руководителя, с учетом того факта, что одна и та же ценность может упоминаться одним руководителем многократно в разных контекстах. Выявленные ценностные ориентации были разделены на три группы, с указанием в скобках количества примеров:

1) **индивидуальные ценности** (значимые лично для руководителя): опыт/достижения (38), труд/работа (24), наставники/идеалы (20), увлеченность (15), везение (14), баланс между работой и семьей (6), адаптируемость (6), непрерывное обучение (6), оптимизм (6), семейная поддержка (5);

2) **корпоративные ценности** (транслируемые по отношению к компании): команда (33), дальновидность (32), ориентация на клиентов (31), лидерство (30), инновации/технологии (23), деловое партнерство (19), стратегический подход (17), образование (13);

3) **межличностные ценности** (транслируемые по отношению к людям): эмпатия (35), коммуникация (12), толерантность (3), ответственность (3).

Приведем несколько примеров анализа репрезентативных контекстов интервью, в ходе которого выявлялись аксиологические единицы, указывающие на языковые особенности выражения конкретных ценностных ориентаций.

Среди **индивидуальных ценностей** руководителя наиболее часто в контексте интервью вербализуется ценность *профессиональный опыт / профессиональные достижения*. На лексико-семантическом уровне данная ценностная ориентация выражается через конкретизацию опыта, полученного в процессе карьерного роста и развития, а также перечислением значимых достижений. Лексико-грамматическими маркерами, репрезентирующими данную ценностную ориентацию в репликах руководителя, являются: 1) атрибутивные словосочетания, используемые для характеристики личного профессионализма — *I am unique..., my unique background, a top performer, I am an ambitious professional*; 2) перфектная форма глаголов, употребляемая для констатации приобретенного опыта: *I have managed and successfully delivered marketing campaigns..., I have collaborated on many patents..., I have learned it's important to...*; 3) эмоционально-экспрессивные оценочные прилагательные передают чувство гордости или воодушевления от проделанной работы: *I am most proud of / I am very proud of, truly exiting, I feel exited, the most exiting factor*.

Приведем два примера реплик руководителей:

The most exciting factor in my business right now is being able to share my years of experience and successful strategies with companies, and witnessing massive growth rates as a result of implementing my proven systems and strategies (VZ: 10.12.2025);

I have always worked with data, statistics, and technology. While I have skirted software in previous positions, this is my first time in a software-solution company, but my unique background brings a diversity of thought to our security innovations (VZ: 10.12.2025).

В данных контекстах интервью ценность *опыта* прямо эксплицируется через номинативное и глагольное словосочетания *my unique background, to share my years of experience*. Аксиологическими единицами также являются перфектные формы *I have always worked..., I have skirted...*, косвенно описывающие приобретенный опыт. Использование оценочных словосочетаний в каждом примере *the most exiting factor, a diversity of thought* усиливает субъективную значимость данной ценностной ориентации для говорящего.

Из группы **корпоративных ценностей** самой значимой ценностной ориентацией является *команда*. Руководители нацелены на создание корпоративной культуры, основной ключевой

ценностью которой выступают люди. Стремление нанимать лучших сотрудников для создания надежной команды — определяющий фактор данной культуры. Руководители ценят свою команду за профессионализм, опыт, энтузиазм, надежность и преданность делу. В контексте интервью ценностный потенциал *команды* раскрывается на лексико-семантическом уровне за счет использования следующих языковых средств: 1) номинативных единиц и атрибутивных словосочетаний, характеризующих людей в команде: *my team, professionals, the team effort, a strong management team, our people, the perfect business team, employees, wonderful people, good friends, aggressive, like-minded people, the right people, an outstanding team, skillful people* и т.д.; 2) оценочных предикатов, передающих эмоциональное позитивное отношение руководителя к команде: *I am most grateful for..., I am so proud of my team..., I am extremely thankful to my team for..., It's a credit to the team...*; 3) глагольных и номинативных словосочетаний, выражающих ценностные пропозиции в отношении значимости людей в команде: *the individuals matter, a sense of belonging, a talent investing, an employee engagement, to hire great talent, a personal competitive advantage* и др.

В следующих контекстах интервью руководители особо ценят свою команду, для обозначения которой используются как нейтральное *a team that fit*, так и более экспрессивные словосочетания *the best team, such wonderful people: It really helps when you have someone who can understand your burden and help ease it, and again, I couldn't be more blessed to work with such wonderful people* (WR: 10.12.2025). Руководители испытывают гордость и благодарность команде за работу, что в языковом плане выражается предикатами *I couldn't be more blessed..., I could have imagined: We have 35 employees across Europe and North America. It's the best team I could have imagined* (VZ: 10.12.2025). Оценочное значение содержится также имплицитно в пропозиции высказывания, аксиологическими единицами становятся глагольные формы в сочетании с отрицанием и противопоставлением: *You could have the best office, the best product and great clients, but without a team that fits, you won't go in the direction you need to at the speed you need to be effective* (CM: 10.12.2025).

Наиболее значимой для руководителей **ценностью межличностного общения** оказывается *эмпатия*. Эмпатия как социально-психологический феномен и часть общественной культуры со своими ценностными установками выражается во взаимопомощи и взаимопонимании людей [25]. Как показывает материал исследования, руководители демонстрируют свою способность думать о людях, заботиться о них, слушать, проявлять уважение, а также следуют принципу «обращаясь с людьми так, как желаешь, чтобы обращались с тобой». Данная ценностная ориентация диктует особый стиль руководства — «заботливый и помогающий». В репликах интервью *эмпатия* как ценность актуализируется на лексико-семантическом уровне через употребление следующих языковых средств: 1) прямых ценностных суждений руководителя о значимости данного качества и лексических единиц для его обозначения: *empathetic, empathy, empathise*; 2) глагольных словосочетаний с семантикой заботы, поддержки, помощи, используемых преимущественно от 1 л. ед. и мн. ч. *I/we* для описания конкретных действий, направленных на формирование культуры заботы, уважения и помощи людям: *to care a lot about people, to genuinely help people, to offer productive guidance, to show appreciation for the people, to offer a helping hand, to support people*; 3) глагольных словосочетаний для демонстрации руководителем умения выстраивать отношения с людьми, налаживать связи: *to get along with people well, to cultivate the right connections, to deal with employees, to focus on human interactions, to connect with the people* и др.

В следующем примере руководитель заявляет о важности проявления эмпатии к людям, что вербально выражается прямым наименованием данной ценностной ориентации *building empathy with people* в сочетании с оценочным словосочетанием *really all it's about: Building empathy with people and making them feel as though they can connect with you is really all it's about* (МСК: 15.11.2025). Смысловое пространство эмпатии как ценностной ориентации создается также через употребление глагола с семантикой *заботы* от первого лица *I care a lot about people*, а также инфинитивных конструкций со значением *взаимопомощи* и *внимания* — *to help them, listen, to make your*

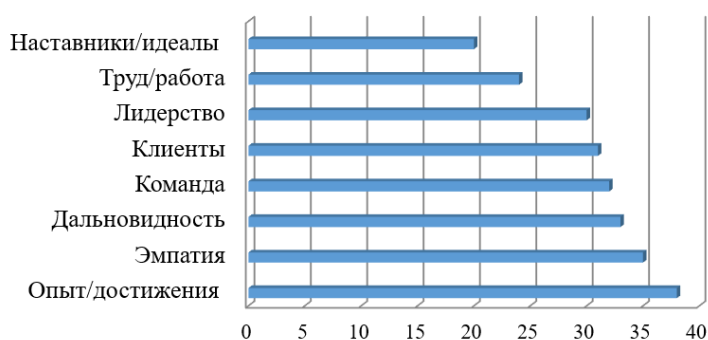

Рис. Доминирующие ценностные ориентации успешного английского руководителя

Fig. The dominant value orientations of a successful English leader

message: I care a lot about people, and my focus is to help them. I've learned that in sales, it's important to make your message about the client and their needs. Make sure you slow down and listen; be very attentive to what they're saying so you can find the best way to help them (ENTR: 10.02.2026). Аксиологическими маркерами в данном примере являются слова-операторы прямого оценочного отношения *my focus is, it's important*. Синтаксические конструкции, обращенные ко второму лицу — *make sure you slow down and listen, be very attentive to...*, косвенно передают ценностное отношение через описание особенностей взаимодействия с людьми, тем самым усиливая значимость эмпатии в данном контексте интервью. Транслируя культуру заботы как одно из проявлений эмпатии, руководители не только заявляют о своей личной готовности помогать людям, но и призывают других поступать также.

Подобным образом проводился лингвистический анализ всех выявленных ценностей в контекстах интервью для установления наиболее общих закономерностей их вербального выражения. Последующий количественный подсчет показал, что наиболее представленной в речи руководителей является группа корпоративных ценностей (52% от общего количества), тогда как индивидуальные и межличностные ценности составляют 35% и 13% соответственно. Корпоративные ценности являются наиболее определяющими и играют первостепенную роль для совместного успеха. С другой стороны, в каждой группе ценностей можно выделить несколько ведущих, которыми в большей степени руководствуются современные руководители.

На основе количественного соотношения всех выявленных ценностей была составлена диаграмма доминирующих ценностей, определяющих успех руководителя в английской культуре. По количеству фрагментов интервью, в которых вербализуются данные ценности, их соотношение варьируется от 20 (труд/работа) до 38 (опыт/достижения) примеров, что в совокупности составляет более половины (273 из 400 примеров) от общего количества проанализированных контекстов.

Таким образом, успех английского руководителя определяется в первую очередь через связь личного опыта и профессионализма с чувством эмпатии к людям и умением выстраивать с ними личные и деловые отношения, а также способностью четко видеть цели и перспективы развития компании. Успех ассоциируется с лидерством, достигается с помощью упорной работы в команде, привлечения клиентов и поддержки наставников как источника сил и вдохновения.

Лингвистические способы выражения ценностных ориентаций

На основе метода аксиологического семантического анализа текстов интервью с руководителями были выделены наиболее распространенные языковые способы актуализации ценностных ориентаций в проанализированном материале.

1. На лексико-семантическом уровне

1. Вербальное представление ценности, когда руководитель прямо заявляет, что данное понятие является ценностью. В этом случае речь идет о простом перечислении ценностей при ответе на аналогичный вопрос или указании на сам факт обязательного наличия организационных ценностей, значимых для всей компании, так называемых *core values*, *value propositions* или *business values*:

Vikram Malhotra: So what are some of your core values?

Stephen Schwarzman: Excellence in all we do. Openness. Horizontal management. <...> Empathy is one of our core values. At the end of the day, we are dealing with humans (СМ: 15.11.2025).

2. Прямое обозначение определенной ценности через употребление номинативных языковых единиц, а также атрибутивных словосочетаний, придающих высказываниям аксиологическую характеристику. Зачастую употребляются языковые единицы одного лексико-семантического ряда, а также их контекстуальные синонимы. Наиболее частотные языковые средства, репрезентирующие ценностные ориентации, были сгруппированы и представлены в табл. 1.

В данную выборку были включены лексические единицы, которые однозначно маркируют только одну конкретную ценностную ориентацию и не употребляются для выражения других ценностей. Анализ показал, что наиболее выраженными с помощью лексических средств языка оказываются такие ценности, как *команда*, *партнеры*, а также *увлеченность*, для актуализации которых в текстах интервью используется более многочисленный и разнообразный состав языковых единиц (от 10 до 16 вариантов). Далее следует группа ценностей, обладающих меньшей «номинативной плотностью» [6] (от пяти до десяти вариантов): *опыт/достижения*, *технологии/инновации*, *лидерство*, *клиенты*, *эмпатия*. Для вербализации таких ценностных ориентаций как *труд*, *наставники*, *дальновидность*, *стратегический подход* используется небольшая вариативность номинативных языковых единиц (пять-шесть вариантов).

3. Употребление глагольных словосочетаний, выражающих значимость определенного типа деятельности как ценностной ориентации: *to focus on client service*, *protecting our clients*, *to form closer relationships with the clients*, *talking to your customers*, *to improve our customer experience*, *to understand clients' needs*, *to work with clients...* — приоритет работы с клиентами; *to see new opportunities*, *to achieve a more market share*, *to create a compelling vision*, *to communicate a vision*, *to develop a vision* — умение видеть перспективы (дальновидность); *to combine sustainability with technology*, *to invest a lot in technology*, *to make investments*, *to provide the most reliable technology offering*, *to implement innovative ideas*, *to develop innovations* — значимость технологий и инноваций; *to invest in people*, *to make the perfect business team*, *to surround myself with people*, *to find the right people*, *to hire the best and the brightest people* — важность создания команды.

4. Наличие слов-операторов прямого оценочного отношения:

4.1) прилагательных с положительным оценочным компонентом, также наречий для усиления оценочного воздействия: *hugely important*, *really important*, *incredibly important*, *very lucky*, *very fortunate*, *exited*, *essential*, *central*, *crucial*, *critical*, *foundational*, *great*: *This is also where embracing eco-friendly practices and business partnering is crucial* (СМ: 07.02.2026) — партнерство;

4.2) существительных, которые своим прямым или косвенным значением передают важность определенной ценности: *the key*, *number one aspect*, *the importance*, *a big focus on*, *the first thing*, *the most important aspect/thing*, *a key element*, *the foundation*: *Improving customer communication and simplifying our product portfolio are the foundational pieces, but there are other areas we continue to stress* (МСК: 10.02.2026) — клиенты.

5. Использование предикатов, выражающих положительные предпочтения: *enjoy*, *love*, *feel exited about*, *focus heavily on...*, *to be far more interested in...*: *"I really enjoyed my time in the company and the opportunities," she says. "I got to grow, lead larger teams and have an impact on the patients we all serve when we work in pharma"* (СМ: 10.02.2026) — опыт/достижения.

Таблица 1. Лексические маркеры ценностных ориентаций в интервью
Table 1. Lexical markers of value orientations in the interview

Ценностная ориентация	Лексические средства выражения	Пример репрезентативного контекста интервью
Опыт/достижения	My unique background, I am unique, my years of experience, the greatest achievement, subject-matter expertise, my skills, my proficiency, a unique opportunity, uniquely positioned, our unique expertise.	<i>I'm an ambitious senior marketing professional with 13+ years of experience across multiple industries, including Satcom, Oil&Gas, aviation, and more (EW: 10.11.2025).</i>
Труд	Hard work, only work, a lot of effort, a dedicated and hardworking teamplayer, a busybody, my due diligence.	<i>Hard work is the foundation of any achievement, no matter where you stand on the career ladder (EW: 10.11.2025).</i>
Увлеченность	My passion for..., the excitement, enthusiastic, my entrepreneurial passions, a burning desire, I was obsessed, passionate about, an interest in..., a purpose-driven nature of wanting..., my enthusiasm, the incredible passion.	<i>It all started with a burning desire to build a new business (MCK: 10.11.2025).</i>
Наставники	A great mentor of mine, a tremendous individual, mentorship roles, a great support system, mentorship, a mentor.	<i>Find a mentor who can help you along the way (MCK: 15.11.2025).</i>
Команда	My team, a large team, a strong management team, a well-respected team, other members of my team, the perfect business team, employees, such wonderful people, the right people, like-minded people, a solid team, the best team, great people, the brightest people, an outstanding team, good, skillful people.	<i>I'm so proud of my team. Everyone knows what they're doing, and everyone does it well (CM: 07.02.2026).</i>
Партнерство	Good business partners, like-minded, success-driven entrepreneurs, true partnership, strategically planned partnerships, competent and reliable colleagues, our collaboration, long-term, sustainable partnerships, business partnering, collaborative.	<i>Our aim is to strategically partner with like-minded businesses that are driving positive environmental change, supporting the wider community and powering real change across the whole strata community (CM: 07.02.2026).</i>
Дальновидность	Our vision, our plan, our mission, my goal, a compelling vision, long-term trajectory.	<i>When I first became CEO in 2015, we developed a vision to become a world-class technology company that empowers people to connect (MCK: 07.02.2026).</i>
Технологии/инновации	Innovative ideas, the groundbreaking new technology, innovations, innovating, a tremendous amount of innovation, something innovative, the importance of innovation, new technological solutions, being innovators.	<i>When you start something, you need a compelling reason for people to deal with you—something innovative that creates the momentum for successful execution (MCK: 15.11.2025).</i>
Лидерство	A global leader, a market leader, leaders, a global footprint, a growth company, being successful, good leadership abilities, the most successful leaders, a stronger leader, network leadership, level of leadership.	<i>GSE is a market leader in Ed-Tech as an education management company that chooses methods for outcome (EW: 10.11.2025).</i>
Ориентация на клиентов	Customer obsession, the clients' needs, a compelling client-centered vision, to be client-led, our clients, the voice of the customer, customer support, customer communication, customer service.	<i>We also focus heavily on client service — we are always available — call or email us any time, night or day (EW: 10.11.2025).</i>
Стратегический подход	A very clear strategy, strategic vision, a clear direction, the strategy-to-execution continuum, the way you work.	<i>For me, as CEO, it was important to articulate a clear strategy, be an effective advocate for the new business, and set the ambition high (MCK: 10.11.2025).</i>
Эмпатия	To be empathetic, very attentive, authentic, human interactions, building empathy, connecting with their people, the right connections, personal relationships.	<i>I already knew at that point that empathy was a key element to how I led, and I believed it made me stronger and more in tune with my team, and helped me pick up on issues earlier (ENTR: 10.02.2026).</i>

6. Употребление прилагательных и существительных с оценочной (эмоционально-оценочной) коннотацией для положительной характеристики своих личных качеств, соотносимых с ценностными ориентациями: *The more I did that, the more enthusiastic I became and my enthusiasm remains unbroken even today, about 10 years later* (VZ: 15.11.2025) – увлеченный/увлеченность.

II. На грамматическом уровне

1. Использование перфектной формы глаголов со значением результата деятельности, приобретения опыта: *I've received a lot of great advice over the course of my career, and I try to pass it along to others* (VZ: 15.11.2025) – наставники.

2. Употребление личных и притяжательных местоимений 1 л. ед. ч. *I, my* или 1 л. мн. ч. *we, our*, что показывает приоритет индивидуальных или коллективных ценностей: *We all have a clear direction on how we run our business. We all have a clear target or goal in mind. We know how we want to grow things, we know the pathway it's going to take, and we do it collectively* – стратегический подход (СМ: 07.02.2026).

3. Использование местоимения *you* 2 л. ед. и мн. ч. в высказываниях с прямой адресатностью с целью показать значимость определенной ценностной ориентации не только для себя, но и для других в сфере бизнеса. Именительный падеж местоимения в аппелятивной функции может сочетаться с объектным падежом: *You need help, find trustworthy people to help guide and advise you* (VZ: 15.11.2025) – наставники. Кроме того, второй субъект речи употребляется в обобщающей функции и генерализует весь профессиональный коллектив, включая и руководителя. В текстах интервью наблюдается тенденция к замещению формы местоимения 1 л. ед. ч. *I* на форму 2 л. ед. ч. *you* при обращении руководителя к самому себе: *A great mentor of mine told me that you don't know what you can handle until you're handling it. She was right* (МСК: 20.02.2026) – наставничество.

4. Наличие модальных глаголов со значением *долженствования* (*have to, need, must*), которые в сочетании со смысловым глаголом выражают необходимость следовать определенной ценностной ориентации: *So success is about more than just being present in fast-growth markets. We need to have a clear purpose and understanding of the impact we wish to have* (МСК: 20.02.2026) – дальновидность.

III. На синтаксическом уровне

1. Использование ценностных суждений, изречений и пословиц, демонстрирующих кредо руководителя и являющихся обобщением его личного опыта: *Succeeding and learning coexist* (МСК: 20.02.2026) – непрерывное обучение; *I have a saying, "The world is round". What I mean is everything you do comes back to you. If you help others... somebody will help you someday... and unfortunately, the opposite is also true. Others say, "What you sow, you will also reap"* (VZ: 10.11.2025) – взаимопомощь/эмпатия.

2. Побудительная структура предложений, используемая для выражения советов и рекомендаций, которые руководители дают другим предпринимателям, основываясь на собственном опыте и ценностных убеждениях: *Get your education. Go out and learn, learn some more. Knowledge is power. Absorb what's out there and learn as much as you can* (EW: 10.11.2025) – образование.

3. Сложные предложения с союзами *if, when*, в условной части которых косвенно эксплицируется ценностная ориентация, а в главной части выражается призыв к действию в нужном направлении: *If you're the smartest person in the room, find a new room* (ЕСМ: 20.02.2026) – саморазвитие; *You can only be agile as a business if you empower your people* (ЕСМ: 20.02.2026) – команда.

Проведенный лингвистический анализ собранного материала показывает, что ценностные ориентации руководителя вербально эксплицируются на разных языковых уровнях через определенный набор лексико-грамматических аксиологических маркеров, семантику и синтаксические особенности высказывания. Помимо прямых оценочных лексических единиц, таких как слова-операторы, атрибутивные словосочетания и предикаты оценочного отношения, ценностное

значение в контексте высказывания могут приобретать и другие номинативные и глагольные единицы, не имеющие первичное оценочное значение. Здесь нужно согласиться с В.И. Карасиком в том, что действительно ценные для человека объекты и понятия находят разные способы обозначения в языке. «Номинативная плотность» используемых языковых единиц сигнализирует о важности конкретного ценностного понятия для руководителя [6, с. 117]. С этой точки зрения, доминирующие ценности (по количеству репрезентативных контекстов), образующие ядро ценностной картины мира английского руководителя, обладают наибольшей номинативной плотностью (см. табл. 1). Однако и некоторые другие ценности, такие как *партнерство*, *увлеченность*, *инновации*, хотя и не входят в ядро, но имеют высокую вариативность языковых единиц прямого обозначения ценностных понятий, что говорит об их актуальности для отдельных руководителей.

Также следует отметить различную степень экспрессивности используемых вербальных средств для репрезентации ценностных ориентаций. Так, среди индивидуальных ценностей *опыт/достижения*, *удача/везение* и *увлеченность* оказываются наиболее ярко выраженными с помощью эмоционально-окрашенных лексических единиц, которые передают личное чувственно-эмоциональное состояние руководителей — гордость, радость, удовлетворение, вдохновение, заинтересованность, наслаждение. В группе корпоративных ценностей английские руководители первостепенное значение придают человеческим ресурсам, что отражается и на выборе лексических средств для их описания. Такие ценности, как *команда*, *клиенты* и *партнеры*, выражаются наиболее экспрессивно с использованием эмоционально-оценочной лексики для характеристики профессиональных и человеческих качеств, а также для позитивного отношения руководителя к людям, продиктованного чувствами гордости, благодарности и доверия.

Приведенная классификация лингвистических способов выражения ценностей в медиажанре интервью показывает, что речь руководителей является организованной, структурированной и обладает высоким прагматическим потенциалом, поскольку они открыто демонстрируют свои ценностные убеждения. Используемые с этой целью лексико-грамматические языковые единицы, ценностные суждения и изречения передают актуальные ценностные смыслы, конституирующие ценностную картину мира английских руководителей и отражаемые в языке. Установленные лингвистические закономерности представляют, на наш взгляд, национально-языковые особенности выражения ценностных ориентаций современными английскими руководителями.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что система ценностей английского руководителя представлена совокупностью трех различных групп: личными, корпоративными и межличностными ценностями, которые имеют разное количественное соотношение в исследуемом материале, при этом группа корпоративных ценностей оказывается преобладающей в текстах интервью. На основе анализа эмпирического материала был составлен достоверный перечень ценностных ориентаций каждой группы и было установлено их количественное соотношение. Наиболее значимыми для руководителей оказались восемь ведущих ценностей (*опыт*, *эмпатия*, *дальновидность*, *команда*, *клиенты*, *лидерство*, *труд*, *наставники*), принадлежащих к разным ценностным группам, но составляющих ядро ценностной картины мира успешного руководителя. Выявленные ценностные ориентации являются слагаемыми базовой категории *успех*, которая представляется системообразующей ценностью и отражает сбалансированность индивидуального и коллективного в рассматриваемой лингвокультуре.

Важным результатом настоящего исследования являются установленные лингвистические закономерности выражения ценностных смыслов, которыми руководствуются современные

английские руководители. Эти ценностные смыслы эксплицируются руководителями в диалогах-интервью через языковые средства на всех уровнях языка:

- лексико-семантическом (номинативные и атрибутивные лексические единицы с семантикой *профессионализма, трудолюбия, принадлежности к команде, заботы о людях, целеустремленности, стратегического планирования, клиентоориентированности* и т.д.; слова-операторы прямого оценочного отношения, глагольные словосочетания, предикаты с положительной семантикой, эмоционально-оценочная лексика);
- грамматическом (перфектные формы, модальные глаголы, местоименные оппозиции *I/we*, личное местоимение *you* в аппелятивной функции);
- синтаксическом (побудительные и условные предложения, прецедентные высказывания).

Систематические наблюдения над материалом показали, что использование выявленных лингвистических способов вербализации ценностных ориентаций носит комбинированный характер. Прямые номинативные средства часто сочетаются с оценочной лексикой, в том числе и с эмоционально-экспрессивными единицами, и с грамматическими явлениями, придавая высказыванию ценностную характеристику. С другой стороны, ценностные смыслы могут выражаться имплицитно через аксиологическую семантику всей синтаксической структуры, то есть через совокупность значений языковых единиц, которые не являются средствами прямой номинации данного ценностного понятия.

Исследование показало, что интервью как прагматическая форма коммуникации и современная форма медиадискурса дает возможность руководителям транслировать собственные ценностные ориентации на широкую аудиторию для достижения конкретной цели — повышения своего личного имиджа, усиления имиджа компании и привлечения заинтересованных сторон со схожими ценностными убеждениями. Ценностные ориентации, артикулируемые руководителями в текстах интервью, дают общее представление о тех паттернах поведения, которые могут лежать в основе той или иной организационной культуры.

Результаты исследования демонстрируют, на наш взгляд, актуальное состояние доминирующих ценностных ориентаций современного английского руководителя, сложившихся под влиянием настоящих социально-экономических условий и требований бизнеса. Стиль и стратегия руководства претерпели значительные изменения во время пандемии и в период после нее. С переориентацией на цифровизацию и инновационные технологии возникла необходимость более тесного взаимодействия с людьми, сохранения команды, застрахованности от увольнения и поддержки клиентской базы. Формирование образа клиентоориентированной компании, способной слышать «голос» клиента, а также образа надежной и сильной команды единомышленников осуществляется в текстах интервью наиболее ярко, с использованием эмоционально-оценочной лексики. Подобная экспрессивность подчеркивает значимость главных ценностей корпоративной культуры для ее английских представителей.

Полученные результаты исследования могут найти практическое применение в лингвистической диагностике ценностно-ориентированной составляющей речи кандидатов на руководящие должности для того, чтобы установить действительно значимые для будущего топ-менеджера приоритеты через анализ его языка. Интервьюирование с этой практической целью может предоставить объективные данные для решения управленческих задач, кадровой политики и долгосрочного планирования. Выявленные языковые маркеры ценностных ориентаций могут служить инструментом анализа корпоративной культуры и стиля управления, а также помочь в разработке тренингов по корпоративной коммуникации. Перспективы дальнейшего исследования видятся в проведении сопоставительного анализа ценностных ориентаций английских руководителей с руководителями других лингвокультур (американской, русской, китайской) для выявления универсального и культурно-специфического в ценностной картине мира управленцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Карасик В.И.** Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2015. № 1 (32). С. 25–35.
2. **Иванова Г.Ф.** Ценности в культуре и языке // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-1. С. 182–186.
3. **Терещенко Н.Г.** Ценности руководителей организации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2(15). С. 268–271.
4. **Adla L., Eyquem M., Gallego-Roquelaure V.** From the Leader's Values to Organizational Values: Toward a Dynamic and Experimental View on Value Work in SMEs. *M@n@gement*. 2020. Vol. 23. Iss. 1. P. 81–101. DOI: 10.37725/mgmt.v23.4418
5. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
6. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
7. **Fox K.** Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodderand-StoughtonLtd, 2004. 424 p.
8. **Магомедова Э.Ш.** Ценностные ориентации молодых руководителей бизнес-организаций: процесс и механизмы формирования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. № 2 (40). С. 119–123. DOI: 10.18323/2073-5073-2017-2-119-123
9. **Журавлева Н.А.** Ценностные ориентации управленческого персонала: типологический анализ // Наука и мир. 2014. № 7 (11). С. 105–108.
10. **Селезнева Н.Т., Демьяненко И.А.** Ценностные ориентации руководителей структурных подразделений образовательной организации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4(25). С. 306–308.
11. **Kashkin V., Androsik Y.** Automated Assessment of Leadership Style and Professional Values of a Top-Manager and its Compliance with SDGS // *Journal of Lifestyle and SDGs Review*. 2024. Vol. 5. Iss. 2. Art. no. e03336. DOI: 10.47172/2965-730X.SDGsReview.v5.n02.pe03336
12. **Мурзина Ю.С., Сенин И.Г.** Сравнение ценностных ориентаций предпринимателей и наемных работников в регионах России // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18. № 2 (50). С. 91–102. DOI: 10.11621/npj.2023.0207
13. **Lipp C.** Leading with personal power: gaining respect through courage, vision, and trust // *Leader to Leader*. 2025. Vol. 2025. Iss. 117. P. 59–64. DOI: 10.1002/ltl.20893
14. **Наумова Н.Г.** Система ценностей человека как объект лингвистического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. №1. С. 237–244.
15. **Жаркынбекова Ш.К., Селиверстова Ж.Б.** Лингвоаксиология ценностей в медиадискурсе Казахстана: анализ ключевых слов как репрезентантов общественных концептов // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16. № 4. С. 41–58. DOI: 10.18721/JHSS.16403
16. **Evtushenko O.A., Prom N.A.** The value characteristics of the administrative discourse // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. №. 2. С. 508–523. DOI: 10.21638/spbu09.2024.214
17. **Желтухина М.Р.** Тропологическая суггестивность масс-медиадискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.; Волгоград: ИЯ РАН; Изд-во ВФ МУПК, 2003. 654 с.
18. **Дускаева Л.Р.** Стилистика медиатекста. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394529301_4735.pdf (дата обращения 15.03.2026).
19. **Ионкина Е.Ю., Евтушенко О.А., Шестакова О.А.** Интервью с руководителем: психолингвистические основы исследования (на материале английской прессы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 5 (487). С. 93–106. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-93-106
20. **Серебренникова Е.Ф., Антипов Н.П., Ладыгин Ю.А., Малинович Ю.М. и др.** Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография/ отв. ред. В.И. Викулова. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
21. **Арутюнова Н.Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
22. **Грайс Г.П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика/ сост. Н.Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
23. **Кузнецова Ю.В., Кузнецова А.С.** Феномен успеха в контексте Российского медиадискурса (на примере глянцевого журнала) // Известия Самарского научного центра Российской академии

наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 3 (90). С. 82–87. DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-90-82-87

24. **Мирошина Е.Ю., Мищук О.Н., Гельфонд М.Л.** Феномен успеха: лингвистический, фило-софский и социально-экономический аспекты // Концепт. 2017. Т. 31. С. 416–420.

25. **Анисимова Е.В., Крушельницкая О.Б.** Взаимосвязь способности к эмпатии и ценност-но-смысловых ориентаций у школьников и студентов // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 3. С. 64–84. DOI: 10.17759/sps.2023140305

REFERENCES

[1] **Karasik V.I.**, Linguocultural Values in Discourse, Foreign Languages in Tertiary Education, 1 (32) (2015) 25–35.

[2] **Ivanova G.F.**, Tsennosti v kultureiyazyke [Values in culture and language], Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva [The value system of modern society], 10 (1) (2010) 182–186.

[3] **Tereshchenko N.G.**, The Values of Managers, Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psi-khologiya [Azimuth of scientific research. Pedagogy and psychology], 5 (2 (15)) (2016) 268–271.

[4] **Adla L., Eyquem M., Gallego-Roquelaure V.**, From the Leader's Values to Organizational Val-ues: Toward a Dynamic and Experimental View on Value Work in SMEs, M@n@gement, 23 (1) (2020) 81–101. DOI: 10.37725/mgmt.v23.4418

[5] **Karaulov Yu.N.**, Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost [Russian language and linguistic personali-ty], Nauka, Moscow, 1987.

[6] **Karasik V.I.**, Yazykovoykrug: lichnost, kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse], Gnozis, Moscow, 2004.

[7] **Fox K.**, Watching the English – The Hidden Rules of English Behaviour, Hodder and Stoughton Ltd, London, 2004.

[8] **Magomedova E.Sh.**, Value System of Young Managers in Business Organizations: the Process and Mechanisms of Formation, Science Vector of Togliatti State University, 2 (40) (2017) 119–123. DOI: 10.18323/2073-5073-2017-2-119-123

[9] **Zhuravleva N.A.**, Value Orientations of the Administrative Personnel: Typological Analysis, Science and World, 7 (11) (2014) 105–108.

[10] **Selezneva N.T., Demyanenko I.A.**, Valuable Orientations of Heads of Structural Departments of Educational Organization, Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya [Azimuth of scientific research. Pedagogy and psychology], 7 (4 (25)) (2018) 306–308.

[11] **Kashkin V., Androsik Y.**, Automated Assessment of Leadership Style and Professional Values of a Top-Manager and its Compliance with SDGS, Journal of Lifestyle and SDGs Review, 5 (2) (2024) e03336. DOI: 10.47172/2965-730X.SDGsReview.v5.n02.pe03336

[12] **Murzina J.S., Senin I.G.**, Comparison of Value Orientations in Entrepreneurs and Employ-ees in Regions of Russia, National Psychological Journal, 18 (2 (50)) (2023) 91–102. DOI: 10.11621/npj.2023.0207

[13] **Lipp C.**, Leading with personal power: gaining respect through courage, vision, and trust, Leader to Leader, 2025 (117) (2025) 59–64. DOI: 10.1002/ltl.20893

[14] **Naumova N.G.**, The System of Human Values as an Object of Linguistic Research, Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 1 (2016) 237–244.

[15] **Zharkynbekova Sh.K., Seliverstova Zh.B.**, Linguistic Axiology of Values in Kazakhstan's Media Discourse: an Analysis of Keywords as Representations of Social Concepts, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 41–58. DOI: 10.18721/JHSS.16403

[16] **Evtushenko O.A., Prom N.A.**, The value characteristics of the administrative discourse, Vest-nik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 21 (2) (2024) 508–523. DOI: 10.21638/spbu09.2024.214

[17] **Zheltukhina M.R.**, The tropological suggestiveness of mass media discourse: on the problems of speech effects of tropes in the language of mass media: monograph, Institute of Linguistics of RAS, VF MUPK, Moscow, Volgograd, 2003.

[18] **Duskaeva L.R.**, Stilistikamediateksta. Available at: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394529301_4735.pdf (accessed 15.03.2026).

[19] **Ionkina E.Yu., Evtushenko O.A., Shestakova O.A.**, Interview with the Manager: Psycholinguistic Foundations of the Study (Based on the Material of the English Press), Bulletin of Chelyabinsk State University, 5 (487) (2024) 93–106. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-93-106

[20] **Serebrennikova Ye.F., Antipiev N.P., Ladygin Yu.A., Malinovich Yu.M. et al.**, Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings], ed. by V.I. Vikulova, TESAUROS, Moscow, 2011.

[21] **Arutyunova N.D.**, Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact], Nauka, Moscow, 1988.

[22] **Grice H.P.**, Logic and conversation, Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in foreign linguistics], Iss. 16: Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics], comp. by N.D. Arutyunova, Progress, Moscow, 1985, pp. 217–237.

[23] **Kuznetsova Yu.V., Kuznetsova A.S.**, The Phenomenon of Success in the Context of the Russian Media Discourse (Using the Example of Glossy Magazines), Izvestiya of the Samara Science Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences, 25 (3 (90)) (2023) 82–87.

[24] **Miroshina E.Yu., Mishchuk O.N., Gelfond M.L.**, Fenomen uspekha: lingvisticheskij, filosofskij i sotsialno-ekonomicheskij aspekty [The phenomenon of success: linguistic, philosophical, and socio-economic aspects], Concept, 31 (2017) 416–420.

[25] **Anisimova E.V., Krushelnitskaya O.B.**, The Relationship between the Ability to Empathy and Value-Semantic Orientation in Schoolchildren and Students, Social psychology and society, 14 (3) (2023) 64–84. DOI: 10.17759/sps.2023140305

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ионкина Екатерина Юрьевна

Ekaterina Yu. Ionkina

E-mail: katya_dzhandalie@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5667-5881>

Евтушенко Оксана Александровна

Oksana A. Evtushenko

E-mail: ksenja22@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6280-4731>

Поступила: 10.06.2026; Одобрена: 08.09.2026; Принята: 19.09.2026.

Submitted: 10.06.2026; Approved: 08.09.2026; Accepted: 19.09.2026.

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17308>

EDN: <https://elibrary/RABPYR>

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОЙ САМОЗАЩИТЫ И ИХ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕБАТОВ БУНДЕСТАГА)

Г.В. Перминова , М.И. Дойникова

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО),
Москва, Российская Федерация

 perminowa_gv@mail.ru

Аннотация. Речевая стратегия самозащиты играет важную роль в парламентской коммуникации. Данная стратегия понимается как направленность речевого поведения, которая реализуется через конечный набор объективно существующих и статистически верифицируемых лингвопрагматических механизмов: оборонительного, конструктивно-сбалансированного, наступательного (агонального) и смешанного. Однако вопрос о том, как данные механизмы детерминированы партийной принадлежностью, остается открытым. Цель работы состоит в том, чтобы проверить гипотезу, согласно которой данные механизмы могут быть с высокой точностью предсказаны на основе тактического профиля и партийной принадлежности. Теоретические основания анализа определены с позиции теории речевых стратегий и тактик, прагмалингвистики и корпусно-ориентированного дискурс-анализа. Материалом послужил корпус из 363 стенограмм выступлений депутатов бундестага за 2025–2026 гг. Каждое выступление аннотировано по формализованному перечню лексико-грамматических маркеров. В эксперименте сопоставлялись два классификатора (мультиномиальная логистическая регрессия и случайный лес) на полном (тактические частоты и партийные индикаторы) и редуцированном (только тактики) наборах признаков. Полная модель достигла безошибочной точности классификации (1,00 при кросс-валидации). При исключении партийных признаков точность снизилась до 0,53–0,55, что более чем вдвое превышает случайный уровень (0,25). Установлено, что партийная принадлежность выступает интегральным предиктором, полностью определяющим тип механизма, а тактики оспаривания и противопоставления выполняют вспомогательную роль стилистических усилителей. Полученные результаты подтверждают, что выделенные механизмы являются не исследовательскими конструктами, а объективно существующими моделями речевого поведения, жестко детерминированными институциональной ролью и идеологической позицией партии.

Ключевые слова: речевая самозащита, лингвопрагматический механизм, парламентский дискурс, бундестаг, тактический профиль, партийная принадлежность, предиктивное моделирование.

Для цитирования: Перминова Г.В., Дойникова М.И. Лингвопрагматические механизмы речевой самозащиты и их детерминация партийной принадлежностью (на материале дебатов бундестага) // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 125–144. DOI: 10.18721/JHSS.17308

LINGUOPRAGMATIC MECHANISMS OF VERBAL SELF-DEFENSE AND THEIR DETERMINATION BY PARTY AFFILIATION (BASED ON BUNDESTAG DEBATES)

G.V. Perminova , M.I. Doynikova

Moscow State Institute of International Relation (MGIMO),
Moscow, Russian Federation

perminowa_gv@mail.ru

Abstract. The strategy of verbal self-defense plays an important role in parliamentary communication. This strategy is understood as an orientation of speech behavior that is realized through a finite set of objectively existing and statistically verifiable linguopragmatic mechanisms: defensive, constructive-balanced, agonistic, and mixed. However, the question of how these mechanisms are determined by party affiliation remains open. The aim of this study is to test the hypothesis that these mechanisms can be predicted with high accuracy on the basis of tactical profile and party affiliation. The theoretical framework of the analysis draws on the theory of speech strategies and tactics, pragmalinguistics, and corpus-informed discourse analysis. The corpus consists of 363 transcripts of Bundestag deputies' speeches from the 2025–2026 sessions. Each speech was annotated according to a formalized list of lexical and grammatical markers. Two classifiers (multinomial logistic regression and random forest) were compared on a full feature set (tactical frequencies and party indicators) and a reduced set (tactics only). The full model achieved perfect classification accuracy (1.00 under cross-validation). When party indicators were removed, accuracy decreased to 0.53–0.55, yet remained more than twice the chance level of 0.25. The results show that party affiliation acts as a decisive predictor fully accounting for the type of mechanism, with challenge and contrast serving as stylistic amplifiers rather than independent determinants. The identified mechanisms thus emerge not as analytical artifacts but as real, statistically robust patterns of speech behavior, shaped by the institutional role and ideological stance of each party.

Keywords: verbal self-defense, linguopragmatic mechanisms, parliamentary debates, German Bundestag, tactical profiles, party affiliation, predictive modeling.

Citation: Perminova G.V., Doynikova M.I. Linguopragmatic Mechanisms of Verbal Self-Defense and Their Determination by Party Affiliation (Based on Bundestag Debates), *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 125–144. DOI: 10.18721/JHSS.17308

Введение

Политическая коммуникация принадлежит к числу тех сфер, где язык не только отражает действительность, но и активно ее формирует, превращаясь в орудие борьбы за власть. В этой борьбе речевая самозащита оказывается одной из ключевых стратегий. Последняя представляет собой особую направленность речи, которая реализуется при возникновении угрозы легитимности и стремится восстановить или укрепить ее, а вместе с ней и публичный образ политического актора.

В последние годы интерес к речевой самозащите заметно вырос, однако исследования долгое время ограничивались качественным описанием разрозненных тактик. За данными описаниями не просматривались устойчивые модели поведения, и оставалось неясным, как они связаны с институциональной позицией партии. Настоящая работа решает задачу перехода от качественного анализа тактик к количественной верификации связи между лингвопрагматическими механизмами самозащиты и партийной принадлежностью.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы установить, каким образом партийная принадлежность депутатов бундестага обуславливает конкретный лингвопрагматический механизм речевой самозащиты. В основе работы лежит тезис о том, что тактики самозащиты не комбинируются хаотично, а образуют статистически устойчивые конфигурации, называемые лингвопрагматическими механизмами, каждый из которых закреплен за определенной институциональной позицией.

Гипотеза исследования состоит в том, что данные механизмы устойчиво связаны с институциональной ролью и идеологической позицией партии и, следовательно, могут быть с высокой точностью предсказаны на основе анализа речевого поведения. Ожидается, что, во-первых, партийная принадлежность выступит в качестве интегрального предиктора, достаточного для безошибочной классификации механизмов. Во-вторых, при исключении партийных признаков тактические переменные (частоты оправдания и критики) сохранят предсказательную силу, существенно превышающую случайный уровень, что подтвердит их самостоятельный вклад в формирование механизма самозащиты.

Постановка проблемы

В научных работах защитное речевое поведение обсуждается в рамках нескольких пересекающихся понятий. Чаще всего речь идет о *стратегии самозащиты*, *защитной риторике* и *восстановлении имиджа*. В англоязычной традиции используются обозначения *self-defense strategy*, *image repair* и *blame avoidance behavior*, в немецкоязычной традиции закрепились понятия *Imagepflege*¹ и *Selbstverteidigung*².

Исследования последних лет, опирающиеся на материал разных языков и политических культур, показывают, что стратегия самозащиты в парламентском дискурсе носит универсальный характер. Ее тактический репертуар, включающий оправдание, оспаривание и противопоставление, обнаруживает устойчивые параллели в разных языках и типах политической коммуникации [1–4], а сама она, как правило, адресована не столько непосредственному оппоненту, сколько «третьему адресату», под которым понимаются избиратели, СМИ и общественное мнение [3; 5]. Конкретная конфигурация тактик и их стилистическое оформление варьируются в зависимости от институционального контекста и национальной политической традиции [6; 7], а связь между типом кризиса и выбором тактик является статистически значимой, но относительно слабой [8]. Последнее обстоятельство дает основания полагать, что вариативность защитного речевого поведения детерминирована не столько ситуативными факторами, сколько более устойчивыми характеристиками, в частности партийной принадлежностью говорящего.

Стратегия речевой самозащиты занимает центральное место в арсенале политических акторов, действующих в условиях институциональной адверсативности, того перманентного противоборства, которое, как показала К. Илие, является не отклонением, а нормой парламентской коммуникации [9]. Данную адверсативность, как продемонстрировал А. Буркхардт, обслуживает целый репертуар речевых жанров [10], и она способна под воздействием процедурных факторов, прежде всего систематической блокировки промежуточных вопросов, порождать компенсаторную инвективность, зафиксированную Е. Кохом и А. Кюпфером [11]. В отличие от стратегий дискредитации или манипуляции, направленных преимущественно на оппонента и детально описанных О.Н. Паршиной [12] и Т.А. ван Дейком [13], самозащита совмещает оборонительный и наступательный векторы. При этом если дискредитация и манипуляция ориентированы на понижение статуса оппонента, то самозащита, как показано О.Н. Паршиной,

¹ Makowski J. Von Imagepflege zur Diskreditierung politischer Gegner // Hassrede als Strategie von Online-Pressemitteilungen. Hassrede – ein multidimensionales Phänomen im interdisziplinären Vergleich / hrsg. von J. Makowski. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2020. S. 213–248. DOI: 10.18778/8142-633-6.12

² Becker K.B. Politisches Skandalmanagement: Strategien der Selbstverteidigung in politischen Affären der Bundesrepublik Deutschland. 1st ed. Verlag Barbara Budrich, 2016. 424 S. DOI: 10.2307/j.ctvddzjs

позволяет депутату одновременно легитимировать собственную позицию и делегитимировать оппонента [12, с. 73].

Интерес к данной проблематике выходит далеко за пределы германистики. В современной политической лингвистике такие явления, как «вербальная война» и поляризация, стали ключевыми для понимания механизмов функционирования языка в социуме. Их теоретическое осмысление во многом опирается на анализ риторики правых популистов, представленный в классической работе Р. Водак [14], и продолжено в исследованиях последних лет [15; 16]. Исследования показывают, что в разных политических культурах, от американского политического интервью до британских и латиноамериканских парламентских дебатов, самозащита выполняет двойную функцию, совмещая отражение критики и вербальное наступление на оппонента, причем ее ядро составляют повторяющиеся тактики оправдания, критики, оспаривания и противопоставления [1–4; 6].

Анализ речевой стратегии самозащиты является активно развивающейся областью, опирающейся на фундаментальные труды по теории речевых стратегий и тактик [17, 18]. Отечественная политическая лингвистика закрепила определение О.Н. Паршиной, согласно которому стратегия самозащиты представляет собой совокупность речевых действий, направленных на защиту или нападение в сочетании с агональными средствами воздействия [12, с. 7]. Исследователь выделила тактики оправдания, оспаривания и критики, образующие репертуар оборонительной самозащиты, тогда как наступательная самозащита опирается на агональные тактики упрека и угрозы [12, с. 15]. Я.Ю. Хлопотунов, работая на материале американского политического дискурса, показал, что самозащита относится к числу конфронтационных стратегий и ее ключевой характеристикой является способность обеспечивать переход коммуниканта от обороны к наступлению, причем тактический репертуар включает наряду с оправданием и оспариванием также ответную критику (контробвинение), возмущение и противопоставление [1, с. 8]. В.С. Храмченко, рассматривая американский политический дискурс, определяет стратегию самозащиты как комплекс речевых средств, направленных на предотвращение или минимизацию личного ущерба, восстановление публичного имиджа и возвращение шансов в борьбе за власть [15, с. 117]. Применительно к немецкому политическому дискурсу стратегия самозащиты представителей правящей коалиции бундестага определяется как фундаментальный механизм, посредством которого власть осуществляет не только реактивное противодействие обвинениям, но и восстановление легитимности, адаптируя речевое поведение к изменяющимся социальным ожиданиям [8, с. 4114].

Приведенный спектр определений свидетельствует о том, что исследовательский консенсус относительно состава и границ стратегии самозащиты еще не достигнут, а ее тактический репертуар варьируется в зависимости от дискурсивного контекста. Вместе с тем все рассмотренные подходы объединяет одна общая черта, а именно то, что они выполнены в качественной, описательной парадигме и не ставят задачу объективной, количественной верификации выделяемых типов. Остается открытым вопрос о том, образуют ли тактики самозащиты устойчивые, статистически верифицируемые комбинации, трактуемые нами как лингвопрагматические механизмы и под влиянием каких детерминант данные комбинации формируются.

В настоящем исследовании **стратегия самозащиты** понимается как направленность речевого поведения политического актора, которая реализуется через конечный набор объективно существующих и статистически верифицируемых лингвопрагматических механизмов (оборонительного, конструктивно-сбалансированного, наступательного (агонального) и смешанного), каждый из которых представляет собой устойчивую комбинацию тактик оправдания, оспаривания, противопоставления и критики, детерминированную институциональной ролью и идеологической позицией партии и активируемую в ответ на угрозу легитимности. Данная трактовка опирается на сложившееся в политической лингвистике представление о речевой

стратегии как об осознанном выборе способов построения речи, который подчиняется общей коммуникативной цели и определяет семантический, стилистический и прагматический облик высказывания [17, с. 105–107].

Выделенные ранее на основе корреляционного анализа механизмы различаются соотношением двух опорных тактик, оправдания и критики, и закреплены за конкретными партийными группами. Оборонительный механизм (блок ХДС/ХСС) отличается доминированием оправдания при минимальной доле критики. Конструктивно сбалансированный механизм («Союз 90 / Зеленые») сочетает аргументированную защиту с умеренной критикой оппонентов. Наступательный, или агональный, механизм (Левая партия) строится на резком преобладании критики и противопоставления. Подобное **сочетание тактик самозащиты** опирается на глубинные дискурсивные закономерности конструирования образа «чужого», которые, как показано в корпусно-статистическом исследовании В. М. Глушака, характеризуются объектностью и эссенциализацией [19]. Смешанный механизм (АдГ) представляет собой комбинацию оборонительных и наступательных ходов.

Чтобы понять, какое место занимает самозащита среди других речевых действий, стоит обратиться к тому, как она соотносится с базовыми функциями текста. Опираясь на классификацию речевых актов, исследователи выделяют информативную, апеллятивную, облигаторную, контактоустанавливающую и декларативную функции [20, с. 79]. Однако, как показывают работы последних десятилетий, реальные коммуникативные установки субъекта устроены сложнее. В частности, было детально разработано понятие персуазивной функции, объединяющей рациональное обоснование с эмоционально-оценочными средствами воздействия и не сводящейся к одной лишь аргументации [20, с. 79–80].

В данном методологическом контексте самозащита, как мы полагаем, не является еще одной функцией в ряду перечисленных. Она представляет собой особую направленность речевого поведения, активируемую в ситуации угрозы легитимности и задействующую ресурсы всех перечисленных выше функций для решения единой прагматической задачи по сохранению и восстановлению легитимности говорящего. В рамках самозащиты персуазивная функция служит убеждению аудитории в правоте говорящего, а инструктивная и императивная — предъявлению оппоненту или аудитории желаемой модели поведения или оценки. Именно данная способность объединять разные функции и отличает самозащиту от смежных речевых действий. Персуазивная функция, которая по своей сути убеждает адресата и меняет его когнитивные установки, может реализовываться и вне ситуации угрозы имиджу говорящего. Самозащита же возникает именно в ответ на коммуникативные действия, несущие угрозу легитимности говорящего. Императивная функция по своей природе направлена на прямое побуждение к действию и изменение поведения адресата. Однако в рамках самозащиты побуждение является лишь инструментом, призывающим оппонента к ответу. Инструктивная функция, ориентированная на предписание и нормирование действий, не связана с необходимостью восстановления пошатнувшегося статуса, в то время как самозащиту запускает некоторая угроза легитимности, даже если впоследствии она приобретает проактивные, упреждающие формы. Таким образом, специфика самозащиты как речевой стратегии заключается в ее двойственной оборонительно-наступательной природе и в способности интегрировать различные функциональные ресурсы языка в ответ на коммуникативное давление.

Анализ научной литературы позволяет выделить две основополагающие линии изучения стратегии самозащиты, которые до настоящего времени развивались параллельно, практически не пересекаясь.

Первую линию открывает классическая теория восстановления имиджа У.Л. Бенуа (Image Repair Theory, IRT) [21]. Ученый выделил базовые стратегии реагирования на обвинения, такие как отрицание, уклонение от ответственности, снижение негативной оценки, корректирующие

действия и признание вины. Позднее канадские исследователи Н. Надери и Г. Херст [22; 23] адаптировали данную таксономию, изначально разработанную на материале американской политической риторики, для компьютерного анализа канадского парламентского часа «Question Period» и впервые продемонстрировали возможность автоматического распознавания стратегий сохранения имиджа.

В отечественной политической лингвистике сложилась вторая, описательная линия, представители которой работают на материале стенограмм заседаний немецкого бундестага. Так, А.П. Крячкова убедительно показала, что вербальные атаки на имидж политических партий в бундестаге нередко оборачиваются самозащитой через нападение³. И.Е. Езан исследовала фактор адресации в речах немецких политиков и показала, что выбор оценочных средств, в том числе используемых для самозащиты, во многом определяется тем, к внутренней или внешней аудитории обращается оратор [24]. На материале кризисной парламентской коммуникации было установлено, что для правящих партий самозащита выступает фундаментальным механизмом легитимации власти [8]. М.И. Дойникова, детально показала, что стратегия самозащиты реализуется посредством переплетения тактик аргументации, критики, опровержения и оспаривания, уточнения и пояснения, игнорирования критики [25, с. 527–528], а в речевом поведении депутатов «Альтернативы для Германии» самозащита опирается на тактические приемы аргументации, критики и обвинения [26, с. 847]. В.М. Глушак и О.В. Принципалова разработали концепцию языкового моделирования речевого поведения [27]. Все перечисленные исследования выполнены в качественной парадигме и не ставят задачу количественной верификации выделяемых типов.

При всем разнообразии авторских классификаций ядро тактического репертуара самозащиты остается устойчивым. Сами тактики, однако, обладают выраженной спецификой, позволяющей дифференцировать их не номинально, а по характеру реализуемого речевого действия. Оправдание направлено на обоснование собственной позиции и смягчение ответственности. Данная тактика реализуется преимущественно через репрезентативы и тяготеет к стилистически нейтральным конструкциям (каузальные союзы *weil, da*, модальные глаголы *долженствования müssen, sollen*, оценочные предикаты *richtig, notwendig*⁴). Так, в примере (1) оправдание реализуется через указание на негативные последствия бездействия, а каузальный союз *deshalb* и оценочный предикат *die teuerste und unsozialste* оформляют предлагаемые меры как вынужденные:

(1) Dr. Christos Pantazis (SPD): *Wenn wir jetzt nicht handeln, droht eine neue Beitragsspirale zulasten von Beschäftigten, Rentnerinnen und Rentnern sowie der Unternehmen in unserem Land. Deshalb gilt: Nichts zu tun, wäre die teuerste und unsozialste aller Optionen* (Plenarprotokoll 21/84:10222 (D)).

Оспаривание фокусируется на опровержении аргументов оппонента без прямой негативной оценки его личности. Иллокутивную основу данной тактики составляют репрезентативы. При этом оспаривание может приобретать экспрессивную окраску, реализуясь через риторические вопросы: *Aber was will man auch erwarten?; Was ist es denn sonst, wenn?..; Was ist Ihre Alternative?; Wo soll es da denn eine Bezahlbarkeit geben?; Glauben Sie ernsthaft, dass?..*, и конструкции со значением сомнения: *Wenn Sie glauben, dann irren Sie sich; die Wahrheit ist; das ist nicht der Fall; ich frage mich, ob...* В примере (2) оспаривание реализовано через указание на правовую несостоятельность законопроекта об усилении кибербезопасности (нем. Gesetz zur Stärkung der Cybersicherheit) без перехода к прямой критике личности его авторов:

(2) Marcel Emmerich (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): *Bislang war der Staat im Cyberraum vor allem Verteidiger. Künftig soll er selbst aktiv in fremde IT-Systeme eindringen, Daten verändern, löschen*

³ Крячкова А.П. Вербальные атаки на имидж политических партий в бундестаге: специальность 10.02.04 «Германские языки»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. С. 46.

⁴ Формализованный перечень лексико-грамматических показателей, использованных при идентификации тактик самозащиты, размещен в открытом репозитории авторов: URL: <https://disk.yandex.ru/i/nYTmuWf0OTkQSQ> (дата обращения: 04.07.2026).

oder den Datenverkehr umleiten. Das ist einfach eine völlig neue Qualität, und die steht mit diesem Entwurf **nicht auf rechtssicheren Füßen** (Plenarprotokoll 21/86:10420 (C)).

Тактика критики всегда содержит негативную оценку действий, политики или личности оппонента. Критика тяготеет к экспрессивам и директивам, а ее стилистический арсенал включает пейоративную лексику (*Katastrophe*, *Skandal*, *Versagen*, *eine Ansammlung von Minderleistern*), гиперболу (*in Millionenhöhe*, *hoffnungslos überlastet*), метафору (*die Ausgaben explodieren*, *die Einnahmen brechen weg*, *der demografische Wandel steht vor der Tür*), иронию и сарказм. В примере (3) критика содержит экспрессивную негативную оценку действий правительства, усиленную риторическим вопросом, эмоционально-оценочным существительным *Zumutung* и наречием *wirklich*:

(3) Britta Haßelmann (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): *Dass ihr dafür Rentenpunkte erhaltet, können wir uns jetzt nicht mehr leisten. – Was ist das für ein Signal? Das ist wirklich eine Zumutung für die vielen pflegenden Angehörigen in unserem Land* (Plenarprotokoll 21/83:9932(D)).

Наконец, противопоставление работает на создание бинарных оппозиций (*wir* vs. *Sie*, *richtig* vs. *falsch*), при этом его основным стилистическим средством выступает антитеза, часто усиленная синтаксическим параллелизмом и лексическими антонимами. В примере (4) противопоставление строится на антитезе *Sie wollen* vs. *Wir wollen*, подчеркивающей различие в целях и ценностях:

(4) Jens Spahn (CDU/CSU): ***Sie wollen**, dass es Deutschland schlecht geht, damit Sie Ihr Süppchen kochen können. **Wir wollen** Deutschland wieder starkmachen* (Plenarprotokoll 21/83:9934(B)).

Приведенные характеристики подтверждают, что каждая тактика обладает устойчивым идиолективным профилем и специфическим стилистическим инструментарием, однако остается в рамках описательной парадигмы и не позволяет оценить статистическую значимость комбинаций последних.

Анализ основных линий изучения стратегии самозащиты показывает, что за наблюдаемым разнообразием тактик стоит устойчивая, статистически выверенная модель речевого поведения. Данная модель не сводится к случайному набору тактик, а обладает внутренней логикой. Мы определяем ее как лингвопрагматический механизм самозащиты. Данный механизм держится на соотношении тактик оправдания и критики и не является произвольным, поскольку его очертания задаются институциональной ролью и идеологической позицией партии, а конкретное речевое воплощение варьируется, представляя собой различные комбинации оборонительных и наступательных ходов. Вслед за Т. ван Дейком речевой ход трактуется нами как функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем стратегии [13; 17, с. 115].

Параллельно с качественными описаниями в последние годы активно развивается направление, представленное количественными исследованиями. Данные работы демонстрируют эффективность применения статистических методов и машинного обучения к анализу дебатов бундестага. В работе Л. Пэтца с соавторами [28], основанной на сентимент-анализе около 28 000 выступлений, зафиксированы значимые различия в тональности между партиями бундестага. Выявлено, что более 90% речей «Альтернативы для Германии» и около 80 % речей Левой партии несут негативную окраску. Т. Борнхайм [29] разработал методику автоматической атрибуции высказываний с использованием больших языковых моделей. Е. Кох и А. Кюпфер [11] обратили внимание на то, как процедурные факторы, и в первую очередь систематическая блокировка промежуточных вопросов, сказываются на речевом поведении депутатов. М. Бизиада [30] применил критический дискурс-анализ к программной речи О. Шольца. Во всех перечисленных случаях исследовательский интерес сосредоточен на тональности, тематике или процедурных аспектах, тогда как тактический уровень остается вне поля зрения. Между тем именно на этом уровне оправдание, критика, оспаривание и противопоставление образуют устойчивые комбинации, которые мы квалифицируем как лингвопрагматические механизмы самозащиты.

Основные принципы применения методов машинного обучения к социальным данным были сформулированы в работах Дж. Гриммера и Б. Стюарта [31], а также М. Генцкова с соавторами [32]. На материале парламентского дискурса классификаторы показали свою применимость в определении партийной принадлежности по тексту выступления [33] и в оценке степени поляризации дебатов [34]. Позднее, уже на материале стенограмм заседаний бундестага, было показано, что нейросетевое моделирование успешно применяется и для прогнозирования результатов выборов [35]. Интерес представляет модель PopBERT, предложенная Л. Эрхардом и его коллегами [36, с. 5] и нацеленная на автоматическое распознавание популистской риторики в речах депутатов бундестага. Данная работа ценна не только своим предметом, но и методологическим решением, поскольку подтверждает, что анализ на уровне отдельных предложений в сочетании с многометочной классификацией и обязательной качественной валидацией результатов открывает путь к более тонкому и доказательному изучению речевого поведения в парламенте.

Вместе с тем, как показывает недавний метаанализ методов в немецкой лингвистике [37], исследователи все еще отмечают нехватку интегративных моделей, которые сочетали бы корпусный анализ с предиктивным моделированием. Наша работа непосредственно отвечает на данную потребность, предлагая подход, при котором ранее выделенные через корреляционный критерий механизмы самозащиты верифицируются средствами машинного обучения.

Методологическим фундаментом для данного сочетания служат современные подходы, обосновывающие необходимость интеграции качественного лингвистического анализа текста и дискурса с количественными и корпусными методами [38]. В недавнем исследовании, выполненном на материале немецкого общественного дискурса В.Е. Чернявской [39], показана эффективность корпусно-ориентированного дискурсивного анализа, при котором квантитативное извлечение контекстов с помощью конкордансера сочетается с последующей прагма-семантической интерпретацией. Наша работа реализует сходную двухэтапную логику. На первом этапе производится сплошное аннотирование корпуса с опорой на формализованные маркеры тактик, на втором этапе количественные результаты интерпретируются в более широком теоретическом контексте. Разработанный нами формализованный перечень тактических маркеров стратегии самозащиты⁵ и процедура сплошного аннотирования корпуса решают проблему стандартизации, а включение в предиктивную модель как тактических, так и партийных признаков реализует многофакторный подход, на нехватку которого указывается в научной литературе. Наконец, сопоставление нескольких методов, таких как логистическая регрессия, случайный лес и анализ важности признаков, позволяет не только предсказывать механизм самозащиты, но и содержательно интерпретировать полученные результаты.

Методология и методика исследования

Методологический замысел исследования опирается на логику, включающую три последовательных этапа. В современных публикациях такой подход признается наиболее продуктивным при соединении корпусных и предиктивных методов [38]. На первом этапе систематизируются тактики самозащиты и проводится сквозная разметка собранного материала. На втором этапе с опорой на ранее установленные корреляционные связи выделяются устойчивые лингвопрагматические механизмы. На третьем этапе полученная типология верифицируется средствами машинного обучения. Предлагаемая схема продолжает ту линию эмпирических работ по немецкому политическому дискурсу, которая делает ставку на корпусные данные и количественные процедуры [39], и одновременно следует опыту автоматического анализа парламентской речи с привлечением алгоритмов машинного обучения [28; 36].

⁵ Формализованный перечень лексико-грамматических показателей, по которым идентифицировались тактики самозащиты, размещен в открытом репозитории авторов: URL: <https://disk.yandex.ru/i/nYTmuWf0OTkQSQ> (дата обращения: 07.07.2026).

Материалом исследования послужил корпус стенограмм выступлений депутатов бундестага за 2025–2026 гг. Обращение к ним продиктовано двумя обстоятельствами. Во-первых, как было сказано выше, парламентская коммуникация характеризуется выраженной институциональной адверсативностью. Именно в таких условиях, на наш взгляд, стратегия речевой самозащиты актуализируется с наибольшей полнотой, а ее тактический репертуар предстает в максимально развернутом виде. Во-вторых, жесткая партийная дисциплина и четкое идеологическое размежевание, присущие немецкому парламенту, создают естественную лабораторию для проверки гипотезы о связи лингвопрагматических механизмов самозащиты с партийной принадлежностью. Принадлежность депутата к конкретной партии выступает здесь не размытым, а формально закрепленным фактором, что открывает возможность для предиктивного моделирования с контролируруемыми переменными.

Стенограммы выступлений депутатов бундестага размечены в среде MAXQDA Analytics Pro [40]. Для каждого выступления фиксировались абсолютные частоты четырех тактик самозащиты: оправдания (justification), оспаривания (challenge), критики (criticism) и противопоставления (contrast). Затем частоты пересчитывались в относительные показатели на 1000 слов⁶. Итоговый объем корпуса составил 363 выступления (207519 слов). Надежность разметки контролировалась перекрестной проверкой: коэффициент каппа Коэна равен 0,78.

Наряду с тактическими показателями в набор признаков включили и партийную принадлежность депутата. Всего в корпусе представлены выступления членов пяти партий, а именно: Христианско-демократического союза (ХДС; Christlich Demokratische Union, CDU), Христианско-социального союза (ХСС; Christlich-Soziale Union, CSU), Социал-демократической партии Германии (СДПГ; Sozialdemokratische Partei Deutschlands, SPD), «Союза 90 / Зеленых» (Bündnis 90 / Die Grünen), Левой партии (Die Linke) и «Альтернативы для Германии» (АдГ; Alternative für Deutschland, AfD).

Каждое выступление получало метку одного из четырех механизмов самозащиты. К ним относились оборонительный (defensive), конструктивно-сбалансированный (constructive-balanced), агональный (agonistic) и смешанный (mixed). Основанием для такой классификации послужила корреляция между оправданием и критикой, характер которой был установлен в предыдущем исследовании и значимо различается от партии к партии⁷. В выступлениях блока ХДС/ХСС связь между этими тактиками практически отсутствует ($r \approx +0,09$), у СДПГ она несколько выше ($r \approx +0,21$), а в речах представителей «Союза 90 / Зеленых» достигает заметной положительной величины ($r = +0,61$). В речевом поведении Левой партии и «Альтернативы для Германии» корреляция становится отрицательной ($r = -0,24$ и $r = -0,38$ соответственно). Таким образом, каждому выступлению приписывался один из четырех лингвопрагматических механизмов, эмпирически выделенных на основе корреляционных структур.

Помимо тактик в вектор признаков была введена партийная принадлежность говорящего. Ее преобразовали методом унитарного кодирования (one-hot encoding) в пять бинарных индикаторов. В совокупности с относительными частотами четырех тактик полная модель оперирует девятью признаками. После разделения выборки обучающая матрица получила размерность 290×9 , а тестовая — 73×9 ⁸.

Все числовые показатели были стандартизированы (z-score) для приведения масштабов к сопоставимому виду. В эксперименте сопоставлялись два классификатора, выбор которых был

⁶ Ключевые лексико-грамматические показатели, по которым идентифицировалась каждая тактика, размещены в открытом репозитории авторов: URL: <https://disk.yandex.ru/i/nYTmuWf0OTkQSQ> (дата обращения: 07.07.2026).

⁷ Детальное качественное обоснование типологии лингвопрагматических механизмов самозащиты, включая описание тактического репертуара и корреляционных связей, содержится в статье авторов, находящейся на рассмотрении в редакции издания «Филологические науки в МГИМО». Настоящая работа представляет собой независимое предиктивное исследование, выполненное с использованием методов машинного обучения.

⁸ Полная версия аннотированного корпуса с указанием имен депутатов, партийной принадлежности, абсолютных и относительных частот четырех тактик, а также присвоенного лингвопрагматического механизма самозащиты доступна в открытом репозитории авторов: URL: <https://disk.yandex.ru/i/PjclsbWgE1fiTQ> (дата обращения: 07.07.2026).

продиктован стандартной практикой [41]. В качестве первого классификатора использовалась мультиномиальная логистическая регрессия (Multinomial Logistic Regression). Данный метод удобен тем, что его коэффициенты напрямую показывают вклад каждой тактики в предсказание того или иного механизма, что делает результаты легко интерпретируемыми. Вторым классификатором стал случайный лес (Random Forest) из 500 деревьев с расщеплением по критерию неопределенности Джини. В отличие от регрессии он позволяет улавливать нелинейные взаимодействия между переменными и дает более устойчивые оценки важности признаков. Данные случайным образом разделили на обучающую (80%) и тестовую (20%) выборки с сохранением пропорций классов. Для проверки устойчивости моделей применялась пятикратная перекрестная проверка. Качество классификации оценивали по общей точности (ассурагу), а для каждого класса отдельно по точности (precision), полноте (recall) и среднему гармоническому между точностью и полнотой (F1-мере, F1-score). Ошибочные решения визуализировали с помощью матрицы ошибок. Все вычисления выполнены в среде Python 3.10 с использованием библиотек scikit-learn, pandas и matplotlib.

Обзор литературы осуществлен с помощью сервиса Consensus⁹. Все материалы, полученные с опорой на данный сервис, прошли тщательную авторскую верификацию и критическую переработку. Ответственность за достоверность данных и корректность библиографических ссылок полностью лежит на авторах.

Результаты исследования и обсуждение

В этом разделе последовательно сравниваются два варианта предсказательной модели. Первый, полный, включает как частоты четырех тактик, так и информацию о партийной принадлежности. Вторым, редуцированным, опирается только на тактические переменные. Результаты классификации представлены в табл. 1–5, основные количественные данные проиллюстрированы рис. 1–4.

Полная модель, объединяющая частоты четырех тактик самозащиты и пять бинарных индикаторов партийной принадлежности

Когда классификатор располагал всеми девятью признаками, то есть четырьмя тактическими переменными и пятью бинарными индикаторами партий, и мультиномиальная логистическая регрессия, и случайный лес работали безошибочно на отложенной тестовой выборке. Случайный лес показал точность (ассурагу) 1,00 при стандартном отклонении 0,00. Следует отметить, что ни на одном из пяти независимых разбиений корпуса классификатор ни разу не ошибся. Такой результат практически исключает переобучение и указывает на то, что разделение между классами заложено в самой структуре данных, а не привнесено алгоритмом. Как видно из рис. 1, распределение классов в пространстве признаков носит не размытый, а четко очерченный характер.

Отчеты о классификации (табл. 1 и 2) показывают, что для каждого из четырех механизмов самозащиты значения точности (precision) и полноты (recall) достигают 1,00; соответственно, F1-мера также равна 1,00. Модель не только верно идентифицировала все предъявленные случаи, но и ни разу не смешала классы, отнеся выступление к неверному типу. Столь высокая и при этом равномерная точность нехарактерна ни для случайного угадывания, ни для переобученного классификатора, что служит дополнительным свидетельством в пользу объективности выделенных лингвопрагматических механизмов.

Анализ важности признаков, выполненный для случайного леса, показал, что доминирующую роль в правильной классификации играют бинарные переменные, кодирующие партийную принадлежность депутата. Признак `is_AfD` занял первую позицию по значимости, за ним

⁹ Академическая поисковая система на базе искусственного интеллекта Consensus NLP Inc. URL: <https://consensus.app/> (дата обращения: 07.07.2026).

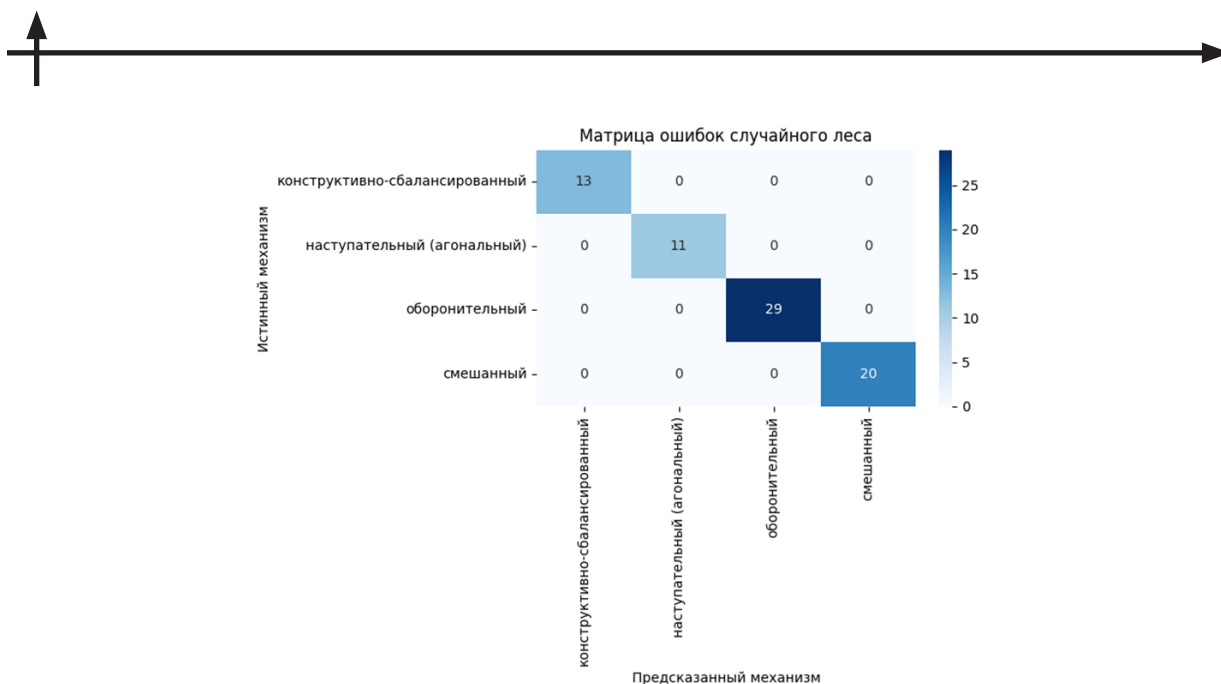

Рис. 1. Матрица ошибок случайного леса для тестовых данных с полным набором признаков

Fig. 1. Confusion Matrix of the Random Forest for Test Data with a Full Set of Features

Таблица 1. Результаты классификации полной модели методом случайного леса

Table 1. Classification Results for the Full Model (Random Forest)

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно сбалансированный	1,00	1,00	1,00	13
Наступательный (агональный)	1,00	1,00	1,00	11
Оборонительный	1,00	1,00	1,00	29
Смешанный	1,00	1,00	1,00	20
macro avg	1,00	1,00	1,00	73
weighted avg	1,00	1,00	1,00	73
Accuracy	1,00			

Таблица 2. Результаты классификации полной модели мето-

дом мультиномиальной логистической регрессии

Table 2. Classification Results for the Full Model (Multinomial Logistic Regression)

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно-сбалансированный	1,00	1,00	1,00	13
Наступательный (агональный)	1,00	1,00	1,00	11
Оборонительный	1,00	1,00	1,00	29
Смешанный	1,00	1,00	1,00	20
macro avg	1,00	1,00	1,00	73
weighted avg	1,00	1,00	1,00	73
Accuracy	1,00			

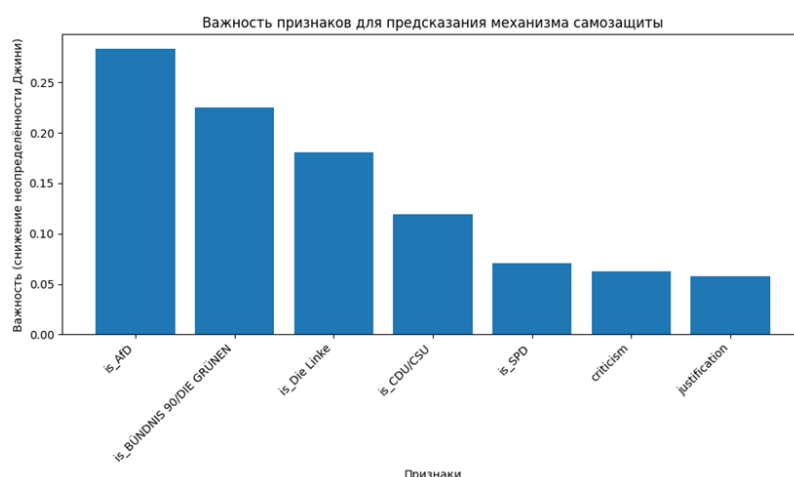

Рис. 2. Важность индикаторов партийной принадлежности для предсказания лингвопрагматического механизма самозащиты (полная модель)

Fig. 2. Importance of Party Affiliation Indicators for Predicting the Linguopragmatic Mechanism of Self-Defence (Full Model)

следовали is_BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN, is_Die Linke, is_CDUCSU и is_SPD. Тактические переменные не вносили сопоставимого вклада. Некоторым весом среди них обладали лишь частота критики (criticism) и частота оправдания (justification), тогда как оспаривание (challenge) и противопоставление (contrast) практически не сказывались на точности предсказаний (рис. 2). Данный результат, на первый взгляд парадоксальный, служит прямым эмпирическим подтверждением исходной гипотезы.

Редуцированная модель, объединяющая только частоты четырех тактик самозащиты без бинарных индикаторов партийной принадлежности

Иная картина открывается при исключении партийной принадлежности из состава предикторов. Модель случайного леса, обученная исключительно на частотах оправдания, оспаривания, критики и противопоставления, демонстрирует точность, которая хотя и не является идеальной, но значительно превосходит случайный порог. На отложенной тестовой выборке точность (ассигасу) составила 0,55 при следующем распределении метрик по классам (табл. 3).

Обращает на себя внимание значительный разброс в качестве классификации между отдельными механизмами. Лучше всего классификатор распознает оборонительный механизм ($F1 = 0,71$). Данный результат можно объяснить тем фактом, что в его тактическом профиле резко доминирует оправдание, а критика сведена к минимуму, что создает отчетливый, трудно с чем-либо спутываемый профиль. Смешанный механизм также классифицируется достаточно уверенно ($F1 = 0,65$). Иначе обстоит дело с конструктивно-сбалансированным и наступательным (агональным) механизмами, которые модель систематически смешивает ($F1 = 0,31$ и $0,25$ соответственно). Причина трудноразличимости механизмов видится нам в том, что последние объединяет высокая доля критики и без информации о партийной принадлежности говорящего они становятся практически неразличимыми. Данную закономерность хорошо иллюстрирует матрица ошибок случайного леса, приведенная на рис. 3. Близкие результаты показывает и мультиномиальная логистическая регрессия, обученная на тех же четырех тактиках (табл. 4). Ее общая точность достигла 0,59, что несколько выше, чем у случайного леса, однако очередность классов по убыванию точности сохранилась. Оборонительный механизм и здесь распознается наиболее уверенно ($F1 = 0,77$), тогда как конструктивно-сбалансированный и наступательный (агональный) классы по-прежнему смешиваются ($F1 = 0,25$ и $0,38$ соответственно).

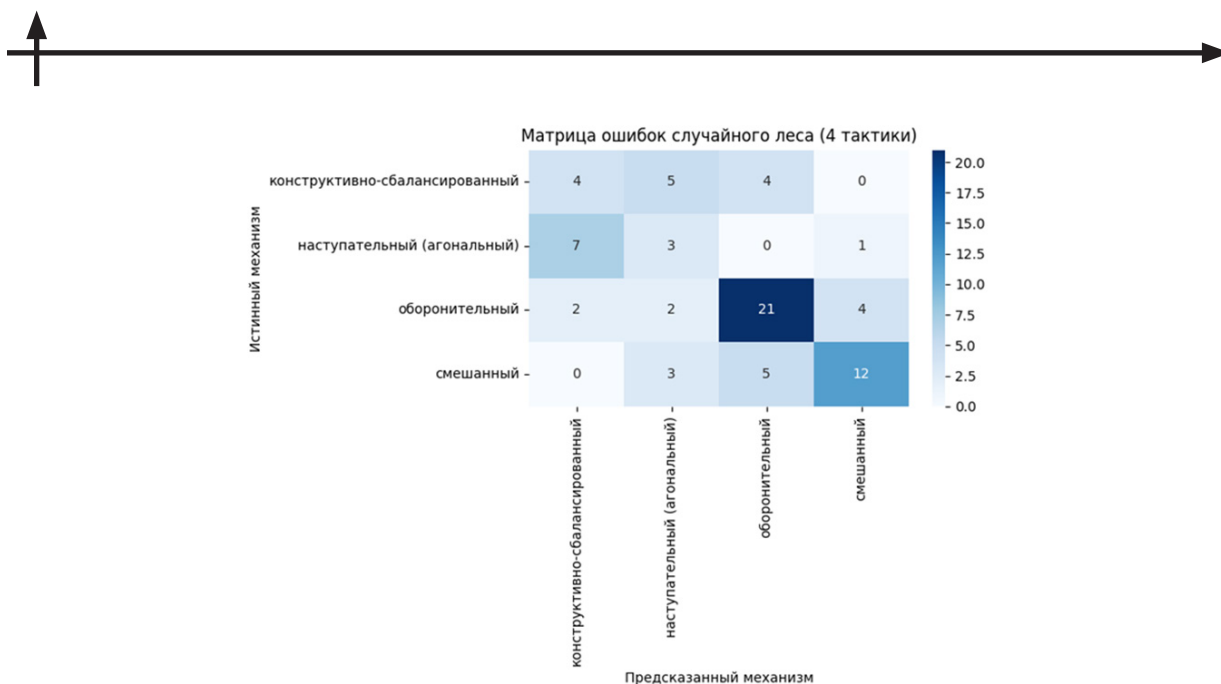

Рис. 3. Матрица ошибок случайного леса для тестовых данных с редуцированным до четырех тактик набором признаков

Fig. 3. Confusion Matrix of the Random Forest for Test Data with a Feature Set Reduced to Four Tactics

Таблица 3. Отчет о классификации случайного леса для модели из четырех тактик самозащиты без бинарных индикаторов партийной принадлежности
Table 3. Classification Report for the Random Forest Model Based on Four Self-Defence Tactics Without Binary Party Affiliation Indicators

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно-сбалансированный	0,31	0,31	0,31	13
Наступательный (агональный)	0,23	0,27	0,25	11
Оборонительный	0,70	0,72	0,71	29
Смешанный	0,71	0,60	0,65	20
macro avg	0,49	0,48	0,48	73
weighted avg	0,56	0,55	0,55	73
Accuracy	0,55			

Близость результатов, полученных на двух алгоритмически различных моделях, говорит о том, что зафиксированные закономерности не являются артефактом конкретного классификатора, а отражают устойчивую структуру данных.

Наиболее уязвимой для классификатора оказывается граница между конструктивной критикой и наступательной (агональной), в то время как оборонительный профиль с его резким доминированием оправдания выделяется практически безошибочно.

На рис. 4 показано, как распределилась важность признаков, когда модель перестала располагать сведениями о партийной принадлежности. Сравнение с рис. 2 обнаруживает, что устранение партийных индикаторов заметно увеличивает вес тактических переменных. Однако и в данной ситуации только критика и оправдание сохраняют значимую предсказательную силу, тогда как оспаривание и противопоставление по-прежнему не играют заметной роли.

Сокращение тактического набора до двух базовых переменных (оправдание и критика) практически не сказалось на точности модели. Средняя точность (ассурагу) снизилась с 0,55 до

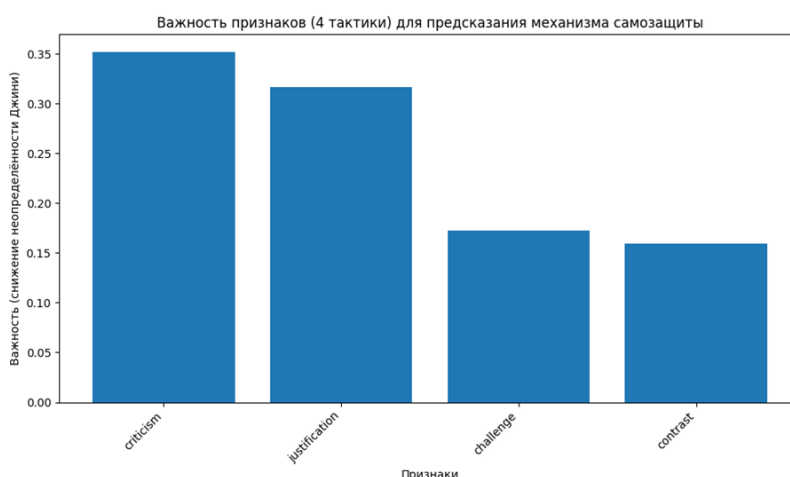

Рис. 4. Важность тактик для предсказания лингвопрагматического механизма самозащиты
(редуцированная до четырех тактик модель)

Fig. 4. Importance of Tactics for Predicting the Linguopragmatic Mechanism of Self-Defence
(Reduced Four-Tactic Model)

Таблица 4. Отчет о классификации мультиномиальной логистической регрессии для модели из четырех тактик самозащиты без бинарных индикаторов партийной принадлежности
Table 4. Classification Report for the Multinomial Logistic Regression Model Based on Four Self-Defence Tactics Without Binary Party Affiliation Indicators

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно-сбалансированный	0,27	0,23	0,25	13
Наступательный (агональный)	0,40	0,36	0,38	11
Оборонительный	0,73	0,83	0,77	29
Смешанный	0,63	0,60	0,62	20
macro avg	0,51	0,51	0,51	73
weighted avg	0,57	0,59	0,58	73
Accuracy	0,59			

0,53 (табл. 5). Столь незначительное снижение указывает на то, что оспаривание и противопоставление не вносят самостоятельного вклада в разграничение механизмов самозащиты, а служат, по-видимому, стилистическими усилителями внутри уже заданного партией тактического профиля.

Сопоставление двух моделей и обсуждение

Полученные нами данные дают основания утверждать, что лингвопрагматический механизм самозащиты не просто коррелирует с партийной принадлежностью, а определяется ею. На это указывают безупречная точность полной модели и резкое падение точности при исключении партийных признаков. Тактический профиль сам по себе несет содержательную информацию о механизме, однако решающее значение имеет институциональная позиция партии, вбирающая в себя и идеологический компонент, и роль в парламентской системе. Даже когда редуцированная модель улавливает различия между оборонительным и смешанным поведением, она не

**Таблица 5. Отчет о классификации случайного леса для модели
из двух тактик самозащиты без бинарных индикаторов партийной принадлежности**

**Table 5. Classification Report for the Random Forest Model
Based on Two Self-Defence Tactics Without Binary Party Affiliation Indicators**

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно-сбалансированный	0,42	0,38	0,40	13
Наступательный (агональный)	0,29	0,36	0,32	11
Оборонительный	0,67	0,76	0,71	29
Смешанный	0,57	0,40	0,47	20
macro avg	0,49	0,48	0,48	73
weighted avg	0,54	0,53	0,53	73
Accuracy	0,53			

способна провести грань между конструктивной и агональной критикой ровно до того момента, пока в распоряжении алгоритма не оказываются сведения о партийной принадлежности.

Таким образом, проведенный эксперимент, с нашей точки зрения, не просто подтверждает выдвинутую гипотезу, но и вскрывает природу связи между речевым поведением и институциональным статусом политического актора. Лингвопрагматический механизм самозащиты представляет собой производную от партийной принадлежности. Варьируясь по форме, он сохраняет устойчивую содержательную связь с идеологией и институциональной ролью партии.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что четыре выделенных лингвопрагматических механизма самозащиты, а именно оборонительный, конструктивно-сбалансированный, наступательный (агональный) и смешанный, представляют собой не умозрительную типологию, а объективно существующие и статистически верифицируемые механизмы речевого поведения. Принципиально важно, что данные механизмы поддаются надежному прогнозированию средствами машинного обучения.

Предшествующий корреляционный анализ выявил строгую связь между типом механизма и характером соотношения тактик оправдания и критики. Данная связь оказалась настолько устойчивой, что послужила количественным критерием, который сам по себе обладает разграничительной силой. Классификаторы, обученные на полном наборе признаков (тактические частоты и партийная принадлежность), достигли безошибочной точности (1,00 при кросс-валидации). Полученный результат прямо указывает на то, что партийная принадлежность содержит всю необходимую информацию для определения механизма самозащиты, поскольку институциональная роль и идеологическая позиция партии жестко детерминируют выбор речевых средств.

Когда из модели убираются партийные индикаторы, точность снижается до 0,53 на двух тактиках и до 0,55 на четырех. Сами по себе данные цифры, более чем вдвое превышающие уровень случайного угадывания (0,25), не позволяют игнорировать тактические переменные как несущественные. За ними стоит реальная, хотя и неполная, предсказательная сила. Однако обратим внимание на другое. Добавление оспаривания и противопоставления дает минимальный прирост точности. Данные тактики, как мы полагаем, не вносят самостоятельного вклада в разграничение механизмов. Их функция, скорее, стилистическая. Они усиливают, оттеняют, варьируют тот тактический профиль, который уже задан партийной принадлежностью. Иными словами, оспаривание и противопоставление подчинены базовой паре, оправданию и критике,

и не перестраивают общую структуру самозащиты. Определяющим фактором при выборе лингвопрагматического механизма остается институциональная позиция говорящего.

Теоретическое значение работы мы видим прежде всего в возможности распространить предложенный подход, а именно независимую верификацию лингвопрагматических механизмов самозащиты методами машинного обучения, на материал других парламентов и жанров политической коммуникации. Что касается практической ценности, она связана с перспективой использования обученного классификатора для автоматизированного мониторинга речевого поведения политических акторов.

Разумеется, настоящее исследование имеет ограничения, и главными среди них являются временной срез корпуса и отсутствие в модели иллокутивных и стилистических характеристик. Перечисленные ограничения очерчивают естественные направления для дальнейшей работы. Расширение набора предикторов и диахронический анализ динамики механизмов самозащиты представляются нам ближайшими задачами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Хлопотунов Я.Ю.** Языковые приемы реализации коммуникативной стратегии самозащиты в американском политическом дискурсе // Дискурс профессиональной коммуникации. 2022. Т. 4. № 2. С. 7–17. DOI: 10.24833/2687-0126-2022-4-2-7-17
2. **Hansson S.** Discursive strategies of blame avoidance in government: A framework for analysis // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26. Iss. 3. P. 297–322. DOI: 10.1177/0957926514564736
3. **Ilie C.** How to Argue with Questions and Answers: Argumentation Strategies in Parliamentary Deliberation // *Languages*. 2022. Vol. 7. Iss. 3. Art. no. 205. DOI: 10.3390/languages7030205
4. **Нгуен Т.Б.Д., Чан С.Х.** Риторика отказа: отрицание и контраргумент в дискуссиях Трампа и Харрис на дебатах 2024 года // *Terra Linguistica*. 2026. Т. 17. № 2. С. 111–133. DOI: 10.18721/JHSS.17207
5. **Vallauri E.L.** Aggression and disagreement in public communication: Convincing third parties through implicit strategies // *Journal of Language Aggression and Conflict*. 2024. Vol. 12. Iss. 1. P. 41–65. DOI: 10.1075/jlac.00096.lom
6. **Berrocal M.** Delegitimization strategies in Czech parliamentary discourse // *Political Discourse in Central, Eastern and Balkan Europe* / ed. by M. Podboj et al. Amsterdam: John Benjamins, 2019. P. 119–146. DOI: 10.1075/dapsac.84.06ber
7. **Ferrer L.P., Rautajoki H.** Navigating coercion in political rhetoric: shifting strategies to cope with intervention by the Troika in Portugal // *Contemporary Politics*. 2020. Vol. 26. Iss. 2. P. 206–225. DOI: 10.1080/13569775.2019.1663394
8. **Перминова Г.В.** Стратегия самозащиты в условиях кризисной коммуникации: статистическая верификация зависимости выбора тактик от кризиса (на материале дискурса правящей коалиции Германии) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. Т. 18. Вып. 9. С. 4107–4118. DOI: 10.30853/phil20250561
9. **Ilie C.** Discourse and metadiscourse in parliamentary debates // *Journal of Language and Politics*. 2003. Vol. 2. Iss. 1. P. 71–92. DOI: 10.1075/JLP.2.1.05ILI
10. **Burkhardt A.** Zwischenrufe, Zwischenfragen, Kurzinterventionen // *Handbuch Politische Rhetorik* / hrsg. von A. Burkhardt. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. S. 739–764.
11. **Koch E., Küpfer A.** The politics of seeking and avoiding discourse in parliament // *European Journal of Political Research*. 2025. Vol. 64. Iss. 4. P. 1899–1922. DOI: 10.1111/1475-6765.70013
12. **Паршина О.Н.** Российская политическая речь: теория и практика. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 232 с.
13. **Van Dijk T.A.** Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 384 p.
14. **Wodak R.** The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. London: Sage, 2015. 238 p. DOI: 10.4135/9781446270073

15. **Khramchenko D.S.** The Mechanism of Verbal Warfare & Polarization: Exploring Communicative Strategies in American Political Discourse // *Journal of Research in Applied Linguistics*. 2025. Vol. 16. Iss. 1. P. 105–124. DOI: 10.22055/RALS.2024.47805.3363
16. **Snijder L.L., Gross J., De Dreu C.K.W.** How defense rhetoric escalates intergroup conflict // *iScience*. 2025. Vol. 28. Iss. 11. Art. no. 113749. DOI: 10.1016/j.isci.2025.113749
17. **Иссерс О.С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 9-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2024. 320 с.
18. **Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
19. **Глушак В.М.** Дискурсивная асимметрия этнонимных прилагательных deutsch и russisch (корпусно-статистическое исследование дихотомии «свой/чужой») // *Terra Linguistica*. 2026. T. 17. № 2. С. 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202
20. **Чернявская В.Е., Горшкова Н.Э.** Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2025. Т. 16. № 1. С. 74–89. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-5
21. **Benoit W.L.** Accounts, Excuses, and Apologies: A Theory of Image Restoration Strategies. Albany: State University of New York Press, 1995. 208 p.
22. **Naderi N., Hirst G.** Recognizing Reputation Defence Strategies in Critical Political Exchanges // *Proceedings of the Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP)*. Varna, 2017. P. 527–537. DOI: 10.26615/978-954-452-049-6_069
23. **Naderi N., Hirst G.** Using context to identify the language of face-saving // *Proceedings of the 5th Workshop on Argument Mining*. Section 2.3. Brussels, 2018. P. 111–120. DOI: 10.18653/V1/W18-5214
24. **Езан И.Е.** Реализация фактора адресата во внешнеполитических и внутривнутриполитических речах Р. Херцога // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2015. № 3 (7). С. 45–49.
25. **Дойникова М.И.** Особенности реализации коммуникативной стратегии самозащиты в немецком политическом дискурсе // *Мир науки, культуры, образования*. 2025. № 1 (110). С. 526–528. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-526-529
26. **Дойникова М.И.** Речевое поведение депутатов партии «Альтернатива для Германии» (на материале протоколов бундестага) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. Т. 18. № 3. С. 844–850. DOI: 10.30853/phil20250120
27. **Глушак В.М., Принципалова О.В.** Вербализация имидженарушающих интенций в немецком политическом дискурсе // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 4. С. 92–99. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-92-99
28. **Pätz L., Beyer M., Späth J., Bohlen L., Zschech P., Kraus M., Rosenberger J.** Analyzing German Parliamentary Speeches: A Machine Learning Approach for Topic and Sentiment Classification // *Journal of Computational Social Science*. 2025. Vol. 8. Iss. 1. P. 45–67. DOI: 10.48550/arXiv.2508.03181
29. **Bornheim T.** Speaker Attribution in German Parliamentary Debates with QLoRA-adapted Large Language Models // *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*. 2024. Vol. 37. Iss. 1. P. 1–13. DOI: 10.21248/jlcl.37.2024.244
30. **Bisiada M.** The discursive construction of a new reality in Olaf Scholz's Zeitenwende speech // *Critical Discourse Studies*. 2024. Vol. 21. Iss. 6. P. 629–646. DOI: 10.1080/17405904.2023.2186450
31. **Grimmer J., Stewart B.M.** Text as Data: The Promise and Pitfalls of Automatic Content Analysis Methods for Political Texts // *Political Analysis*. 2013. Vol. 21. Iss. 3. P. 267–297. DOI: 10.1093/pan/mps028
32. **Gentzkow M., Kelly B., Taddy M.** Text as Data // *Journal of Economic Literature*. 2019. Vol. 57. Iss. 3. P. 535–574. DOI: 10.1257/jel.20181020
33. **Hirst G., Riabinin Ya., Graham J.** Party status as a confound in the automatic classification of political speech by ideology // *Statistical Analysis of Textual Data: Proceedings of the 10th International Conference (JADT 2010)* / ed. by S. Bolasco, I. Chiari, L. Giuliano. Milano: LED, 2010. P. 731–742.
34. **Rheault L., Cochrane Ch.** Word Embeddings for the Analysis of Ideological Placement in Parliamentary Corpora // *Political Analysis*. 2020. Vol. 28. Iss. 1. P. 112–133. DOI: 10.1017/pan.2019.26
35. **Каминченко Д.И.** Прогнозирование результатов внеочередных выборов в национальный парламент Германии 2025 г. на основе нейросетевого моделирования // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2025. № 84. С. 219–235. DOI: 10.17223/1998863X/84/18
36. **Erhard L., Hanke S., Remer U., Falenska A., Heiberger R.H.** PopBERT. Detecting Populism and Its Host Ideologies in the German Bundestag // *Political Analysis*. 2025. Vol. 33. Iss. 1. P. 1–17. DOI: 10.1017/pan.2024.12

37. **Axmadjonov N.Z.O., Qizi K.M.** Revisiting speech act theory in German linguistics: a systematic review of methodological approaches // *Cogent Arts & Humanities*. 2025. Vol. 12. Iss. 1. Art. no. 2568967. DOI: 10.1080/23311983.2025.2568967

38. **Чичерина Н.В., Чернявская В.Е., Хохлова М.В.** Текстовые и дискурсивные данные в цифровой медиасреде: основные принципы лингвистического анализа и автоматической обработки. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025. 97 с. DOI: 10.18720/SPBPU/2/i25-61

39. **Чернявская В.Е.** Деонтическое значение ключевого слова в дискурсе: westliche Werte (западные ценности) в немецком общественном пространстве как предмет анализа, направляемого корпусом // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16. № 1. С. 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

40. **Rädiker S., Gizzi M.C.** (eds.) *The Practice of Qualitative Data Analysis: Research Examples Using MAXQDA* / ed. by S. Rädiker, M.C. Gizzi. Vol. 2. Berlin: MAXQDA Press, 2024. 179 p. DOI: 10.36192/978-3-948768188

41. **James G., Witten D., Hastie T., Tibshirani R.** *An Introduction to Statistical Learning: with Applications in R*. 2nd ed. New York: Springer, 2021. XV + 607 p. DOI: 10.1007/978-1-0716-1418-1

REFERENCES

[1] **Khlopotunov Ya.Y.**, Linguistic Methods of Implementing a Communicative Strategy of Self-Defense in American Political Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 4 (2) (2022) 7–17. DOI: 10.24833/2687-0126-2022-4-2-7-17

[2] **Hansson S.**, Discursive strategies of blame avoidance in government: A framework for analysis, *Discourse & Society*, 26 (3) (2015) 297–322. DOI: 10.1177/0957926514564736

[3] **Ilie C.**, How to Argue with Questions and Answers: Argumentation Strategies in Parliamentary Deliberation, *Languages*, 7 (3) (2022) 205. DOI: 10.3390/languages7030205.

[4] **Nguyen T.B.G., Tran X.H.**, The Rhetoric of Rejection: Deny and Counter in Trump and Harris's 2024 Debate Discourse, *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 111–133. DOI: 10.18721/JHSS.17207

[5] **Vallauri E.L.**, Aggression and disagreement in public communication: Convincing third parties through implicit strategies, *Journal of Language Aggression and Conflict*, 12 (1) (2024) 41–65. DOI: 10.1075/jlac.00096.lom

[6] **Berrocal M.**, Delegitimization strategies in Czech parliamentary discourse, *Political Discourse in Central, Eastern and Balkan Europe*, ed. by M. Podboj et al., John Benjamins, Amsterdam, 2019, pp. 119–146. DOI: 10.1075/dapsac.84.06ber

[7] **Ferrer L.P., Rautajoki H.**, Navigating coercion in political rhetoric: shifting strategies to cope with intervention by the Troika in Portugal, *Contemporary Politics*, 26 (2) (2020) 206–225. DOI: 10.1080/13569775.2019.1663394

[8] **Perminova G.V.**, Self-defense strategies in crisis communication: statistical verification of the dependence of tactic choice on crisis type (based on the discourse of the ruling coalition of the Federal Republic of Germany), *Philology. Theory & Practice*, 18 (9) (2025) 4107–4118. DOI: 10.30853/phil20250561

[9] **Ilie C.**, Discourse and metadiscourse in parliamentary debates, *Journal of Language and Politics*, 2 (1) (2003) 71–92. DOI: 10.1075/jlp.2.1.05ili

[10] **Burkhardt A.**, Zwischenrufe, Zwischenfragen, Kurzinterventionen, *Handbuch Politische Rhetorik*, hrsg. von A. Burkhardt, De Gruyter, Berlin, Boston, 2020, S. 739–764.

[11] **Koch E., Küpfer A.**, The politics of seeking and avoiding discourse in parliament, *European Journal of Political Research*, 64 (4) (2025) 1899–1922. DOI: 10.1111/1475-6765.70013

[12] **Parshina O.N.**, *Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika* [Russian political speech: theory and practice], 3rd ed., LIBROKOM, Moscow, 2012.

[13] **Van Dijk T.A.**, *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, Sage, London, 1998.

[14] **Wodak R.**, *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*, Sage, London, 2015. DOI: 10.4135/9781446270073

- [15] **Khramchenko D.S.**, The Mechanism of Verbal Warfare & Polarization: Exploring Communicative Strategies in American Political Discourse, *Journal of Research in Applied Linguistics*, 16 (1) (2025) 105–124. DOI: 10.22055/RALS.2024.47805.3363
- [16] **Snijder L.L., Gross J., De Dreu C.K.W.**, How defense rhetoric escalates intergroup conflict, *iScience*, 28 (11) (2025) 113749. DOI: 10.1016/j.isci.2025.113749
- [17] **Issers O.S.**, *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech], 9th ed., LENAND, Moscow, 2024.
- [18] **Sheygal E.I.**, *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse], Gnozis, Moscow, 2004.
- [19] **Glushak V.M.**, Discursive Asymmetry of the Ethnonymic German Adjectives Deutsch and Russisch (A Corpus-based Statistical Study of the Self/Other Dichotomy), *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202
- [20] **Chernyavskaya V.E., Gorshkova N.E.**, Hybrid genre in persuasive communication, *Slovo.ru: Baltic accent*, 16 (1) (2025) 74–89. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-5
- [21] **Benoit W.L.**, *Accounts, Excuses, and Apologies: A Theory of Image Restoration Strategies*, State University of New York Press, Albany, 1995.
- [22] **Naderi N., Hirst G.**, Recognizing Reputation Defence Strategies in Critical Political Exchanges, *Proceedings of the Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP)*, Varna, 2017, pp. 527–537. DOI: 10.26615/978-954-452-049-6_069
- [23] **Naderi N., Hirst G.**, Using context to identify the language of face-saving, *Proceedings of the 5th Workshop on Argument Mining*, Section 2.3. Brussels, 2018, pp. 111–120. DOI: 10.18653/v1/W18-5214
- [24] **Ezan I.E.**, Realisation of the Factor of the Addressee in Roman Herzog's Speeches on Foreign and Domestic Policy, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies], 3 (7) (2015) 45–49.
- [25] **Doynikova M.I.**, Features of Implementation of the Communicative Strategy of Self-Defense in German Political Discourse, *The world of science, culture and education*, 1 (110) (2025) 526–528. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-526-529
- [26] **Doynikova M.I.**, Speech behavior of deputies of the "Alternative for Germany" party (based on the materials of the Bundestag transcripts), *Philology. Theory & Practice*, 18 (3) (2025) 844–850. DOI: 10.30853/phil20250120
- [27] **Glushak V.M., Printsipalova O.V.**, Verbalizing Face-Threatening Intentions in German Political Discourse, *Issues of Cognitive Linguistics*, 4 (2020) 92–99. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-92-99
- [28] **Pätz L., Beyer M., Späth J., Bohlen L., Zschech P., Kraus M., Rosenberger J.**, Analyzing German Parliamentary Speeches: A Machine Learning Approach for Topic and Sentiment Classification, *Journal of Computational Social Science*, 8 (1) (2025) 45–67. DOI: 10.48550/arXiv.2508.03181
- [29] **Bornheim T.**, Speaker Attribution in German Parliamentary Debates with QLoRA-adapted Large Language Models, *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*, 37 (1) (2024) 1–13. DOI: 10.21248/jlcl.37.2024.244
- [30] **Bisiada M.**, The discursive construction of a new reality in Olaf Scholz's *Zeitenwende* speech, *Critical Discourse Studies*, 21 (6) (2024) 629–646. DOI: 10.1080/17405904.2023.2186450
- [31] **Grimmer J., Stewart B.M.**, Text as Data: The Promise and Pitfalls of Automatic Content Analysis Methods for Political Texts, *Political Analysis*, 21 (3) (2013) 267–297. DOI: 10.1093/pan/mps028
- [32] **Gentzkow M., Kelly B., Taddy M.**, Text as Data, *Journal of Economic Literature*, 57 (3) (2019) 535–574. DOI: 10.1257/jel.20181020
- [33] **Hirst G., Riabinin Ya., Graham J.**, Party status as a confound in the automatic classification of political speech by ideology, *Statistical Analysis of Textual Data: Proceedings of the 10th International Conference (JADT 2010)*, ed. by S. Bolasco, I. Chiari, L. Giuliano, LED, Milano, 2010, pp. 731–742.
- [34] **Rheault L., Cochrane Ch.**, Word Embeddings for the Analysis of Ideological Placement in Parliamentary Corpora, *Political Analysis*, 28 (1) (2020) 112–133. DOI: 10.1017/pan.2019.26
- [35] **Kaminchenko D.I.**, Forecasting the results of the federal election to the German parliament in 2025 based on neural network modeling, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 84 (2025) 219–235. DOI: 10.17223/1998863X/84/18
- [36] **Erhard L., Hanke S., Remer U., Falenska A., Heiberger R.H.**, PopBERT. Detecting Populism and Its Host Ideologies in the German Bundestag, *Political Analysis*, 33 (1) (2025) 1–17. DOI: 10.1017/pan.2024.12

[37] **Axmadjonov N.Z.O., Qizi K.M.**, Revisiting speech act theory in German linguistics: a systematic review of methodological approaches, *Cogent Arts & Humanities*, 12 (1) (2025) 2568967. DOI: 10.1080/23311983.2025.2568967

[38] **Chicherina N.V., Chernyavskaya V.E., Khokhlova M.V.**, *Tekstovyye i diskursivnyye dannyye v tsifrovoy mediasrede: osnovnyye printsipy lingvisticheskogo analiza i avtomaticheskoy obrabotki* [Text and discourse data in digital media environment: basic principles of linguistic analysis and automatic processing], Saint-Petersburg Polytechnic University of Peter the Great, Saint-Petersburg, 2025. DOI: 10.18720/SPBPU/2/i25-61

[39] **Chernyavskaya V.E.**, Deontic meaning of a discursive key word: corpus-assisted analysis of *westliche Werte* (western values), *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

[40] *The Practice of Qualitative Data Analysis: Research Examples Using MAXQDA*, ed. by S. Rädiker, M.C. Gizzi. Vol. 2, MAXQDA Press, Berlin, 2024. DOI: 10.36192/978-3-948768188

[41] **James G., Witten D., Hastie T., Tibshirani R.**, *An Introduction to Statistical Learning: with Applications in R*, 2nd ed., Springer, New York, 2021. DOI: 10.1007/978-1-0716-1418-1

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Перминова Галина Валерьевна

Galina V. Perminova

E-mail: perminowa_gv@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2973-3376>

Дойникова Марина Игоревна

Marina I. Doynikova

E-mail: doynikovami@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5361-2567>

Поступила: 15.06.2026; Одобрена: 26.08.2026; Принята: 16.09.2026.

Submitted: 15.06.2026; Approved: 26.08.2026; Accepted: 16.09.2026.

Научная статья

УДК 81'13

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17309>

EDN: <https://elibrary/LUBSGB>

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ МЕДИАРЕЗОНАНСНЫХ СЛОВ: КОРПУСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ НОМИНАЦИЙ “CORONAVIRUS” И “CHINESE VIRUS” В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В.Е. Чернявская , Е.А. Павлова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Аннотация. Статья ставит цель проследить семантическую конкуренцию лексем “coronavirus” и “Chinese virus” для номинации коронавирусной инфекции (COVID-19) во время пандемии 2019–2023 гг. и формирование их идеологической полисемии в англоязычном публичном дискурсе. Анализ направлялся исследовательским вопросом, как употребление конкурирующих номинаций формирует устойчивые индексальные связи с социо-политическим контекстом и регулярные оценочные ассоциации. Анализ проведен как корпусно-ориентированный на основе текстов англоязычных изданий, интегрированных в корпус “All the News”. Процедура анализа: из общего массива данных извлечены статьи с декабря 2019 г., момента первых официальных сообщений о вспышке инфекции в Ухане: первые публикации с номинацией “coronavirus” в датасете отмечены 6 января 2020 г., с номинацией “Chinese virus” – 17 января 2020 г. Сопоставлены оценочные профили номинаций; проведен частотный анализ, коллокационный анализ с использованием меры LogDice, сентимент-анализ. Выявлены различия в характере оценочности, связанной с лексемами. Установлено, что номинация “coronavirus” демонстрирует преимущественно нейтральный или смешанный профиль, связанный с репрезентацией объективных аспектов пандемии. Номинация “Chinese virus” характеризуется выраженной негативной оценкой и полемической маркированностью. Негативный фон формируется оценочными суждениями о выборе номинации и общественно-политических последствиях ее использования. В номинации “coronavirus” отрицательная окраска обусловлена описанием кризисных явлений, вызванных пандемией. Анализ проясняет механизм формирования индексального значения знака за счет субъективно-оценочного компонента значения и выдвижения прагматического значения как идеологически мотивированного. Анализ показывает формирование индексального значения у “Chinese virus” на основе связи с социо-политическим контекстом, в котором использование этого слова воспринимается как устойчиво связанное с негативными оценками и негативными смысловыми ассоциациями этнической предубежденности, политической конфликтности.

Ключевые слова: coronavirus, Chinese virus, оценочность, социальная индексальность, корпусно-ориентированный анализ, корпус “All the News”.

Для цитирования: Чернявская В.Е., Павлова Е.А. Идеологическая конкуренция медиареzonансных слов: корпусно-ориентированный анализ номинаций “coronavirus” и “Chinese virus” в англоязычных СМИ // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 145–164. DOI: 10.18721/JHSS.17309

IDEOLOGICAL CLASH OF MEDIA-RESONANT WORDS: CORPUS-ASSISTED ANALYSIS OF THE NOMINATIONS “CORONAVIRUS” AND “CHINESE VIRUS” IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

V.E. Chernyavskaya , E.A. Pavlova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

 chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Abstract. This paper traces the semantic competition between the lexemes “coronavirus” and “Chinese virus” used as nominations of the COVID-19 global pandemic of 2019–2023 and the formation of their ideological polysemy in English-language public discourse. The study was guided by the research question of how the use of competing nominations forms evaluative associations and indexical links with socio-political contexts. The research was conducted as a corpus-assisted analysis based on the texts of English-language publications integrated into the “All the News” corpus. Data retrieval: articles starting from December 2019 (the time of the first official reports about the pneumonia outbreak in Wuhan) were extracted from the general data set. The first publications with the “coronavirus” nomination in the dataset date back to January 6, 2020, and those with the “Chinese virus” nomination date back to January 17, 2020. The procedure used included the following analytical steps: the evaluative profiles of the nominations were compared, frequency analysis, collocation analysis using the LogDice measure, and sentiment analysis were conducted. The study argues that the nomination “coronavirus” demonstrates a predominantly neutral or mixed evaluative profile associated with the representation of factual aspects of the pandemic. The nomination “Chinese virus” is characterized by a negative evaluation and polemical marking. This is formed by evaluative judgments about the choice of the nomination and the socio-political consequences of its use. In the nomination “coronavirus”, the negative connotation is mainly due to the description of the crisis caused by the pandemic. The analysis clarifies the mechanism of forming the indexical meaning of “Chinese virus” based on its connection to the socio-political context, in which the use of this nomination is consistently associated with negative evaluations and negative semantic associations of ethnic prejudice and political conflict.

Keywords: coronavirus, Chinese virus, evaluation, social indexicality, corpus-assisted analysis, “All the News” corpus.

Citation: Chernyavskaya V.E., Pavlova E.A. Ideological Clash of Media-Resonant Words: Corpus-Assisted Analysis of the Nominations “Coronavirus” and “Chinese Virus” in English-Language Media, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 145–164. DOI: 10.18721/JHSS.17309

Введение

Предлагаемое исследование выполнено в рамках объяснительного подхода к изучению салиентных языковых единиц, которые становятся заметными, выдвигаются и активно используются в определенных социокультурных практиках для выражения социально значимых тем и смыслов. Лингвистическая салиентность становится инструментом наблюдения за формированием медиарезонансных тем и, шире, связующим звеном между языком и социально и культурно ориентированными исследованиями. В свою очередь, медиарезонансность изучается в перспективе ключевых слов, дискурсивных ключевых слов, значимой и определяющей характеристикой которых является вовлеченность в дискуссии в публичном пространстве.

Теоретико-методологические основания анализа созданы прагматической лингвистикой, направленной на изучение языкового знака в контекстуализации, дискурсивной семантикой и

прагматикой, корпусно-ориентированным дискурсивным анализом. Исследование также учитывает разработки в области механизмов и средств оценочности, формирования социального значения слова, деонтического значения, политической корректности, ключевых слов дискурса.

В этой проекции объектом анализа стала пара альтернативных номинаций в английском языке коронавирусной инфекции (COVID-19), сложившихся во время пандемии 2019–2023 гг.¹ Пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на языковые практики современных средств массовой информации. В условиях высокой общественной и политической резонансности особую значимость приобрел вопрос о том, какое обозначение получает вирус и какие оценочные смыслы закрепляются за различными способами его языковой репрезентации. Номинации “coronavirus” (коронавирус) и “Chinese virus” (китайский вирус) используются как семантически конкурентные и создают идеологическую полисемию в обозначении одного референта. Официально рекомендованное обозначение, используемое Всемирной организацией здравоохранения и другими международными организациями, — коронавирус (coronavirus). Альтернативным способом обозначения вируса стал «китайский вирус» (“Chinese virus”). Это обозначение начал активно использовать Дональд Трамп, 45-й президент США (2017–2021 гг.). По его мнению, широко представленному в СМИ, определение «китайский вирус» наиболее подходит для обозначения коронавируса в связи с тем, что вспышка началась именно в Китае². Обозначение «китайский вирус» оказалось включенным в более широкий нарратив геополитического противостояния между США и Китаем, поддерживало обвинения в сторону Китая в создании рисков для мира из-за непрозрачной информационной политики в связи с новой инфекцией. Номинация стала характерной для ограниченного круга политических акторов и медиаресурсов в 2020 г. Выбор слова вызвал публичную критику в связи с его неполиткорректным, ксенофобским характером. По данным СМИ, в дальнейшем, после 2020 г., Трамп прекратил использование выражения из-за протестов со стороны политического руководства Китая³.

Теоретические основания анализа

Альтернативные номинации и их семантическая конкуренция могут исследоваться в нескольких аналитических перспективах. Это связано с широким кругом вопросов о выражении эксплицитной и имплицитной информации в высказывании и об обстоятельствах, под влиянием которых делается выбор между эксплицитным выражением и имплицитным смыслом. Социально обусловленные смыслы, те коммуникативные приращения в значении, которые отражают общественную идеологию, являются сферой эвфемизации. Различные аспекты имплицитных смыслов рассматривались в связи с созданием ярлыков и речевых стереотипов и с «политической корректностью», реагирующей на запреты в современном обществе к номинациям национальной, расовой принадлежности, социальному гендеру, физическим возможностям человека. Подробнее обзор исследований представлен в [1–3]. Другой вопрос в проблематике имплицитности — как определяются и распознаются дополнительные смысловые приращения, возникающие в контексте употребления, по отношению к предметно-понятийному ядру слова. В прагматике дополнительное значение изучалось в связи с понятием коннотации и более дифференцированно, как деонтическое значение слова, под которым понимается оценочный компонент значения, указывающий на прескриптивную, предзаданную положительную или

¹ Пандемия, вызванная распространением коронавируса SARS-CoV-2, стала чрезвычайной ситуацией в мире. Заболеваемость вирусом впервые была зафиксирована в китайском городе Ухане в декабре 2019 г. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о начале пандемии. Подтверждено более 7 млн смертей в результате заболевания. Источник: Число смертей от Covid-19, зарегистрированных в ВОЗ // World Health Organization. URL: <https://data.who.int/dashboards/covid19/deaths> (Дата обращения: 14.06.2026).

² Trump Defends Using ‘Chinese Virus’ Label, Ignoring Growing Criticism // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/18/us/politics/china-virus.html> (дата обращения: 14.06.2026).

³ "Зачем нам проблемы?" Трамп рассказал о просьбе Си Цзиньпина // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20260121/si-2069390083.html> (дата обращения: 14.06.2026).

отрицательную оценочность использования языковой единицы для обозначения определенного содержания [4–6].

Новые аспекты привнесены в прагматическую лингвистику и социалингвистику с опорой на понятие «социальная индексальность слова», что описывает связь знака с его типичной повторяющейся контекстуализацией. Акцент на индексальности и понятие социального индекса, социального значения особым образом настраивают оптику анализа в понимании имплицитных смыслов, которые мы не выражаем, но на которые указываем. Результаты исследований и обзор подходов к индексальному значению в семантике, прагматике, метапрагматике, социалингвистике представлены в [3; 7].

Семантическая конкуренция слов и борьба за приоритет одного из них становятся наиболее заметными, когда языковые единицы используются в резонансной теме и сами создают и поддерживают резонансность темы. Внутри различных научных школ становились продуктивными отдельные исследовательские аспекты в изучении идеологически нагруженного использования языка для выдвижения определенных ценностей. С 1970-х гг. в исследовательском пространстве, предшествующем оформлению критической лингвистики и дискурсивно-ориентированного анализа языка, сложился аналитический подход внутри политической семантики, обращенный на семантическую конкуренцию слов для обозначения понятий. Обще-ственно-историческая прикрепленность слова и диахроническая изменчивость содержания и объема дополнительных ассоциативных значений, обозначаемых словом, фокусируются в теории исторической семантики дискурса Дитриха Буссе [8, с. 39–53], в концепции «замещения понятий» (*Besetzen von Begriffen*) [9]. Объяснительный подход, прослеживающий политически и идеологически мотивированное «замещение понятий», получил детальное развитие в немецкой исследовательской традиции и разрабатывался на разном текстовом материале. При этом в определении того, что значит «занимать понятия», на первый план выходил коммуникативно-стратегический аспект коммуникации. Отправной точкой становится признание того, что коммуникация – это реализованный выбор из ряда возможностей, сознательное планирование коммуникативных действий. Коммуникация анализируется в инструментальном и стратегическом аспекте как система осуществляемых человеком операций выбора и кодирования в текстах коммуникативных действий под контролем определенной стратегии. Соответственно, языковые средства определяются как инструмент для реализации стратегической цели коммуниканта. Сложились различные концепции аргументации, неориторики, персуазивности, персуазивной коммуникации, прямой и непрямой коммуникации, объясняющие приемы речевого воздействия, манипуляций, убеждающей, вовлекающей речи [10; 11]. В такой проекции объяснительный подход связан с опорой на прагматическое значение языковой единицы. Показывалось, как номинация, выбор слова для обозначения некоего референта, отражает субъективно-оценочный, идеологически нагруженный смысл, а альтернативная номинация, переименование, может рассматриваться как инструмент воздействия. Желаемая оценка и прогнозируемая реакция адресата создаются за счет выбора альтернативных номинаций и их последовательного использования в определенных контекстах. Происходит фиксации ассоциативных связей слова с определенным понятием или социальным актором, стоящим за его использованием. Действия со словами создают коннотативный фон, который устойчиво связывается с дескриптивным предметно-понятийным значением в сознании коммуникантов. Становится наблюдаемой идеологическая полисемия (*ideologische Polysemie*), как это предложил определять немецкий лингвист В. Дикман [12], которая описывает явную или латентную семантическую конкуренцию языковых единиц. Семантическая конкуренция слов на уровне их дескриптивного значения описана на различном языковом и текстовом материале. Например, в работе [13, С. 610–611] прослежены предметно-понятийные различия слов *террорист* (*Terrorist*) и *мученик* (*Märtyrer*), используемые по отношению к радикальным исламистским организациям в немецких СМИ и как самономинации соответственно.

Возникновение дополнительных компонентов значения, как правило, связано с оценочностью и изучается в связи с семантикой и прагматикой языковой оценки. С развитием корпусных методов в лингвистике аккумулируются новые данные о семантических предпочтениях в сочетаемости слов, о «семантической ауре» языковых единиц, получающих отрицательную или положительную оценочность в контекстуализации в зависимости от жанра текста или дискурсивной практики. Возникновение у языковой единицы оценочности рассматривается в связи с аксиологическим содержанием коммуникации с использованием понятия «наведенная оценочность» [14; 15].

Статья ставит цель проследить семантическую конкуренцию номинаций “coronavirus” и “Chinese virus” и формирование их идеологической полисемии в англоязычном публичном дискурсе. Анализ направлялся исследовательским вопросом о том, каким образом употребление конкурирующих номинаций формирует устойчивый индексальный характер слова и регулярные оценочные ассоциации, связанные со словом, выходящие за рамки отдельных контекстов.

Альтернативные номинации “coronavirus” и “Chinese virus”

Номинации «коронавирус» (“coronavirus”) и «китайский вирус» (“Chinese virus”) существуют в ряду других, появившихся в медийном пространстве с 2019 г., а именно: «вирус Китая», «уханьский вирус», «невидимый враг», «пандемия-убийца», «таинственная болезнь» [16; 17]. Фиксируется появление неологизмов, сленга, аббревиатур и формирование особой языковой практики для номинации пандемии — *soonaspeak*, обзор представлен в коллективной монографии [18]. Отдельные разработки касались возможностей корпусного инструментария, в частности менеджера AntConc, для изучения адъективных коллокаций с компонентами “coronavirus” и “COVID-19”, при этом выводы не распространялись на оценочный профиль номинаций и их контекстуальное использование [19]. Значительный интерес представляют исследования, показывающие дискурсивную включенность номинации “Chinese virus”. В работе [20] показано, как это обозначение вируса становится частью дискурса о расизме среди пользователей социальных сетей и участвует в создании и закреплении социальной индексальности знака для отражения этнической предубежденности и расизма. Дискриминация за счет использования обозначений COVID-19 в онлайн-среде и правовые аспекты лингвистического выбора анализируются в [21].

Семантическая конкуренция номинаций прослеживается в первую очередь в дескриптивном значении. Обозначение «коронавирус» (“coronavirus”) является термином, официально рекомендованным ВОЗ, и рассматривается как единица специального языка в предметной области. Номинация «китайский вирус» (“Chinese virus”) построена как метонимия, риторический троп, в котором слово с денотативным значением заменено другим по основанию смежности (пространственной, временной и т.п.). Метонимия обеспечивает перенос признаков от абстрактного, общего (вирус вообще как таковой) на конкретную географическую, национальную принадлежность. Метонимия порождает однозначный коммуникативный эффект — пандемия и исходящая от вируса угроза персонифицируются. Прилагательное «китайский» ставит инфекцию в связь с определенной страной. Создан метонимический перенос страха, неприязни и социальной дистанции на группу людей, идентифицируемую по этническому признаку. В этом случае метонимическое обозначение «китайский вирус» становится «назойливо идейным», как это применительно к свойствам тропа вообще.

Методология и исследовательский инструментарий

Исследование проведено как корпусно-ориентированный анализ, в связи с исходной гипотезой о различной оценочности и идеологической мотивированности семантики двух анализируемых номинаций одного референта. Материалом стали тексты англоязычных изданий,

интегрированные в корпус “All the News”⁴. Корпус наиболее полно представляет новостные тексты в период с 2016 по 2020 г. общим объемом 2 779 352 статьи из 20 ведущих англоязычных изданий⁵. Выявлены коллокационные профили номинаций “coronavirus” и “Chinese virus” с использованием статистической меры LogDice, определены особенности семантической просодии исследуемых номинаций на основе коллокатов, сентимент-анализа и анализа конкордансов. Коллокация рассматривается в рамках корпусно-статистического подхода, как это определяется в основополагающих исследованиях [22; 23], через статистическую значимость совместной встречаемости слов в корпусе, что позволяет выявлять неочевидные семантические связи. Мы исходим из того, что коллокационные паттерны не являются нейтральными: они формируют просодию, которая транслирует идеологические и оценочные установки коммуникативных акторов.

Семантическая конгруэнтность коллокатов, то есть способность регулярно сочетаться с узловым словом, создает эффект семантического притяжения. Это явление семантического предпочтения представляет собой промежуточный уровень между коллокацией и итоговой оценочной интерпретацией – семантической просодией. Если семантическое предпочтение фиксирует тяготение слова к определенному семантическому классу (биологическому, экономическому, этическому и т.д.), семантическая просодия является итоговой, более абстрактной оценочной характеристикой, которая «окрашивает» все употребления слова, создавая у носителей языка устойчивое ощущение его положительной или отрицательной коннотации [24–27].

Для оценки тональности применялся анализатор Valence Aware Dictionary and sEntiment Reasoner (VADER), разработанный для текстов социальных медиа и публицистического дискурса. Особенности его функционирования определили специфику предобработки корпуса: 1) чувствительность к верхнему регистру – VADER интерпретирует слова, написанные заглавными буквами, как маркеры усиления эмоциональной интенсивности; 2) чувствительность к пунктуации – восклицательные и вопросительные знаки усиливают тональность высказывания; 3) чувствительность к эмодзи и смайликам; 4) чувствительность к отрицаниям и усилителям – VADER корректно обрабатывает конструкции типа “not good” (отрицание меняет полярность) и “very good” (усиление увеличивает интенсивность). В исследовании была разработана щадящая стратегия очистки текста, сохраняющая исходный регистр, знаки препинания и эмодзи.

Процедура анализа

Из общего массива данных были извлечены статьи с датой публикации с декабря 2019 г. (момент первых официальных сообщений о вспышке пневмонии в Ухане). Верхняя граница определялась доступными данными датасета. Первые публикации с номинацией “coronavirus” в датасете отмечены 6 января 2020 г., с номинацией “Chinese virus” – 17 января 2020 г.

После процедур отбора и предобработки тексты были разделены на два исследовательских подкорпуса в зависимости от используемой номинации. В первый подкорпус были включены публикации, содержащие словосочетание “Chinese virus”. Учитывались все случаи употребления данной номинации. Наличие в тексте лексемы “coronavirus” не являлось основанием для исключения материала из этой группы, поэтому в подкорпус вошли как тексты, использующие только номинацию “Chinese virus”, так и публикации, в которых она встречалась совместно с другими обозначениями вируса.

Второй подкорпус составили тексты, содержащие номинацию “coronavirus” и не включающие словосочетание “Chinese virus”.

⁴ <https://www.kaggle.com/davidmckinley/all-the-news-dataset>

⁵ В корпусе представлены издания Reuters, The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, The Guardian, CNN, BBC News, CNBC, Business Insider, The Hill, Politico, Vox, Vice, BuzzFeed News, The Verge, National Review, The Atlantic.

Для обеспечения воспроизводимости процедуры поиска исследуемые номинации фиксировались в их конкретной форме. Для однословной номинации “coronavirus” учитывались случаи совпадения токена с целевой формой; для бинарной номинации “Chinese virus” фиксировалось последовательное сочетание двух токенов. Это обусловлено тем, что объектом исследования выступают конкурирующие номинации одного референта как способы его обозначения в медиадискурсе. На этапе извлечения целевых единиц применялся поиск по словоформе, а не лемматизированный поиск, который расширил бы множество учитываемых употреблений за пределы исследуемых номинаций.

Разделение материала на два подкорпуса осуществлялось по фактическому употреблению конкурирующих номинаций в исходном датасете, а не посредством искусственного выравнивания их объемов. В подкорпус “Chinese virus” включались все публикации, содержащие данную номинацию, в том числе те, в которых одновременно употреблялось обозначение “coronavirus”. Подкорпус “coronavirus” составили публикации, содержащие номинацию “coronavirus” и не содержащие сочетания “Chinese virus”. Таким образом, различие объемов подкорпусов отражает различную распространенность исследуемых номинаций в исходном материале. При количественном сопоставлении подкорпусов различного объема используются нормализованные показатели частоты.

Осуществлены следующие исследовательские шаги:

- сопоставлены оценочные профили исследуемых номинаций: выявление особенностей их функционирования в англоязычном медиадискурсе;
- проведен частотный анализ: определение распространенности исследуемых номинаций в текстах корпуса;
- проведен коллокационный анализ: выявление устойчивых коллокационных связей с использованием статистической меры LogDice;
- проведен сентимент-анализ: определение тональности текстов и оценочного потенциала лексического окружения исследуемых номинаций.

Результаты и интерпретация

Подкорпус “coronavirus” значительно превосходит подкорпус “Chinese virus” по объему (табл. 1).

Таблица 1. Параметры сформированных подкорпусов
Table 1. Parameters of the created subcorpora

Параметр	Подкорпус “coronavirus”	Подкорпус “Chinese virus”
Количество статей	54 582	325
Количество токенов	31 021 470	398 000
Средняя длина статьи (в токенах)	568	1 224
Количество уникальных изданий	20	17

Подкорпус “Chinese virus” характеризуется большей средней длиной статей (1 224 токена против 568), что позволяет говорить о преобладании аналитического контекста развернутых объяснений и обмена мнениями. Напротив, в первом подкорпусе материал представлен краткими информационными сообщениями и заметками, ориентированными на оперативное освещение эпидемиологической ситуации. Подкорпус “coronavirus” формируется в основном за счет информационных агентств (Reuters — 41,5% от общего объема) и деловых изданий (CNBC, Business Insider). Это свидетельствует о фактологическом характере использования данной номинации.

Выделение коллокатов

Для выявления слов, статистически значимо связанных с номинациями “coronavirus” и “Chinese virus”, проведен коллокационный анализ. Под коллокатом в данном исследовании понимается любая лексическая единица, регулярно встречающаяся в пределах заданного окна вокруг целевой номинации (узла). В отличие от биграмм и триграмм, коллокативная связь не требует прямого порядка следования слов: достаточно, чтобы слова систематически оказывались в одном контексте. Алгоритм поиска различался для однословной и бинарной номинаций. Для “coronavirus” поиск осуществлялся перебором всех токенов текста с проверкой на точное совпадение с целевым словом. Для “Chinese virus” поиск осуществлялся перебором пар соседних токенов: если текущий токен равнялся “Chinese”, а следующий за ним — “virus”, позиция первого слова фиксировалась как позиция целевой фразы.

Для каждой позиции целевой номинации определялось окно шириной 5 слов слева и 5 слов справа, что обеспечивает достаточный контекст для захвата синтаксически и семантически связанных единиц и исключения случайных вхождений с нарушением границ предложений. Для оценки силы коллокационной связи использовалась мера LogDice⁶.

Для исключения случайных и малозначимых коллокатов были установлены минимальные пороги совместной частоты встречаемости: для подкорпуса “coronavirus” (54 582 статьи) — $O \geq 5$; для подкорпуса “Chinese virus” (325 статей) — $O \geq 2$ (порог снижен ввиду малого объема данных). Отобраны первые 20 позиций для демонстрации в анализе (табл. 2, 3).

Наиболее сильным коллокатом оказался “outbreak” (вспышка) с LogDice 12,15 и совместной частотой вхождения 28 624. Это отражает ключевую характеристику нового заболевания, начавшегося непредвиденно. Высокие позиции занимают также “cases” (случаи), “spread” (распространение) и “pandemic” (пандемия), что указывает на доминирование медицинских, эпидемиологических тем обсуждения. Коллокат “said” (заявлено, сообщалось) занимает пятое место, что характерно для информационных текстов. Присутствие коллоката “China” (Китай) актуализирует упоминание Китая как географического эпицентра возникновения вируса. Коллокат “Trump” (Трамп) отражает активное участие президента США в формировании публичного дискурса о пандемии. Коллокаты “response” (ответ), “economic” (экономический), “global” (глобальный), “crisis” (кризис) указывают на широкий контекст обсуждения пандемии, выходящий за рамки медицинской проблематики.

Результаты для подкорпуса “Chinese virus” представлены в табл. 3.

Коллокационный профиль номинации “Chinese virus” демонстрирует иной характер употребления. Наиболее сильными коллокатами выступают “covid”, “coronavirus” и “Trump”. Высокие позиции коллокатов “term” (термин), “phrase” (фраза, выражение) и “calling” (называя, обозначая) указывают на активное обсуждение самой языковой единицы как номинации пандемии. Наличие коллокатов “Trump”, “president” (президент) и “house” (дом) свидетельствует о тесной связи данной номинации с высказываниями представителей американской администрации, Белого Дома. Коллокаты “wrong” (неверный) и “racist” (расистский) отражают критическое отношение к использованию наименования. Присутствие коллокатов “China” и “Wuhan” (Ухань) подчеркивает географическую маркированность номинации и ее связь с местом происхождения вируса.

Выявленные различия были интерпретированы на уровне тональности текстов⁷.

⁶ Мера выбрана по нескольким причинам. Во-первых, LogDice менее чувствительна к редким словам по сравнению с Mutual Information (MI), что имеет принципиальное значение для подкорпуса “Chinese virus”, содержащего всего 325 статей. Во-вторых, LogDice выдает значения в ограниченном диапазоне (обычно от 0 до 14), что упрощает интерпретацию и сравнение результатов. Значения LogDice выше 5 интерпретируются как свидетельство сильной коллокационной связи, значения от 3 до 5 — как умеренной, значения ниже 3 — как слабой или случайной.

⁷ В настоящем исследовании под тональностью понимается интегральная эмоциональная окраска текста, фиксируемая VADER, тогда как семантическая просодия рассматривается как устойчивое оценочное окружение лексической единицы, выявляемое посредством коллокационного анализа.

Таблица 2. Топ-20 коллокатов для номинации “coronavirus”⁸
Table 2. Top 20 collocates for the term “coronavirus”

№	Коллокат	Абсолютная частота	IPM	LogDice
1	outbreak	28 624	922,72	12,15
2	cases	13 257	427,35	11,16
3	spread	13 211	425,87	11,15
4	pandemic	10 755	346,7	10,87
5	said	9 731	313,69	10,74
6	china	8 864	285,74	10,61
7	novel	6 744	217,4	10,23
8	impact	6 295	202,92	10,14
9	Trump	6 038	194,64	10,08
10	response	5 566	179,42	9,96
11	people	5 455	175,85	9,94
12	confirmed	5 154	166,14	9,86
13	tested	4 817	155,28	9,76
14	economic	4 759	153,41	9,74
15	global	4 642	149,64	9,71
16	positive	4 416	142,35	9,64
17	health	3 958	127,59	9,48
18	first	3 903	125,82	9,46
19	reported	3 825	123,3	9,44
20	crisis	3 621	116,73	9,36

Сентимент-анализ коллокатов

Сентимент-анализ проведен с использованием лексикона VADER. Выбор инструмента обусловлен рядом архитектурных и функциональных особенностей⁹. Реализация сентимент-анализа была выполнена на языке программирования Python с использованием библиотеки vaderSentiment. Процедура включала последовательные этапы.

Этап 1. Из сформированных CSV-файлов загружались тексты подкорпусов. Проверялась целостность данных: исключались пустые строки и тексты, содержащие невалидные символы. Разница в объеме корпусов учтена при интерпретации результатов: для меньшего подкорпуса статистические оценки являются менее устойчивыми, но все же достаточными для выявления генеральных тенденций.

Этап 2. Для каждого документа рассчитывался интегральный показатель тональности (compound), отражающий соотношение позитивно и негативно окрашенных языковых единиц

⁸ В таблицах под показателем «Абсолютная частота» понимается фактическое количество совместных вхождений коллоката с целевой номинацией в установленном контекстном окне. Поскольку объемы подкорпусов существенно различаются, используется также нормализованный показатель Instances per Million Tokens (IPM), то есть количество совместных вхождений на один миллион токенов соответствующего подкорпуса. Показатель LogDice характеризует силу коллокационной связи.

⁹ VADER разработан С. Дж. Хатто и Е. Гилбертом для анализа эмоционально окрашенных текстов в социальных медиа и публицистике. В отличие от других сентимент-анализаторов, которые требуют предварительного обучения на размеченных корпусах и могут давать сбои при обработке неформальных текстов, VADER является правило-ориентированной (rule-based) моделью, основанной на лексиконе слов с предварительно размеченной тональностью, дополненном набором эвристических правил. VADER фиксирует преимущественно лексически выраженную тональность и не всегда способен корректно интерпретировать иронию, сложные прагматические импликации и контекстуально обусловленные значения медицинской терминологии. Поэтому результаты сентимент-анализа интерпретируются в сочетании с коллокационным и конкордансным анализами. Источник: Hutto C.J., Gilbert E. VADER: A Parsimonious Rule-based Model for Sentiment Analysis of Social Media Text // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2014. Vol. 8. Iss. 1. P. 216–225. DOI: <https://doi.org/10.1609/icwsm.v8i1.14550>

Таблица 3. Топ-20 коллокатов для номинации “Chinese virus”
Table 3. Top 20 collocates for the term “Chinese virus”

№	Коллокат	Абсолютная частота	IPM	LogDice
1	covid	114	286,43	12,55
2	coronavirus	84	211,06	12,18
3	Trump	75	188,44	12,04
4	calling	74	185,93	12,02
5	virus	63	158,29	11,81
6	wrong	58	145,73	11,71
7	term	45	113,07	11,38
8	said	36	90,45	11,08
9	china	27	67,84	10,69
10	use	26	65,33	10,63
11	Wuhan	25	62,81	10,58
12	using	23	57,79	10,47
13	hit	21	52,76	10,34
14	phrase	20	50,25	10,27
15	house	19	47,74	10,20
16	president	17	42,71	10,05
17	racist	17	42,71	10,05
18	defends	16	40,20	9,96
19	combat	14	35,18	9,77
20	production	13	32,66	9,67

в тексте. Учитывались лексическая оценочность слов, особенности их графического оформления (регистр, пунктуация), а также контекстуальные модификаторы значения, включая отрицания, усилители и ослабители оценки. Полученные оценки агрегировались на уровне всего текста и нормализовались с учетом его объема, что обеспечивало сопоставимость результатов для публикаций различной длины. Функция возвращала четыре числовых показателя; для дальнейшего анализа использовался compound: от -1 до $+1$.

Этап 3. Для каждого подкорпуса вычислялись следующие показатели на материале тональности слов:

- среднее арифметическое (mean) — позволяет оценить генеральную тенденцию тональности в подкорпусе, чувствительно к выбросам, что в данном случае является достоинством, поскольку крайние значения отражают наличие ярко выраженных эмоциональных текстов;
- медиана (median) — дает представление о «типичном» значении тональности, менее чувствительно к выбросам, сравнение медианы и среднего арифметического позволяет оценить асимметрию распределения;
- стандартное отклонение (std) — характеризует степень однородности тональности внутри подкорпуса, высокое стандартное отклонение указывает на значительный разброс значений (присутствуют как крайне позитивные, так и крайне негативные тексты), низкое — на однородность тональности.

Для подкорпуса “Chinese virus”, содержащего всего 325 статей, дополнительно была оценена стандартная ошибка среднего арифметического для контроля надежности статистических выводов.

Этап 4. Каждый текст классифицировался по принятым порогам, рекомендованным разработчиками VADER и подтвержденным валидационными исследованиями на корпусах новостных текстов: $\text{compound} < -0,05$ — текст интерпретируется как негативный; $-0,05 \leq \text{compound} \leq 0,05$ — текст интерпретируется как нейтральный; $\text{compound} > 0,05$ — текст интерпретируется как позитивный. Порог 0,05 был выбран эмпирически Хатто и Гилбертом и показал наилучшую корреляцию с экспертными оценками тональности.

Этап 5. Сентимент-анализ коллокатов. Для тонкого понимания источников тональности проанализированы коллокаты из топ-20 для каждой номинации. Каждый коллокат подавался на вход VADER, что позволяло оценить его собственную тональность вне контекста. Данный шаг важен для различения двух типов негативной окраски: а) негативной окраски, присущей самой лексеме (например, “crisis”, “racist”); б) негативной оценки, возникающей за счет контекстного окружения. Коллокаты анализировались в их исходной форме без учета контекста, что соответствует стандартной процедуре лексиконного сентимент-анализа: каждому слову приписывается фиксированная тональность на основе его типичного употребления.

Этап 6. Для сравнения тональностей в двух подкорпусах построены гистограммы распределения compound -значений. По оси X откладывался compound в диапазоне от -1 до 1 , разбитый на 50 интервалов; по оси Y — частота (количество текстов) в логарифмической шкале для лучшей визуализации хвостов распределения. Гистограммы позволяют оценить: положение центра распределения (сдвиг в позитивную/негативную область); асимметрию распределения (преобладание правого/левого хвоста); наличие выбросов — экстремальных значений тональности.

Результаты применения описанной процедуры к подкорпусам “coronavirus” и “Chinese virus” представлены в табл. 4 и на рис. 1.

Таблица 4. Сравнительные показатели сентимент-анализа подкорпусов
Table 4. Comparative sentiment analysis metrics for subcorpora

Показатель	Подкорпус “coronavirus”	Подкорпус “Chinese virus”
Количество статей	54 582	325
Среднее арифметическое	0,0253	−0,3024
Стандартное отклонение	0,8171	0,8540
Минимальный compound	−0,9999	−0,9997
Максимальный compound	0,9992	0,9991
Доля позитивных текстов ($\text{compound} > 0,05$)	32,1%	12,9%
Доля нейтральных текстов ($ \text{compound} \leq 0,05$)	33,5%	18,5%
Доля негативных текстов ($\text{compound} < -0,05$)	34,4%	68,6%

Средний compound подкорпуса “coronavirus” составляет 0,0253, это значение интерпретируется как нейтральная тональность. Средний compound подкорпуса “Chinese virus” составляет −0,3024, что значительно ниже нуля и интерпретируется как негативная тональность. Разница между подкорпусами составляет 0,3277 (по абсолютной величине). Стандартное отклонение в обоих подкорпусах сопоставимо (0,8171 против 0,8540). Однако в подкорпусе “Chinese virus” разброс значений смещен в негативную область, тогда как в подкорпусе “coronavirus” он сбалансирован относительно нуля. Доли текстов по категориям подтверждают эти наблюдения. В подкорпусе “coronavirus” доли позитивных, нейтральных и негативных текстов практически равны (около 33% каждая). В подкорпусе “Chinese virus” доля негативных текстов составляет 68,6%, что более чем вдвое превышает долю позитивных (12,9%). Эти тексты имеют отрицательную тональность в целом, не констатируют факты, но эскалируют напряжение через описание происходящего.

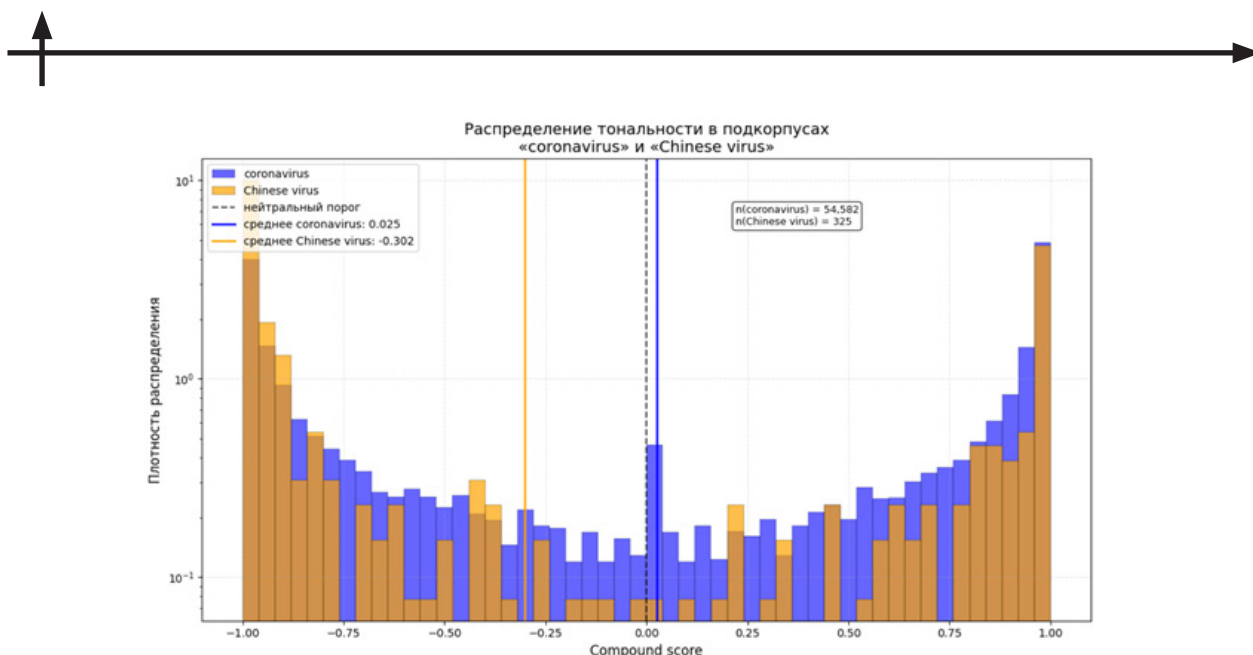

Рис. 1. Распределение тональности в подкорпусах

Fig. 1. Distribution of sentiment in subcorpora

Гистограмма демонстрирует, как эти различия отражаются на общем эмоциональном фоне медиатекстов.

Распределение подкорпуса “coronavirus” (синий цвет) сосредоточено преимущественно вокруг нейтральной зоны. Распределение коррелирует с результатами коллокационного анализа: доминирующими коллокатами данной номинации являются языковые единицы с медицинской и эпидемиологической семантикой. Эти слова описывают предметно-понятийные характеристики пандемии и не несут выраженной эмоциональной оценки. Негативность, возникающая в текстах, связана преимущественно с самим референтом — пандемией. Отрицательная тональность подкорпуса “coronavirus” обусловлена соотнесенностью с кризисным событием в обществе.

Иную картину демонстрирует распределение подкорпуса “Chinese virus” (оранжевый цвет). Гистограмма смещена в отрицательную часть шкалы, а средний compound составляет $-0,302$. Такое смещение напрямую связано с особенностями коллокационного профиля исследуемой номинации. Преобладают не медицинские, а политические и метакоммуникативные коллокаты. Особенно показательны коллокаты “wrong” и “racist”, которые обладают собственной отрицательной тональностью и формируют устойчивую негативную семантическую просодию. В результате негативная тональность в подкорпусе не столько обусловлена темой опасности пандемии, сколько создается через отрицательно оценочное отношение к самой используемой номинации. Это объясняет левостороннюю асимметрию распределения: значительная часть текстов концентрируется в области близкой к значению -1 , то есть в зоне максимально негативной тональности.

Итак, анализ тональности подтверждает выводы сравнительного анализа коллокационных профилей. Номинация “coronavirus” функционирует преимущественно как нейтральный медицинский термин, в то время как номинация “Chinese virus” выступает как идеологически маркированная единица. Это проявляется не только в составе коллокатов, но и в общей структуре эмоционального распределения.

Анализ конкордансов

Квантитативные этапы исследования (коллокационный анализ и сентимент-анализ) позволили установить статистически значимые различия в лексическом окружении и общей

тональности подкорпусов номинаций “coronavirus” и “Chinese virus”. Семантическая просодия не является механической суммой оценочных значений изолированных слов. Она формируется в конкретных коммуникативных контекстах и может быть адекватно интерпретирована только через анализ конкордансов — фрагментов текстов, представляющих окружение исследуемой единицы.

Для анализа были отобраны десять ключевых коллокатов для каждой номинации из числа статистически значимых. Выбор обусловлен репрезентативностью языковых единиц для различных составляющих темы пандемии: медицинской/эпидемиологической, социально-экономической, политической и метакоммуникативной. Анализ каждого коллоката проводится на основе корпусных данных, включающих контексты с экстремально негативной, позитивной и нейтральной тональностью, что позволяет проследить весь спектр контекстуальных реализаций.

Конкордансы номинации “coronavirus”

Для номинации “coronavirus” отобраны коллокаты, формирующие ядро ее информационного поля: “outbreak”, “cases”, “spread”, “pandemic”, “novel” (новый), “confirmed” (подтвержденный как достоверный), “tested” (проверенный), “impact” (влияние), “crisis”, “said”.

Выделяется *медико-эпидемиологический кластер* коллокатов, а именно outbreak”, “cases”, “spread”, “pandemic”, “novel”, “confirmed”, “tested”. Они являются центральными для фактической информации о пандемии, их семантика сводится к номинации аспектов заболевания.

Коллокат “outbreak” демонстрирует наиболее сильную статистическую связь (LogDice = 12,15). В конкордансах он устойчиво используется в дескриптивных контекстах, лишенных экспрессивной оценочности. Например:

The CDC will monitor the outbreak of the coronavirus, which originally started in Hubei Province, China (Центры по контролю и профилактике заболеваний будут отслеживать вспышку коронавируса, которая изначально возникла в провинции Хубэй, Китай¹⁰) (нейтральный контекст, compound = 0,000). Здесь слово обозначает начало распространения инфекции.

Слово “outbreak” используется в контекстах с негативной тональностью, однако негативная просодия создается не самим словом, а описанием арестов, смертей и цензуры в Китае. Например:

In the early days of the Wuhan coronavirus outbreak, Chinese officials arrested citizens they accused of spreading rumors (В первые дни вспышки уханьского коронавируса китайские официальные лица арестовывали граждан, обвиняемых в распространении слухов) (compound = 0,985).

Аналогичным образом ведут себя коллокаты “cases” и “spread”. Нейтральные контексты реализуют информационную функцию: *Thailand has reported two cases of the coronavirus from Chinese travellers (Таиланд зафиксировал два случая коронавируса среди путешественников из Китая)* (compound = 0,000).

Негативные контексты, такие как: *As of Wednesday morning, mainland China had 5,974 cases of the coronavirus, while the number of SARS cases on the mainland topped out at 5,327 (По состоянию на утро среды на материковой части Китая зафиксировано 5 974 случая коронавируса, тогда как пик числа случаев атипичной пневмонии составил 5 327)* (compound = – 0,977), получают свою окраску за счет масштаба бедствия, но не за счет оценочной семантики самого слова “cases”. Позитивные же контексты, например: *Here’s how to protect yourself while traveling as there are more than 8,000 cases of coronavirus are confirmed across 20 countries (Как защитить себя в путешествии: более 8 000 случаев коронавируса подтверждено в 20 странах)* (compound = 0,923) используют “cases” в составе практических рекомендаций, что смещает общую тональность в конструктивное русло.

Коллокаты “novel”, “confirmed”, “tested” заслуживают особого внимания, так как их словарное значение может содержать позитивные коннотации. Сентимент-анализ изолированных

¹⁰ Здесь и далее перевод авторов.

слов подтвердил наличие позитивной тональности у “novel” (compound = 0,3182) и “positive” (положительный) (compound = 0,5574), однако конкордансы демонстрируют их полную терминологизацию в данном дискурсе. Фраза “novel coronavirus” функционирует как устойчивый медицинский термин, обозначающий новый штамм, без какой-либо положительной оценки новизны. “Confirmed cases” — это статистический факт, а “tested positive” — результат лабораторного анализа. В нейтральном контексте *The patient is being isolated as the investigation continues to determine whether this is a case of novel coronavirus* (Пациент изолирован, пока продолжается расследование, чтобы установить, действительно ли у него новый коронавирус) (compound = 0,000) “novel” деэмоционализировано. Позитивные контексты, например: *Scientists in Melbourne have successfully grown the coronavirus from a patient sample. It's the first time the virus has been grown in a cell culture outside of China* (Ученые в Мельбурне успешно вырастили коронавирус из образца пациента. Это первый случай культивирования вируса вне Китая) (compound = 0,844), получают позитивную окраску от лексем “successfully”, “first time”, а не от коллоката “tested” или “novel”. Таким образом, мы наблюдаем процесс нейтрализации оценочности под влиянием семантики терминологического поля, что является характерной чертой дескриптивно-описательного оценочного профиля.

Выделим также социально-экономический и политический кластер коллокатов — “impact”, “crisis”, “said”, “Trump”. Эти коллокаты расширяют тематическое поле за пределы медицины, вводя измерения последствий и акторов. Они играют ключевую роль в формировании оценочности.

Коллокат “crisis” — единственный из топ-20 коллокатов, который обладает собственной устойчивой негативной семантической просодией (compound = 0,6249). В конкордансах последовательно используется прямой носитель негативной оценки, но, что крайне важно, эта оценка всегда относится к объективной ситуации, а не к языковой единице. Примеры:

He said: “Coronavirus is a crisis” (Он заявил: «Коронавирус — это кризис») (compound = 0,000);

People are worried about getting sick, their loved ones getting sick, resource shortages, losing their salaries... (Люди обеспокоены тем, что могут заболеть сами, что заболеют их близкие, что возникнет нехватка ресурсов и они потеряют работу...) (compound = -0,985).

Негативная оценочность здесь является результатом когнитивного фреймирования пандемии как бедствия. “Crisis” не оценивает вирус как «плохой» в субъективном смысле, а категоризирует его как явление определенного масштаба и опасности. Позитивные контексты с этим словом (compound = 0,823) возникают исключительно в экономических сводках, где “crisis” выступает как историческая точка отсчета: *China Q1 growth slowest since financial crisis* (Темпы роста в Китае в первом квартале — самые низкие со времен финансового кризиса).

Коллокат “said” (9 731 вхождение) является самой частотной формой глагола в подкорпусе и выполняет важную эвиденциальную функцию. Он служит маркером цитирования, позволяющим субъекту речи, журналисту дистанцироваться от сообщаемой информации. В нейтральных контекстах он вводит официальные заявления:

The initial information about the cases of pneumonia in Wuhan said that coronavirus was a possible pathogen causing this cluster (Первоначальные сведения о случаях пневмонии в Ухане сообщали, что коронавирус является возможным возбудителем данного очага заболевания).

В негативных контекстах “said” оформляет сообщения об угрозах и рисках, но не несет оценки. Позитивные контексты, например, *Julian Druce said the lab-grown coronavirus was a major breakthrough* (Джулиан Дрюс заявил, что выращенный в лаборатории коронавирус стал крупным прорывом) (compound = 0,929), используют “said” для введения информации о научном достижении.

Коллокат “Trump” (6 038 вхождений, LogDice = 10,08) в данном подкорпусе функционирует как идентификатор актора. Контексты в основном информируют: *President Donald Trump’s*

task force on coronavirus will hold a public briefing (Рабочая группа президента Дональда Трампа по борьбе с коронавирусом проведет публичный брифинг) (compound = 0,000). Позитивные контексты представляют собой новостные сводки, где имя Трампа включено в перечень политических событий, а негативные — критику его администрации за недостаточные меры, но эта критика выражается эксплицитно через другие лексемы, а не имплицитно через коллокат “Trump” как таковой. Это принципиально отличает его роль от той, какую он играет в подкорпусе “Chinese virus”, что представлено далее.

Итак, анализ конкордансов подкорпуса “coronavirus” подтверждает, что номинация функционирует как термин. Ее коллокационное окружение формирует смешанный оценочный профиль с доминированием дескриптивного компонента. Прямые носители оценки (такие как “crisis”) немногочисленны и имеют предметно-понятийное значение, а не выражают субъективную оценку. Языковая единица используется для информирования, при этом негативная семантическая просодия является отражением свойств референта (пандемии), а не результатом идеологической маркированности номинации. Метакоммуникативные маркеры отсутствуют: слово “coronavirus” не становится предметом обсуждения, оно является средством для обозначения болезни.

Анализ конкордансов номинации “Chinese virus”

Для номинации “Chinese virus” отобраны коллокаты: “covid”, “coronavirus”, “Trump”, “calling”, “wrong”, “racist”, “term”, “phrase”, “defends” (защищает), “combat” (борьба).

Наличие в топе коллокатов слов “term”, “phrase” и “calling” значимая характеристика подкорпуса “Chinese virus”, не проявившаяся в подкорпусе “coronavirus”. Их семантика отсылает к рефлексии над использованием языка и маркирует обращенность на семантику анализируемой единицы.

Коллокат “term” (LogDice = 11,38) в конкордансах регулярно появляется в контекстах, в которых «китайский вирус» (“Chinese virus”) обсуждается как лингвистический и политический феномен. Уже сам факт номинации термином (а не просто словом) имплицитно спорность его статуса: *Trump did not use the term “Chinese virus” during his press briefing on Monday* (Трамп не использовал термин «китайский вирус» на своем брифинге для прессы в понедельник) (нейтральный контекст, compound = 0,000). “Term” может становиться частью обвинительного утверждения: *This is said ignoring a growing chorus of criticism that the term is racist and anti-Chinese* (Это говорится вопреки все более громкой критике, согласно которой данный термин носит расистский и антикитайский характер) (compound = -0,898). Здесь “term”, будучи семантически нейтральным, в сочетании с оценочными предикатами (“racist”, “ignoring criticism”) выражает значение «неприемлемое наименование». Аналогично функционирует коллокат “phrase”: *The phrase “Corona Virus” was changed to “Chinese Virus” in the notes for public remarks from President Trump* (В заметках для публичных выступлений президента Трампа фраза «коронавирус» была заменена на «китайский вирус») (compound = -0,844).

Коллокат “calling” (LogDice = 12,02) представляет конструкцию “calling X a Y” (обозначая X как Y), которая в данном корпусе почти всегда содержит Y с негативной оценкой или подразумевает ее:

Trump defends calling COVID-19 a “Chinese virus”. (Трамп защищает себя, называя COVID-19 «китайским вирусом») (compound = -0,937); *The news channel was accused of calling it the “Chinese virus”* (Новостной канал обвинили в том, что он назвал вирус «китайским») (compound = -0,937).

Даже в отсутствие прямого оценочного прилагательного, синтаксическая модель «обвинять/защищать + название» задает полемическую рамку, в которой акт номинации предстает как действие, требующее оправдания или критики.

Негативная оценочность создается коллокатами “wrong”, “racist”.

Коллокат “wrong” (LogDice = 11,71, собственный compound = -0,4767) в конкордансах используется для выражения прямой оценки, использование номинации «китайский вирус» оценивается как недопустимое, неверное: *CDC chief says it's wrong to call COVID-19 a “Chinese virus”* (Директор CDC заявил, что называть COVID-19 «китайским вирусом» неверно) (compound = -0,931).

Еще более сильным оценочным маркером является коллокат “racist” (LogDice = 10,05, собственный compound = 0,6124). Его присутствие в коллокационном профиле является одним из наиболее показательных индикаторов негативной семантической просодии номинации “Chinese virus”. Конкордансы показывают, что “racist” используется как прямая квалификация номинации: *President Trump doubled down on calling the new contagion “Chinese virus,” despite it being racist* (Президент Трамп продолжил настаивать на именовании новой инфекции «китайским вирусом», несмотря на расистский характер этого выражения) (compound = 0,898); *Despite its racist connotations “Chinese virus” as a term is still used by the White House* (Несмотря на расистские коннотации, выражение «китайский вирус» по-прежнему используется Белым домом) (compound = 0,920, где высокая позитивность текста связана с критикой Трампа). Это семантическое предпочтение делает “Chinese virus” не просто указанием на географическое происхождение вируса, но стигматизирующим ярлыком.

Если в подкорпусе “coronavirus” Трамп был одним из многих упоминаемых акторов, то здесь он становится центральным фокусом дискурса. Коллокаты “Trump”, “defends” и “said” формируют устойчивый нарратив о политике, навязывающем спорную номинацию. Коллокат “Trump” (LogDice = 12,04) в подавляющем большинстве конкордансов выступает в агентивной роли субъекта номинации. Он либо называет (“calls”), либо защищает номинацию (“defends calling”). Типичны контексты, где имя Трампа встроено в полемическую рамку: *As he tried to frame it: “We’re at war”. So Trump now regularly refers to COVID as Chinese virus* (Пытаясь представить ситуацию в определенном свете, он заявил: «Мы на войне». Трамп теперь регулярно называет COVID «китайским вирусом») (compound = -0,950).

Коллокат “defends” (LogDice = 9,96) усиливает полемический характер контекстов. Конкордансы типа *Trump defends calling COVID-19 a Chinese virus* (Трамп защищает себя, называя COVID-19 китайским вирусом) (compound = -0,937) создают устойчивый фрейм «обвинение — защита», в котором номинация “Chinese virus” систематически помещается в полемический контекст, предполагающий необходимость ее оправдания.

Коллокат “said” в этом подкорпусе часто вводит прямую речь Трампа, которая затем становится объектом критики. Например: *The president said that calling it “Chinese virus” is not racist at all* (Президент заявил, что называть это «китайским вирусом» не является расизмом). Затем следует опровержение этого утверждения.

Коллокат “combat” (LogDice = 9,77, собственный compound = -0,3400) привязан к прямой речи Трампа в контексте Закона о военном производстве (Defense Production Act): *I only signed the Defense Production Act to combat the “Chinese virus” should we need to invoke it in a worst case scenario in the future* (Я подписал Закон о военном производстве исключительно для борьбы с «китайским вирусом» — на тот случай, если этот закон потребуется задействовать при наихудшем сценарии) (compound = -0,718). Фраза “combat the Chinese virus” создает образ врага, у которого есть национальность. Президент предстает как главнокомандующий, ведущий войну с «китайской» угрозой. Подобная риторика может способствовать формированию ассоциации между вирусом и национальной принадлежностью, маскируя обвинение как риторику о национальной безопасности.

Анализ конкордансов подкорпуса “Chinese virus” показывает, что номинация является не средством обозначения, а объектом обсуждения. Доминирующим становится полемический профиль оценочного информирования.

Выводы

Выводы могут быть сформулированы в двух перспективах. Первое, номинации “coronavirus” и “Chinese virus” дескриптивно и идеологически неравнозначны. Номинация “coronavirus” значительно преобладает в англоязычном медиадискурсе рассматриваемого периода и используется преимущественно в новостных публикациях. Номинация “Chinese virus” встречается реже и представлена в аналитических и политически ориентированных материалах. Для “coronavirus” характерны коллокации, связанные преимущественно с медицинскими, эпидемиологическими и социально-экономическими аспектами пандемии. Для “Chinese virus” типичны политические и метакоммуникативные коллокации, указывающие на обсуждение не (только) самого вируса, но и используемого способа его номинации. Подкорпус “Chinese virus” в значительной степени представляет собой корпус текстов, посвященных полемике вокруг данной номинации как расистской, политически тенденциозной. Сопоставление коллокационных профилей, тональности текстов и особенностей контекстуального окружения позволило установить различия в характере оценочности, связанной с языковыми единицами. Номинация “coronavirus”, функционируя как относительно нейтральный медицинский термин, позволяет сосредоточить внимание на фактической стороне пандемии. Объективированное информирование, реализуемое через цитирование авторитетных источников, статистические данные и медицинскую терминологию, формирует преимущественно информативный характер текстов. Оценочность при этом не исчезает, однако связана с объективно кризисной природой самой пандемии. Напротив, “Chinese virus” функционирует как политически и идеологически маркированная единица, сопровождаемая метакомментариями и оценочными квалификациями. Оценочность направлена как на саму номинацию, так и на политического актора, продвигающего ее употребление. В результате внимание смещается с описания пандемии как медицинского явления на обсуждение политических и этических аспектов языковой номинации. Семантическая просодия данного обозначения формируется преимущественно прагматическими компонентами, возникающими в конкретном идеологически нагруженном контексте. Номинация “Chinese virus” становится объектом общественно-политической полемики и сопровождается критическими оценками, связанными с ее интерпретацией и употреблением.

Второе, анализ проясняет механизм формирования индексального значения знака за счет субъективно-оценочного компонента значения и выдвижения прагматического значения как идеологически мотивированного. Анализ семантической конкуренции слов показывает формирование социального индекса у “Chinese virus” на основе связи с определенным социо-политическим контекстом, в котором использование этого слова воспринимается как характерное, устойчиво связанное с негативными оценками и негативными смысловыми ассоциациями этнической предубежденности, ксенофобии, политической конфликтности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Телия В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука. 1986. 141 с.
2. **Alia V.** The Politics of Naming: A Personal Reflection // *Name*. 2007. Vol. 55. Iss. 4. P. 457–464.
3. **Чернявская В.Е.** Социальное значение в зеркале политической корректности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021. Т. 18. № 2. С. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
4. **Hermanns F.** Deontische Tautologien. Ein linguistischer Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms (1959) der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands // *Politische Semantik: bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung* / hrsg. von J. Klein. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. S. 69–149.

5. **Hermanns F.** Die Globalisierung. Versuch der Darstellung des Bedeutung-sspektrums der Bezeichnung // Deutsche Sprachgeschichte nach 1945. Diskurs- und kulturgeschichtliche Perspektiven / hrsg. von M. Wengeler. Hildesheim; New York: Georg Olms. 2003. S. 409–438.
6. **Чернявская В.Е.** Деонтическое значение ключевого слова в дискурсе: westliche Werte (западные ценности) в немецком общественном пространстве как предмет анализа, направляемого корпусом // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 1. С. 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106
7. **Чернявская В.Е.** «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 77–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5
8. **Busse D.** Historische Diskurssemantik. Ein linguistischer Beitrag zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 2000. Bd. 31. H. 86. S. 39–53.
9. Begriffe besetzten. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik / hrsg. von F. Liedke, M. Wengeler, K. Boke. Westdeutscher Verlag, 1991. 395 S. DOI: 10.1007/978-3-322-92242-7
10. **Гаспарян Г.Р., Чернявская В.Е.** Текст как дискурсивное событие // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (41). С. 44–51.
11. **Чернявская В.Е.** Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 54–61.
12. **Dieckmann W.** Sprache in der Politik. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. 1969. 147 S.
13. **Klein J.** Politische Semantik/semantische Kämpfe // Sprache – Kultur – Kommunikation = = Language – Culture – Communication: Ein internationales Handbuch zu Linguistik als Kulturwissenschaft = An International Handbook of Linguistics as a Cultural Discipline / hrsg. von L. Jäger, W. Holly, P. Krapp, S. Weber, S. Heekeren. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2016. S. 607–616. DOI: 10.1515/9783110224504-066
14. **Радбиль Т.Б.** Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
15. **Радбиль Т.Б.** Прагматика оценки в свете корпусно-дискурсивного анализа: модель «тот еще / еще тот X» в русской разговорной речи // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 102–115. DOI: 10.18721/JHSS.16307
16. **Исакова Е.С., Глибина А.А., Орлова О.Г., Шулипенко В.В., Левченко Я.А.** Образы войны: КОВИД-19 в номинациях и контекстах медиадискурса // Russian Linguistic Bulletin. 2024. Iss. 8 (56). Art. no. 17. DOI: 10.60797/RULB.2024.56.2
17. **Kania U.** “Snake flu,” “killer bug,” and “Chinese virus”: A corpus-assisted critical discourse analysis of lexical choices in early UK press coverage of the COVID-19 pandemic // Frontiers in Artificial Intelligence: Computational Linguistics and Natural Language Processing. 2022. Vol. 5. Art. no. 970972. DOI: 10.3389/frai.2022.970972
18. **Буцева Т.Н., Вальтер Х., Вепрева И.Т., Воронцов Р.И. и др.** Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография / отв. ред. М.Н. Приемышева; редкол. Е.С. Громенко, Н.В. Козловская, А.С. Павлова, Ю.С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 610 с.
19. **Богоявленская Ю.В.** Применение сервиса AntConc в исследовании синтагматической сочетаемости (на примере адъективных коллокаций с компонентами «coronavirus» и «COVID-19» во французском языке) // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 1. С. 30–39. DOI: 10.15593/2224-9389/2022.1.3
20. **Lamprouloulou S., Cooper P., Pye E., Griffiths M.** ‘It came from China; it’s a Chinese virus’// Journal of Language and Discrimination. 2023. Vol. 7. Iss. 1. P. 94–17. DOI: 10.1558/jld.22178
21. **Nakane I.** Online Discrimination Based on COVID-19: A Language and Law Perspective // Handbook on Cyber Hate. Law and Visual Jurisprudence / ed. by A. Wagner, S. Marusek. Cham: Springer, 2024. P. 357–384. DOI: 10.1007/978-3-031-51248-3_18
22. **Sinclair J.** Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.
23. **Stubbs M.** Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics. Oxford: Blackwell, 2001. 288 p.
24. **Louw B.** Irony in the Text or Insincerity in the Writer? The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies // Text and Technology: In Honour of John Sinclair / ed. by M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 157–176. DOI: 10.1075/z.64.11lou

25. **Влавацкая М.В.** Комбинаторно-семантический анализ коллокаций как метод лингвистического исследования (на примере колоративных коллокаций, образованных по адъективному типу) // Научный диалог. 2020. № 4. С. 40–57. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-40-57

26. **Глушак В.М.** Дискурсивная ассиметрия этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* (корпусно-статистическое исследование дихотомии «свой/чужой») // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202

27. **Корышев М.В., Хохлова М.В.** Именованные сущности в немецкоязычной прессе: корпусный и экспертный анализ // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 59–73. DOI: 10.18721/JHSS.16404

REFERENCES

[1] **Teliya V.N.**, Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinit [The connotative aspect of the semantics of nominative units], Nauka, Moscow, 1986.

[2] **Alia V.**, The Politics of Naming: A Personal Reflection, *Name*, 55 (4) (2007) 457–464.

[3] **Chernyavskaya V.E.**, Social meaning in the mirror of political correctness, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18 (2) (2021) 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208

[4] **Hermanns F.**, Deontische Tautologien. Ein linguistischer Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms (1959) der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, *Politische Semantik: bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung*, ed. by Klein, Westdeutscher Verlag, Opladen, 1989, pp. 69–149.

[5] **Hermanns F.**, Die Globalisierung. Versuch der Darstellung des Bedeutung-sspektrums der Bezeichnung, *Deutsche Sprachgeschichte nach 1945. Diskurs- und kulturgeschichtliche Perspektiven*, ed. by M. Wengeler, Georg Olms, Hildesheim, New York, 2003, pp. 409–438.

[6] **Chernyavskaya V.E.**, Deontic meaning of a discursive key word: corpus-assisted analysis of westliche Werte (western values), *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

[7] **Chernyavskaya V.E.**, “They call the main entrance a porch”: social meaning in semantics and metapragmatics, *Slovo.ru: baltic accent*, 14 (1) (2023) 77–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5

[8] **Busse D.**, Historische Diskurssemantik. Ein linguistischer Beitrag zur Analyse gesellschaftlichen Wissens, *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 31 (86) (2000) 39–53.

[9] *Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik*, ed. by F. Liedke, M. Wengeler, K. Boke, Westdeutscher Verlag, 1991. DOI: 10.1007/978-3-322-92242-7

[10] **Gasparyan G.R., Cherniavskaya V.E.**, Text as Co-existence in Discourse, *Issues of Cognitive Linguistics*, 4 (41) (2014) 44–51.

[11] **Tcherniavskaya V.E.**, Discourse paradigm: phantom objects and syndromes, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (38) (2014) 54–61

[12] **Dieckmann W.**, *Sprache in der Politik*, Carl Winter Universitätsverlag, Heidelberg, 1969.

[13] **Klein J.**, Politische Semantik/semantische Kämpfe, *Sprache – Kultur – Kommunikation = Language – Culture – Communication: Ein internationales Handbuch zu Linguistik als Kulturwissenschaft = An International Handbook of Linguistics as a Cultural Discipline*, ed. by L. Jäger, W. Holly, P. Krapp, S. Weber, S. Heekeren, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2016. pp. 607–616. DOI: 10.1515/9783110224504-066

[14] **Radbil T.B.**, Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme ‘po-khoroshemu’), *Nauchnyi dialog*, 12 (6) (2023) 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.

[15] **Radbil T.B.**, Pragmatics of evaluation in the aspect of the corpus-discourse analysis: the model “tot yeshche / yeshche tot X” in russian colloquial speech, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 102–115. DOI: 10.18721/JHSS.16307

[16] **Isakova E.S., Glibina A.A., Orlova O.G., Shulipenko V.V., Levchenko Y.A.**, Images of War: COVID-19 in Nominations and Contexts in Media Discourse, *Russian Linguistic Bulletin*, 8 (56) (2024) 17. DOI: 10.60797/RULB.2024.56.2

[17] **Kania U.**, “Snake flu,” “killer bug,” and “Chinese virus”: A corpus-assisted critical discourse analysis of lexical choices in early UK press coverage of the COVID-19 pandemic, *Frontiers in Arti-*

ficial Intelligence: Computational Linguistics and Natural Language Processing, 5 (2022) 970972. DOI: 10.3389/frai.2022.970972

[18] **Butseva T.N., Valter Kh., Vepreva I.T., Vorontsov R.I. et al.**, Russkiy yazyk koronavirusnoy epokhi [The Russian Language of the Coronavirus Era], ed. by M.N. Priemysheva, Ye.S. Gromenko, N.V. Kozlovskaya, A.S. Pavlova, Yu.S. Ridetskaya, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, St. Petersburg, 2021.

[19] **Bogoyavlenskaya Y.V.**, Application of AntConc to Study Syntagmatic Co-occurrence (Based on Adjectival Collocations with Components ‘Coronavirus’ and ‘COVID-19’ in French, PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin, 1 (2022) 30–39. DOI: 10.15593/2224-9389/2022.1.3

[20] **Lampropoulou S., Cooper P., Pye E., Griffiths M.**, ‘It came from China; it's a Chinese virus’, Journal of Language and Discrimination, 7 (1) (2023) 94–17. DOI: 10.1558/jld.22178

[21] **Nakane I.**, Online Discrimination Based on COVID-19: A Language and Law Perspective, Handbook on Cyber Hate. Law and Visual Jurisprudence, ed. by A. Wagner, S. Marusek, Springer, Cham, 2024, pp. 357–384. DOI: 10.1007/978-3-031-51248-3_18

[22] **Sinclair J.**, Corpus, Concordance, Collocation, Oxford University Press, Oxford, 1991.

[23] **Stubbs M.**, Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics, Blackwell, Oxford, 2001.

[24] **Louw B.**, Irony in the Text or Insincerity in the Writer? The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies, Text and Technology: In Honour of John Sinclair, ed. by M. Baker, G. Francis, E. Tog-nini-Bonelli, John Benjamins, Amsterdam, 1993, pp. 157–176. DOI: 10.1075/z.64.11lou

[25] **Vlavatskaya M.V.**, Combinatorial-Semantic Analysis of Collocations as a Method of Linguistic Research (on the Example of Colour Collocations Formed by an Adjective Type), Nauchnyi dialog, 4 (2020). 40–57. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-40-57

[26] **Glushak V.M.**, Discursive Asymmetry of the Ethnonymic German Adjectives Deutsch and Russisch (A Corpus-based Statistical Study of the Self/Other Dichotomy), Terra Linguistica, 17 (2) (2026) 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202

[27] **Koryshev M.V., Khokhlova M.V.**, Named Entities in the German-Language Press: Corpus and Expert Analysis, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 59–73. DOI: 10.18721/JHSS.16404

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Чернявская Валерия Евгеньевна

Valeria E. Chernyavskaya

E-mail: chernyavskaya_ve@spbstu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

Павлова Елизавета Анатольевна

Elizaveta A. Pavlova

E-mail: alisse_18@mail.ru

Поступила: 19.06.2026; Одобрена: 07.09.2026; Принята: 22.09.2026.

Submitted: 19.06.2026; Approved: 07.09.2026; Accepted: 22.09.2026.

Research article

UDC 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17310>

EDN: <https://elibrary/NLJRKE>

LINGUISTIC FEATURES OF PODCASTS IN THE BULGARIAN DIGITAL ECOSYSTEM

I. Mavrodieva

Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria

 i.mavrodieva@gmail.com

Abstract. This article examines the linguistic features of podcasts within the Bulgarian digital ecosystem. The podcasts and episodes analyzed were selected according to the theme, media type and creator, as well as the interactional behavior of podcast hosts and their guests. The corpus comprises 50 podcasts and 200 episodes spanning the period from January 2024 to June 2026. The research methodology adopts an interdisciplinary approach, necessitated by the multilayered and complex nature of the objects under study — Bulgarian podcasts — and encompasses linguistic, discourse, and visual analysis alongside cyberethnography. The study hypothesizes that podcast language is characterized by heterogeneity and dynamic development; podcast hosts and their guests express themselves clearly and frequently incorporate professional terminology and even jargon, alongside moderate elements of figurative language. The aim of the study is to establish podcasts within the Bulgarian digital ecosystem as a parallel, and indeed alternative, channel of communication. The linguistic analysis proceeded along four dimensions. The first focused on lexical features, the specific use of words and expressions, and adherence to or deviation from language norms. The second addressed the modes of dialogue and self-presentation employed by participants. The third examined the formulation of episode and podcast titles, as well as the verbal and visual means by which they are presented on social media. The fourth focused on the analysis of visual intertextuality as manifested in podcast logos and episode thumbnails.

Keywords: podcast, digital ecosystem, discourse, dialogue, language norms, visual language, visual intertextuality.

Citation: Mavrodieva I., Linguistic Features of Podcasts in the Bulgarian Digital Ecosystem, Terra Linguistica, 17 (3) (2026) 165–180. DOI: 10.18721/JHSS.17310

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДКАСТОВ В БОЛГАРСКОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ

И. Мавродиева

Софийский университет имени святого Климента Охридского,
София, Болгария

 i.mavrodieva@gmail.com

Аннотация. В статье представлены языковые особенности подкастов болгарской цифровой экосистемы. Подбор анализируемых подкастов и эпизодов осуществлён по их тематике, типам медиа и создателям, а также по поведению ведущих подкастов и их гостей. Были отобраны 50 подкастов и 200 эпизодов за период с января 2024 г. по июнь 2026 г. Методология исследования подчинена междисциплинарному подходу, обусловленному многослойностью и сложностью исследуемых объектов — болгарских подкастов. Она включает лингвистический, дискурсивный, визуальный анализы и киберэтнографию. Гипотеза исследования заключается в том, что язык подкастов отличается гетерогенностью и динамичным развитием; ведущие подкастов и их гости выражаются ясно и часто включают в свою речь профессиональные термины и даже жаргон, а также умеренные элементы образности. Целью исследования является утверждение подкастов в болгарской цифровой экосистеме как параллельного и даже альтернативного канала коммуникации. Анализ языка шел в четырех направлениях. Первое фокусировалось на лексических особенностях, специфическом употреблении слов и выражений, соблюдении или нарушении норм языка. Второе направление фокусировалось на способах ведения диалога и самопрезентации участников. Третье направление фокусировалось на формулировании названий эпизодов и самих подкастов, а также на вербальных и визуальных средствах их представления в социальных сетях. Четвертое направление фокусировалось на анализе визуальной интертекстуальности, проявляющейся в логотипах подкастов и иконках эпизодов.

Ключевые слова: подкаст, цифровая экосистема, дискурс, диалог, языковые нормы, визуальный язык, визуальная интертекстуальность.

Для цитирования: Мавродиева И. Лингвистические особенности подкастов в болгарской цифровой экосистеме // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 165–180. DOI: 10.18721/JHSS.17310

Introduction

Over the past two decades, podcasts in Bulgaria have emerged as a component of digital communication, offering new opportunities for information sharing in a different way in comparison with traditional media. Podcasts are an inseparable part of Bulgarian digital ecosystem and they have developed into a format that combines professional terminology, figurative language, spoken discourse, visual elements, digital tools and manners to use social networks concerning broadcasting media content. The growing popularity of podcasts raises questions about language use in media dialogues and digital platforms. The study is dedicated to the linguistic and visual characteristics of Bulgarian podcasts, analyzing their role as a communication channel in contemporary digital and media culture.

Literature Review

Taken together, digital ecosystems influence a firm's strategic landscape. There are three implications of digital ecosystems for competitive strategy:

- 1) the scope of value creation;
- 2) the scope of competition;
- 3) the rise of digital monopoly power [1].

Digital ecosystems are defined as socio-technical environments in which individuals, organizations, and digital technologies develop collaborative and competitive relationships to create value for their end customers through shared digital platforms. The main characteristics of a digital ecosystem include the existence of digital platforms and symbiosis, which refers to the inter-dependence between business ecosystems [2].

The digital media ecosystem is a specialized component of the digital ecosystem, comprising media organizations, journalists, technology platforms, algorithms, content distribution channels, audiences and advertising structures, which collectively create, distribute and consume media content in the digital environment.

The digital media ecosystem encompasses the processes of creating, producing and distributing information within a competitive media market. The digital ecosystem encompasses algorithmic moderation mechanisms, digital tools, software, plugins, AI, and chatbots, including monetization and outsourcing within the financial framework of the virtual space. The digital media ecosystem is characterized by rapid updates to the methods of presenting information across journalistic genres, including public and private radio and television, online media and, in particular, podcasts.

The term “podcasting” was first mentioned by Ben Hammersley [3]. From an etymological point of view, the term “podcast” is a compound word combining “pod” (a reference to a portable media player such as the iPod – a product of Apple) and “broadcasting”.

Podcasts first appeared in Bulgaria at the beginning of the 21st century, and the first example was the Binar podcast¹, created by Bulgarian National Radio (BNR) in 2009. This podcast, which combined analogue, digital and internet technologies, operated as a streaming platform and ran for six hours. The Binar podcast continues to be broadcast in 2026, and the slogan of the modern platform is “Your new digital world”.

The term “podcast” is included in “New Oxford American Dictionary” [4]. During the last two decades podcasts are studied from multiple perspectives and with diverse methods by researchers from different countries and scientific centers.

In [5], Norwegian podcasts are analyzed and it is discussed how podcasts draw commentary journalism in a dialogical direction. In [6], podcasts in Germany, Austria, and Switzerland are analyzed and it is concluded that podcasts have established themselves in the digital media landscape.

Thirty political podcasts in USA are analyzed with a focus on conversational structure, repetitive patterns, figurative language, organic patterns, harmful language in [7].

Podcasts in the context of Ibero-American community and in particular narrative structures enabling diverse storytelling practices are studied too [8].

Storytelling, narrative practice and dual nature of podcasts in Uganda are investigated in [9].

A podcast is a diverse media genre in terms of media, technology and distribution. A podcast can be an audio or video file created using digital tools, software and applications, and published on relevant platforms. Episodes are available for streaming or viewing online, or for downloading to personal devices (computers, mobile phones, tablets, etc.). Podcasts are intended for one-off or repeated listening or viewing by a virtual audience, often a single person.

The producers of the podcasts are journalists, media organizations, individuals, companies, institutions or non-governmental organizations creating audio or video content that is published as a file. The production of a podcast may be carried out either by an individual or by a team comprising professionals, experts or volunteers. In either case, the host is involved in the entire process of creating a podcast – from developing the concept to its distribution.

¹ Подкасти, радио, музика – БИНАР [online] Available: <https://binar.bg> (Accessed 05.09.2026)

Methods and Materials

The methodology combines cyberethnography, linguistic analysis, discourse analysis, critical discourse analysis (CDA), visual analysis, intertextuality, and multimodality.

The first hypothesis is that podcasts are not a homogeneous genre from a media studies perspective. They are distributed via digital platforms using various technological tools within a convergent media environment, combining media literacy with technical and AI-related competencies in a digital space.

The second hypothesis is that the language of podcasts blends registers from different spheres, as participants represent expertise, social status, public visibility, and personal narratives. Consequently, they tend to use a semi-formal mode of dialogue.

Cyberethnography

A brief chronological overview of the literature demonstrates that cyberethnography has been an established methodological approach since the first decade of the 21st century, and it continues to be widely applied by researchers addressing emerging digital phenomena.

In [10], cyberethnographic inquiry is described as an exploration of subjectivities produced at the intersection of local and global, as well as online and offline environments. The authors emphasize ethnographic engagement with these contexts as a methodological foundation grounded in “epistemologies of doing”.

In [11], the focus is on the study of virtual consumer communities, applying ethnographic methods to analyze patterns of interaction and behavior within digital consumption spaces.

In [12], the methodological framework of online ethnography is further developed, highlighting its applicability for studying platforms and mediated interaction in digital environments, thereby expanding the scope of traditional ethnographic practice.

Finally, in [13], digital, media, and virtual ethnography are distinguished, and the evolving linguistic and communicative dimensions of virtual spaces are analyzed, with the emphasis on how language practices are reshaped in online environments [13].

Linguistic, Discourse and CDA

The methodology includes also linguistic, discourse and CDA. In [14], the discourse analysis relates to discourse, context and cognition [14]. CDA has been developed by Teun van Dijk during the past two decades enhancing opportunities concerning analysis in society and politics [15]. CDA tools have been adapted to the objectives of this study, assuming that podcasts have specific manifestations in digital media ecosystem in Bulgaria and they have specific linguistic and discourse features.

The focus of research from a linguistic point of view is on the structures of media dialogue of podcasts in Bulgaria, such as lexicon, syntax, topics, figurative language, clichés, coherence, intertextuality, modality.

Visual Intertextuality, Visual Design and Multimodality

Methodology includes different theoretical and methodological approaches concerning visual elements, visual frames, visual intertextuality, visuality and multimodality.

In [16], an in-depth theoretical overview of visuality in the humanities and social sciences is presented. The author argues for the need for a contemporary understanding of the multimodal/polycode nature of human communication, explores verbal-visual texts, and outlines new fields of inquiry in both theoretical and methodological terms. The theoretical frameworks were taken into account when developing the research methodology of podcast in Bulgaria.

The analysis dedicated to visual intertextuality of logos and thumbnails of episodes of podcasts is adapted from [17].

In [18], a methodological contribution is made by analyzing visual frames as indicators of conflict potential in intercultural interaction on the social network Telegram, as well as the visual design of

social interaction in digital communication. This approach is relevant to analyze digital ecosystem as well as study podcast in digital platforms.

In [19], digital self-identification tools that contribute to converting users from homo lingualis into homo informaticus, including telegram channels and she concludes that the creative name is an instrument of effective reputation management are analyzed. Adapting the methods, the analysis is focused on the name, nickname of hosts and guests and the title and slogans of podcasts.

In [9], 100 short videos by @fussballinguist in German are analyzed using a multimodal qualitative-quantitative discourse analysis. It is concluded that the verbal layer underlying the short videos is closely linked to the visual elements that guide the transfer of scientific knowledge about linguistic phenomena. This method is appropriate in the context of researching logos of podcasts and thumbnails of episodes in Bulgarian digital ecosystem.

Data Collection

A selection of podcasts in Bulgaria for the period 1 January 2024 – 31 June 2026 has been conducted. Some podcasts discontinue their activity due to competition and the dynamic nature of the media environment, while new podcasts, seasons, and subtopics continuously emerge, reflecting processes of renewal, enrichment, and adaptation. As of June 2026, approximately 300 active podcasts operate in Bulgaria.

The study is based on a selection of 200 episodes from 50 podcasts, chosen according to predefined research objectives. Episodes range in length from 20 to 120 minutes, and both audio and video formats are available. The selection criteria include podcast name, subject matter, producers, hosts, guests, logos, visual elements, digital tools, subscription rates, followers, viewership, and the sustainability of the podcast within the Bulgarian digital media ecosystem.

Regarding format, the selected podcasts are either dialogic or monologic; however, the majority are predominantly structured as interview-style dialogues between two participants: a host and a guest.

The selected podcasts, based on criteria such as topics, hosts, producers, subscriptions, and viewership, are presented in Bulgarian as titles and translated in English in the appendix, with the aim of illustrating a stage of the research and demonstrating the heterogeneity of the object, as well as the need for an interdisciplinary study.

Results

Linguistic Features of Topics' Presentation and Dialogue

The analysis of the selected podcasts shows that, at the linguistic level, there is no sufficient basis to argue for a high frequency of the so-called “Българिश” (Bulgarish) or hybrid speech phenomena. Two main tendencies can be identified.

The first concerns the use of English terminology in fields such as finance, music, art, AI etc., which represents a specific manifestation of bilingualism as there are different preferences regarding the use of terms written in Cyrillic or Latin. For example, *портфолио* [portfolio], *кеш флоу* [cash flow], *бит* [beat], *ремикс* [remix], *саунд дизайн* [sound design], *лейбъл* [label], *стриймिंग* [streaming], *плейлист* [playlist], *machine learning* [машинно обучение], *генеративен ИИ/генеративен AI* [generative AI], *промт* [prompt].

The second tendency is that English words are adapted into the Bulgarian language through derivation and word formation using Bulgarian suffixes, particularly in the case of verbs typical of online communication. In these cases, two sub-phenomena can be observed. In the first, two writing systems are mixed – Cyrillic and Latin. In the second, the word is written in Cyrillic as a composite lexical form between two languages. For example: even when podcasts are presented as a terminological group, there is a tendency to preserve the original pronunciation while adopting Cyrillic spelling: *подкаст* [podcast]; *подкастър* [podcaster]; *подкастинг* [podcasting]; *пост* [post], a noun – an

online publication; *пост* [post], a verb – to publish; *репоствам* [re-post]; *бренд* [brand]; *бренд* [branding], *ребрандинг* [rebranding].

It is also justified to speak about morphological assimilation, where English lexical roots (e.g., *brainstorm*, *scale*, *stream*) take Bulgarian suffixes to express past tense (-вал), as in “*стриймвал*”, or imperfective aspect (-ваш), as in “*стриймваш*”.

The hosts often break long sentences into shorter ones, using repetition and clarification to make the information easier to grasp when listening and reading subtitles online in teasers and short video clips.

The host’s linguistic style is the result of various factors, such as their experience as a dialogue facilitator, their education and their individual style. They often use relaxed, colloquial style to create the impression of a personal conversation with their audience. A conversational style helps listeners and viewers to absorb information more easily and fosters a sense of dialogue.

Another distinctive feature is the blending of styles; the hosts may use standard Bulgarian alongside elements of dialects, slang or specific terminology, depending on the podcast’s subject matter.

The hosts sometimes prefer to address the listener directly; the frequent use of second-person pronouns “you”.

The linguistic and discourse analysis is devoted to dialogue in podcast episodes, as it was established that the predominant form is conversation, while monologue is not a common form in the Bulgarian digital media ecosystem. The episodes exhibit a certain degree of framing, as they include a short introduction to the topic and the participant, as well as concluding remarks and calls to action, along with announcements of upcoming episodes and their topics and participants. The guest is a physician, professor, researcher, film director, geologist, explorer, singer, and writer; thus, identification is achieved immediately. If the guest is appearing on the podcast for the second time or has participated previously, this is explicitly highlighted in order to persuade the virtual audience of the existence of sustained professional relationships and trust. The introduction is concise; at the linguistic level, there is no apologetics or praise through the use of comparative or superlative forms (e.g., “more” or “most”). Instead, the informative and nominative functions of language clearly predominate.

The conversation begins with a brief presentation of the guest by the host, followed by additional information regarding their expertise, achievements, awards, and other relevant details. This is a linguistic strategy used to fulfill marketing and public relations (PR) functions, aimed at building image and demonstrating credibility and popularity within a given professional field in Bulgarian society. Professor Ivo Hristov is introduced as an analyst, lawyer, and sociologist. Professor Nikolay Vitanov is presented as a mathematician and analyst. Dr. Miroslav Nenchev is identified as an anesthesiologist, while Ivo Velichkov is introduced as a psychologist.

More detailed descriptions are less common and typically occur when guests represent non-traditional or alternative fields. For example, Asen Milanov is presented as an energy therapist and researcher in the field of spiritual development; Aida Markovska as a consultant in constellations and family relationships; Silva Doncheva as an astrologer and homeopath; and Georgi Sirakov as a researcher in the fields of history and religions. It is rare to encounter a pathos-filled presentation. For example, Toto introduces the physics teacher Teodosiy Teodosiev, who has trained students that have won world Olympiads and received awards, in the following way: “*There are Bulgarians who deserve a monument while still alive. The teacher who created minds and human beings*”².

The conclusion of the podcast presents new topics, a sustained engagement with a specific field, and aims to intrigue viewers and listeners. At the linguistic level, this is expressed through phrases such as “*In this episode...*”, “*The conversation delves into topics...*”

The dialogue develops with different dynamics; there are returns to previously discussed topics through words and expressions such as “*As we have already mentioned*”. Further developments of

² <https://www.youtube.com/watch?v=fEOroWTCf7I> (Accessed 05.09.2026)

earlier topics are also used as a linguistic device. This topic can be supplemented by more examples. For example: *“I perceive this confrontation not only as a conflict and divergence, but also as an ideological richness. In it, we can see borrowings from what is happening in Greater Europe. Let us talk about the Revival realistically, not romantically”*³.

Storytelling and the narration of personal stories are also present. The sharing of successes and failures is presented in a serious style but also through self-irony and humor. Storytelling is informal, with flashbacks and recollections. One of the most well-known Bulgarian actors, Asen Blatechki, in “Elizabethsko Podcast” uses conversational and vivid language to tell a story, for example about the director Ivan Urumov: *“We have known each other since childhood, since I graduated from the Theatre Academy. In fact, when I was in my first year, he was in his fourth, and that’s how we were together – he as a director, I as an actor. And now it was extremely pleasant for me to work with him again. Koyna Ruseva is like a sister to me; she is very close to me. I first acted with her in “Sea Salt”. It wasn’t in “Tar-tuffe” with Ivan Urumov at the Youth Theatre. That was the first time I acted there.”*

In the past two years, a new trend has emerged in which, during editing, interesting moments are highlighted and presented at the beginning of episodes in order to create anticipation and intrigue. These moments often sound like aphorisms, maxims, proverbs, sayings. For example, in Episode 2, “She and He,” of the podcast “Consciousness and Meaning,” psychologist Ivo Velichkov often uses the following line: *“There’s a saying I know: No woman can be happy with a man who is weaker than she is”, “For someone to like you, there’s a preliminary step – don’t push them away”, “Someone once said that in a relationship, one person loves, and the other allows themselves to be loved. And the one who loves always gains more, because they don’t keep score”, “Intimacy is sharing your strengths and weaknesses. Intimacy means sharing your true self, which isn’t always beautiful”, “The truth isn’t always beautiful, though very often it is. People are afraid of intimacy because they’re afraid of the pain that intimacy inevitably brings – that they’ll be abandoned, or that they’ll lose that person in the end”*⁴.

Professor Ivo Hristov uses figurative language, for example: *“spare tires”, “strategic bypasses”, “China is tactically investing in both ships”, “Singapore and Hong Kong are the two gateways through which massive investments are initially channelled”, “According to the vacuum-cleaner principle, financial resources from all over the world have been accumulated and then structured as Singaporean investment capital”, and “weapons may become blind if the so-called brain – the satellites in near-Earth orbit – is eliminated”*.

These expressions are employed while discussing complex political relations in the podcast “The New Geopolitics: Centers of Control and Influence”, featured in “Geopolitics”, Episode 63, hosted by Simeon Ivanov on Bulgarian National Television. The use of metaphorical and figurative language serves to explain complex geopolitical processes through accessible and vivid imagery, making abstract political and economic concepts easier for the audience to understand and remember⁵.

Linguistic and Digital Features of Online Texts in Platforms

Writing and Reading as a Navigation

In the textual content of podcasts published on digital platforms, a persistent tendency can be observed for subtopics to be formulated more frequently as interrogative sentences. This is likely a result of the intention to stimulate interest, curiosity, and a desire to hear responses within the podcast. The interrogative sentences are brief; however, they simultaneously contain terminology specific to the respective lexical or professional field, with sentence length generally not exceeding 10 words in total. Here are several examples. This is a way of orienting the audience toward the content at the linguistic level, providing a comprehensive overview of the subject matter. In some cases, the questions extend to up to 15 words in order to present complete information about the topics covered in the podcast. Podcast listeners already have experience, attitudes, and expectations regarding the type

³ <https://www.youtube.com/watch?v=jnpUtDHFR4g&t=2995s> (Accessed 05.09.2026)

⁴ <https://www.youtube.com/watch?v=IrX41-D5C7Y&t=1585s> (Accessed 05.09.2026)

⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=6o5uhr9C7gI> (Accessed 05.09.2026)

of information they will receive, and they use this information to decide whether to watch the podcast or to search for specific topics within it through scrolling and sliding, skipping to a particular section, or returning to a previous topic. At the same time, some hosts of podcasts, such as “Yavor Dachkov Podcast”, “Capital Podcast”, etc., who have experience as journalists, prefer longer sentences and the presentation of key topics in paragraph form. At the same time, the hosts use moderate imagery, conversational language, and expressive expressions. Podcast texts on digital platforms include personalization and transparency in the presentation of guests, their expertise, and their engagement, which at the linguistic level represents a manifestation of the nominative function, while at the rhetorical level it serves as an appeal to authority and the narration of personal stories.

Table 1. Linguistic features of the textual descriptions of podcasts on digital platforms

Bulgarian	English	Podcast and link
Какво преживява човек на място, където ледът, тишината и мащабът променят усещането за Земята? Какво записва една сеизмологична станция в Антарктида? Само земетресения — или и невидимия живот на леда, скалите и планетата? Колко сигурен е светът, който смятаме за сигурен?	What does a person experience in a place where ice, silence, and scale transform the perception of Earth? What does a seismological station in Antarctica record? Only earthquakes — or also the invisible life of ice, rocks, and the planet itself? How secure is the world we consider secure?	Какво крие Земята под България? проф. Бойко Рангелов What does the Earth hide beneath Bulgaria? Prof. Boyko Rangelov LIMITLESS 98000 subscribers
В този епизод на “Гласът на Капитал” говорим със здравния редактор Десислава Николова за: • порочния кръг на обществените поръчки • счупената здравна система какво е необходимо, за да се поправи.	In this episode of “The Voice of Capital,” we talk with health editor Desislava Nikolova about: the vicious cycle of public procurement; the broken healthcare system; what is needed to fix it.	Парите на здравната каса изтичат в счупената система Гласът на Капитал Health Fund Money Leaks into Broken System Voice of Capital 167000 subscribers

Writing and Reading as a Target for Advertising

Heterogeneity constitutes a distinctive linguistic feature of podcasts. The factors contributing to this heterogeneity include genre-specific characteristics, dynamic development within a competitive environment, and the necessity of adaptation to the digital media ecosystem, particularly when podcasts perform advertising and marketing functions.

Producers and editors combine verbal and visual elements in the texts accompanying content on digital platforms. At the visual level, these elements include symbols such as microphones, thumbs-up icons, bells, cameras, and topic-specific visual markers, for example green leaves in relation to environmental issues or coins in the context of financial topics.

At the linguistic level, appeals to the audience are typically concise and directive, for example: “Give us a thumbs up and like the video!”, or through the use of diminutive forms such as “Don’t hesitate to give us a little thumbs-up!”, “Follow us!”, “Stay with us!”, “Watch the new episode first!”, “Watch the new episode now!”. Similar examples include direct appeals: “Click the bell icon! Subscribe to...”, “Support us financially through PayPal or Patreon”, or, conversely, “We do not seek financial support from our audience. Watch our content free of charge”, thereby conveying a philanthropic orientation.

The formation of virtual communities is promoted linguistically through expressions such as: “It is important for us that you leave comments”, “Suggest topics”, “Subscribe! It makes sense!”, and “Subscribe so that new episodes reach you as soon as they are released”. Informal language, following the conversational style characteristic of American digital communication, is reflected in expressions such as: “People, come on!”, “Guys, come on!”, “Tell us what you think about the podcast”, “Write your comments below”. The examples illustrate brief expressions with emotional appeals; they are not linguistically original, but they are frequently used by the hosts.

At the same time, these appeals in podcast texts published on digital platforms can trigger quick and spontaneous responses, prompting virtual viewers to react immediately by commenting, offering support, or subscribing. This is likely due to the brevity of the expressions, which are rapidly decoded as they are familiar and do not present linguistic barriers. Additionally, some podcast listeners are inclined toward engaging in interactive communication within a digital environment. Rather than a categorical intention to become members of virtual communities, these reactions are more accurately characterized as spontaneous responses. These linguistic practices demonstrate an attempt to establish friendly communication and interactivity with virtual viewers and listeners. They also function as invitations to membership in an online community, as evidenced by the frequent use of the first-person plural pronoun “we”, which fosters a sense of collective identity and audience engagement.

Linguistic and Digital Manifestations of “Reading a Video”

In the so-called timestamps (chapters), which constitute a post-production element of podcast content on digital platforms, the segmentation of the video into distinct visual chapters becomes clearly observable. Their function is to inform the virtual viewer about the structure of the media discourse through textual labels, hyperlinks, and indications of duration in minutes and seconds, thereby enabling navigation across the content and facilitating orientation within the podcast.

From this perspective, chapters allow viewers to “read” the video in a manner analogous to reading a book. The concept of “reading a video” should not be regarded as an oxymoron from either a linguistic or a cognitive standpoint; rather, it reflects a specific mode of information processing and interpretation characteristic of digitally mediated communication. Through these chapter markers, podcast audiences gain an overview of the thematic organization of the video, can quickly navigate between sections, skip to topics of greater interest, or return to previously viewed segments.

This functionality enhances audience engagement and viewability by employing clear language, concise formulations, and highly specific thematic labels. Linguistically, chapter titles are typically realized as brief expressions or syntactically incomplete constructions, often lacking explicit verbal predicates. Despite their structural economy, however, they exhibit a high degree of informational density and contribute significantly to the overall user experience by supporting efficient navigation and facilitating comprehension of the podcast’s discourse structure.

Table 2. Linguistic Examples about “Reading a Video”

Bulgarian	English	Podcast and link
[21:47] Гласът като инструмент за доверие в личните и професионалните отношения. [24:17] Авторитетният стил на общуване при лекарите като модел за спокойствие.	[21:47] The voice as a tool for building trust in personal and professional relationships. [24:17] The authoritative communication style of physicians as a model for reassurance and composure.	Силата на гласа и сценичната реч! Валерия Кардашевска – Епизод 231 The Power of Voice and Public Speaking! Valeriya Kardashevska – Episode 231 Xplora BG
00:00 – Интро 02:00 – Различните страни на Мария Силвестър 07:00 – Началото на телевизионната кариера 16:00 – За кариерата като модел 22:40 – Кога красотата пречи? 31:25 – Какъв е смисъла на живота? 38:20 – Първият репортаж на Мария 47:50 – За страха от камерата	00:00 – Intro 02:00 – The different facets of Maria Silvestar 07:00 – The beginning of her television career 16:00 – Her modeling career 22:40 – When does beauty become an obstacle? 31:25 – What is the meaning of life? 38:20 – Maria’s first reportage 47:50 – The fear of the camera	Искам да вляза в парламента и да го ремонтирам за 5 дни! – Мария Силвестър I want to enter Parliament and fix it in 5 days! – Maria Silvestar I want to enter Parliament and fix it in 5 days! – Maria Silvestar Chefo Podcast

Visual Intertextuality in Podcasts in Bulgaria

As already stated above, the theoretical framework and methods are presented in separate parts in order to ensure clarity and logical coherence in the text. The two constructs in the research object, namely the brand and the digital media ecosystem, are characterized by multilayered complexity, which implies the introduction of the concept of intertextuality as well.

The term “intertextuality” is presented through definitions and changes in scope and content across [20, 21], with a focus on literary fiction.

Intertextuality has manifestations in the media, online media, and social networks.

In [17], the findings of a study on visual intertextuality as a means of meaning-making are presented. The authors analyze selected American posters within a specific wartime and postwar context. The study focuses on visual intertextuality, the intertextual competence of communication participants, and their knowledge of the cultural and historical conditioning and background of multimodal discourse. They conclude that verbal-visual texts undergo transformations within specific socio-cultural contexts and that visual intertextuality is shaped by cultural and historical factors.

The analysis is based on the methodology presented in [17], which has been adapted for needs of the analysis of podcasts in Bulgaria following the selection of logos and thumbnails of individual episodes.

Intertextuality and relationships have intersections with metadiscourse, specialized terminology, and podcast language. Several sub-corpora have been identified, along with the following phenomena in digital media ecosystem in Bulgaria.

First, terms and abbreviations continue to appear by producers, editors of thumbnails as a manifestation of media competition. Headlines are presented in Bulgarian language in Cyrillic alphabets but some headlines are written in both Latin and English “*Kanuman Green*” [Capital Green], “*Слави – The Clashers*” [Slavi – The Clashers], “*Дамa Cast*” [Dama Cast], “*Дарук Podcast*” [Darik Podcast], “*Chefo nodkacm*” [Chefo podcast]. Bilingualism and digraphia are also persistently manifested at the language level. Some podcasts only list titles in the Latin alphabet and in English : “*CoMinds Chatters*”, “*MindsetPowerTalk*”.

The analysis of selected podcast logos in the Bulgarian digital media ecosystem shows that one of the most preferred visual symbols is the microphone, which is integrated as an inseparable component of the logo; it is quickly decoded as audio recording and media communication. In order to achieve brand recognizability, identification, and association with a specific socio-cultural context, as well as to target micro-audiences, the visual elements include: parts of a football for sports, a racetrack and flag for car racing, an open book for publishing and reading, scales and a book for justice and the judicial system, green color and forests for ecology, coins and banknotes for finance, a heart for healthcare, among others.

The written word “podcast” also appears in some logos as an inseparable part of the logo. Visual intertextuality is also manifested at the level of colors, with preferred ones being red, yellow, green, and blue in various shades. Fonts – from readable sans-serif ones to specially designed typefaces tailored to the needs of the podcast – are also part of the visualization at the verbal level, but they are likewise combined as an integral component of the logo.

Visual intertextuality also includes numbers and numerals, for example “*2&200 Podcast*”, “*The first page*”, “*The three Matches*”, and others (Fig. 1). The numbers are not used in their mathematical sense; instead, they carry not only an informative but also an expressive function, again with the aim of achieving recognizability and memorability of the podcast logo in a virtual environment.

The pursuit of originality, while simultaneously maintaining recognizability, refers to intertextuality, where signs and symbols are incorporated into the logo, for example “*Xlor Marketing*”, as this is a composite word, made up of abbreviations X and words with the aim of creating interest without leading to a communication barrier.

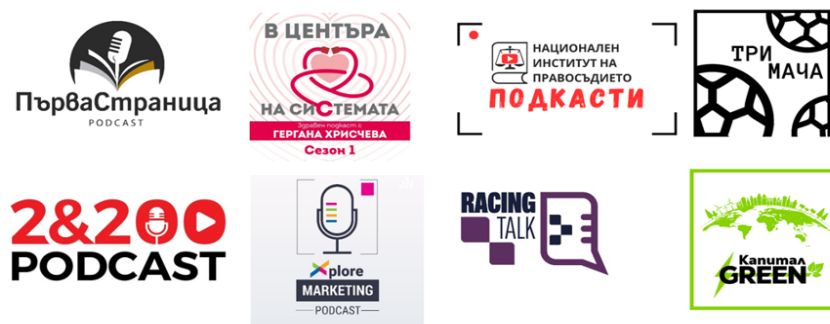

Fig. 1. Logos of Podcasts: Visual Elements

Fig. 2. Thumbnails of Episodes of Podcasts: Visual Elements

In the thumbnails of podcast episodes, visual intertextuality manifests itself in the following ways. Again, in order to achieve recognizability and simultaneously direct attention to the topic of the specific episode, titles are created that perform both an informative and an appealing, call-to-action function. The titles most often include one to three words, as brevity, informational density, and attention-grabbing appeal are sought. For example: „*Навици. Идентичност Развитие*” [Habits. Identity Development]. Words are combined with expressive phrases and words of positive connotations. For example: „*Споделено # 4. Кристалните деца. Минали животи*” [Shared #4. Crystal Children. Past Lives], „*Сънят е злато. с Ивет Лалова*” [Sleep is gold. with Ivet Lalova], „*Спри да се бориш с тялото си*” [Stop fighting your body], „*Епизод 961 Псевдо-жетви + псевдо-ползи*” [Episode 961: Pseudo-harvests + pseudo-benefits].

The competitive media environment also catalyzes the creation of engaging thumbnails precisely with the aim of attracting attention to the episode. A specific feature of visual intertextuality is the increasing use of personalization through images of participants, both via photographs and via AI-generated images as digital tools: “*Комеди Клуб*” [Comedy Club]. Preferences include either the host “*Stefan Popov – Chefo*” or only the guest, or a combination of both, at the level of personalization and recognizability of well-known figures from sports, culture, politics, the arts, and science (Fig. 2).

This visual personalization is combined with the inclusion of participants’ names, which contributes to rapid decoding and simultaneously to representation within a specific socio-cultural context in Bulgaria, i.e., at a local level but within a virtual environment.

Conclusion

The findings of this study confirm that podcasts have become a component of the Bulgarian digital ecosystem, functioning as a media genre and communication format that integrates linguistic, discursive, and visual elements. The heterogeneous nature of podcasts determines a combination of standard language forms, professional terminology, colloquial expressions, figurative language and slang.

The research identifies the main linguistic and communicative techniques employed by hosts and guests. The dialogue is structured through giving expert advice, announcing news, giving examples, storytelling, and experience sharing. The linguistic features of personal narratives as mechanisms for establishing credibility are highlighted too.

The multimodal character of podcasts the relationship between verbal and visual communication are by examined too. The analysis of podcast titles, social media promotion, logos, and episode thumbnails demonstrates that visual language and visual intertextuality play an essential role in attracting attention and shaping audience expectations.

The study provides evidence that Bulgarian podcasts operate as parallel and, in some cases, alternative communication channels within the digital media sphere.

APPENDIX

Table 3. Types of Podcasts, Hosts, Producers, Media, Episodes

Thematic Area	Name in English	Name in Bulgarian	Host	Producer	No. of Episodes
Politics Society	BNR podcast	БНР подкаст	журналисти	БНР	1273
	Konstantin Valkov's office	Бюрото на Константин Вълков	Константин Вълков	Константин Вълков	76
	The Voice of Capital	Гласът на Капитал	Журналисти от в. Капитал	Вестник Капитал	380
	Capial Green	Капитал Green	Ивайло Станчев	Вестник Капитал	34
	Diary	Дневник	Журналисти от в. Дневник	Dnevnik.bg	113
	Z-Cast	Z-Каст	ClubZ журналисти	ClubZ	217
	Studio Bulgaria	Студио България	Генка Шекерова	Свободна Европа	
	Threesome in no time	Тройка по никое време	Милена, Кирил и Тодор	Радио Витоша	64
	Television on the radio	Телевизия по радиото	Анна Цолова Миролюбa Бенатова	Седмичен обзор	100
	Natural intelligence	Естествен интелект	Владимир Петков Еленко Еленков	Говори интернет	111
Education Science	BG Science Podcast	БГ Наука Подкаст	Петър Теодосиев	www.nauka.bg	301
	You and Science:	Ти и науката:	Диана Узунова	Obekti.bg	57
Management Marketing	Digitalks	Digitalks	Александър	Digitalks	253
	Morning show for managers	Сутрешно предаване за мениджъри	Пламен Петров	Equinox Partners	1200
	Xplore Marketing	Xplore Marketing	Георги Малчев	Xplore Marketing	231
	Network Marketing Manager	Мрежов Маркетинг Мениджър	Петър Вълчев	Петър Вълчев	38
	ListenUP	ListenUP	United Partners	United Partners	18

Thematic Area	Name in English	Name in Bulgarian	Host	Producer	No. of Episodes
Finances	BenchMark Podcast	BenchMark Podcast	финансисти	BenchMark Finance	66
	Crypto Revolution	Crypto Revolution	Plamen Andonov	Plamen Andonov	475
Law	Minutes with the lawyer	Минути с адвоката	адв. Божидар Терзийски	адв. Божидар Терзийски	17
	Through the labyrinths of law	Из лабиринтите на правото	Юристи адвокати	Български институт за правни инициативи	8
Sport	Sports meeting	Спортна среща	Камен Алипиев	БНР	70
	Three Matches Podcast	Три Мача Подкаст	Алекс и Пламен	Plamen Barzev	122
	Racing Talk Podcast	Racing Talk Podcast	Vladimir Gatev	Vladimir Gatev	20
	Turns	Обороти	Станимир Чолаков, Генчо Генчев	Колоездене организация	16
Health	Meditation and Health	Медитация и Здраве	Калина Стефанова	Калина Стефанова	20
	Easy Running	Леко Бягане	Kiril Nikolov – Disl	Kiril Nikolov	30
Psychology	Authenticity	Автентичност	Георги Йорданов	Георги Йорданов	252
	Consciousness and meaning	Съзнание и смисъл	Ели Александрова	Ели Александрова	
Medicine	Pediatrics	Педиатрия	д-р Андрей Гончаров	Българска педиатрична асоциация	3
	PR Care Bulgaria	PR Care Bulgaria	Елена Цонева и Росяна Сотирова	PR Care Bulgaria	79
History	Bulgarian history	Българска история	Иван Кънчев и Марио Мишев	Bulgarian History	55
	Clash Cast	Clash Cast	Slavi Panayotov	Slavi Panayotov	15
Esotericism	Limitless	Limitless	Живко Кръстев	Limitless	22
	The new knowledge	Новото познание	Стойчо Керев	Новото познание – БНТ	924
	Without borders	Без граници	Невена Цонева	Невена Цонева	8
Arts	Thermodynamics	Термодинамика	Режисьори	Топлоцентрлала	123
	Film library	Филмотечно	Галя Жекова Росен Спасов	Българска национална филмотека	16
	One Podcast	Един Подкаст (Edin Podcast)	Емил Аврамов и Борис Калайджиев	Емил Аврамов и Борис Калайджиев	27
	Artists on standby	Чакащи артисти	Кристина Беломорска	Кристина Беломорска	22
Literature	Footnote	Бележка под линия	Стефан Русинов	Преводачески разпратки, хватки и поразии	73
	Home Page	Първа страница	Темз Арабаджиева и Антон Биро	Webcafe.bg и „С книги под завивките“	100
	Golden Tales	Златните приказки	Диляна Атанасова	Dilyana Atanasova	180
	KN Speaks	КХ говори	Учени	ИК Критика и Хуманизъм	38

Thematic Area	Name in English	Name in Bulgarian	Host	Producer	No. of Episodes
Properties	Valuable properties with Stoyanov	Стойностните имоти със Стоянов	Никола Стоянов	LUXIMMO GROUP	8
	Realistimo Real Estate Podcast	Подкаст за имоти на Реалистимо	Мартин и Вихрен	Реалистимо	124
Hobby Animals	DOG AND CAT podcast	КУЧЕ И КОТКАст	д-р Георги Харизанов	От PURINA България.	15

REFERENCES

- [1] **Subramaniam M.**, Digital ecosystems and their implications for competitive strategy, *Journal of Organization Design*, 9 (2020) 12. DOI: 10.1186/s41469-020-00073-0
- [2] **Sales Baptista C., Nunes D.**, Digital ecosystems and their influence on business relationships, *Review of Managerial Science*, 20 (2026) 29–51. DOI: 10.1007/s11846-025-00865-2
- [3] **Hammersley B.**, Audible revolution, *The Guardian*, (2004). [online] Available: https://www.theguardian.com/media/2004/feb/12/broadcasting.digitalmedia?CMP=share_btn_url (Accessed 02.10.2026)
- [4] **McKean E.**, *The New Oxford American Dictionary*, 2nd ed., NY: Oxford University Press, 2005.
- [5] **Morlandstø L., Mathisen R.B.**, Podcast – Commentary Journalism as a Digital Public, *Journalistica*, 16 (1) (2022) 61–83. DOI: 10.7146/journalistica.v16i1.128840
- [6] **Katzenberger V., Keil J., Wild M.**, The Podcast Revolution? Exploring Journalistic Pioneers Beyond Legacy Media, *Journalism and Media*, 6 (1) (2025) 20. DOI: 10.3390/journalmedia6010020
- [7] **Rizwan N., Deb N., Roy S., Solanki V.S., Garimella K., Mukherjee A.**, Toxicity Begets Toxicity: Unraveling Conversational Chains in Political Podcasts, *Proceedings of the 33rd ACM International Conference on Multimedia (MM'25)* (2025) 11776–1184. DOI: 10.1145/3746027.3754553
- [8] **Rodríguez-Ortiz R., Fernández-Sande M.**, Analysis of Narrative Strategies in Independent Non-Fiction Narrative Podcasts in Ibero-America, *Media and Communication*, 13 (2025) 9096. DOI: 10.17645/mac.9096
- [9] **Kondratenko P.I.**, How German TikToks represent linguistic knowledge: linguistic resources and multimodal communicative practices, *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 30–46. DOI: 10.18721/JHSS.16103
- [10] **Rybas N., Gajjala R.**, Developing Cyberethnographic Research Methods for Understanding Digitally Mediated Identities, *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 8 (3) (2007) 35. DOI: 10.17169/fqs-8.3.282
- [11] **Akturan U.**, A review of cyber ethnographic research: A research technique to analyze virtual consumer communities, *Boğaziçi Journal*, 23 (1–2) (2009) 1–18. DOI: 10.21773/boun.23.1.1
- [12] **Hine C.**, Ethnographies of Online Communities and Social Media: Modes, Varieties, Affordances, In: *The SAGE Handbook of Online Research Methods* (eds. N.G. Fielding, R.M. Lee, G. Blank), (2017) 401–413. DOI: 10.4135/9781473957992.n23
- [13] **Ardévol E., Gómez-Cruz E.**, Digital Ethnography and Media Practices, *The International Encyclopedia of Media Studies*, (2014) 498–518. DOI: 10.1002/9781444361506.wbiems193
- [14] **Van Dijk T.A.**, Discourse, context and cognition, *Discourse Studies*, 8 (1) (2006) 159–177. DOI: 10.1177/1461445606059565
- [15] **Van Dijk T.A.**, Critical Discourse Analysis. In: *The Handbook of Discourse Analysis* (eds. D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin), (2015) 466–485. DOI: 10.1002/9781118584194.ch22
- [16] **Chernyavskaya V.E.**, Image and Visuality in Sociocultural Dimension, *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 2 (28) (2021) 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
- [17] **Gorshkova N.E., Chernyavskaya V.E.**, Visual intertextuality as a method for meaning generation, *Communication Studies (Russia)*, 8 (4) (2021) 689–700. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).689-700
- [18] **Kushneruk S.L.**, Conflictogenicity of Intercultural Interaction on Telegram Channels: Discourse Analysis of Visual Frames, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 74–91. DOI: 10.18721/JHSS.16405

- [19] **Borbotko L.A.**, Theatre Telegram channel as a digital tool for creating critic's digital identity, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 19–33. DOI: 10.18721/JHSS.15402
- [20] **Kristeva J.**, Σημειωτική. Recherches pour une sémanalyse, Paris: Édition du Seuil, 1969.
- [21] **Kristeva J.**, Σημειωτική. Recherches pour une sémanalyse, Paris: Édition du Seuil, 1974.
- [22] **Kakungulu S.J.**, The Role of Podcasts in Shaping Public Discourse, *Research Invention Journal of Research in Education*, 5 (1) (2025) 60–66. DOI: 10.59298/RIJRE/2025/516066

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Subramaniam M.** Digital ecosystems and their implications for competitive strategy, *Journal of Organization Design*, 9 (2020) 12. DOI: 10.1186/s41469-020-00073-0
2. **Sales Baptista C., Nunes D.** Digital ecosystems and their influence on business relationships, *Review of Managerial Science*, 20 (2026) 29–51. DOI: 10.1007/s11846-025-00865-2
3. **Hammersley B.** Audible revolution, *The Guardian*, (2004). [online] Available: https://www.theguardian.com/media/2004/feb/12/broadcasting.digitalmedia?CMP=share_btn_url (Accessed 02.10.2026)
4. **McKean E.** *The New Oxford American Dictionary*, 2nd ed., NY: Oxford University Press, 2005.
5. **Morlandstø L., Mathisen R.B.** Podcast – Commentary Journalism as a Digital Public, *Journalistica*, 16 (1) (2022) 61–83. DOI: 10.7146/journalistica.v16i1.128840
6. **Katzenberger V., Keil J., Wild M.** The Podcast Revolution? Exploring Journalistic Pioneers Beyond Legacy Media, *Journalism and Media*, 6 (1) (2025) 20. DOI: 10.3390/journalmedia6010020
7. **Rizwan N., Deb N., Roy S., Solanki V.S., Garimella K., Mukherjee A.** Toxicity Begets Toxicity: Unraveling Conversational Chains in Political Podcasts, *Proceedings of the 33rd ACM International Conference on Multimedia (MM'25)* (2025) 11776–1184. DOI: 10.1145/3746027.3754553
8. **Rodríguez-Ortiz R., Fernández-Sande M.** Analysis of Narrative Strategies in Independent Non-Fiction Narrative Podcasts in Ibero-America, *Media and Communication*, 13 (2025) 9096. DOI: 10.17645/mac.9096
9. **Кондратенко П.И.** Особенности представления лингвистического знания в немецкоязычных тиктоках: языковые средства и мультимодальные коммуникативные практики // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16. № 1. С. 30–46. DOI: 10.18721/JHSS.16103
10. **Rybas N., Gajjala R.** Developing Cyberethnographic Research Methods for Understanding Digitally Mediated Identities, *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 8 (3) (2007) 35. DOI: 10.17169/fqs-8.3.282
11. **Akturan U.** A review of cyber ethnographic research: A research technique to analyze virtual consumer communities, *Boğaziçi Journal*, 23 (1–2) (2009) 1–18. DOI: 10.21773/boun.23.1.1
12. **Hine C.** Ethnographies of Online Communities and Social Media: Modes, Varieties, Affordances, In: *The SAGE Handbook of Online Research Methods* (eds. N.G. Fielding, R.M. Lee, G. Blank), (2017) 401–413. DOI: 10.4135/9781473957992.n23
13. **Ardévol E., Gómez-Cruz E.** Digital Ethnography and Media Practices, *The International Encyclopedia of Media Studies*, (2014) 498–518. DOI: 10.1002/9781444361506.wbiems193
14. **Van Dijk T.A.** Discourse, context and cognition, *Discourse Studies*, 8 (1) (2006) 159–177. DOI: 10.1177/1461445606059565
15. **Van Dijk T.A.** Critical Discourse Analysis. In: *The Handbook of Discourse Analysis* (eds. D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin), (2015) 466–485. DOI: 10.1002/9781118584194.ch22
16. **Чернявская В.Е.** Визуальность в социокультурной проекции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Т. 28, № 2. С. 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
17. **Горшкова Н.Э., Чернявская В.Е.** Визуальная интертекстуальность как способ смыслопорождения // *Коммуникативные исследования*. 2021. Т. 8, № 4. С. 689–700. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).689-700
18. **Кушнерук С.Л.** Индикаторы конфликтогенности межкультурного взаимодействия в телеграм-каналах: дискурсивный анализ визуальных фреймов // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16. № 4. С. 74–91. DOI: 10.18721/JHSS.16405
19. **Борботько Л.А.** Телеграм-канал о театре как креативный инструмент самоидентификации критика // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 4. С. 19–33. DOI: 10.18721/JHSS.15402

20. **Kristeva J.** Σημειωτική. Recherches pour une sémanalyse, Paris: Édition du Seuil, 1969.
21. **Kristeva J.** Σημειωτική. Recherches pour une sémanalyse, Paris: Édition du Seuil, 1974.
22. **Kakungulu S.J.** The Role of Podcasts in Shaping Public Discourse, Research Invention Journal of Research in Education, 5 (1) (2025) 60–66. DOI: 10.59298/RIJRE/2025/516066

INFORMATION ABOUT AUTHOR / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ivanka Mavrodieva

Мавродиева Иванка

E-mail: i.mavrodieva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3764-5123>

Submitted: 25.06.2026; Approved: 08.09.2026; Accepted: 18.09.2026.

Поступила: 25.06.2026; Одобрена: 08.09.2026; Принята: 18.09.2026.

Research article

UDC 811.512.122'42:81'255.2:37.016

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17311>

EDN: <https://elibrary/HWTFPA>

KAZAKH FOLKLORE AND CHILDREN'S TEXTS: PRAGMATIC AND SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF NARRATIVE IN DIDACTIC PRACTICE

B. Myrzabek , M. Mambetova

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

 bibikhanmm@mail.ru

Abstract. This article examines how structural-semantic transformations reorganize cohesion, causal coherence, event sequence, and narrative functions in Kazakh folklore-didactic and children's narratives. While level-based textual modification is commonly described in terms of lexical, syntactic, and quantitative simplification, less attention has been paid to how individual transformations affect referential continuity, causal recoverability, genre framing, characterization, and the overall pragmatic effect of a narrative. The study therefore aims to determine how these textual relations and functions change under two degrees of transformation, represented by A1 and A2 versions, and which components remain invariant in coherent transformed narratives. The corpus comprised eight Kazakh source narratives and sixteen purpose-built A1 and A2 versions, organized into eight aligned original–A1–A2 sequences. A total of 612 transformational segments were analyzed using a two-level coding model that distinguished six primary operations – structural compression, syntactic simplification, lexical substitution, semantic reduction, causal explication, and neutralization of imagery from their effects on textual organization. Preservation of the functional narrative core was treated as a control category of functional continuity. The findings show that A1 transformation relies more strongly on compression, syntactic redistribution, repeated reference, and a linear event sequence, whereas A2 retains a denser network of source-text relations and more frequently makes causal connections explicit. Syntactic splitting shifts cohesive relations from intra-sentential structures to inter-sentential linkage, while causal explication compensates for contextual relations weakened by compression. Genre framing, characterization, and conflict presentation may be reduced or recast without disrupting the central event structure. Macro-level coherence depends on the recoverability of the functional chain linking the principal participant, key event, motive or causal relation, plot resolution, and the narrative's overall pragmatic effect. The proposed model contributes to the linguistic analysis of transformed narratives by relating formal operations to their consequences for cohesion, causal coherence, event sequence, and narrative function.

Keywords: structural semantic transformation, Kazakh narrative, folklore-didactic text, children's narrative, textual cohesion, causal coherence, narrative function.

Citation: Myrzabek B., Mambetova M., Kazakh Folklore and Children's Texts: Pragmatic and Semantic Transformations of Narrative in Didactic Practice, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 181–206. DOI: 10.18721/JHSS.17311

КАЗАХСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ДЕТСКИЕ ТЕКСТЫ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАРРАТИВА В ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Б. Мырзабек , М. Мамбетова

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан

 bibikhanmm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается, каким образом структурно-семантические трансформации реорганизуют когезию, каузальные отношения, последовательность событий и нарративные функции в казахских фольклорно-дидактических и детских нарративах. Хотя уровневая модификация текста обычно описывается с точки зрения лексического, синтаксического и количественного упрощения, значительно меньше внимания уделяется тому, как отдельные трансформации влияют на референциальную непрерывность, восстановимость причинно-следственных связей, жанровое оформление, характеризацию персонажей и общий прагматический эффект нарратива. В связи с этим цель исследования состоит в определении того, как изменяются данные текстовые отношения и функции при двух степенях трансформации, представленных версиями уровней A1 и A2, а также какие компоненты сохраняют инвариантность в когерентных трансформированных нарративах. Корпус исследования включал восемь исходных казахских нарративов и шестнадцать специально созданных версий уровней A1 и A2, организованных в восемь выровненных последовательностей «оригинал–A1–A2». В общей сложности было проанализировано 612 трансформационных сегментов с использованием двухуровневой модели кодирования, в которой шесть основных операций – структурная компрессия, синтаксическое упрощение, лексическая замена, семантическая редукция, каузальная экспликация и нейтрализация образности – рассматривались отдельно от их последствий для текстовой организации. Сохранение функционального нарративного ядра рассматривалось как контрольная категория функциональной непрерывности. Результаты показывают, что трансформация на уровне A1 в большей степени связана с компрессией, синтаксическим перераспределением, повторной номинацией и линейной организацией событий, тогда как версии A2 сохраняют более плотную сеть отношений исходного текста и чаще эксплицируют причинные связи. Синтаксическое расщепление переносит когезивные отношения из внутрипредложенческих структур на уровень межфразовой связи, тогда как каузальная экспликация компенсирует ослабление контекстуальных связей, вызванное компрессией. Жанровое оформление, характеризация персонажей и представление конфликта могут редуцироваться или перестраиваться без нарушения центральной событийной структуры. Макроуровневая когерентность зависит от восстановимости функциональной цепочки, связывающей главного участника, ключевое событие, мотив или причинную связь, сюжетную развязку и общий прагматический эффект нарратива. Предложенная модель позволяет соотнести формальные операции с их последствиями для когезии, каузальных отношений, последовательности событий и нарративной функции и тем самым уточняет лингвистическое описание структурно-семантической трансформации нарративного текста.

Ключевые слова: структурно-семантическая трансформация, казахский нарратив, фольклорно-дидактический текст, детский нарратив, текстовая когезия, каузальные отношения, нарративная функция.

Для цитирования: Мырзабек Б., Мамбетова М. Казахские фольклорные и детские тексты: прагматические и семантические трансформации нарратива в дидактической практике // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 181–206. DOI: 10.18721/JHSS.17311

Introduction

Textual transformation affects not only linguistic complexity but also the relations through which a text functions as a coherent whole. Compression may remove links between episodes, syntactic splitting may redistribute relations from clause-internal structures across separate sentences, lexical replacement may preserve reference while modifying evaluation or genre marking, and explicitation may make previously implicit relations overt. These effects are particularly consequential in narrative discourse, where continuity depends on participant tracking, event progression, motivational and causal relations, plot resolution, and the communicative effect produced by the completed narrative. Textual transformation therefore needs to be examined not simply as a reduction in linguistic complexity but as a reorganization of structural, semantic, and discourse relations.

Research on text simplification provides an important basis for analyzing such transformations while also revealing the limitations of a purely sentence-level perspective. F. Alva-Manchego et al. [1] show that simplification involve different rewriting operations, including lexical replacement, reordering and sentence splitting, with preservation of source meaning remaining a fundamental constraint. Moving beyond isolated sentences, L. Cripwell et al. [2] demonstrate that applying sentence-level simplification independently across a document may fail to preserve its discourse structure coherently. S. Agrawal et al. [3] likewise show that meaning preservation cannot be adequately assessed without considering the wider textual context in which simplified sentences occur. These findings are particularly relevant to narrative discourse, where a locally successful transformation may weaken a relation, whose function becomes apparent only across sentences or episodes.

This problem is closely connected with cohesion and coherence. M.C.J. Scholman et al. [4] treat causal relations as a theoretically and empirically distinguishable class of discourse coherence relations and emphasize the need for explicit analytical criteria. G. Mulder et al. [5] further show that causal coherence relations extend beyond surface linguistic form and are represented at higher levels of discourse interpretation. For narrative discourse, J. Cevasco et al. [6] review evidence demonstrating that causal connections are central to the construction of coherence. Taken together, these studies indicate that retaining an event does not necessarily preserve the relation that motivates it or connects it to its consequence. Compression may remove contextual support for such a relation, whereas causal explication may restore its recoverability through an overt connector or an explicit formulation of motivation or consequence.

Lexical transformation raises a comparable issue because denotative equivalence does not necessarily entail textual-functional equivalence. K. North et al. [7] characterize lexical simplification as the replacement of complex lexical material by simpler alternatives while maintaining the relevant source meaning. In narrative discourse, however, a denotatively close replacement may preserve participant reference or basic propositional content while weakening evaluation, emotional intensity, characterization, or genre marking. The analysis therefore distinguishes lexical substitution, in which reference and relevant textual function remain substantially stable, from neutralization of imagery, in which figurative, evaluative, emotional, characterizing, or genre-related meaning is weakened.

Kazakh folklore-didactic and children's narratives provide particularly suitable material for examining these relations because event-centered organization coexists with dialogue, repetition, evaluative vocabulary, culturally marked imagery, and conventional formulaic expressions. O. Tyshchenko et al. [8] distinguish formulae occurring in different structural positions of fairy-tale discourse and demonstrate their relevance to the organization and pragmatics of folklore texts. In the corpus examined here, folklore formulae comprise conventionalized expressions associated with narrative organization and genre framing, including opening and closing formulae where they occur, as well as recurrent fixed narrative expressions. Conversational discourse formulae are excluded from this category. Such units may remain peripheral to the central event progression while still contributing

substantially to genre framing; their removal can therefore leave the event sequence recoverable while reducing a distinct narrative function.

The A1 and A2 levels of the Common European Framework of Reference for Languages provide the empirical conditions under which different degrees of structural-semantic transformation can be compared. The Council of Europe [9] establish the reference framework for these proficiency levels, while Z. Iskakova et al. [10] specifically emphasize the role of lexical and grammatical selection in A2-level Kazakh-language materials. In this study, however, A1 and A2 are not treated as the principal theoretical object. They function as two controlled transformation conditions that allow changes within the same source narrative to be compared. The central linguistic question is therefore not whether a transformed text merely corresponds to a particular proficiency label, but how its internal textual organization changes when linguistic material is compressed, redistributed, substituted, explicated, or functionally recast.

Despite substantial progress in research on text simplification and discourse organization, the relation between particular transformation operations and their consequences for narrative structure remains insufficiently described. Existing studies account for a range of lexical and syntactic transformations and increasingly recognize the importance of document-level meaning preservation [1–3], while discourse research provides established approaches to coherence and causal relations [4–6]. Less clear is how an identifiable structural-semantic operation affects several interconnected properties within aligned versions of the same narrative: whether referential and lexical cohesion is retained or reconstructed; whether causal relations remain recoverable; whether the event sequence remains functionally connected; and whether genre framing, characterization, conflict presentation, plot resolution, and pragmatic closure are retained, reduced, or recast. These questions have received particularly limited attention in relation to transformed Kazakh folklore-didactic and children's narratives.

To address this problem, the study analyses eight aligned original–A1–A2 sequences comprising eight Kazakh source narratives and sixteen purpose-built transformed versions. The corpus contains 24 textual units and 612 transformational segments. Six primary operations – structural compression, syntactic simplification, lexical substitution, semantic reduction, causal explication, and neutralization of imagery – are examined in relation to three interconnected dimensions: cohesive reorganization, causal coherence and event sequence, and narrative function. Preservation of the functional narrative core is assessed separately as a control category of functional continuity. This core is identified through the recoverability of the relation linking the principal participant, key event, motive or causal relation, plot resolution, and pragmatic closure.

The study proposes a two-level model that separates the formal identification of a structural-semantic operation from its consequences for textual organization. The model establishes whether transformation retains, weakens, or reconstructs cohesive relations; whether causal relations remain recoverable, become explicit, or are disrupted across the event sequence; and whether narrative functions are retained, reduced, or recast. This distinction makes it possible to account for cases in which extensive compression preserves macro-level coherence because functionally necessary relations remain recoverable, as well as cases in which a comparatively limited local transformation produces semantic distortion by disrupting a relation required for interpreting subsequent events, plot resolution, or pragmatic closure.

Accordingly, the study aims to determine how structural-semantic operations reorganize cohesion, causal coherence, event sequence, and narrative functions in Kazakh folklore-didactic and children's narratives under two transformation conditions and to identify the functional relations that remain invariant in coherent transformed versions. The following research questions are addressed:

1. How do structural-semantic operations reconfigure local and inter-sentential cohesion in aligned original–A1–A2 sequences of Kazakh narratives?

2. How do compression, syntactic restructuring, and causal explication affect causal coherence and the recoverability of relations across the event sequence?

3. Which narrative functions are retained, reduced, or recast across transformation, and which relations constitute the functional narrative invariant required for macro-level coherence?

4. How do the profiles of cohesive reorganization, causal explicitness, event-sequence preservation, and functional continuity differ between the A1 and A2 versions of the same source narratives?

The study thus treats A1 and A2 as comparative conditions of structural-semantic reorganization rather than as two quantitative degrees of shortening. Its central linguistic concern is how local transformations redistribute cohesive resources, alter the recoverability of causal and event relations, and preserve or recast the functions through which narrative continuity, plot resolution, and pragmatic closure are established.

Literature review

Current research increasingly treats text simplification as a set of identifiable linguistic operations rather than as a uniform reduction in length or difficulty. R. Cardon et al. [11] organize the field around the notion of *operations*, understood as modifications applied to an input text during transformation. This perspective is particularly useful when the analytical task is to distinguish a formal change from its consequences for the text as a whole. I. Espinosa-Zaragoza et al. [24], reviewing research-based simplification tools across languages, target populations, and linguistic levels, likewise demonstrate considerable variation in both the phenomena subjected to simplification and the criteria used to evaluate transformed texts. Such diversity makes a purely quantitative conception of transformation inadequate. N.G. Burmakina [16], for example, reports that automatically simplified texts may continue to contain syntactically complex structures and unjustified lexical substitutions and may distort content despite improvements in selected formal indicators. Taken together, these studies support an operation-based approach in which compression, restructuring, substitution, and explication are evaluated not only as formal procedures but also in terms of their effects on textual organization.

The shift from sentence-level to document-level analysis makes this distinction especially important. L. Vázquez-Rodríguez et al. [12] show that coherence requires separate consideration when simplification extends from isolated sentences to multi-sentence texts; their coherence-aware evaluation demonstrates that document-level transformation introduces problems that sentence-level metrics do not adequately capture. A. Grubišić et al. [13] reach a related conclusion in their analysis of split-and-rephrase procedures: shorter and lexically simpler output may facilitate processing, yet restructuring can weaken coherence, textual unity, or stylistic continuity when relations across sentences are not sufficiently controlled. Narrative material intensifies this problem because relevant dependencies often extend across several clauses, sentences, and episodes. T. Schomacker et al. [14], working with aligned German narrative documents, identify narrative simplification as a particularly underdeveloped area and demonstrate the limitations of existing generation approaches when applied to longer narrative material. A. Farajidizaji et al. [15] add that larger shifts in readability tend to be accompanied by lower semantic and lexical similarity to the source. The degree of transformation therefore needs to be considered together with the preservation of relations required for interpreting the transformed text as a coherent whole.

One such relation is referential cohesion. A. Díaz-Negrillo et al. [17], analyzing written and spoken narratives, show that narrative discourse configuration is associated with the selection of referring expressions and the maintenance of reference across connected structures. Although their study concerns L2 English rather than simplified texts, its relevance lies in the textual mechanism it describes: continuity is not carried by individual lexical items in isolation but by the distribution of referring expressions across discourse. This becomes particularly consequential after syntactic splitting. When a participant previously maintained within a complex sentence must be tracked across two or more

independent sentences, cohesive work may shift to repeated nomination, pronouns, or other explicit forms of reference. Syntactic splitting therefore does more than reduce structural complexity; it may redistribute the linguistic resources through which participant continuity is maintained.

Narrative coherence, however, depends not only on participant continuity but also on the relations connecting events. R.A. Zwaan [23], revisiting the event-indexing model of narrative comprehension, describes narrative events as linked across several dimensions, including entities or protagonists, goals, time, space, and physical causation. This multidimensional account is particularly relevant to transformed narratives because chronological preservation does not necessarily entail preservation of the relations that make successive events intelligible. In the analytical framework adopted here, **event sequence** refers to the ordered progression and functional connection of events within a narrative, whereas **causal coherence** concerns the recoverability of motivational and cause–consequence relations between those events. The two dimensions are related but not interchangeable. Two episodes may remain in their original order while the motive, goal, or causal relation connecting them has been removed; conversely, a compressed version may retain a coherent event configuration when an implicit relation is made linguistically recoverable. The relevant question is therefore not simply whether an event remains present after transformation, but whether its relation to preceding and subsequent events can still be interpreted. From this perspective, causal explication may compensate for contextual information lost through compression or restructuring rather than merely increase the explicitness of the transformed text.

Lexical transformation presents a parallel problem. C.-O. Truică et al. [18] formulate lexical simplification as a reduction in lexical difficulty that should not entail loss of meaning or nuance, while E. Graichen et al. [19] emphasize the importance of contextual information in selecting appropriate lexical replacements. J.A. Ortiz-Zambrano et al. [20] further demonstrate that lexical complexity is associated with a combination of linguistic and contextual characteristics rather than with a single surface feature; their analysis incorporates lexical, semantic, and sequence-related information. These findings make it necessary to distinguish a replacement that preserves the relevant textual function of an expression from one that alters its semantic or discourse contribution. In narrative discourse, a simpler lexical unit may remain denotatively appropriate while losing evaluative force, figurative meaning, characterizing potential, or genre-related associations. Lexical substitution and neutralization of imagery therefore cannot be collapsed into a single replacement category: the distinction depends on what remains functionally available in the transformed narrative, not merely on whether one lexical form has been exchanged for another.

This functional distinction is especially important in folklore and children's narratives, where lexical and formulaic material contributes not only to propositional content but also to genre organization, characterization, evaluation, and plot development. L.S. Tokpayeva et al. [21], in a comparative study of Kazakh, Russian, and English children's folklore, show that lexical and phraseological organization varies across folklore genres and includes both historically transmitted and nationally marked elements. Their findings caution against treating culturally or genre-marked expressions as dispensable ornament. On Kazakhstani short-story material, G.K. Tileubay et al. [22] similarly demonstrate that textual elements may participate simultaneously in plot organization, character construction, comparison, personification, and broader semantic contexts. Consequently, an element may remain referentially recoverable after transformation while part of its narrative or semantic function has nevertheless been reduced or recast.

Formulaic material requires particularly careful treatment because its formal presence cannot be equated with preservation of the narrative's overall communicative organization. E. Karagöz [26], analyzing tale endings in the Tatar folklore tradition, shows that closing formulae constitute a differentiated class of conventional narrative elements and distinguishes several functional types, including instructive closing formulae. This is relevant to Turkic folklore material because it demonstrates that

tale-final formulae have identifiable structural and genre-related status. A folklore formula, however, is not equivalent to pragmatic closure. A closing formula is a conventional linguistic unit occupying a particular position within the textual organization of a narrative, whereas pragmatic closure concerns the communicative effect produced by the completed narrative as a whole. This distinction is also related to plot resolution, which denotes the outcome through which the central narrative problem or conflict reaches its conclusion. Plot resolution and pragmatic closure are therefore functionally connected but analytically distinct: the former concerns what happens to the central problem or conflict, whereas the latter concerns how that outcome, together with the preceding event structure, supports an evaluative, didactic, or other communicative interpretation. A narrative may retain pragmatic closure after a conventional closing formula has been reduced, while preservation of such a formula alone cannot guarantee pragmatic closure if the preceding conflict–action–outcome relation has been disrupted.

The broader research landscape also reveals an important language-specific limitation. I. Espinosa-Zaragoza et al. [24] identify a marked need for simplification resources beyond English, while Y. Veitsman et al. [25] characterize Kazakh, together with other Central Asian Turkic languages, as comparatively under-resourced in contemporary language-processing research and note continuing limitations in linguistic datasets and resources. These studies address computational resources rather than narrative transformation itself, but they help to locate the present linguistic problem: methods developed and evaluated predominantly for high-resource languages cannot substitute for direct analysis of how Kazakh texts reorganize cohesion, lexical-semantic relations, and narrative structure under transformation. At the same time, the Kazakh-related research represented here illuminates individual lexical, folkloric, or text-semantic properties [21, 22] rather than aligned transformations of the same narrative across controlled versions.

The reviewed literature therefore identifies several components of the problem without yet integrating them into a single analytical account. Research on simplification describes transformation operations and the risks associated with increasingly extensive modification [11–16]; studies of cohesion show that referential continuity is distributed across discourse [17]; lexical research establishes contextual and semantic constraints on replacement [18–20]; narrative research conceptualizes events as relationally rather than merely sequentially organized [23]; and studies of children’s folklore and narrative semantics demonstrate that linguistic elements may simultaneously serve referential, evaluative, genre-related, and plot functions [21, 22, 26]. What remains insufficiently described is how these dimensions interact within aligned source and transformed versions of Kazakh narratives. In particular, no segment-level model has yet systematically linked a formally identified transformation operation to its consequences for cohesion, causal coherence, event sequence, and narrative function, nor has it been established which relations may be reduced or recast and which must remain recoverable for a transformed narrative to preserve its functional core. The present study addresses this gap by separating the primary transformation operation from its textual effect and tracing both across aligned original–A1–A2 sequences.

Materials and methods

Research material and corpus formation

The study used a purpose-built corpus of Kazakh folklore-didactic and children’s narratives together with two systematically transformed versions of each source text. Eight source narratives were selected from the open Kazakh-language resources *Balalar Alemi*, *Ertegiler.kz*, and *Adebportal*. Corpus formation was guided by the need to trace structural-semantic transformations within narratives possessing a sufficiently stable event structure to permit segment-level alignment between the source text and its transformed versions.

A text was included if it:

- 1) was written in Kazakh;
- 2) represented a folklore-didactic or children's narrative;
- 3) contained an identifiable progression from an initial situation through event development and a problem or conflict episode to a plot resolution;
- 4) allowed linguistic transformation without reconstruction of the central plot;
- 5) contained features relevant to the analysis, including dialogue, figurative or evaluative vocabulary, conventional folklore formulae, culturally marked units, or syntactically extended constructions.

In accordance with the terminology adopted in this study, folklore formulae refer to conventionalized expressions associated with the organization and genre framing of folklore narrative, including opening or closing formulae where present and other fixed narrative expressions represented in the corpus; conversational discourse formulae are not included in this category. Narratives with highly branched plots, numerous interacting characters, predominantly static description, or strong dependence on an extended mythological context were excluded because such features would reduce the reliability of segment alignment and make it difficult to attribute observed changes to individual structural-semantic operations. The eight source narratives and the linguistic and narrative features that motivated their inclusion in the corpus are summarized in Table 1.

Table 1. Corpus of original Kazakh narrative texts

No.	Source text	Source of the original text	Basis for inclusion in the corpus
1	“Tapqyr qoian”	Balalar Alemi	Dialogue, sequential event development, and a plot resolution with an evaluative implication
2	“Qoian men tasbaqa”	Balalar Alemi	Conflict-based event sequence and contrast between character actions
3	“Änshi qoian”	Balalar Alemi	Characterization, pursuit dynamics, and expressive narration
4	“Maqta qyz ben mysyq”	Adebportal	Chain composition, dialogue, repetition, and a culturally recognizable plot
5	“Ür, toqpaq”	Adebportal / Ertegiler.kz	Conventional folklore formulae, a magical object, and relations between event sequence and causality
6	“Altyn saqa”	Ertegiler.kz	Culturally marked imagery, plot tension, and expressive vocabulary
7	“Tülki, tasbaqa jäne kene”	Ertegiler.kz	Contrastive character actions, dialogic organization, and an evaluative narrative orientation
8	“Jaqsylыq pen Jamandyq”	Ertegiler.kz	Semantic opposition, sequential event development, and a plot resolution with an evaluative implication

As Table 1 indicates, the corpus was deliberately heterogeneous with respect to dialogue, imagery, formulaic language, characterization, and event configuration, while all eight narratives retained an identifiable central event structure. This combination made it possible to compare the effects of the same general transformation categories across texts in which particular linguistic and narrative functions were realized differently.

For each source narrative, one A1 and one A2 version were produced according to the same transformation protocol. The resulting corpus therefore comprised 24 textual units: eight source texts, eight A1 versions, and eight A2 versions. Its organization as eight aligned original–A1–A2 sequences made it possible to trace changes within the same narrative rather than compare unrelated texts. Alignment was used to examine changes in syntactic organization, lexical representation, referential and lexical cohesion, event sequence, causal relations, imagery, and narrative function.

The A1 and A2 versions were created specifically for the study rather than taken from textbooks or previously published graded materials. *Tilqural.kz* was consulted only as an auxiliary reference for the

general organization of Kazakh-language materials by proficiency level and was not used as a source of corpus texts or transformed versions. A1 and A2 were treated analytically as two comparative conditions of structural-semantic transformation. The A1 condition involved a greater degree of formal restructuring and reduction, whereas the A2 condition permitted denser retention of source-text relations and narrative organization. Accordingly, the proficiency labels functioned as conditions under which different transformation profiles could be compared; they were not themselves the primary object of the linguistic analysis.

Transformation protocol and procedure for structural-semantic analysis

The transformation protocol distinguished between variable linguistic form and the functional narrative core that had to remain recoverable for a transformed version to preserve macro-level coherence. The functional narrative core comprised the principal participant or participants, the key event, the motive or causal relation necessary for interpreting that event, the plot resolution, and the pragmatic closure of the narrative. These components were treated as related but analytically distinct. Plot resolution refers to the outcome through which the central narrative problem or conflict is resolved. Pragmatic closure refers to the overall communicative effect of the completed narrative, including an evaluative or didactic implication where such an implication is recoverable from the preceding event structure. The presence of a final evaluative statement was therefore not, by itself, treated as evidence of pragmatic closure if its relation to the preceding events had been disrupted.

Peripheral description, individual dialogic turns, expressive detail, imagery, genre-framing material, and secondary episodes could be compressed, reformulated, or omitted only where their modification did not make a functionally necessary relation within the central narrative structure unrecoverable. This principle distinguished reduction of peripheral material from transformation that disrupted participant continuity, causal motivation, event progression, plot resolution, or the overall communicative effect of the narrative.

The A1 versions employed shorter syntactic units, predominantly direct word order, more frequent lexical items, repeated key nominations, restricted synonymic variation, reduced descriptive material, and limited figurative language. The A2 versions retained a denser event sequence, selected dialogue, evaluative vocabulary, and a greater proportion of genre-related and expressive material. These characteristics were treated as transformation parameters rather than as independent measures of proficiency. The contrast between A1 and A2 was therefore examined not simply through differences in text length, but through the extent to which cohesive resources, causal relations, event connections, and narrative functions were retained, reconstructed, made explicit, reduced, or recast.

The basic unit of analysis was the transformational segment, defined as a lexeme, phrase, clause, sentence, dialogic utterance, or plot micro-fragment that underwent an identifiable change between the source text and at least one transformed version. Each narrative was first segmented according to its functional organization, including exposition, event development, dialogue, description, culmination, and plot resolution. Corresponding fragments were then aligned across the original, A1, and A2 versions. Comparison proceeded in three directions: original–A1, original–A2, and A1–A2. Across the eight aligned narrative sequences, 612 transformational segments were identified.

The analysis proceeded at two levels. At the first level, each transformational segment was assigned one primary code: structural compression, syntactic simplification, lexical substitution, semantic reduction, causal explication, or neutralization of imagery. These six categories describe operations performed on textual material. Preservation of the functional narrative core was recorded separately as a control category of functional continuity rather than as a seventh transformation operation. This distinction ensured that preservation of a narrative relation was not treated as formally equivalent to an operation that modified the source text.

At the second level, the textual consequence of each transformation was assessed across three interconnected dimensions. First, cohesive organization was coded as retained, weakened, or reconstructed

with reference to referential continuity and lexical linkage. Second, causal coherence and event sequence were assessed as distinct dimensions. Causal coherence concerned whether a motive or cause–consequence relation remained recoverable, was made explicit or reconstructed, or was weakened by transformation. Event sequence concerned whether the ordered and functionally relevant progression of events was preserved, compressed, or disrupted. This distinction was necessary because chronological continuity could survive even where the causal relation connecting adjacent events had become less recoverable. Third, narrative functions, including genre framing, characterization, conflict presentation, event progression, plot resolution, and pragmatic closure, were classified as retained, reduced, or recast.

The distinction between the two analytical levels was essential to the coding procedure because formally similar operations could produce different textual consequences depending on their position and function. Syntactic splitting, for example, could preserve propositional content while transferring referential linkage from an intra-sentential structure to repeated nomination or pronominal reference across sentences. Causal explication could reconstruct a motive or cause–consequence relation that had become less inferable after compression. The removal of a conventional folklore formula could reduce genre-framing function without disrupting the central event sequence, whereas deletion of a motivational episode could leave chronological ordering intact while weakening causal coherence. Similarly, preservation of a closing formula was not automatically interpreted as preservation of pragmatic closure, because the latter depended on the functional relation between the preceding event structure, plot resolution, and the communicative effect of the completed narrative.

Quantitative indicators – word and sentence counts, average sentence length, numbers of retained and deleted segments, and frequencies of the six transformation operations – were used to establish the scale and distribution of change. These measures were interpreted together with segment-level evidence concerning cohesive organization, causal coherence, event sequence, and narrative function. The procedure therefore treated transformation as a multilevel reorganization of textual relations rather than as linear simplification measured primarily by reduction in length or sentence complexity.

Coding matrix and parameters for comparing textual transformations

A unified coding matrix was used to record both the linguistic operation applied to each transformational segment and its consequence for textual organization. Segments aligned across the original, A1, and A2 versions received one primary operation code. The matrix therefore separated the formal type of change from its effects on cohesive organization, causal coherence, event sequence, and narrative function. The operational criteria, boundary rules, and text-organizational effects used in coding are presented in Table 2.

As Table 2 shows, the coding scheme was designed to prevent formally similar changes from being treated as functionally equivalent. The primary code identified what operation occurred, whereas the secondary assessment established what relation or narrative function was affected.

Preservation of the functional narrative core was assessed separately from the six primary transformation operations and was excluded from operation-frequency counts. For each aligned narrative sequence, the analysis established whether the principal participant or participants, key event, motive or causal relation, plot resolution, and pragmatic closure remained recoverable after transformation. Plot resolution was treated as the outcome of the central narrative problem or conflict, whereas pragmatic closure referred to the overall communicative effect recoverable from the completed event structure. Preservation of these relations indicated macro-level functional continuity; disruption of a relation necessary for interpreting the narrative was treated as evidence of semantic distortion.

Coding consistency and verification of analytical decisions

All aligned sequences were coded and subsequently reviewed using the same matrix. Borderline cases were resolved through a fixed decision sequence: complete removal of a fragment; syntactic restructuring with the principal proposition retained; denotatively equivalent lexical replacement; loss

Table 2. Coding matrix of structural-semantic transformations

Type	Mandatory criterion	Boundary and priority rule	Text-organizational effect
Structural compression	Complete removal or condensation of a descriptive, explanatory, dialogic, or secondary event fragment, including an independent proposition or plot micro-episode	If the segment remains represented but loses only a semantic component, the case is coded as semantic reduction. If complete removal also eliminates an expressive or genre-framing function, structural compression remains the primary code and the functional loss is recorded as a secondary effect	Reduces episodic density and may weaken cohesive or causal relations or compress the event sequence while leaving the central narrative structure recoverable
Syntactic simplification	Splitting, restructuring, or linearization of a clause or sentence while its principal propositional content is retained	Loss of an independent proposition excludes this code and is classified as structural compression. Loss of a semantic component within a retained proposition is classified as semantic reduction	Redistributes temporal, referential, or logical relations across clauses or sentences and may require reconstruction of inter-sentential cohesion
Lexical substitution	Replacement of a lexical item by a denotatively equivalent or near-equivalent unit while reference, evaluation, and textual function remain substantially stable	If replacement weakens figurative, evaluative, emotional, characterizing, or genre-marking meaning, the case is coded as neutralization of imagery	Retains or reconstructs lexical and referential continuity, often through reduced lexical variation or more transparent nomination
Semantic reduction	Loss of a semantic feature, qualification, or meaning component within a segment whose principal proposition and textual position remain represented	Complete removal of an independent proposition, utterance, or functional fragment is coded as structural compression. Syntactic restructuring without semantic loss is coded as syntactic simplification	Reduces semantic density and may weaken local motivation, characterization, evaluation, or explanatory completeness
Causal explication	A previously implicit motive or cause–consequence relation becomes overtly encoded through a connector, causal construction, or explicit formulation	Rewording, sentence splitting, or chronological sequencing without increased causal or motivational explicitness does not qualify for this code	Reconstructs or strengthens causal coherence where contextual support has been weakened by compression or restructuring
Neutralization of imagery	A retained segment undergoes lexical or syntactic reformulation that weakens figurative, evaluative, emotional, characterizing, or genre-marking meaning	Complete deletion of the relevant fragment is coded as structural compression, with functional loss recorded as a secondary effect. If expressive and textual functions remain substantially stable, the case is coded as lexical substitution	Reduces or recasts genre framing, characterization, emotional intensity, conflict presentation, or another expressive narrative function

of a semantic component within a retained segment; explicit encoding of a previously implicit causal relation; and weakening of figurative, evaluative, characterizing, or genre-framing meaning. The first applicable criterion determined the primary operation, except where lexical replacement demonstrably reduced an expressive or genre-related function, in which case neutralization of imagery took precedence over lexical substitution.

Only one primary operation entered the frequency counts. Additional consequences were recorded as secondary textual effects and were not counted as separate operations. Thus, sentence splitting could be coded as syntactic simplification while also being marked as reconstructing referential cohesion through repeated nomination. This procedure prevented double counting while preserving information about multifunctional textual effects. The second review concentrated on the two principal boundary areas: structural compression versus semantic reduction and lexical substitution versus neutralization of imagery. Quantitative distributions were then checked against the segment-level interpretations to ensure that frequency patterns did not contradict the qualitative coding decisions.

Acceptability of a transformed segment was evaluated against the recoverability of the functional narrative core. A transformation was considered functionally continuous when the relations linking participant, key event, motive or causality, plot resolution, and pragmatic closure remained interpretable in the transformed narrative. Disruption of a necessary motivational or causal relation, breakdown of the event sequence, alteration of the evaluative orientation, or detachment of the final outcome from the preceding event logic was treated as semantic distortion. Importantly, preservation of a final evaluative or formulaic statement alone was not regarded as evidence of pragmatic closure if its functional relation to the preceding events had been lost.

The procedure thus converted the six primary transformation operations and the separate control category of functional narrative-core preservation into a reproducible analytical model linking local linguistic change to cohesive organization, causal coherence, event sequence, and narrative function.

Results

Formal-structural reconfiguration and cohesive continuity in the original, A1, and A2 narratives

The first stage of the analysis examined how measurable formal changes were related to the reorganization of narrative structure. Across the eight aligned original–A1–A2 sequences, total text length and average sentence length decreased substantially, whereas sentence count declined less sharply. This asymmetry indicates that transformation involved not only compression but also the redistribution of relations previously encoded within extended syntactic units across shorter sentences. Table 3 presents the formal-structural profile of the corpus.

Table 3. Formal-structural parameters of the original, A1, and A2 versions of the narrative texts

Parameter	Original texts	A1 versions	A2 versions	Identified pattern
Total length, words	5184	2248	3496	Strongest compression in A1
Average length of one text, words	648.0	281.0	437.0	A2 retains a larger proportion of the narrative
Total number of sentences	232	184	216	Textual reduction is accompanied by syntactic redistribution
Average sentence length, words	22.3	12.2	16.2	Strongest reduction of intra-sentential complexity in A1
Retained segments, %	100.0	56.4	73.1	A2 preserves more source-text relations and episodes
Deleted segments, %	0.0	43.6	26.9	A1 removes more peripheral and functionally secondary material

Measured by word count, the A1 corpus was reduced by 56.6% and the A2 corpus by 32.6% relative to the source texts. These values should be distinguished from the segment-retention percentages in Table 3: the former describe reduction in textual volume, whereas the latter indicate the proportion of aligned source segments retained or deleted. The two transformation conditions therefore cannot be treated simply as proportional degrees of shortening. A1 removed more description, secondary repetition, dialogic material, and expressive detail, producing a more restricted event sequence centered on the principal participants, key event, and plot resolution. A2 retained more linking episodes, causal relations, and dialogue, thereby preserving a denser network of relations supporting both event sequence and causal coherence.

The relation between word count and sentence count further clarifies the structural effect of transformation. Average sentence length decreased from 22.3 words in the source narratives to 12.2 in A1 and 16.2 in A2, while the total number of sentences declined from 232 to 184 and 216, respectively. The comparatively smaller reduction in sentence count reflects syntactic splitting and restructuring:

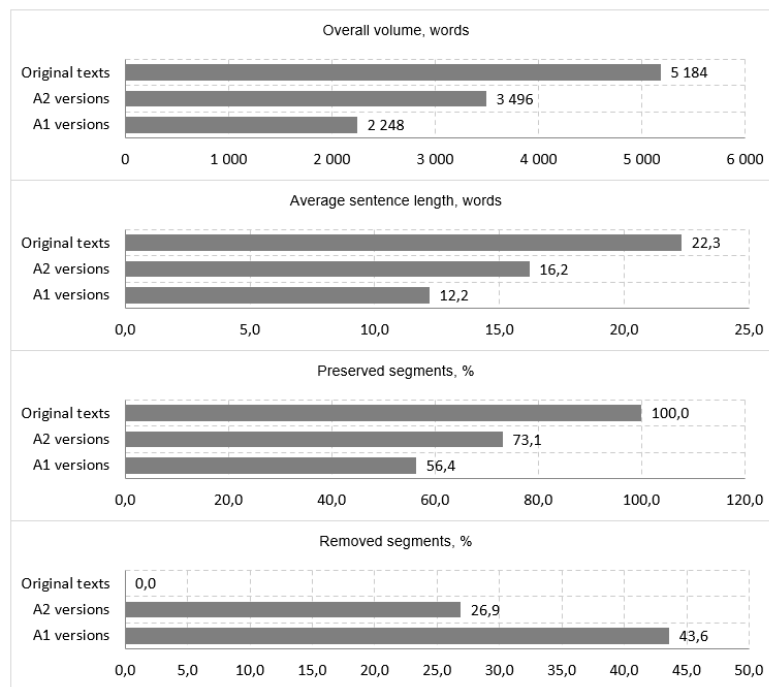

Fig. 1. Compression profile of the original, A1, and A2 versions of the narrative texts

relations previously integrated within extended constructions were redistributed across shorter sentences. This tendency was strongest in A1, where repeated key nominations frequently maintained referential continuity after clause-internal links had been redistributed. Syntactic simplification therefore shifted part of the cohesive load from intra-sentential structure to inter-sentential reference rather than merely reducing grammatical complexity.

The segment data reinforce this distinction. A1 retained 56.4% of source segments and deleted 43.6%, whereas A2 retained 73.1% and deleted 26.9%. More extensive compression in A1 consequently required greater reconstruction of textual continuity through direct succession, repeated nomination, and explicit participant tracking. Because A2 preserved a larger proportion of source segments, more of the original connections between participants, actions, and adjacent episodes remained textually available. The contrast is therefore not only quantitative: the two conditions differ in how cohesive continuity is maintained after structural reduction.

To show how these differences converge across several formal indicators, Fig. 1 compares overall textual volume, average sentence length, and the proportions of retained and deleted segments in the original, A1, and A2 versions.

Taken together, the indicators in Fig. 1 reveal two distinct profiles of structural reorganization. A1 combines stronger compression with greater syntactic redistribution and a lower proportion of retained source segments, making continuity more dependent on reconstructed inter-sentential links. A2 remains formally reduced relative to the source texts but preserves a denser network of source-text relations. The difference between the two conditions thus concerns not simply how much linguistic material is retained, but how cohesion, causal coherence, and event sequence are maintained under different degrees of structural-semantic transformation.

Distribution and text-organizational effects of structural-semantic transformations in A1 and A2 versions

The second stage of the analysis examined the distribution of the coded operations and their consequences for textual organization. Across the eight aligned original–A1–A2 sequences, the dataset comprised 612 coded segment records: 356 in the A1 versions and 256 in A2. Within these records,

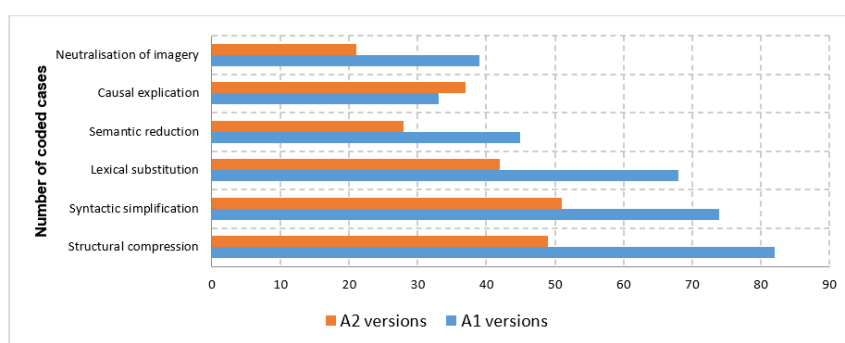

Fig. 2. Frequency of the six primary structural-semantic transformation operations in the A1 and A2 versions

the six primary transformation operations accounted for 341 A1 and 228 A2 cases, while preservation of the functional narrative core was registered separately in 15 and 28 control cases, respectively. This distinction is essential because the control category records functional continuity rather than an operation performed on textual material.

Structural compression, syntactic simplification, and lexical substitution were the most frequent primary operations in both transformation conditions and occurred more often in A1. Causal explication showed the opposite pattern, with a slightly higher absolute frequency in A2 despite the smaller number of coded records at that level. To keep operation frequencies analytically distinct from the control assessment, Fig. 2 presents only the six primary structural-semantic operations.

Structural compression accounted for 82 A1 cases and 49 A2 cases. In A1, it most often affected peripheral description, secondary repetition, parts of dialogue, and episodic detail, reducing the number of intermediate links between events. The event sequence remained recoverable, but continuity more often depended on direct succession and repeated nomination. In A2, less extensive compression left more episodic links available to connect actions and successive stages of the narrative. Structural compression therefore differed between the two conditions not only in frequency but also in the amount of cohesive reconstruction required after deletion.

Syntactic simplification was recorded in 74 A1 and 51 A2 cases. A1 more frequently redistributed propositions from extended constructions across two or more shorter sentences, shifting part of the cohesive load from clause-internal syntax to inter-sentential reference. A2 more often retained sequential actions within a single construction and required less extensive redistribution of their syntactic relations. The operation thus affected the location of cohesive relations within the text rather than merely reducing sentence-level complexity.

Lexical substitution occurred in 68 A1 and 42 A2 cases. Under the coding criteria, this category was restricted to replacements in which denotative reference and relevant textual function remained substantially stable. In A1, more transparent and recurrent nominations frequently supported referential continuity by reducing lexical variation across adjacent sentences. Replacements that weakened figurative, evaluative, emotional, characterizing, or genre-marking meaning were not included in this category but were coded as neutralization of imagery. The lower frequency of lexical substitution in A2 corresponded to greater retention of source-text nominations.

Semantic reduction was identified in 45 A1 and 28 A2 cases. Unlike structural compression, it involved the loss of a semantic component within a segment whose principal proposition remained represented. Reduced material most often concerned additional character attributes, descriptive qualifications, or explanatory detail. In A1, the cumulative effect was lower semantic density and a more linear representation of events; in A2, semantic reduction was more selective. The functional consequence depended on the status of the omitted component: peripheral detail could be reduced without

disrupting narrative continuity, whereas loss of a motivational component could weaken causal coherence by making the relation between action and consequence less recoverable.

Causal explication was the only primary operation more frequent in A2, with 37 cases compared with 33 in A1. Although A2 underwent fewer coded changes overall, it more often made an implicit motive or cause–consequence relation linguistically explicit. In A1, event sequence was frequently maintained through direct linear succession; where a causal result was explicitly marked, connectors such as *sondyqtan* (‘therefore’, ‘for that reason’) provided an overt causal cue. By contrast, *sodan keiin* (‘after that’) marks temporal succession and therefore contributes primarily to explicit event sequencing rather than, by itself, to causal coherence. This distinction is important because chronological ordering alone was not coded as causal explication. Across the corpus, causal explication functioned as a compensatory mechanism where compression or restructuring had weakened the contextual basis from which a motivational or cause–consequence relation could otherwise be inferred.

Neutralization of imagery was recorded in 39 A1 and 21 A2 cases. These transformations involved a demonstrable weakening of figurative, evaluative, emotional, characterizing, or genre-marking meaning rather than denotatively equivalent lexical replacement. In A1, expressive verbs, emotionally intensified utterances, and folklore formulae were more frequently neutralized. Such changes generally left the event sequence recoverable but reduced genre framing, characterization, conflict intensity, or another expressive narrative function. A2 retained these functions more often, particularly where expressive material contributed simultaneously to event representation and characterization.

Preservation of the functional narrative core was assessed separately from the six operations and was recorded in 15 A1 and 28 A2 control cases. These values are therefore not transformation-operation frequencies. The control assessment concerned the recoverability of the functional relation linking the principal participant, key event, motive or causal relation, plot resolution, and pragmatic closure. Plot resolution and pragmatic closure remained analytically distinct: the former concerns the outcome of the central narrative problem or conflict, whereas the latter concerns the overall communicative effect produced by the completed narrative. The higher number of control cases in A2 corresponds to its greater retention of source-text relations, while A1 more often reduced the same functional chain to a minimally elaborated sequence.

Taken together, the distribution reveals two different profiles of structural-semantic reorganization. A1 relies more heavily on compression, syntactic redistribution, and lexical substitution, with a greater reduction of expressive and genre-related functions. A2 preserves more source-text relations and uses causal explication more frequently to maintain the recoverability of motivational and cause–consequence relations. The six operations therefore constitute not a simple inventory of surface changes but distinct mechanisms whose textual effects emerge in cohesive organization, causal coherence, event sequence, and narrative function.

Segment-level transformation and the reorganization of cohesion, causal coherence, event sequence, and narrative function

The corpus-level patterns were further examined through aligned transformational segments. The purpose of this analysis was not merely to illustrate the six primary operations, but to establish how a locally identifiable structural-semantic change affected referential and lexical cohesion, causal coherence, event sequence, and narrative function. The selected segments represent different narrative configurations in the corpus, including animal narratives, chain-structured folklore, magical tales, and didactic narratives such as “Tapqyr qoian”, “Qoian men tasbaqa”, “Maqta qyz ben mysyq”, and “Altyn saqa”.

In accordance with the two-level coding procedure, Table 4 assigns one primary structural-semantic operation to each illustrated transformation, while its consequences for textual organization are analyzed separately. English translations are provided for all Kazakh-language examples; morpheme-level glosses are added where the interpretation depends on a specific grammatical construction.

Table 4. Segment-level structural-semantic transformations and their textual effects

Source segment	A1 version	A2 version	Primary operation illustrated	Effect on textual organization
Qoian aňdardy basynan aiağyna deňin aralap shyğyp, bärine birdei körsetem degenshe qazandağy su suyp qalady. <i>‘By the time the rabbit has gone around all the animals to show the water to each of them, the water in the pot cools down.’</i>	Qoian sudy aňdarga körsetti. Su suydı. <i>‘The rabbit showed the water to the animals. The water cooled.’</i>	Qoian sudy barlyq aňga körsetip shyqqansha, su suyp qaldy. <i>‘By the time the rabbit had shown the water to all the animals, it had cooled.’</i>	Syntactic simplification	A1 redistributes the temporal relation across two independent sentences and maintains continuity through lexical recurrence. A2 retains the temporal dependency within a single construction; <i>-qanşa</i> in <i>shyq-qan-sha</i> marks the terminative relation ‘until/by the time’.
Al qulyğyn asyrğan tapqyr qoian suyp qalğan sudy basyna biraq köterip, sımırıp salady. <i>‘But the resourceful rabbit, having outwitted them, lifts the cooled water and gulps it down.’</i>	Qoian suyp sudy ıstı. <i>‘The rabbit drank the cold water.’</i>	Tapqyr qoian suyp qalğan sudy ıstıp qoidy. <i>‘The resourceful rabbit drank the cooled water.’</i>	Neutralization of imagery	A1 removes the expressive manner of the action and the characterizing nomination <i>tapqyr</i> ‘resourceful/clever’. A2 also neutralizes the expressive action sequence but retains <i>tapqyr</i> , preserving part of the characterizing function.
Erte, erte ertede, eşki jünü börtede... <i>‘Long, long ago, in ancient times, when the goat’s fleece was mottled ...’</i> [conventional folklore opening]	Bır küni qoian tasbaqany kördi. <i>‘One day the rabbit saw the tortoise.’</i>	Erte kezde bır qoian bolypty. Bır küni ol tasbaqany köripti. <i>‘Long ago there lived a rabbit. One day it saw a tortoise.’</i>	Structural compression	A1 removes the folklore opening completely, eliminating its genre-framing function. A2 retains a reduced folklore frame through <i>Erte kezde</i> ‘long ago’. Genre-framing loss or recasting is recorded as a secondary textual effect rather than as an additional operation.
Qoiannyň oyna bır aram ol kelipti. <i>‘A malicious thought came into the rabbit’s mind.’</i>	Qoian jaman ol oilady. <i>‘The rabbit had a bad thought.’</i>	Qoiannyň oyna jaman ol keldi. <i>‘A bad thought came into the rabbit’s mind.’</i>	Lexical substitution	The evaluatively marked <i>aram</i> ‘malicious/wicked’ is replaced by the more general <i>jaman</i> ‘bad’. Negative evaluation and the referential function remain recoverable; A2 additionally retains the source pattern of internal-state representation.
Maqta qyz üni jınap jürüp, bır meiz taup alady da, mysyqty şaqyrady. <i>‘While cleaning her house, Maqta qyz finds a raisin and calls the cat.’</i>	Maqta qyz meiz taptı. Ol mysyqty şaqyrdy. <i>‘Maqta qyz found a raisin. She called the cat.’</i>	Maqta qyz üni jınap jürüp, meiz taup aldy da, mysyqty şaqyrdy. <i>‘While cleaning the house, Maqta qyz found a raisin and called the cat.’</i>	Syntactic simplification	A1 distributes the sequential actions across separate sentences and reconstructs participant continuity through <i>ol</i> ‘3SG’ (‘she’ in this context). A2 retains clause-internal linkage between the actions.
— Kelmeseň kelme! — dep, meizdi özi jep qoiady. <i>“‘If you do not come, then do not!’ she says and eats the raisin herself.’</i>	Mysyq kelmedi. Qyz meizdi özi jedi. <i>‘The cat did not come. The girl ate the raisin herself.’</i>	Mysyq kelmegen soň, Maqta qyz meizdi özi jep qoidy. <i>‘Since the cat did not come, Maqta qyz ate the raisin herself.’</i>	Causal explication	A2 replaces an inferable relation with overt causal marking through <i>kel-me-gen soň</i> (come-NEG-PTCP since/after) ‘since [the cat] did not come’. The source dialogic sequence is thereby recast as explicitly causally related narration.

End of Table 4

Source segment	A1 version	A2 version	Primary operation illustrated	Effect on textual organization
— Endeşe qatyğyňdy tögem! — deidi. “ <i>Then I will spill your qatyq [fermented milk]!</i> ” [the cat] says.’	Mysyq aşulandy. ‘ <i>The cat became angry.</i> ’	Mysyq aşulanyňp, qatyqy tögetinini aitty. ‘ <i>The cat became angry and said that it would spill the fermented milk.</i> ’	Semantic reduction	A1 retains the emotional state but removes the proposition expressing the threat. A2 recasts direct speech as indirect narration while preserving the threat as a conflict-organizing function.
Baidyň jylqylary osy ökpeden ürküp, su işpei qoiypty. ‘ <i>The bai’s horses were frightened by the lung and would not drink the water.</i> ’	Jylqylar qoryqty. Olar su işpedi. ‘ <i>The horses were frightened. They did not drink the water.</i> ’	Baidyň jylqylary ökpeden qorqyp, su işpei qoidy. ‘ <i>The bai’s horses, frightened by the lung, did not drink the water.</i> ’	Syntactic simplification	A1 separates the initiating condition and its consequence into adjacent sentences while maintaining referential cohesion through the nominal—pronominal chain <i>jylqylar—olar</i> ‘horses—they’. A2 retains the relation within one syntactic construction.
Bai olardy qanşa aidasa da, suğa jaqyndatu mümkin bolmaidy. ‘ <i>However much the bai drove them on, he could not bring them close to the water.</i> ’	Bai jylqylardy suğa apara almany. ‘ <i>The bai could not take the horses to the water.</i> ’	Bai jylqylardy suğa jaqyndatqysy keldi, biraq olar barmady. ‘ <i>The bai wanted to bring the horses closer to the water, but they would not go.</i> ’	Causal explication	A2 overtly separates intention from resistance. The desiderative construction <i>jaqynda-t-qy-sy kel-di</i> (near-CAUS-DESID-3. POSS AUX-PST) encodes the character’s intention, while <i>biraq</i> ‘but’ marks the contrast with the animals’ refusal.
Ökpe suğa batyp ketedi de, köp ūzamai jalmaýyz kempir bolyp shyğady. ‘ <i>The lung sinks into the water and soon emerges as a jalmaýyz kempir [ogress].</i> ’	Ökpe suğa batty. Keiin kempir shyqty. ‘ <i>The lung sank into the water. Then an old woman emerged.</i> ’	Ökpe suğa batyp ketti, sodan keiin jalmaýyz kempir bolyp shyqty. ‘ <i>The lung sank into the water; after that, a jalmaýyz kempir [ogress] emerged.</i> ’	Syntactic simplification	A1 linearizes the event sequence through sentence succession and generalizes the folklore nomination. A2 explicitly marks temporal succession through <i>sodan keiin</i> ‘after that’ and retains the plot-relevant folklore nomination <i>jalmaýyz kempir</i> . The marker is temporal rather than causal and is therefore analyzed as an event-sequence cue, not as causal explication.
Qyz: “Men qüiryğyňdy kesip alamyn!” — deidi. ‘ <i>The girl says, “I will cut off your tail!”</i> ’	Qyz aşulandy. ‘ <i>The girl became angry.</i> ’	Qyz aşulanyp, mysyqy jazalaitynini aitty. ‘ <i>The girl became angry and said that she would punish the cat.</i> ’	Semantic reduction	A1 removes the specific threatening proposition and retains only the emotional state. A2 generalizes the threat as punishment and recasts direct speech as indirect narration while retaining its conflict-organizing function.

Note. Preservation of the functional narrative core was assessed independently and was not treated as a primary structural-semantic operation. It is therefore neither represented as a separate operation in Table 4 nor included among the six operation types. The control assessment concerns the recoverability of the principal participant, key event, necessary motive or causal relation, plot resolution, and pragmatic closure. The case in which the rabbit avoids danger through ingenuity is considered in the following subsection: both transformed versions preserve the relation between the protagonist’s character and the plot outcome, while A2 retains the more specific characterizing nomination *tapqyr* ‘resourceful/clever’. Abbreviations used in the grammatical glosses: NEG = negation; PTCP = participle; CAUS = causative; DESID = desiderative; 3.POSS = third-person possessive; PST = past; AUX = auxiliary.

The segment-level evidence shows that syntactic simplification changes the distribution of textual relations rather than merely reducing sentence length. In the source narratives, temporal, sequential, and referential relations may be integrated within a single extended construction; A1 frequently redistributes them across adjacent sentences. In *Maqta qyz meiz tapy. Ol mysyqy şaqyrdy* (‘Maqta qyz found a raisin. She called the cat’), the third-person pronoun *ol* reconstructs referential continuity after the source construction has been split. Similarly, *Jylqylar qoryqty. Olar su işpedi* (‘The horses were

frightened. They did not drink the water’) replaces clause-internal participant continuity with the nominal–pronominal chain *jylqylar–olar* (‘horses–they’). Syntactic simplification thus shifts part of the cohesive load from intra-sentential organization to explicit inter-sentential reference.

The lexical evidence confirms the boundary between lexical substitution and neutralization of imagery established in the coding matrix. In *aram oı → jaman oı* (‘malicious thought’ → ‘bad thought’), the lexical choice becomes less specific, but negative evaluation and the relevant referential function remain recoverable; the change is therefore classified as lexical substitution. By contrast, *Qoian suyq sudy ıstı* (‘The rabbit drank the cold water’) removes both the expressive manner of drinking and the explicit characterizing nomination *tapqyr* ‘resourceful/clever’ present in the source segment. The loss concerns expressive and characterizing function rather than denotative reference and is therefore coded as neutralization of imagery. Structural compression of the folklore formula *Erte, erte ertede, eşki jüm börtede...* (‘Long, long ago...’) produces a different secondary effect: the event sequence remains recoverable, but the conventional genre frame is removed.

Causal explication is distinguished from the mere explicit ordering of events. In *Mysyq kelmegen soñ, Maqta qyz meıızdı özi jep qoidy* (‘Since the cat did not come, Maqta qyz ate the raisin herself’), the construction *kel-me-gen soñ* explicitly encodes the relation between the cat’s absence and Maqta qyz’s subsequent action. Likewise, *Bai jylqylardy suğa jaqyndatqysy keldi, biraq olar barmady* (‘The bai wanted to bring the horses closer to the water, but they would not go’) overtly represents intention and the event that prevents its realization. In both cases, causal or motivational information that had depended more strongly on contextual inference becomes linguistically recoverable. By contrast, *sodan keıın* ‘after that’ in the “Altyn saqa” segment marks succession in the event sequence but does not itself encode a causal relation. This contrast maintains the analytical distinction between causal coherence and chronological or sequential continuity.

Semantic reduction in dialogic material further demonstrates that propositional preservation and functional preservation are not equivalent. The direct threat *Men qııryğyñdy kesip alamyn!* (‘I will cut off your tail!’) simultaneously contributes propositional content, emotional intensity, and conflict progression. A1 reduces the segment to *Qyz aşulandy* (‘The girl became angry’), preserving affect but removing the threatening proposition and its speech-act function. A2 generalizes the threat as *mysyqty jazalaitının aıttı* (‘said that she would punish the cat’), thereby reducing lexical and expressive specificity while retaining the conflict-organizing function. The corresponding *qatyq* example follows the same pattern: the A1 version retains anger alone, whereas A2 preserves the threat through indirect narration.

Taken together, the segment-level evidence identifies three corpus-wide patterns. First, syntactic splitting redistributes cohesive relations from clause-internal organization to inter-sentential reference. Second, causal explication can restore the recoverability of motivational or cause–consequence relations without being conflated with explicit event sequencing. Third, lexical, semantic, and expressive reduction may leave the event sequence intact while reducing or recasting characterization, genre framing, conflict presentation, or another narrative function. A1 relies more strongly on repeated reference and linear sequencing after local reduction, whereas A2 retains a denser network of source-text relations and more often preserves or explicitly reconstructs causal links. Structural-semantic transformation therefore operates as a reorganization of the linguistic resources supporting cohesion, causal coherence, event sequence, and narrative function rather than as a uniform movement from formally complex to formally simple text.

Preservation of the functional narrative core and the limits of structural-semantic transformation

The final stage of the analysis examined which textual relations remained functionally stable across the original–A1–A2 sequences and at what point local transformation began to compromise narrative integrity. The components differed in their tolerance to reduction or recasting. Description, imagery, dialogue, and culturally marked detail could undergo substantial modification, whereas coherent

transformed versions retained a recoverable functional chain linking the principal participant, key event, necessary motive or causal relation, plot resolution, and pragmatic closure. The functional narrative core is therefore understood not as an abstract residue of “main meaning”, but as a relational invariant whose recoverability supports macro-level coherence.

Participant continuity formed the first component of this invariant. Plot-determining characters remained identifiable even when their descriptive, evaluative, or lexical representation changed. The rabbit (*qoian*) retained its role as the protagonist whose actions determine the outcome; the tortoise (*tasbaqa*) remained a contrastive participant; Maqta qyz and the cat (*mysyq*) continued to organize the chain conflict; and the *jalmaýyz kempir* (‘ogress’) remained the source of threat in “Altyn saqa”. Individual nominations could be repeated, simplified, or semantically neutralized without altering these narrative roles. Removing a plot-determining participant, by contrast, would disrupt referential continuity and the functional organization of the event sequence. Character representation was therefore more susceptible to transformation than character function.

The key event showed comparable stability. None of the coherent A1 or A2 versions eliminated an action on which the subsequent event sequence depended. A1 frequently reduced such events to shorter propositions and redistributed associated information across adjacent sentences, whereas A2 retained more circumstantial, dialogic, and sequential material. The contrast concerned the linguistic elaboration of the event rather than its functional presence within the narrative. Event preservation thus operated at the level of narrative organization, while sentence length, lexical density, and the amount of descriptive material remained variable.

Causal coherence constituted a more sensitive boundary. Source narratives frequently made motivation or cause–consequence relations recoverable through event succession, dialogue, or contextual inference rather than through overt causal marking. Transformation could alter the linguistic realization of these relations without eliminating them. A1 more often distributed related events across short propositions and relied on linear event sequencing and contextual adjacency, whereas A2 more often retained the contextual basis of the relation or made it explicit through causal explication. The distinction between causal coherence and event sequence is crucial here: preservation of chronological succession did not by itself guarantee that the motive or cause connecting two events remained recoverable. Once a functionally necessary motivational or cause–consequence relation was lost, the propositions could remain grammatically connected and chronologically ordered while no longer preserving equivalent causal coherence.

Plot resolution and pragmatic closure formed the final two components of the functional narrative core but were assessed separately. Plot resolution concerned whether the outcome of the central problem or conflict remained recoverable after transformation. Pragmatic closure, by contrast, concerned the overall communicative effect of the completed narrative, including an evaluative or didactic implication where such an implication followed from the preceding event structure. A concluding moral or evaluative statement was therefore insufficient on its own to establish pragmatic closure. If the relation linking conflict, action, consequence, and plot resolution had been disrupted, a final evaluative sentence would function as an externally appended comment rather than as a communicative effect generated by the narrative as a whole. The relevant criterion was consequently not the formal presence of a didactic conclusion, but its functional derivability from the preceding narrative structure.

Imagery, expressive detail, dialogue, and folklore formulae were comparatively more variable. Their reduction did not necessarily compromise macro-level coherence, although it could reduce or recast genre framing, characterization, conflict intensity, or expressive function. Removal of an opening folklore formula, for example, left the event sequence recoverable while weakening the conventional folklore frame. Similarly, recasting a direct threat as indirect narration could preserve its role in conflict progression while reducing its illocutionary and expressive force. The same distinction applies to folklore formulae more generally: the presence or absence of a conventional opening or closing formula

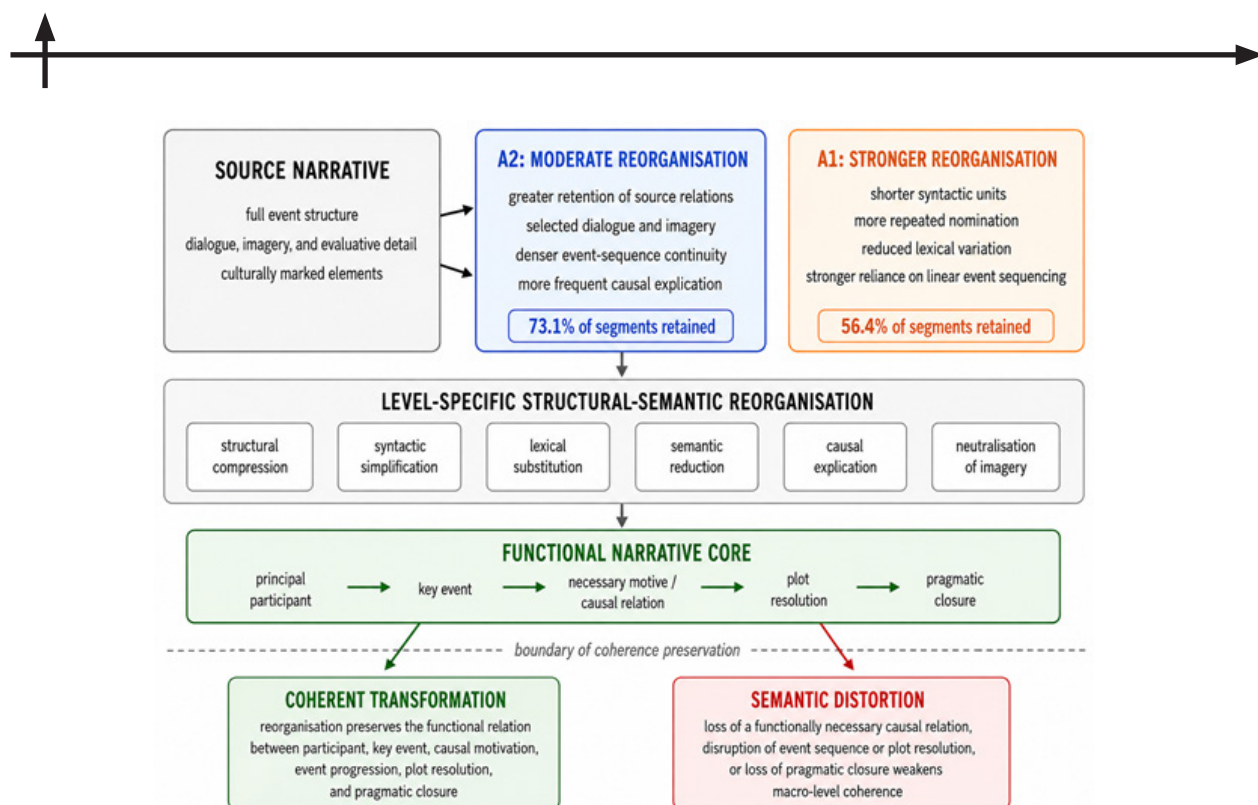

Fig. 3. Functional narrative core and the boundary of structural-semantic transformation in Kazakh A1/A2 narratives

was not equated with pragmatic closure, which depended on the communicative interpretation supported by the narrative as a whole. A2 retained or recast these secondary functions more often, whereas A1 more frequently preserved only the relations necessary for narrative continuity.

These patterns establish the boundary between structural-semantic transformation and semantic distortion. Reduction remained compatible with narrative integrity when participant continuity, the key event, the functionally necessary causal relation, the event sequence, plot resolution, and pragmatic closure remained recoverable. Transformation crossed this boundary when it removed a plot-determining participant, made the motive or cause of a decisive action unrecoverable, disrupted a necessary event connection, altered the plot outcome or its evaluative orientation, or detached the overall communicative effect from the event structure from which it should arise.

Fig. 3 synthesizes this corpus-based model by showing how the six structural-semantic operations may reorganize source-text material to different degrees while preservation of the functional narrative core remains a separate constraint on acceptable transformation.

The model emphasizes that narrative integrity is not proportional to the quantity of verbal material retained. Extensive compression can preserve macro-level coherence when the relational chain linking participant, key event, necessary motive or causal relation, event progression, plot resolution, and pragmatic closure remains reconstructable. Conversely, a formally fuller version may still weaken narrative integrity if a functionally necessary relation is disrupted. A1 and A2 therefore represent different configurations of textual reorganization rather than merely different degrees of shortening: A1 relies more heavily on reconstructed referential continuity and a more linear event sequence after extensive compression, whereas A2 preserves a denser network of source-text relations and more frequently makes causal relations explicit while retaining additional genre-expressive and narrative functions.

Discussion

The findings show that structural-semantic transformation of narrative text is not a linear reduction of linguistic complexity but a reorganization of textual relations. Across the aligned original–A1–A2 sequences, changes in text length and syntax were accompanied by redistribution of cohesive resources, changes in causal recoverability, modification of the event sequence, and reduction or recasting of narrative functions. This supports operation-based approaches to simplification [1, 11] and document-level research showing that locally successful sentence simplification does not necessarily preserve discourse organization [12, 27–29].

The first major result concerns cohesive reconfiguration. In A1, syntactic splitting frequently transferred relations previously encoded within extended constructions to adjacent independent sentences, increasing the role of repeated nominations and pronominal reference in participant tracking. This is consistent with [17], where it is shown that referential cohesion depends on the distribution of referring expressions across discourse, and with [13], where coherence risks in split-and-rephrase procedures are identified. A1 retained 56.4% of source segments and relied more strongly on repeated reference and linear adjacency, whereas A2 retained 73.1% and preserved a denser network of source-text relations. These proportions reflect different structural conditions of coherence preservation [28, 29].

The second major result concerns the distinction between causal coherence and event sequence. Causal explication occurred in 37 A2 and 33 A1 cases despite the smaller number of primary-operation cases in A2. Its function was not simply to make chronology explicit, but to encode a motive or cause–consequence relation whose inferability had been weakened by compression, dialogue reduction, or restructuring. This accords with work treating causal relations as a distinct class of discourse coherence relations [4] and with evidence that causal connections are central to narrative coherence [6]. Zwaan’s multidimensional account of narrative events [23] likewise supports separating chronological succession from causal interpretation. In the present corpus, causal explication functions as a compensatory coherence mechanism: descriptive or episodic material may be reduced while a functionally necessary relation is made more explicit. Event sequence can therefore remain intact even when causal coherence is weakened.

The third result is the non-equivalence of propositional and functional preservation. Folklore formulae, expressive nominations, figurative descriptions, and direct speech contribute to genre framing, characterization, conflict presentation, and evaluative orientation beyond factual content. This corresponds to [21] on lexical and phraseological organization in children’s folklore and [22] on the multiple functions of elements in Kazakhstani narrative. In the present corpus, removal of a folklore opening could preserve the event sequence while reducing genre framing; neutralization of an expressive action could preserve the event while weakening characterization; and reduction of a direct threat to an emotional-state statement could retain affect while diminishing its conflict-organizing function. Narrative transformation is therefore better described in terms of whether functions are retained, reduced, or recast than through a binary opposition between “meaning preserved” and “meaning lost”.

The treatment of formulaic material further supports this distinction. In [8], folklore formulae are identified as structurally and pragmatically relevant elements of fairy-tale discourse, while in [26], it is demonstrated that closing formulae form a differentiated class of conventional narrative units. A folklore formula is an identifiable linguistic unit contributing to genre organization; pragmatic closure is the overall communicative effect of the completed narrative. A closing formula may therefore be removed without eliminating pragmatic closure, while its preservation cannot guarantee pragmatic closure if the preceding conflict–action–outcome relation has been disrupted.

The lexical results similarly confirm the boundary between lexical substitution and neutralization of imagery. Research on lexical simplification emphasizes preservation of source meaning and contextual appropriateness [7, 18–20]. The present data add a narrative-functional criterion: replacement remains lexical substitution when denotative reference and relevant textual function remain

substantially stable; when figurative, evaluative, emotional, characterizing, or genre-marking meaning is weakened, the operation is classified as neutralization of imagery.

The most general result concerns the functional narrative core, treated as a control category rather than a seventh transformation operation. Across coherent transformed versions, the relation linking the principal participant, key event, necessary motive or causal relation, plot resolution, and pragmatic closure remained recoverable despite substantial formal variation. These components form a relational configuration: participant continuity supports reference; the key event anchors progression; motive or causal relation connects action and consequence; plot resolution provides the outcome of the central problem or conflict; and pragmatic closure concerns the overall communicative effect of the completed narrative. Plot resolution and pragmatic closure are therefore related but analytically distinct.

This relational account explains why retained verbal quantity was not proportional to narrative integrity. Extensive reduction could preserve macro-level coherence when the functional narrative core remained reconstructable, whereas a smaller local transformation could produce semantic distortion by removing a necessary causal relation, disrupting the event sequence, altering the plot resolution, or detaching pragmatic closure from the preceding event structure. Recent document-level studies similarly show that meaning preservation must be evaluated independently from surface simplification [28, 29].

The findings thus support the proposed two-level model: the six primary operations identify what changes formally, while the second level records consequences for cohesion, causal coherence, event sequence, and narrative function. This explains why formally similar operations may have different textual outcomes. The Kazakh material is significant because previous research has addressed A2-level lexical-grammatical selection [10], children's folklore [21], narrative semantics [22], and the under-resourced status of Kazakh in language-processing research [25], but not aligned segment-level transformations of the same narratives.

The study is limited to eight narratives with relatively stable event structures and to versions produced under a unified research protocol. Its conclusions concern textual organization rather than reader comprehension. Further research should test the model on independently transformed corpora, broader narrative genres, and naturally occurring level-modified texts, particularly narratives with multiple plot lines, temporal discontinuity, or more complex participant systems.

Conclusion

The study demonstrates that structural-semantic transformation of Kazakh folklore-didactic and children's narratives involves an asymmetrical reorganization of textual relations rather than a proportional reduction of linguistic material. Structural compression and syntactic simplification may reduce or redistribute cohesive resources, while repeated reference and inter-sentential linkage reconstruct referential continuity after syntactic restructuring. Causal explication performs a different function: it can compensate for contextual information weakened by compression by making a necessary motive or cause-consequence relation linguistically recoverable. The findings therefore confirm the analytical importance of distinguishing causal coherence from event sequence, since chronological continuity may remain intact even when the causal relation between events has been weakened.

The analysis also shows that preservation of propositional content does not necessarily entail preservation of narrative function. Genre framing, characterization, conflict presentation, imagery, and expressive force may be reduced or recast while the central event sequence remains recoverable. Macro-level coherence was maintained where the functional narrative core remained reconstructable as a relation linking the principal participant, key event, necessary motive or causal relation, plot resolution, and pragmatic closure. Within this configuration, plot resolution denotes the outcome of the central narrative problem or conflict, whereas pragmatic closure denotes the overall communicative effect of the completed narrative; the two are therefore functionally related but analytically distinct.

A1 and A2 revealed different profiles of textual reorganization rather than two proportional degrees of shortening. A1 relied more strongly on compression, syntactic redistribution, repeated reference, and linear event sequencing, whereas A2 retained a denser network of source-text relations and more frequently made causal relations explicit while preserving additional narrative functions.

The proposed two-level model consequently distinguishes six primary transformation operations from their effects on cohesion, causal coherence, event sequence, and narrative function, while treating preservation of the functional narrative core as a separate control category. This distinction provides a linguistically grounded framework for analyzing how transformed narratives preserve coherence and where structural-semantic modification begins to develop into semantic distortion.

REFERENCES

- [1] **Alva-Manchego F., Scarton C., Specia L.**, Data-Driven Sentence Simplification: Survey and Benchmark, *Computational Linguistics*, 46 (1) (2020) 135–187. DOI: 10.1162/coli_a_00370
- [2] **Cripwell L., Legrand J., Gardent C.**, Document-Level Planning for Text Simplification, *Proceedings of the 17th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics (EACL 2023)*, (2023) 993–1006. DOI: 10.18653/v1/2023.eacl-main.70
- [3] **Agrawal S., Carpuat M.**, Do Text Simplification Systems Preserve Meaning? A Human Evaluation via Reading Comprehension, *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, 12 (2024) 432–448. DOI: 10.1162/tacl_a_00653
- [4] **Scholman M.C.J., Demberg V., Sanders T.J.M.**, Descriptively Adequate and Cognitively Plausible? Validating Distinctions between Types of Coherence Relations, *Discours*, 30 (2022) 1–33. DOI: 10.4000/discours.12075
- [5] **Mulder G., Sanders T.J.M.**, Causal coherence relations and levels of discourse representation, *Discourse Processes*, 49 (6) (2012) 501–522. DOI: 10.1080/0163853X.2012.692655
- [6] **Cevasco J., Acosta Buralli K.**, Construction of coherence in the comprehension of narratives: Studies on the importance of the establishment of causal connections, gaps in current research and future directions, *Psychologist Papers*, 44 (1) (2023) 45–54. DOI: 10.23923/pap.psicol.3010
- [7] **North K., Ranasinghe T., Shardlow M., Zampieri M.**, Deep learning approaches to lexical simplification: A survey, *Journal of Intelligent Information Systems*, 63 (1) (2025) 111–134. DOI: 10.1007/s10844-024-00882-9
- [8] **Tyshchenko O., Fígedyová M.**, The image base of fairy-tale formula in the structure of folklore text (based on Russian, Slovak, and Czech fairy tales and their translations), *Slavistica Vilnensis*, 68 (2) (2023) 115–127. DOI: 10.15388/SlavViln.2023.68(2).9
- [9] Council of Europe, *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment – Companion Volume*, Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2020. 280 p.
- [10] **Iskakova Z., Demessinova L., Zinedina A., Yesbossyn L., Ospanova D., Zhumabay M., Yerbaty-rova Z.**, The significance of the lexical-grammatical minimum in teaching Kazakh at the A2 level, *Theory and Practice in Language Studies*, 15 (10) (2025) 3477–3488. DOI: 10.17507/tpls.1510.36
- [11] **Cardon R., Bibal A.**, On operations in automatic text simplification, *Proceedings of the Second Workshop on Text Simplification, Accessibility and Readability*, (2023) 116–130.
- [12] **Vásquez-Rodríguez L., Shardlow M., Przybyła P., Ananiadou S.**, Document-level text simplification with coherence evaluation, *Proceedings of the Second Workshop on Text Simplification, Accessibility and Readability*, (2023) 85–101.
- [13] **Grubišić A., Žitko B., Gašpar A., Vasić D., Dodaj A.**, Evaluation of split-and-rephrase output of the knowledge extraction tool in the intelligent tutoring system, *Expert Systems with Applications*, 187 (2022) 115900. DOI: 10.1016/j.eswa.2021.115900
- [14] **Schomacker T., Dönicke T., Tropmann-Frick M.**, Exploring automatic text simplification of German narrative documents, *Proceedings of the 19th Conference on Natural Language Processing (KONVENS 2023)*, (2023) 139–148. DOI: 10.48550/arXiv.2312.09907
- [15] **Farajidizaji A., Raina V., Gales M.**, Is it possible to modify text to a target readability level? An initial investigation using zero-shot large language models, *Proceedings of the 2024 Joint International*

Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024), (2024) 9325–9339. DOI: 10.48550/arXiv.2309.12551

[16] **Burmakina N.G.**, Automated text simplification in the field of inclusive social addressing, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 7–14. DOI: 10.18721/JHSS.15301

[17] **Díaz-Negrillo A., Espinola Rosillo M.C.**, Mode of production and (referential) cohesion: An L2 English corpus-based study of syntactic coordination, *System*, 121 (2024) 103247. DOI: 10.1016/j.system.2024.103247

[18] **Truică C.-O., Stan A.-I., Apostol E.-S.**, SimpLex: a lexical text simplification architecture, *Neural Computing and Applications*, 35 (8) (2023) 6265–6280. DOI: 10.1007/s00521-022-07905-y

[19] **Graichen E., Jönsson A.**, Context-aware Swedish lexical simplification, *Proceedings of the Second Workshop on Text Simplification, Accessibility and Readability*, (2023) 11–20.

[20] **Ortiz-Zambrano J.A., Espín-Riofrío C.H., Montejo-Ráez A.**, Deep encodings vs. linguistic features in lexical complexity prediction, *Neural Computing and Applications*, 37 (2025) 1171–1187. DOI: 10.1007/s00521-024-10662-9

[21] **Tokpayeva L.S., Kuzembayeva G.A., Spulber D.P.**, A comparative lexical analysis of Kazakh, Russian and English children's folklore, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (1) (2024) 107–125. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-107-125

[22] **Tileubay G.K., Joldasbekova B.U., Tattimbetova K.O.**, Semiotics of objects in a modern Kazakhstani story // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (4) (2024) 1390–1402. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1390-1402

[23] **Zwaan R.A.**, Comprehension: from clause to conspiracy narrative, *Discourse Processes*, 61 (4–5) (2024) 166–179. DOI: 10.1080/0163853X.2024.2327271

[24] **Espinosa-Zaragoza I., Abreu-Salas J., Lloret E., Moreda P., Palomar M.**, A review of research-based automatic text simplification tools, *Proceedings of the 14th International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing*, (2023) 321–330.

[25] **Veitsman Y., Hartmann M.**, Recent advancements and challenges of Turkic Central Asian language processing, *Proceedings of the First Workshop on Language Models for Low-Resource Languages*, (2025) 309–324.

[26] **Karagöz E.**, Closing formulae in tales: The case of Idel-Ural (Tatar) tales, *Motif Academy Journal of Folklore*, 14 (36) (2021) 1207–1226. DOI: 10.12981/mahder.1016619

[27] **Bakker J., Kamps J.**, Beyond sentence-level text simplification: Reproducibility study of context-aware document simplification, *Proceedings of the Workshop on DeTermIt! Evaluating Text Difficulty in a Multilingual Context @ LREC-COLING 2024*, (2024) 27–38.

[28] **Cripwell L., Legrand J., Gardent C.**, Evaluating document simplification: On the importance of separately assessing simplicity and meaning preservation, *Proceedings of the 3rd Workshop on Tools and Resources for People with READING Difficulties (READI) @ LREC-COLING 2024*, (2024) 1–14.

[29] **Maddela M., Alva-Manchego F.**, Adapting sentence-level automatic metrics for document-level simplification evaluation, *Proceedings of the 2025 Conference of the Nations of the Americas Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, 1 (2025) 6444–6459. DOI: 10.18653/v1/2025.naacl-long.327

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Alva-Manchego F., Scarton C., Specia L.** Data-Driven Sentence Simplification: Survey and Benchmark, *Computational Linguistics*, 46 (1) (2020) 135–187. DOI: 10.1162/coli_a_00370

2. **Cripwell L., Legrand J., Gardent C.** Document-Level Planning for Text Simplification, *Proceedings of the 17th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics (EACL 2023)*, (2023) 993–1006. DOI: 10.18653/v1/2023.eacl-main.70

3. **Agrawal S., Carpuat M.** Do Text Simplification Systems Preserve Meaning? A Human Evaluation via Reading Comprehension, *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, 12 (2024) 432–448. DOI: 10.1162/tacl_a_00653

4. **Scholman M.C.J., Demberg V., Sanders T.J.M.** Descriptively Adequate and Cognitively Plausible? Validating Distinctions between Types of Coherence Relations, *Discours*, 30 (2022) 1–33. DOI: 10.4000/discours.12075

5. **Mulder G., Sanders T.J.M.** Causal coherence relations and levels of discourse representation, *Discourse Processes*, 49 (6) (2012) 501–522. DOI: 10.1080/0163853X.2012.692655
6. **Cevasco J., Acosta Buralli K.** Construction of coherence in the comprehension of narratives: Studies on the importance of the establishment of causal connections, gaps in current research and future directions, *Psychologist Papers*, 44 (1) (2023) 45–54. DOI: 10.23923/pap.psicol.3010
7. **North K., Ranasinghe T., Shardlow M., Zampieri M.** Deep learning approaches to lexical simplification: A survey, *Journal of Intelligent Information Systems*, 63 (1) (2025) 111–134. DOI: 10.1007/s10844-024-00882-9
8. **Tyshchenko O., Fignedyová M.** The image base of fairy-tale formula in the structure of folklore text (based on Russian, Slovak, and Czech fairy tales and their translations), *Slavistica Vilnensis*, 68 (2) (2023) 115–127. DOI: 10.15388/SlavViln.2023.68(2).9
9. Council of Europe, *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment – Companion Volume*, Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2020. 280 p.
10. **Iskakova Z., Demessinova L., Zinedina A., Yesbossyn L., Ospanova D., Zhumabay M., Yerbattyrova Z.** The significance of the lexical-grammatical minimum in teaching Kazakh at the A2 level, *Theory and Practice in Language Studies*, 15 (10) (2025) 3477–3488. DOI: 10.17507/tpsl.1510.36
11. **Cardon R., Bibal A.** On operations in automatic text simplification, *Proceedings of the Second Workshop on Text Simplification, Accessibility and Readability*, (2023) 116–130.
12. **Vásquez-Rodríguez L., Shardlow M., Przybyła P., Ananiadou S.** Document-level text simplification with coherence evaluation, *Proceedings of the Second Workshop on Text Simplification, Accessibility and Readability*, (2023) 85–101.
13. **Grubišić A., Žitko B., Gašpar A., Vasić D., Dodaj A.** Evaluation of split-and-rephrase output of the knowledge extraction tool in the intelligent tutoring system, *Expert Systems with Applications*, 187 (2022) 115900. DOI: 10.1016/j.eswa.2021.115900
14. **Schomacker T., Dönicke T., Tropmann-Frick M.** Exploring automatic text simplification of German narrative documents, *Proceedings of the 19th Conference on Natural Language Processing (KONVENS 2023)*, (2023) 139–148. DOI: 10.48550/arXiv.2312.09907
15. **Farajidizaji A., Raina V., Gales M.** Is it possible to modify text to a target readability level? An initial investigation using zero-shot large language models, *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)*, (2024) 9325–9339. DOI: 10.48550/arXiv.2309.12551
16. **Бурмакина Н.Г.** Дигитальная симплификация текстов в сфере инклюзивной социальной адресации // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 3. С. 7–14. DOI: 10.18721/JHSS.15301
17. **Díaz-Negrillo A., Espinola Rosillo M.C.** Mode of production and (referential) cohesion: An L2 English corpus-based study of syntactic coordination, *System*, 121 (2024) 103247. DOI: 10.1016/j.system.2024.103247
18. **Truică C.-O., Stan A.-I., Apostol E.-S.** SimpLex: a lexical text simplification architecture, *Neural Computing and Applications*, 35 (8) (2023) 6265–6280. DOI: 10.1007/s00521-022-07905-y
19. **Graichen E., Jönsson A.** Context-aware Swedish lexical simplification, *Proceedings of the Second Workshop on Text Simplification, Accessibility and Readability*, (2023) 11–20.
20. **Ortiz-Zambrano J.A., Espín-Riofrío C.H., Montejo-Ráez A.** Deep encodings vs. linguistic features in lexical complexity prediction, *Neural Computing and Applications*, 37 (2025) 1171–1187. DOI: 10.1007/s00521-024-10662-9
21. **Токпаева Л.С., Кузембаева Г.А., Спудбер Д.П.** Сравнительный анализ лексических средств казахского, русского и английского детского фольклора // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024. Т. 15. № 1. С. 107–125. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-107-125
22. **Тилеубай Г.К., Джолдасбекова Б.У., Таттимбетова К.О.** Семиотика предметов в современном казахстанском рассказе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024. Т. 15. № 4. С. 1389–1402. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1389-1402
23. **Zwaan R.A.** Comprehension: from clause to conspiracy narrative, *Discourse Processes*, 61 (4–5) (2024) 166–179. DOI: 10.1080/0163853X.2024.2327271
24. **Espinosa-Zaragoza I., Abreu-Salas J., Lloret E., Moreda P., Palomar M.** A review of research-based automatic text simplification tools, *Proceedings of the 14th International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing*, (2023) 321–330.

25. **Veitsman Y., Hartmann M.** Recent advancements and challenges of Turkic Central Asian language processing, *Proceedings of the First Workshop on Language Models for Low-Resource Languages*, (2025) 309–324.

26. **Karagöz E.** Closing formulae in tales: The case of Idel-Ural (Tatar) tales, *Motif Academy Journal of Folklore*, 14 (36) (2021) 1207–1226. DOI: 10.12981/mahder.1016619

27. **Bakker J., Kamps J.** Beyond sentence-level text simplification: Reproducibility study of context-aware document simplification, *Proceedings of the Workshop on DeTermIt! Evaluating Text Difficulty in a Multilingual Context @ LREC-COLING 2024*, (2024) 27–38.

28. **Cripwell L., Legrand J., Gardent C.** Evaluating document simplification: On the importance of separately assessing simplicity and meaning preservation, *Proceedings of the 3rd Workshop on Tools and Resources for People with READING Difficulties (READI) @ LREC-COLING 2024*, (2024) 1–14.

29. **Maddela M., Alva-Manchego F.** Adapting sentence-level automatic metrics for document-level simplification evaluation, *Proceedings of the 2025 Conference of the Nations of the Americas Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, 1 (2025) 6444–6459. DOI: 10.18653/v1/2025.naacl-long.327

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Bibikhan Myrzabek

Мырзабек Бибихан

E-mail: bibikhanmm@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6846-1132>

Manshuk Mambetova

Мамбетова Маншук

E-mail: manshyk.mambetova@kaznu.edu.kz

Submitted: 03.06.2026; Approved: 26.08.2026; Accepted: 13.09.2026.

Поступила: 03.06.2026; Одобрена: 26.08.2026; Принята: 13.09.2026.

Обзоры Review articles

Обзорная статья

УДК 81'13

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17312>

EDN: <https://elibrary/DFZKSG>

К ОБСУЖДЕНИЮ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РЕЧЕВЕДЕНИИ: ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЛИНГВИСТИКОЙ РЕЧИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ НАУКИ?

В.А. Салимовский

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Российская Федерация

salimovsky@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются ключевые тенденции развития речеведения (лингвистики речи). Показано, что в течение последних ста лет фокус внимания лингвистов смещался с языка (*langue*) на речь (*parole*), причем не только как индивидуальный, но и социальный объект, и затем на гетерогенную речевую деятельность (*langage*) — непознаваемую, как считал Ф. де Соссюр. Неудивительно, что изучение *langage* столкнулось с принципиальными методологическими трудностями и описание неоднородных речевых явлений предсказуемо оказалось эклектичным: выделено множество частных разноплановых предметных областей, связи между которыми не установлены. В данной работе ставится вопрос о формирующемся векторе развития лингвистики в постнеклассический период существования науки, обратившейся к изучению глобальных саморазвивающихся систем (В.С. Степин), и в связи с этим о возможности преодоления рассогласованности исследований речевого континуума. Цель работы — показать, что в изучении неоднородной речевой действительности проявляются черты нового типа научной рациональности, что логика развития лингвистики предполагает обращение к языку как сложной саморазвивающейся системе. Ее модель может быть построена в соответствии с лингвистической методологией М.М. Бахтина, предусматривающей переход от 1) форм и типов речевого взаимодействия к 2) формам речевых выступлений (речевым жанрам) и далее к 3) формам языка. Налицо три основных уровня саморазвивающейся системы, включаемой в еще более сложную систему социального общения. Обосновывается мысль о том, что эклектизм лингвистических исследований устраняется, если определено место каждой предметной области в сложной системе, то есть если установлены связи данной области с другими предметными областями как в пределах одного уровня системной целостности, так и между уровнями, и с выходом во внешнюю среду. Построение такой модели мы считаем не проектом со сроком завершения, а методологическим ориентиром интеграции лингвистического знания. На примере функциональной стилистики прослеживаются изменения в изучении речевых разновидностей. Показано, что в этой лингвистической дисциплине отчетливо проявилась тенденция к интеграции понятий на основе теорий сложных систем.

Ключевые слова: речеведение, лингвистика речи, функциональная стилистика, анализ дискурса, речевой континуум, сложные саморазвивающиеся системы.

Для цитирования: Салимовский В.А. К обсуждению эпистемической ситуации в современном речеведении: что происходит с лингвистикой речи в постнеклассический период развития науки? // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 207–221. DOI: 10.18721/JHSS.17312

ON THE EPISTEMIC SITUATION IN CONTEMPORARY SPEECH STUDIES: WHAT' S NEW IN THE LINGUISTICS OF SPEECH IN THE POST-NON-CLASSICAL PERIOD OF SCIENCE?

V.A. Salimovsky

Perm State University, Perm, Russian Federation

 salimovsky@rambler.ru

Abstract. This article examines the key trends in the development of speech studies (*rechevedenie*), or the linguistics of speech. Over the past hundred years the focus of linguistic attention has shifted from language (*langue*) to speech (*parole*) – as an object that is not only individual but also social – and then to *langage*, human speech taken in its entirety, which F. de Saussure held to be unstudyable. Unsurprisingly, the study of *langage* has met with fundamental methodological difficulties, and the description of heterogeneous speech phenomena has predictably proved eclectic: numerous particular research domains have been identified, but the connections between them remain unestablished. The article asks what direction linguistics is taking in the post-non-classical period of science, which has turned to the study of complex self-developing systems (V.S. Stepin), and whether this turn can overcome the fragmentation of research on the speech continuum. The aim of the article is to show that the study of the heterogeneous reality of living speech displays the features of a new type of scientific rationality, and that the logic of linguistic development entails approaching language as a complex self-developing system. Its model may be constructed in accordance with M.M. Bakhtin's linguistic methodology, which prescribes a movement from (1) forms and types of speech interaction to (2) forms of speech performances ("speech genres"), and then to (3) forms of language. These are the three principal levels of a self-developing system that is itself nested within the larger system of social communication. The article argues that the eclecticism of linguistic research can be overcome once the place of each research domain within the complex system is determined – that is, once its links with other domains are established both within a single level of systemic organization and across levels, as well as with the external environment. The construction of such a model is not a project with a definite endpoint but a methodological guideline for the integration of linguistic knowledge. Functional stylistics is used to trace these changes in the study of the speech continuum. In this discipline the move towards integrating concepts on the basis of complex systems theory is especially clear.

Keywords: speech studies, linguistics of speech, functional stylistics, discourse analysis, speech continuum, complex self-developing systems.

Citation: Salimovsky V.A. On the Epistemic Situation in Contemporary Speech Studies: What' s New in the Linguistics of Speech in the Post-Non-Classical Period of Science?, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 207–221. DOI: 10.18721/JHSS.17312

Введение: постановка проблемы

В свое время Ф. де Соссюр говорил о возможности создания двух лингвистик – языка и речи, подчеркивая принципиальное различие между ними и приоритет первой. Для обозначения лингвистики речи в России со второй половины 1960-х гг. стал использоваться термин «речеведение», относившийся первоначально прежде всего к работам по функциональной стилистике [1]. Их главная задача заключалась в типологизации речи на основе экстралингвистических факторов, учет которых потребовал междисциплинарного подхода к анализу материала. Поэтому функциональная стилистика формировалась во взаимодействии с социальной философией, науками о различных видах социокультурной деятельности – художественной, научной, политической, правовой. Собственно лингвистическим предметом изучения стала речевая системность функционального стиля, описываемая и объясняемая в ее обусловленности экстралингвистическими факторами. Если термин «дискурс» использовать в наиболее

широком его значении — «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), то функциональную стилистику можно считать одним из наиболее ранних фундаментальных направлений дискурсивного анализа.

В западноевропейской лингвистике общие черты с данной областью исследований имеет объяснительный дискурс-анализ. Сравнивая эти два направления изучения речи/дискурса, В.Е. Чернявская справедливо отмечает: «Традиционные функциональные стили выделяются в соответствии с основными формами человеческого сознания, понимаемыми как масштабные сегменты общечеловеческой практики... Дискурсивный анализ предполагает разделение общей сферы на более дробные сегменты. Главное и принципиальное отличие от традиционной функциональной стилистики следует усматривать в том, что тот или иной „участок“ коммуникации, с которым коррелирует дискурс и который определяет особую системность и упорядоченность языковых единиц и правил их употребления, рассматривается как эвристическая величина» [2, с. 58]. Дискурс-анализ устанавливает множество частных областей — обычно связанных с актуальными общественно-политическими проблемами — и создает «мозаичную» картину дискурсивного пространства. Изучаются, например, практики воплощения коллективной памяти [3], тексты, интерпретирующие климатические изменения [4], язык в условиях конфликта и в мирной жизни [5], стратегии и способы аргументации, в конечном счете оправдывающие ненависть и дискриминацию [6], и др.

Вернемся к представлениям Ф. де Соссюра о лингвистике как науке и проследим изменения в ней в течение последних ста лет. С нашей точки зрения, в логико-методологическом отношении эти изменения можно охарактеризовать как постепенное переосмысление соссюрской трактовки предмета языкознания.

Действительно, с конца 1910-х гг. в лингвистике складывается системно-структурная парадигма. В соответствии с теорией Ф. де Соссюра из исследования исключается *langage* (речь вообще) как гетерогенный объект. Затем *parole* (речь как индивидуальный акт воли и разума) отделяется от *langue* (языка как системы знаков) и именно *langue* рассматривается как истинный предмет лингвистики. Однако уже в пределах системно-структурной парадигмы идеи Соссюра начинают подвергаться ревизии. Так, в Пражской школе наряду с языком в исследование включается речь, причем не только как индивидуальный, но и как социальный объект. Интерес к речи постоянно возрастает, и уже к концу 1960-х — началу 1970-х гг. она изучается целым комплексом научных дисциплин — стилистикой, культурой речи, некоторыми направлениями психо- и социолингвистики, теорией массовой коммуникации; в лингвистическую проблематику постепенно вводятся положения аналитической философии (Л. Витгенштейн, Дж. Остин и др.). С этого времени в языкознании утверждается новая система общих установок — функционально-коммуникативная парадигма. Вскоре, в 1980–1990-е гг., в ней происходит значительный качественный сдвиг: речь все чаще изучается не только как реализация системы языка (с учетом действия экстралингвистических факторов), но и как целое речевое произведение, текст в разных областях коммуникации. Причем в анализ включается не только языковая, но и содержательно-смысловая его сторона. В результате объект лингвистики стал пониматься очень широко: по существу, как речевой (текстовой) континуум, т.е. *langage*.

Таким образом, в течение столетия направление развития лингвистики сменилось на противоположное: сначала обращение к *langue* (в результате исключения *langage* и отделения от *parole*), затем переход от *langue* к *parole* и, наконец, к *langage*.

Мысль Ф. де Соссюра о том, что речевая деятельность, взятая в целом, непознаваема, так как она неоднородна, никогда не ставилась под сомнение. Это неудивительно, потому что данное представление о гетерогенных явлениях соответствует традиционным — со времен Декарта — принципам научной эпистемологии.

Обращение современной лингвистики к *langage* привело к тому, что теперь она «имеет много предметов» [7, с. 56], связь между которыми в достаточной степени не прояснена. Наряду с теоретическими построениями, фокусирующимися на локальных предметных областях, широкое распространение — особенно в дискурсивном анализе — получили описательные работы, в которых границы выделяемого предмета сколько-нибудь строго не задаются исследовательскими программами, а устанавливаются опытным путем [8–10] — «гибко, подвижно относительно некоего периода времени, сферы человеческой практики, области знания, типологии текстов» и других параметров [2, с. 58].

В целом описание неоднородных фактов речевой действительности является эклектичным. Это означает, что исследования речи/дискурса в своей совокупности не предоставляют *системно организованных знаний* о функционировании языка в процессах общения, тогда как выработка таких знаний об изучаемом объекте — *одна из базовых задач науки*.

Есть ли выход из эпистемического тупика? В логике традиционной научной эпистемологии его, судя по всему, нет (неслучайно Ф. де Соссюр считал познание *langage* невозможным). Однако в наше время складывается новый тип научной рациональности, знаменующий собой формирование постнеклассической науки [11], не элиминирующей человека как субъекта познавательной деятельности из описания и объяснения действительности и сосредоточивающей на сложных, исторически развивающихся системах (подробнее см. ниже).

Мы находимся в *новой эпистемической ситуации* — новых условиях научной деятельности с изменяющимися представлениями о ее субъекте и объекте, ценностях и нормах. Осмысление этих изменений — задача как философов науки, так и представителей конкретных научных дисциплин, в том числе лингвистов.

С учетом сказанного зададимся двумя взаимосвязанными вопросами: каков формирующийся вектор развития лингвистики речи в постнеклассический период существования науки, начавшийся на рубеже XX–XXI вв.? Возможно ли преодоление эклектизма современных исследований речевого континуума?

Цель работы — показать, что в изучении гетерогенной речевой действительности начинают проявляться черты нового типа научной рациональности, что сама логика развития лингвистики предусматривает обращение к функционирующему языку как к сложной саморазвивающейся системе.

Проводимый нами анализ современных лингвистических концепций направлен на выявление теоретико-методологических установок исследователей. Объект изучения ограничен в данной статье эволюцией функциональной стилистики как одного из наиболее влиятельных направлений российской (и шире — славянской) теории речи.

В дальнейшем изложении мы исходим из мысли о том, что принципам постнеклассической науки соответствует предложенная М.М. Бахтиным методология изучения языка, в соответствии с которой язык может исследоваться как большая саморазвивающаяся система, что этот подход потенциально устраняет рассогласованность наших представлений о множестве частных лингвистических предметных областей, поскольку для каждой из них может быть установлено место в сложной системной целостности (тем самым могут быть прояснены связи между этими предметными областями).

О смене типа рациональности в науке

На рубеже XX–XXI вв. в методологии научного познания происходят существенные изменения [12]. Согласно концепции известного советского и российского философа В.С. Степина [11, 13] в это время складывается новый тип научной рациональности, характерный для постнеклассической науки. Он представлен прежде всего некоторыми направлениями космологии, геологии, биологии, искусственным интеллектом. Его методология начинает распространяться

также на социальное и гуманитарное знание [14, 15]. Объектом рассмотрения становятся большие (сложные) саморазвивающиеся системы. Человек как субъект познавательной деятельности не отделяется от исследуемого мира, его потребности и ценности не элиминируются. В связи с этим возрастает значимость прикладных исследований.

Саморазвивающиеся неоднородные системы изучаются с различных равноправных познавательных позиций. К ним уже неприменим внутрипарадигмальный подход, однако он не утрачивается полностью, а сохраняет свое значение при разработке определенных видов проблем. Как подчеркивает В.С. Степин, «все социальные объекты, рассматриваемые с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем» [11, с. 7].

Среди важнейших свойств сложных систем [16, 17] выделим ряд структурных характеристик: сложные системы являются открытыми; взаимодействуют с внешней средой; включают в себя подсистемы, тоже являющиеся сложными системами; имеют иерархическое уровневое строение; элементы каждого уровня (этажа) связаны между собой, с элементами других уровней и с внешней средой.

Является ли человеческий язык, функционирующий в общении, большой саморазвивающейся системой?

Бахтинская методология изучения языка

Философы науки называют М.М. Бахтина в числе мыслителей, чьи труды подготовили происходящие изменения научной рациональности [13]. Проанализируем его базовые лингвистические положения, сформулированные в противовес взглядам Ф. де Соссюра, с одной стороны, К. Фосслера и Л. Шпитцера — с другой:

«Методологически обоснованный порядок изучения языка должен быть таков: 1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи со взаимодействием, элементами которого они являются, т.е. определяемые речевым взаимодействием жанры речевых выступлений в жизни и в идеологическом творчестве; 3) исходя отсюда, пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» [18, с. 105]. И далее: «В таком порядке протекает и реальное становление языка: становится социальное общение (на основе базиса), в нем становится речевое общение и взаимодействие, в этом последнем становятся формы речевых выступлений, и это становление, наконец, отражается в изменении форм языка» [18, с. 196].

Обратим внимание на то, что описанная ученым большая системная целостность — саморазвивающаяся (*становится* социальное общение); ее характерное свойство — вложенность подсистем (*в нем* становится речевое общение); отношения между подсистемами иерархические: верхние подсистемы (уровни) обуславливают нижние; по отношению к языковым формам, речевым жанрам и речевым взаимодействиям (объекту лингвистики в современном ее понимании) внешней средой является социально-экономическое общение.

Остановимся на некоторых следствиях, вытекающих из понимания языка как большой саморазвивающейся системы.

Возможный способ интеграции лингвистических концепций

Как известно, особое внимание М.М. Бахтин уделял речевым жанрам, понимаемым им как формы высказываний (речевых выступлений). Симптоматично, что именно в жанроведении наиболее отчетливо обнаружилось стремление к охвату всего разнообразия лингвистических явлений. В последнее время эта установка определяет проблематику знаковых исследований В.В. Дементьева [19, 20]. В его трактовке на центральное место в общей теории речевых жанров претендует интегральное описание этих единиц. Автор учитывает все основные подходы к изучению жанров, связанные с влиятельными направлениями современной лингвистики, — такими, как «прагматическое / речеактовое и дискурсивное... социолингвистическое /

коллоквиалистское (пересекается с прагматическим в изучении текстовых структур); функционально-стилистическое (пересекается и с социолингвистическим, и с прагматическим); лексико-семантическое (включая метафоры); психолингвистическое (в том числе онтопсихолингвистическое) и когнитивно-концептологическое... персонологическое; наконец, художественное» [19, с. 16]. В поле зрения В.В. Дементьева находятся понятия, относящиеся и к типам речевого взаимодействия в разных условиях общения, и к формам организации текста, и к семантике лексических и грамматических единиц. Систематизируя жанроведческие концепции, исследователь ищет способ непротиворечивого и не эклектичного их объединения.

Представляется, что общая логика указанных работ включается в основной эпистемологический вектор развития современной науки на переднем ее крае — установку на исследование больших саморазвивающихся систем, в данном случае — в соответствии с бахтинским «социологическим методом науки о языке» [18].

Обращение к таким системам приводит нас к важному заключению. Всякая концепция выделяет некоторую предметную область. *Множество разнородных концепций не является эклектичным, если определяется место этих предметных областей в системной целостности с учетом связей с другими предметными областями как в пределах одного уровня, так и с выходом на другие уровни и во внешнюю среду.*

Данная эпистемическая ориентация влияет на характер взаимодействия ученых. Так, при парадигмальном развитии науки сами законы этого развития предполагают острую конкуренцию теорий, их борьбу за статус парадигмы. Между тем новый тип научной рациональности, ослабляя парадигмальные правила, лишает такую конкуренцию смысла.

Что происходит с дисциплинарными парадигмами? (на примере функциональной стилистики)

Как известно, в основе научной парадигмы лежит фундаментальная теория или несколько близких теорий. По своему происхождению функциональная стилистика — это особое направление функциональной лингвистики, представленное в 1920–1950-е гг. Пражской лингвистической школой и русскими учеными (В.В. Виноградовым, Г.О. Винокуром, Л.П. Якубинским и др.). Основополагающие идеи, выдвинутые в это время указанными классиками стилистики, были развиты в стройную концепцию уже новым поколением лингвистов — К. Гаузенбласом, Б.Н. Головиным, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомаровым, Й. Мистриком, О.Б. Сиротининой и др. В наиболее целостном и систематизированном виде понятийный аппарат рассматриваемой области исследований эксплицирован в работах М.Н. Кожиной [1].

В соответствии со сложившейся к началу 1970-х гг. функционально-стилистической концепцией эта лингвистическая наука изучает дифференциацию языка-речи в различных сферах общения. Тем самым она ориентирована на исследование фундаментальной проблематики типологизации речевого континуума. Понятие «сфера общения» истолковано как область речевой реализации той или иной формы общественного сознания (науки, права, политики и др.), рассматриваемой в единстве с соответствующим видом социальной деятельности [1]. При этом функциональная стилистика осталась открытой реализации комплекса идей, определивших в начале XX в. ее генезис. Не изолирована она и от других стилистических теорий.

Нужно подчеркнуть, что включение в лингвистический анализ комплекса экстралингвистических явлений и выделение в нем форм общественного сознания как базового стилистического фактора — фундаментальное достижение стилистики. Впервые близкая идея была высказана М.М. Бахтиным, лингвистические работы которого, как известно, в течение продолжительного времени оставались вне поля зрения современников. Согласно ученому, «внутри самой области знаков... существуют глубокие различия: ведь сюда входят и художественный образ, и религиозный символ, и научная формула, и правовая норма и т.д. Каждая область

идеологического творчества по-своему ориентируется в действительности и по-своему ее преломляет. Каждой области принадлежит особая функция в единстве социальной жизни» [18, с. 15]¹. Речевое общение воплощает жизненную идеологию и выкристаллизовавшиеся из нее идеологические системы.

Функциональная стилистика, сделав своим главным предметом речевое воплощение разновидностей «идеологического творчества» (в более поздней терминологии — форм сознания), выделила *существенный аспект* функционирования языка в обществе. Этим определяется устойчивый (по сути, непреходящий) характер предмета этой научной дисциплины. Вместе с тем понятийный аппарат и методы его изучения частично изменяются по мере развития лингвистики.

Сегодня можно отметить следующие основные тенденции эволюции рассматриваемой области знания:

1. *Увеличение массива описательных работ.* Оно вызвано прежде всего необходимостью фиксации и осмысления новых особенностей речевой коммуникации, связанных с динамикой социальных отношений и широким распространением цифровых технологий. Эта тенденция охватила изучение текстов разных сфер общения (что нашло отражение в многочисленных статьях, учебных пособиях, диссертациях) и прежде всего масс-медийной сферы [22–24]. Эмпирическая направленность исследований часто обосновывается тем, что сложившиеся теоретические представления нуждаются в корректировке с учетом накапливаемого материала.

2. *Создание новых концепций, исследовательских направлений, опирающихся на наследие функциональной стилистики и смежных наук.* Так, продуктивным оказался синтез положений стилистики и лингвистики текста². С начала 1990-х гг. разрабатывается категориально-текстовый подход к анализу функциональных стилей и представляющих их речевых жанров — систематическое изучение реализации текстовых категорий в речевых разновидностях [25–28].

Получает развитие идея реализации в текстах функций языка (К. Бюлер, В.В. Виноградов, Р. Якобсон). В концепции В.Г. Костомарова [29] группировки текстов определяются в зависимости от соотношения этих функций в речевых произведениях. Эксплицируется понятие конструктивно-стилевого вектора — идеала текстовой организации в тех или иных типовых коммуникативных условиях, который, однако, сколько-нибудь жестко не определяет состава языковых средств и правил их использования. Векторы «лишь задают установку, направление отбора и композиции, языковая сторона текстов творчески вольна и, в принципе, обладает способностью обновляться и меняться на службе коммуникативных потребностей» [29, с. 73]. Таким образом, в понимание стилеобразования вводится представление об изменчивости языкового плана текстовых массивов в соответствии с абстрактными стилевыми образцами, вызванной изменениями условий социальной жизни и менталитета носителей языка.

Стилистика научного текста развивается с опорой на работы в области логики и методологии научной деятельности. Организация речевого произведения рассматривается в ее обусловленности познавательным процессом [30], что позволяет назвать это исследовательское направление стилистико-когнитивным. С ним тесно связан анализ научного текста с дискурсивных позиций, акцентирующий аксиологические и коммуникативные характеристики текстовой организации, обусловленные установкой на включение нового авторского результата в актуальное поле научного знания [31].

¹ Интерес М.М. Бахтина к различным сферам культурного творчества и общения неслучаен: он связан с философскими идеями ученого. В бахтинской нравственной философии обосновывается причастность поступка бесконечному целому, в котором жизнь не отделена от специальной культурной деятельности — научной, философской, религиозной, художественной. Этим определена задача преодоления «неслиянности и невзаимопроницаемости» культуры и жизни [21, с. 7].

² Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967. № 5.

Изучение массмедийных текстов сохраняет преемственность с исследованием публицистического стиля. Вместе с тем формируется особая предметная область: влияние технического прогресса на стилистические характеристики текстов — не только социально-политических, но и иных сфер общения [29, 32]. По существу, эта проблематика стала главной в складывающейся в последние годы дисциплине — медиалингвистике, теоретическая платформа которой ориентируется прежде всего на прагматику, предполагая при этом междисциплинарный анализ материала [33].

В современной функциональной стилистике внимание уделяется не только объективным, но и субъективным (индивидуально-личностным) факторам. В ее рамках сложилась коммуникативная стилистика текста, сосредоточившаяся на комплексной разработке «глобальной проблемы изучения идеостиля языковой личности в разных сферах общения» [34, с. 62] и создавшая свой понятийный аппарат³.

Развитие базовых положений функциональной стилистики диктуется и запросами искусственного интеллекта. Его классическая проблематика исследуется комплексом наук — математикой, программированием, нейрофизиологией, психологией, лингвистикой. Участие лингвистов в междисциплинарных коллективах не ограничивается работой по собственно лингвистической проблематике, например машинного перевода. Их знания оказались столь же необходимыми для моделирования когнитивных функций, разработки новых методов психодиагностики [35, 36]. Объясняется это тем, что к когнитивным и аффективным процессам у математиков и программистов нет прямого доступа: объектом компьютерного анализа становится человеческая речь как материальная форма, в которой эти процессы в значительной степени воплощаются.

Неслучайно стало востребованным базовое понятие концепции М.Н. Кожиной — понятие речевой системности функционального стиля. Оно определяется как «взаимосвязь равноуровневых языковых и текстовых единиц в конкретной речевой разновидности, основанная на выполнении единой коммуникативной цели и общей функции, обусловленная экстралингвистической базой этой разновидности, прежде всего назначением в обществе соответствующей формы общественного сознания (науки, искусства, права и т.д.)» [1, с. 458].

Эта дефиниция содержит две смысловые части. Первая отражает онтологию речевой системности независимо от степени исследовательской абстракции: говорится о взаимосвязи языковых единиц разных уровней — от фонетического до синтаксического — в самой организации речи, а также о взаимосвязи текстовых единиц. Вторая часть относится именно к функциональным стилям (макростилям), выделяемым по критерию их соотносительности с назначением определенной формы общественного сознания. При описании макростилей лингвист неизбежно отвлекается от признаков более частных речевых разновидностей, которые Б.Н. Головин предлагал называть речевыми стилями, указывая, что их количество «очень велико и никем не сосчитано» [37, с. 263].

В работах по искусственному интеллекту категория речевой системности адаптируется лингвистами к тем речевым стилям, системность которых позволяет распознавать и моделировать изучаемые ментальные процессы. Это важно, в частности, для обнаружения признаков психического неблагополучия, установления проявлений фрустрации, идентификации когнитивных операций в научных текстах и др. [38–40]. Появилась возможность проводить корпусно-ориентированный анализ языковых средств [41] для создания обучающих выборок больших языковых моделей [42]. Налицо характерное для современной науки стремление к междисциплинарности и комплексности исследования социально значимых проблем [43]⁴.

³ Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта, 2021. 384 с.

⁴ Функциональная стилистика, как уже было сказано, традиционно развивается в России и других славяноязычных странах. В дополнение к нашему краткому анализу отечественных работ см. последние обзоры чешской, словацкой и польской стилистики, во многом схожим образом описывающие общую ситуацию в этой области знания [44].

3. *Поиск способа интеграции концепций в стилистику.* При зарождении теоретической стилистики в первой трети XX в. она была, пожалуй, единственной лингвистической наукой, изучающей речь. Примечательно, что Г.О. Винокур, интерпретируя идеи «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, истолковывал противопоставление языка и речи «как различие между языком вообще и стилем» [45, с. 20]. В 1960-е гг. близкой была позиция М.Н. Кожинной, считавшей функциональную стилистику если не единственной, то главнейшей наукой в общей теории речи. Однако в это время складывались и другие речеведческие направления, тоже зачастую расширительно определявшие свой предмет⁵.

Последующее обращение лингвистики к тексту (речевому произведению) создало новую ситуацию: в стилистических работах стали анализироваться разные его планы — не только собственно стилистический, но и прагматический, когнитивный, аксиологический, речежанровый и др., причем стилистический аспект не всегда оставался доминирующим. Возникла необходимость вернуться к категории «стиль» и на этой основе систематизировать дисциплинарное знание. Появились посвященные этой проблематике специальные выпуски журналов [44].

С опережением времени эвристичная интегрирующая концепция была разработана А.Н. Васильевой. Функциональная стилистика, согласно автору, «исходит из того, что на определенном этапе развития общества, соответственно уровню его общего развития и актуальным коммуникативным потребностям на этом уровне, в действующем языке складывается определенная целостная функционально дифференцированная система систем, содержание, структура и форма которой близки к оптимальной целесообразности в плане этих потребностей» [47, с. 35]. Методологической основой исследования выступает теория сложных систем. Автор подчеркивает важное положение: в составе сложной системной целостности проясняются отношения между разнородными элементами.

В трактовке А.Н. Васильевой функционально-стилистика система представлена несколькими уровнями, выделяемыми со снижением степени абстракции: 1) внеконтекстуально стилистически дифференцированных языковых единиц; 2) функциональных макростилей; 3) основных макростилевых разновидностей — в пределах одного макростиля и в межмакростилевом пространстве. Возможно разграничение и более низких уровней, вплоть до нулевого — конкретного нестандартного текста. При этом «на каждой последующей „ступени вниз“ усложняются понятия и речевой системности, и стилистической окраски, и стиля» [47, с. 42].

Как видим, в рамках данной теоретической модели объединяются по меньшей мере три направления рассматриваемой научной дисциплины: стилистика ресурсов, стилистика речевых разновидностей и стилистика отдельного текста.

Большим вкладом в разработку проблематики синтеза стилистических понятий стали работы Ст. Гайды. В соответствии с его концепцией стиль — это гуманистическая структура (strukтура humanistyczna) текста, высший принцип, интегрирующий текст, его эмерджентное свойство [48]⁶. Стиль связан с коммуникативно-речевой деятельностью человека и ее результатом — текстом. Ст. Гайда акцентирует мысль о том, что каждое коммуникативно-речевое событие погружено в интерактивно-ситуационный контекст, ближний и дальний (культурный). Тот и другой должен быть учтен в стилистическом исследовании⁷.

⁵ Ср. определение Н.Д. Арутюновой прагматики как области, «в которой изучается функционирование языковых знаков в речи»: Арутюнова Н.Д. Прагматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Н.В. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 389. А.А. Леонтьев считал задачей теории речевой деятельности комплексное исследование речи [46, с. 3].

⁶ В этих положениях можно увидеть генетическую связь с влиятельной в первой половине XX в. школой К. Фосслера и Л. Шпитцера, а также с концепцией образа автора В.В. Виноградова. Однако идеи Ст. Гайды, сформировавшиеся в новом научном контексте, имеют иную основу — «новейшую функциональную стилистику», представленную работами К. Гаузенбласа, Й. Мистрика, Ф. Фико, М.Н. Кожинной [48, с. 78].

⁷ Ср. различение М.М. Бахтиным ближайшей ситуации общения и более широкой социальной среды, определяемой длительными социальными связями. Функциональная стилистика 1960–1990-х гг., выделившая среди экстралингвистических стилоопределяющих факторов формы общественного сознания и виды социальной деятельности как основу стиля, сосредоточилась преимущественно на «дальнем контексте». В перспективе — программа включения в анализ всего комплекса этих факторов — наиболее сильных, менее сильных и слабых [1].

Продуцирование текстов, тем самым стилеобразование, охватывает любые лингвистические и тесно связанные с ними когнитивные, социальные и культурные феномены. Этим определяется синтезирующий потенциал самого понятия «стиль». Синтез «предполагает обработку содержания различных концепций таким образом, чтобы устранить их поляризацию и несоизмеримость» [48, с. 80]. Решению этой задачи, считал Ст. Гайда, может помочь ориентация на основные интегративные теории — «теорию систем, теорию сетей и теорию сложности» [48, с. 80].

Сохраняет ли концепция, в основном сложившаяся уже в 1960–1970-е гг. в трудах Б.Н. Голovina, М.Н. Кожиной, О.Б. Сиротининой, К. Гаузенбласа, Й. Мистрика и других ученых и в дальнейшем развивавшаяся в тесном взаимодействии с целым рядом наук функционально-коммуникативного цикла, статус дисциплинарной функционально-стилистической парадигмы?

Конечно, данная концепция, установившая и объяснившая глубинные общие закономерности употребления языка и текстообразования в разных коммуникативных сферах, продолжает служить базой стилистических исследований. Она принята научным сообществом, содержит образцы решения познавательных задач, связанных с выявлением и описанием специфики речевых разновидностей. Вместе с тем ее «направляющая» функция в настоящее время заметно ослаблена. Рассматриваемая концепция уже сколько-нибудь строго не задает рамки исследования. Состав решаемых ею задач, используемых методов, круг описываемых фактов стали оцениваться как ограничивающие пространство научного поиска. Перспективу развития стилистики ученые увидели в рассмотрении текста как многоплановой единицы общения с охватом разных его измерений — собственно стилистического, прагматического, когнитивного, социокультурного и др. При этом проявилась тенденция к синтезу понятий стилистики с опорой на теории больших (сложных) системных целостностей.

Требуемая ситуация и в других областях речеведения / дискурсивного анализа, представленных фундаментальными концепциями. Можно предположить, что анализ обнаружит во многом аналогичные тенденции.

Заключение

В последние десятилетия лингвистика расширила свой объект, включив в него непознаваемую, по мнению Ф. де Соссюра, гетерогенную речевую деятельность (langage). Поскольку традиционная логика научного исследования неприменима к анализу объединений разнородных феноменов, в изучении речевого континуума предсказуемо обнаружилось кризисные явления. Так, сегодня его описания эклектичны: многочисленные предметные области, выделяемые лингвистами, разрознены, а идеал целостности и полноты научного знания не служит реализуемым ценностным ориентиром. Назрела потребность в поиске новых логико-методологических подходов к изучаемому объекту.

Мы постарались обосновать положение о том, что методологической базой исследования «речевой деятельности, взятой в целом» (Ф. де Соссюр), может служить теория сложных саморазвивающихся систем, к числу которых принадлежит человеческий язык. Такое понимание языка хорошо согласуется с предложенной М.М. Бахтиным методологией его изучения — от форм и типов речевого взаимодействия к формам речевых выступлений и затем к языковым формам. Налицо три уровня (этажа) большой саморазвивающейся системы, включающейся, в свою очередь, в еще более сложную систему становящегося социального общения.

Из этого понимания языка следует принципиальное решение вопроса о способе интеграции разобщенных предметных областей, выделяемых современными лингвистическими концепциями. Действительно, данным областям может быть найдено место в модели большой саморазвивающейся системы, тем самым могут быть раскрыты их связи с другими предметными областями как в пределах одного уровня системной целостности, так и в межуровневом пространстве, и с выходом во внешнюю среду. Обнаружение этих связей не является проектом со сроком

завершения: речь идет о методологическом ориентире интеграции лингвистического знания, который соответствует формирующемуся новому типу научной рациональности.

Эпистемические изменения в лингвистике, сосредоточившейся в настоящее время на речеведческой проблематике в качестве приоритетной (изучении текста, дискурса, речевого общения), мы проследили на примере функциональной стилистики – одной из фундаментальных речеведческих дисциплин. Как показал анализ, в ней парадигмальный подход уже не реализуется сколько-нибудь последовательно. Изучение материала проводится с использованием понятийного аппарата и методов разных направлений лингвистики и смежных с ней наук. Основной массив публикаций составляют описательные работы, не ориентированные на единые исследовательские программы. В области теории наиболее актуальной становится проблематика изменений стилевой дифференциации речи в связи с изменениями социальных отношений и информационных технологий. При этом отчетливо проявилась установка на преодоление рассогласованности стилистических исследований в контексте проблематики сложных систем, соответствующая господствующей тенденции развития науки на переднем ее крае.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Кожина М.Н.** Речеведение. Теория функциональной стилистики. М.: Флинта: Наука, 2020. 624 с.
2. **Чернявская В.Е.** Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 54–61.
3. **Milani T.M., Richardson J.E.** Discourses of collective remembering: contestation, politics, affect // Critical Discourse Studies. 2023. Vol. 20. Iss. 5. P. 459–476. DOI: 10.1080/17405904.2022.2090979
4. **Wang G., Huan Ch.** Negotiating Climate Change in Public Discourse: Insights from Critical Discourse Studies // Critical Discourse Studies. 2024. Vol. 21. Iss. 2. P. 133–145. DOI: 10.1080/17405904.2023.2198725
5. **Chiluwa I.** Investigating the language of conflict and peace in critical discourse studies // Critical Discourse Studies. 2025. Vol. 22. Iss. 5. P. 471–476. DOI: 10.1080/17405904.2024.2331160
6. **Serafis D., Assimakopoulos S.** Zooming in on the study of soft hate speech: an introduction to this special issue // Critical Discourse Studies. 2026. Vol. 23. Iss. 3. P. 257–263. DOI: 10.1080/17405904.2024.2440863
7. **Фрумкина Р.М.** «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 55–67.
8. **Манёрова К.В.** Динамика прагматикализации немецкой прагматемы *prost Mahlzeit* в экспрессивных речевых актах // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 92–109. DOI: 10.18721/JHSS.16406
9. **Киосе М.И.** Прагматикализация пространственного дейксиса в полимодальном устном дискурсе // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 183–198. DOI: 10.18721/JHSS.16312
10. **Северская О.И.** Прагматические переменные поэтического текста: индекс референции метареальности // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 116–127. DOI: 10.18721/JHSS.16308
11. **Степин В.С.** Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии 2003. № 8. С. 5–17.
12. **Dupré J.** The Disunity of Science and the Unity of the World Presidential Address, PSA 2022 // Philosophy of Science. 2024. Vol. 91. Iss. 5. P. 1043–1057. DOI: 10.1017/psa.2023.135
13. **Степин В.С.** Философия науки. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
14. **Царёв Р.Ю.** Постнеклассическая наука и социальное познание // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 148–160. DOI: 10.17223/15617793/503/15
15. **Москвитин В.А.** Трансформация критериев научной объективности в гуманитарном знании: постнеклассические основания и дискурсивные стратегии // Философия науки и техники. 2026. Т. 19. Вып. 2. С. 839–847. DOI: 10.30853/mns20260110
16. **Кудж С.А.** Многоаспектность рассмотрения сложных систем // Перспективы науки и образования. 2014. №1 (7). С. 38–43.

17. **Иванов О.П.** Сложность как категория эволюции // Сложные системы. 2023. № 2 (46). 4–53.
18. **Волошинов В.Н.** Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 190 с.
19. **Дементьев В.В.** Интегральное описание речевых жанров. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2024. 304 с. DOI: 10.18500/978-5-292-04868-8
20. **Дементьев В.В.** Речежанровая семантика и ее актуальные проблемы // Жанры речи. 2025. № 4 (48). С. 368–379. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-368-379
21. **Бахтин М.М.** К философии поступка // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари. 2003. С. 7–68.
22. **Костомаров В.Г.** Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 322 с.
23. **Сиротинина О.Б., Дегальцева А.В.** Динамика норм русского языка: ответ на вызовы времени и новые условия жизни. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2023. 128 с. DOI: 10.18500/978-5-292-04808-4
24. Stylistyka. T. 31: Styli media. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2022.
25. **Матвеева Т.В.** Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск. Издательство Уральского государственного университета, 1990. 172 с.
26. **Матвеева Т.В.** Статьи по русской стилистике. М.: Флинта, 2024. 392 с.
27. **Ицкович Т.В.** Жанровая система религиозного стиля. М.: Флинта: Наука, 2021. 400 с.
28. **Ширинкина М.А.** Дискурс исполнительной власти: теоретические основы. Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета, 2022. 146 с.
29. **Костомаров В.Г.** Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
30. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М.В. Кожинной. Т. 2: Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 1. Пермь: Издательство Пермского университета, 1996. 380 с.
31. **Чернявская В.Е.** Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: Ленанд, 2017. 144 с.
32. Медиалингвистика. 2025. Т.12. № 4. С. 526–659. Available at: <https://medialing.ru/2025-tom-12-4/> (дата обращения: 05.06.2026)
33. **Дускаева Л.Р.** Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). С. 5–15.
34. **Болотнова Н.С.** О перспективах развития коммуникативной стилистики текста и ее связи с функциональной стилистикой // Медиалингвистика. Вып. 1. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т., 2013. С. 57–65.
35. **Осипов Г.С., Чудова Н.В., Панов А.И., Кузнецова Ю.М.** Знаковая картина мира субъекта поведения. М.: Физматлит, 2018. 264 с.
36. **Ковалёв А.К., Кузнецова Ю.М., Пенкина М.Ю., Станкевич М.А., Чудова Н.В.** Возможности автоматического анализа текста в задаче определения психологических особенностей автора // Экспериментальная психология. 2020. Т.13. № 1. С. 149–158. DOI: 10.17759/exppsy.2020130111
37. **Головин Б.Н.** Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1988. 320 с.
38. **Кузнецова Ю.М., Мишланов В.А., Салимовский В.А., Чудова Н.В.** Категория речевой системности при моделировании аффективных процессов (на материале сетевого общения) // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 3. С. 190–209. DOI: 10.21638/spbu22.2022.302
39. **Devyatkin D., Chudova N., Salimovskiy V.** Method for Automated Recognition of Frustration-Derived Aggression in Texts // Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics / ed. by B.M. Velichkovsky, P.M. Balaban, V.L. Ushakov. Cham: Springer, 2021. P. 663–670. DOI: 10.1007/978-3-030-71637-0_76
40. **Девяткин Д.А., Каджая Л.А., Чудова Н.В., Мишланов В.А., Салимовский В.А.** Исследование речевых жанров научного академического текста методами искусственного интеллекта // Язык и искусственный интеллект. М.: Издательский дом ЯСК, 2023. С. 107–141. DOI: 10.37892/978-5-907498-47-1-6
41. **Чернявская В.Е., Хохлова М.В.** Дискурсивный анализ текста и корпусные методы. М.: URSS, 2024. 224 с.
42. **Девяткин Д.А., Салимовский В.А., Чудова Н.В., Рыжова А.А., Григорьев О.Г.** Большие языковые модели и жанрово-речевая системность // Жанры речи. 2025. Т. 20. № 1 (45). С. 6–23. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-6-23

43. Crossing Borders, Making Connections: Interdisciplinary Linguistics / ed. by A. Burkette, T. Warhol. Vol. 1. De Gruyter Mouton, 2021. 300 p.
44. Stylistyka. T. 35: Syntezy badań w stylistyce zachodniosłowiańskiej XX i XXI wieku. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2025.
45. **Винокур Г.О.** Культура языка. М.: Работник просвещения, 1925. 216 с.
46. Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. 368 с.
47. **Васильева А.Н.** Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики // Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь: Пермский государственный университет, 1982. С. 34–42.
48. **Gajda St.** Styl jako kategoria tekstowa // Wybrane zagadnienia lingwistyki tekstu, analizy dyskursu i komunikacji międzykulturowej. Opole: Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2018. S. 77–91. URL: https://lsi.ils.uw.edu.pl/wp-content/uploads/sites/181/2019/03/02_Gajda.pdf (Дата обращения: 02.04.2026)

REFERENCES

- [1] **Kozhina M.N.**, Rechevedeniye. Teoriya funktsionalnoy stilistiki [Speech studies : theory of functional stylistics], Flinta: Nauka, Moscow, 2020. 624 s.
- [2] **Tcherniavskaia V.E.**, Discourse Paradigm: Phantom Objects and Syndromes, Issues of Cognitive Linguistics, 1 (38) (2014) 54–61.
- [3] **Milani T.M., Richardson J. E.**, Discourses of collective remembering: contestation, politics, affect, Critical Discourse Studies, 20 (5) (2023) 459–476. DOI: 10.1080/17405904.2022.2090979
- [4] **Wang G., Huan Ch.**, Negotiating Climate Change in Public Discourse: Insights from Critical Discourse Studies, Critical Discourse Studies, 21 (2) (2024) 133–145. DOI: 10.1080/17405904.2023.2198725
- [5] **Chiluwa I.**, Investigating the language of conflict and peace in critical discourse studies, Critical Discourse Studies, 22 (5) (2025) 471–476. DOI: 10.1080/17405904.2024.2331160
- [6] **Serafis D.**, Assimakopoulos S. Zooming in on the study of soft hate speech: an introduction to this special issue, Critical Discourse Studies, 23 (3) (2026) 257–263. DOI: 10.1080/17405904.2024.2440863
- [7] **Frumkina R.M.**, «Teorii srednego urovnya» v sovremennoy lingvistike [Middle-range theories in modern linguistics], Topics in the Study of Language, 2 (1996) 55–67.
- [8] **Manerova K.V.**, Dynamics of Pragmaticalization of the German Pragmateme prost Mahlzeit! in Expressive Speech Acts, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 92–109. DOI: 10.18721/JHSS.16406
- [9] **Kiose M.I.**, Pragmatization of spatial deixis in multimodal spoken discourse, Terra Linguistica, 16 (3) (2025) 183–198. DOI: 10.18721/JHSS.16312
- [10] **Severskaya O.I.**, Pragmatic variables of poetic text: metareality reference index, Terra Linguistica, 16 (3) (2025) 116–127. DOI: 10.18721/JHSS.16308
- [11] **Stepin V.S.**, Self Developing Systems and Post-non-classic Rationality, Voprosy Filosofii, 8 (2003) 5–17.
- [12] **Dupré J.**, The Disunity of Science and the Unity of the World Presidential Address, PSA 2022, Philosophy of Science, 91 (5) (2024) 1043–1057. DOI: 10.1017/psa.2023.135
- [13] **Stepin V.S.**, Filosofiya nauki [Philosophy of science], Gardariki, Moscow, 2006.
- [14] **Tsarev R.Yu.**, Post-nonclassical science and social cognition, Tomsk State University Journal, 503 (2024) 148–160. DOI: 10.17223/15617793/503/15
- [15] **Moskvitin V.A.**, Transformation of the criteria of scientific objectivity in humanistic knowledge: post-nonclassical foundations and discursive strategies, Philosophy of Science and Technology, 19 (2) (2026) 839–847. DOI:10.30853/mns20260110
- [16] **Kudzh S.A.**, Multidimensionality Consideration of Complex Systems, Perspectives of Science and Education, 1 (7) (2014) 38–43.
- [17] **Ivanov O.P.**, Complexity as the Category of Evolution, The Complex Systems, 2 (46) (2023) 4–53.
- [18] **Voloshinov V.N.**, Marksizm i filosofiya yazyka [Marxism and the Philosophy of Language], Labirint, Moscow, 1993.

- [19] **Dementyev V.V.**, Integralnoye opisaniye rechevykh zhanrov [Integral description of speech genres], Saratov University Publ., Saratov, 2024. DOI: 10.18500/978-5-292-04868-8
- [20] **Dementyev V.V.**, Speech-genre semantics and its current problems, *Speech Genres*, 4 (48) (2025) 368–379. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-368-379
- [21] **Bakhtin M.M.**, K filosofii postupka [Towards a philosophy of action], *Collected Works*, Vol. 1, Russkiye slovari, Moscow, 2003, pp. 7–68.
- [22] **Kostomarov V.G.**, Yazykovoy vkus epokhi [The linguistic taste of the era], Zlatoust, St. Petersburg, 1999.
- [23] **Sirotnina O.B., Degaltseva A.V.**, Dinamika norm russkogo yazyka: otvet na vyzovy vremeni i novyye usloviya zhizni [The Dynamics of Russian Language Norms: A Response to the Challenges of the Time and New Living Conditions], Saratov University Publ., Saratov, 2023. DOI: 10.18500/978-5-292-04808-4
- [24] *Stylistyka*, Vol. 31: Styl i media [Stylistics. Style and Media], Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole.
- [25] **Matveyeva T.V.**, Funktsionalnyye stili v aspekte tekstovykh kategori [Functional styles in terms of text categories], Ural State University Press, Sverdlovsk.
- [26] **Matveyeva T.V.**, Stati po russkoy stilistike [Articles on Russian stylistics], Flinta, Moscow, 2024.
- [27] **Itskovich T.V.**, Zhanrovaya sistema religioznogo stilya [Genre system of religious style], Flinta: Nauka, Moscow, 2021.
- [28] **Shirinkina M.A.**, Diskurs ispolnitelnoy vlasti: teoreticheskiye osnovy [Executive Discourse: Theoretical Foundations], Perm, Perm State National Research University Publ., 2022.
- [29] **Kostomarov V.G.**, Nash yazyk v deystvii: ocherki sovremennoy russkoy stilistiki [Our Language in Action: Essays on Contemporary Russian Stylistics], Gardariki, Moscow, 2005.
- [30] Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv. [Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language in the 18th–20th centuries], Vol. 2: Stilistika nauchnogo teksta (obshchiye parametry) [The style of the scientific text (general parameters)], Perm, Perm State University Publ., 1996.
- [31] **Chernyavskaya V.Ye.**, Nauchnyy diskurs: Vydvizheniye rezultata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema [Scientific Discourse: Presenting a Result as a Communicative and Linguistic Problem], Lenand, Moscow, 2017.
- [32] *Media Linguistics*, 12 (4) (2025) 526–659. Available at: <https://medialing.ru/2025-tom-12-4/> (accessed 05.06.2026)
- [33] **Duskayeva L.R.**, Medialingvistika v Rossii: lingvopraksiologicheskaya dominanta [Media linguistics in Russia: linguistic praxeological dominant], *Media Linguistics*, 1 (4) (2014) 5–15.
- [34] **Bolotnova N.S.**, O perspektivah razvitiya kommunikativnoy stilistiki teksta i yeye svyazi s funktsionalnoy stilistikoy stilistikой [About the prospects for the development of communicative stylistics of the text and its connection with functional stylistics], *Media Linguistics*, 1 (2013) 57–65.
- [35] **Osipov G.S., Chudova N.V., Panov A.I., Kuznetsova Yu.M.**, Znakovaya kartina mira subyekta povedeniya [Sign picture of the world of the subject of behavior], Fizmatlit, Moscow, 2018.
- [36] **Kovalev A.K., Kuznetsova Y.M., Penkina M.Y., Stankevich M.A., Chudova N.V.**, Possibilities of automatic text analysis in the task of determining the psychological characteristics of the author. *Experimental Psychology (Russia)*, 13 (1) (2020) 149–158. DOI:10.17759/exppsy.2020130111
- [37] **Golovin B.N.**, Osnovy kultury rechi [Fundamentals of speech culture], Vysshaya shkola, Moscow, 1988.
- [38] **Kuznetsova Yu.M., Mishlanov V.A., Salimovsky V.A., Chudova N.V.**, Category of speech system in modeling affective processes (based on the material of network communication), *Media Linguistics*, 9 (3) (2022) 190–209. DOI:10.21638/spbu22.2022.302
- [39] **Devyatkin D., Chudova N., Salimovskiy V.**, Method for Automated Recognition of Frustration-Derived Aggression in Texts, *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics*, ed. by B.M. Velichkovsky, P.M. Balaban, V.L. Ushakov, Springer, Cham, 2021, pp. 663–670. DOI: 10.1007/978-3-030-71637-0_76
- [40] **Devyatkin D.A., Kajaya L.A., Chudova N.V., Mishlanov V.A., Salimovsky V.A.**, Study of Speech Genres of Scientific Academic Text by Artificial Intelligence Methods, *Yazyk i iskusstvennyy intellekt [Language and artificial intelligence]*, LRC Publishing House, Moscow, 2023, pp. 107–141. DOI: 10.37892/978-5-907498-47-1-6

- [41] **Chernyavskaya V.Ye., Khokhlova M.V.**, Diskursivnyy analiz teksta i korpusnyye metody [Discourse analysis of text and corpus methods], URSS, Moscow, 2024.
- [42] **Devyatkin D.A., Salimovsky V.A., Chudova N.V., Ryzhova A.A., Grigoriev O.G.**, Large language models and speech genre systematicity, *Speech Genres*, 20 (1 (45)) (2025) 6–23. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-6-23
- [43] *Crossing Borders, Making Connections: Interdisciplinary Linguistics*, ed. by A. Burkette, T. Warhol, Vol. 1, De Gruyter Mouton, Berlin, 2021
- [44] *Stylistyka*, Vol. 35: Syntezy badań w stylistyce zachodniosłowiańskiej XX i XXI wieku. [Stylistics: Syntheses of Research in West Slavic Stylistics of the 20th and 21st Centuries], Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole. 2025.
- [45] **Vinokur G.O.**, Kultura yazyka [Language culture], Rabotnik prosveshcheniya, Moscow, 1925.
- [46] *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity], resp. ed. A.A. Leontyev, Nauka, Moscow, 1974.
- [47] **Vasilyeva A.N.**, Urovni stilisticheskoy abstraktsii i osnovnyye urovnevyye razdely funktsional'noy stilistiki [Levels of stylistic abstraction and the main level sections of functional stylistics], *Osnovnyye ponyatiya i kategorii lingvostilistiki* [Basic concepts and categories of linguistics], Perm State University, Perm, 1982, pp. 34–42.
- [48] **Gajda St.**, Styl jako kategoria tekstowa, Wybrane zagadnienia lingwistyki tekstu, analizy dyskursu i komunikacji międzykulturowej, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole, 2018, pp. 77–91. Available at: https://lsi.ils.uw.edu.pl/wp-content/uploads/sites/181/2019/03/02_Gajda.pdf (accessed 02.04.2026)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Салимовский Владимир Александрович

Vladimir A. Salimovsky

E-mail: salimovsky@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

Поступила: 08.06.2026; Одобрена: 29.07.2026; Принята: 07.09.2026.

Submitted: 08.06.2026; Approved: 29.07.2026; Accepted: 07.09.2026.

Рецензии Reviews

Рецензия

УДК 81"33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17313>

EDN: <https://elibrary/DHHZOL>

ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ СТИЛИСТИКИ: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ LESLEY JEFFRIES, DAN MCINTYRE «STYLISTICS. CAMBRIDGE TEXTBOOKS IN LINGUISTICS». CAMBRIDGE: CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2025. ISBN 9781108441872

Н.Э. Горшкова ✉

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ Natgorshkova@mail.ru

Аннотация. Стилистика располагает развитым теоретическим базисом и отличается выраженной открытостью к междисциплинарному взаимодействию, необходимыми при объяснении сложных процессов смыслопорождения и смысловосприятия. В книге «Stylistics. Cambridge Textbooks in Linguistics» Лесли Джеффрис и Дэна Макинтайра представлены переосмысленный взгляд на стилистику и ее место в системе лингвистических дисциплин. В издании прослеживается историческое развитие стилистики, анализируются ее основополагающие принципы. Книга содержит современные разработки в области когнитивной и корпусной стилистики. Авторы постулируют текстоориентированность как ключевую характеристику стилистики, анализируют лингвистические подходы, оказавшие существенное влияние на ее становление, и демонстрируют эволюцию дисциплины в ответ на появление новых теорий языка. Особое внимание уделено расширению инструментария стилистического анализа и сфер его применения на современном этапе развития науки. Рецензируемое издание убедительно демонстрирует теоретическую преемственность стилистики, а также взаимосвязь аналитических подходов и терминологического аппарата данной дисциплины со смежными областями лингвистического знания. Книга содержит глубокий анализ, в котором стилистика раскрывается как область научного знания, при этом обозначены дискуссионные аспекты, стимулирующие профессиональную полемику.

Ключевые слова: стилистика, стиль, текст, дискурс, корпусная стилистика, когнитивная стилистика.

Для цитирования: Горшкова Н.Э. Язык в пространстве стилистики: Рецензия на книгу Lesley Jeffries, Dan McIntyre «Stylistics. Cambridge Textbooks in Linguistics». Cambridge: Cambridge University Press, 2025. ISBN 9781108441872 // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 222–226. DOI: 10.18721/JHSS.17313

**LANGUAGE WITHIN THE SCOPE OF STYLISTICS: REVIEW ON
BOOK “STYLISTICS. CAMBRIDGE TEXTBOOKS IN LINGUISTICS”
BY LESLEY JEFFRIES, DAN MCINTYRE. CAMBRIDGE: CAMBRIDGE
UNIVERSITY PRESS, 2025. ISBN 9781108441872**

N.E. Gorshkova ✉

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

✉ Natgorshkova@mail.ru

Abstract. Stylistics has a well-developed theoretical foundation and is characterised by its openness to interdisciplinary interaction. The book “Stylistics. Cambridge Textbooks in Linguistics” by Lesley Jeffries and Dan McIntyre offers a reevaluated perspective on stylistics and its place within the system of linguistic disciplines. The publication traces the historical development of stylistics and analyses its fundamental principles. It includes current developments in the fields of cognitive and corpus stylistics. The authors assert text-based as a defining feature of stylistics, examine the linguistic approaches that have significantly influenced the formation of the discipline, and demonstrate its evolution in response to emerging language theories. The reviewed edition convincingly demonstrates the theoretical continuity of stylistics, as well as the interconnections between its analytical approaches and terminological apparatus and related areas of linguistic knowledge. The book is a fundamental work on stylistics that combines systematic exposition with the authors’ scholarly perspectives, presented to invite further debate.

Keywords: Stylistics, style, text, discourse, cognitive stylistics, corpus stylistics.

Citation: Gorshkova N.E. Language Within the Scope of Stylistics: Review on Book “Stylistics. Cambridge Textbooks in Linguistics” by Lesley Jeffries, Dan McIntyre. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. ISBN 9781108441872, Terra Linguistica, 17 (3) (2026) 222–226. DOI: 10.18721/JHSS.17313

В современном блоке гуманитарного знания и в языковедческих разработках, в частности, есть исследовательские направления, которые очень интенсивно изучаются специалистами, находятся, так сказать, в мейнстриме. Стилистика не относится к таким модным направлениям и отчасти теряется в потоке многих публикаций в области лингвопрагматики, текстового и дискурсивного анализа, которые дают современным лингвистам новые точки роста для объяснения языка. При этом стилистика в ее традиционном предмете и в новых исследовательских координатах остается значимым направлением в лингвистике. Она объясняет, по сути, как речевые структуры и тексты передают смысл, как смысл конструируется с помощью языкового инструментария. В этом контексте значимым представляется переиздание в 2025 г. книги на английском языке «Стилистика» (Stylistics) авторитетных лингвистов Лесли Джеффрис и Дэна Макинтайра [1]. Это не принципиально новое, но существенно переработанное и дополненное издание книги, первый тираж которой вышел в 2010 г. Книга издана в издательстве Кембриджского университета в серии фундаментальной учебной литературы, которая предлагает систематизированное изложение научного знания по определенной дисциплине. При этом «Стилистика» очевидно шире учебного формата и по своему содержанию, характеру и методологическому охвату соответствует формату монографическому. Переработанное и дополненное издание «Стилистики» 2025 г. заслуживает внимания потому, что книга представляет собой зрелый и взвешенный взгляд на эту дисциплину в контексте общих задач лингвистики.

Для описания и объяснения механизмов смыслопорождения и смысловосприятия необходима теория или научная дисциплина интегративной направленности. Такой дисциплиной, по убеждению авторов, является по своей сути стилистика. Авторы отмечают, что стилистика

«эkleктична и открыта» (stylistics as eclectic and open) в своих теоретических установках и методологии, и интегративность и открытость на самом деле являются главным объяснительным потенциалом дисциплины [1, с. 24].

Джеффрис и Макинтайр представляют широкий взгляд, который освещает основные теоретические и аналитические модели, сформировавшие дисциплину. Книга состоит из восьми глав. Вводная глава посвящена теоретическим основаниям, предмету, принципам анализа стилистики как области науки о языке. Книга отражает ее историческое развитие, начиная с истоков в русском формализме, возникшем в России в первые годы XX в., анализирует ключевые принципы, такие как теория выдвижения, а также последовавшие разработки в области когнитивной и корпусной стилистики.

Принципиально значимо, что основной акцент в стилистике, в изучении стиля, делается на анализе текстовых данных, будь то письменных или устных, литературных или нелитературных, и поэтому «не может быть такого понятия, как стилистика, если тексты не подвергаются анализу» [1, с. 21]. Стилистика принципиально текстоориентирована (Stylistics as text-based), это доказательно рассматривается в первых двух главах. Основной тезис таков — анализ стиля означает систематический анализ структурных особенностей текста и определение их функциональной значимости для интерпретации значения и смысла высказывания. Стилистика в ее современном виде использует языковые модели, аналитические методы и методологии лингвистики для изучения стиля в его самом широком смысле. При этом она также участвует в разработке и совершенствовании лингвистических моделей и теорий, где опыт анализа стиля текстов дает полезные доказательства для таких разработок.

Исследование стиля поставлено в связь с базовыми категориями в изучении языка — текстом, дискурсом, контекстом. Ключевое значение получает понятие «взаимодействие коммуникативных акторов» (interaction). Основные лингвистические подходы, оказавшие влияние на современную стилистику, детально представлены в главах 3–6. Это дискурсивный и контекстно-ориентированный подходы (главы 3 и 4) и когнитивные подходы к обработке информации, представленной как текстовая структура (главы 5 и 6).

Показано, как стилистика отреагировала на развитие новых теорий языка: сначала на контекстуальную обусловленность порождения значения и смысла, очевидную в прагматике и дискурсивном анализе, а в последнее время — на когнитивные факторы, на корпусные методы и статистический инструментарий исследования языка.

Авторы отмечают, что стилистика традиционно концентрировалась на анализе художественных текстов, в действительности же эти рамки не существуют, и сфера применения стилистического анализа и стилистического инструментария в последние годы значительно расширилась. Язык, риторика и власть — вот тот значимый аспект исследований, который добавляется на современном этапе. Стилистика развила лингвистический инструментарий для описания речевого воздействия, приемов убеждения, которые в более общем плане охватываются классической риторикой и неориторикой, и дополняет знания из других областей, таких как прагматика и анализ дискурса, что может дать представление о манипулятивном использовании языка. Развитие критического дискурсивного анализа, хотя и не является продуктом (только) стилистики, может рассматриваться как одна из дисциплин, имеющих с ней методологическое сходство, особенно в том смысле, что некоторые подходы критического дискурсивного анализа ставят текст в центр исследовательских интересов.

В рецензируемой книге показаны теоретическая преемственность и взаимосвязь понятийного аппарата и аналитических подходов в стилистике и в таких дисциплинах, как дискурсивный анализ и прагматика, лингвистика текста.

Когнитивный поворот в стилистике стал важным моментом в истории этой дисциплины. Джеффрис и Макинтайр показывают, насколько глубоко стилистика усвоила идеи когнитивной

лингвистики, посвятив главу 5 объяснению концепций, фундаментальных для когнитивной стилистики, таких как сценарии и фреймы, а также теории метафоры со ссылками на ключевые фигуры в теории когнитивной метафоры (Джордж Лакофф, Марк Джонсон, Марк Тернер).

Важное методологическое различие во всех стилистических исследованиях — различие между качественными и количественными методами. Традиционно большая часть исследований в области стилистики была качественной, хотя некоторые самостоятельные направления, такие как стилометрия, были изначально количественно ориентированными. Интерес к количественным исследованиям в стилистике только усиливается. Это очевидно на примере развивающейся корпусной стилистики [2].

Теоретические и методологические основания в рецензируемой «Стилистике» построены на тех научных подходах, которые влиятельны в англоязычных, англо-американских традициях. Так, аналитические концепции для выявления стилистических эффектов от использования речевых структур, такие понятия, как модальность, когезия, когерентность, заимствованы из системной лингвистики М. Хэллидея, объяснительной концепции Дж.Н. Лича и М. Шорта и др. [2–6]. Непредставленность иных подходов указывает на то, что стилистические работы и направления стилистики на других языках, кроме английского, малоизвестны в англо-американском контексте. Это является слабой стороной издания, которое претендует на фундаментальность и аналитический охват. В последние годы появились новые исследования, в том числе монографические, осмысляющие задачи и методологические возможности исследований стиля и стилистики, в преимущественности и поступательности с прагматически ориентированной лингвистикой, дискурсивным анализом, лингвистикой текста, например [7–12]. Можно предполагать, что англоязычное издание «Стилистики», актуальная перспектива стилистической повестки в целом приглашает специалистов к диалогу в обсуждении тех аспектов, которые не нашли своего освещения или не разделяются полностью другими исследователями. Эвристическая ценность книги видится в этом. Рецензируемая книга будет полезна и увлекательна, доступна в том числе для широкого круга читателей с разной степенью общегуманитарной и лингвистической подготовки. Она представляет несомненный научно-методологический интерес для специалистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Jeffries L., McIntyre D.** Stylistics. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 346 p.
2. **Mcintyre D., Walker B.** Corpus Stylistics: Theory and Practice. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 256 p.
3. **Biber D., Conrad S.** Register, Genre, and Style. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 344 p.
4. **Leech G.N., Short M.** Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. London; New York: Longman, 1981. 402 p.
5. **Verdonk P.** Stylistics. Oxford: Oxford University Press, 2002. 124 p.
6. **Widdowson H.G.** Practical Stylistics. Oxford: Oxford University Press, 1992. 230 p.
7. **Клушина Н.И.** (Нео)стилистика в эпоху искусственного интеллекта. М.: ФЛИНТА, 2026. 148 с.
8. **Тошович Б.** Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности. М.: ФЛИНТА, 2024. 520 с.
9. **Чернявская В.Е.** Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 1. С. 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109
10. **Чернявская В.Е.** Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: URSS, 2024. 208 с.

11. Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106

12. Spitzmüller J. Diskurslinguistik und Stilistik: Gemeinsame Wege zur sozialen Praxis // Angewandte Diskurslinguistik: Felder, Probleme, Perspektiven / hrsg. von K.S. Roth, C. Spiegel. Berlin: Akademie Verlag, 2013. S. 61–71. DOI: 10.1524/9783050061054.61

REFERENCES

[1] Jeffries L., McIntyre D., Stylistics. Cambridge Textbooks in Linguistics, Cambridge University Press, Cambridge, 2025.

[2] McIntyre D., Walker B., Corpus Stylistics: Theory and Practice, Edinburgh University Press, Edinburgh, 2019.

[3] Biber D., Conrad S., Register, Genre, and Style. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

[4] Leech G.N., Short M., Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose, Longman, London, New York, 1981.

[5] Verdonk P., Stylistics, Oxford University Press, Oxford, 2002.

[6] Widdowson H.G., Practical Stylistics, Oxford University Press, Oxford, 1992.

[7] Klushina N.I., (Neo)stilistika v epokhu iskusstvennogo intellekta [Neo-stylistics in the Age of Artificial Intelligence], FLINTA, Moscow, 2026.

[8] Toshovich B., Lingvistika, stilistika i poetika virtualnosti [Linguistics, Stylistics, and Poetics of Virtuality], FLINTA, Moscow, 2024.

[9] Chernyavskaya V.E., Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 17 (1) (2020) 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109

[10] Chernyavskaya V.E., Tekst i sotsialnyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smyslopороzhdeniya [The Text and Social Context. Sociolinguistic and Discourse Analysis of Sense Generation], URSS, Moscow, 2024.

[11] Molodychenko E.N., Chernyavskaya V.E., Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 19 (1) (2022) 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106

[12] Spitzmüller J., Diskurslinguistik und Stilistik: Gemeinsame Wege zur sozialen Praxis, Angewandte Diskurslinguistik: Felder, Probleme, Perspektiven, ed. by K.S. Roth, C. Spiegel, Akademie Verlag, Berlin, 2013, pp. 61–71. DOI: 10.1524/9783050061054.61

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Горшкова Наталья Эдуардовна

Natalia E. Gorshkova

E-mail: Natgorshkova@mail.ru

Поступила: 27.08.2026; Одобрена: 21.09.2026; Принята: 27.09.2026.

Submitted: 27.08.2026; Approved: 21.09.2026; Accepted: 27.09.2026.

Рецензия

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17314>

EDN: <https://elibrary/DVDXBE>

**СТИЛИСТИКА В ЕДИНСТВЕ АНАЛОГОВОГО
И ВИРТУАЛЬНО-ЦИФРОВОГО ИЗМЕРЕНИЯ. РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ Н.И. КЛУШИНОЙ «(НЕО)СТИЛИСТИКА
В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА». МОСКВА:
ФЛИНТА, 2026. ISBN 978-5-9765-5864-9**

Л.Н. Синельникова

Луганский государственный педагогический университет,
г. Луганск, Российская Федерация

 Prof.sinelnikova@gmail.com

Аннотация. Стилистика — гуманитарная наука с большой историей и с большими достижениями, но и с особой чувствительностью к изменениям разного рода, значительная часть которых на современном этапе связана с распространением искусственного интеллекта (ИИ) и его влиянием на систему традиционных стилистических классификаций и ценностей. В монографии Н.И. Клушиной «(Нео)стилистика в эпоху искусственного интеллекта» показано, какие изменения происходят в стилистике в условиях нового осевого времени — времени, когда система теряет устойчивость и переходит к другому режиму функционирования. Каждая из базовых категорий стилистики (автор, текст, стиль) в цифровую эпоху получает новые характеристики. Категория автора требует переосмысления в связи с действиями ИИ как технологического автора. Технологический автор меняет категориальные признаки стиля. Созданный человеком гуманитарный текст вступает в конкурентные отношения с текстом, созданным нейросетью. Генеративный текст, который создается технологическим автором, только имитирует стиль, усредняет стилистические нормы, в результате чего текст теряет черты человечности и духовности. Неостилистика эпохи ИИ может и должна стать интегративной трансдисциплинарной наукой. Такие феномены, как стиль, текст, автор-человек, автор-ИИ, могут получить системное описание только при включении в стилистические исследования достижений различных гуманитарных наук при сохранении базовых принципов стилистики — функциональной обусловленности языковых средств в тексте, вариативности и интенциональности. Автор монографии приходит к выводу, что в расширяющемся технологическом пространстве именно человек, его живая мысль, переданная в языке, должны стать мерилом ценности всех коммуникаций нового времени.

Ключевые слова: стилистика, неостилистика, автор, стиль, текст, искусственный интеллект, генеративный текст.

Для цитирования: Синельникова Л.Н. Стилистика в единстве аналогового и виртуально-цифрового измерения. Рецензия на монографию Н.И. Клушиной «(Нео)стилистика в эпоху искусственного интеллекта». Москва: ФЛИНТА, 2026. ISBN 978-5-9765-5864-9 // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 227–235. DOI: 10.18721/JHSS.17314

STYLISTICS IN THE FUSION OF ANALOG AND VIRTUAL-DIGITAL TECHNOLOGIES. REVIEW OF N.I. KULUSHINA'S MONOGRAPH “(NEO)STYLISTICS IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE”. MOSCOW: FLINTA, 2026. ISBN 978-5-9765-5864-9

L.N. Sinelnikova

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation

Prof.sinelnikova@gmail.com

Abstract. Stylistics is a humanitarian science with a rich history and significant achievements, but also with a particular sensitivity to various changes. A large part of these changes at the present stage is related to the spread of artificial intelligence and its influence on the system of traditional stylistic classifications and values. In N.I. Kulushina's monograph “(Neo)Stylistics in the Era of Artificial Intelligence”, it is shown what changes are occurring in stylistics under the conditions of a new axial age — a time when the system loses stability and transitions to a different mode of functioning. Each of the basic categories of stylistics (author, text, style) acquires new characteristics in the digital age. The category of the author requires reinterpretation in connection with the actions of artificial intelligence as a technological author. The technological author changes the categorical features of style. A humanitarian text created by humans enters into competitive relations with a text created by a neural network. Generative text only imitates style, averaging stylistic norms, as a result of which the text loses its human and spiritual qualities. Neo-stylistics of the artificial intelligence era can and should become an integrative transdisciplinary science. Phenomena such as style, text, human author, and artificial intelligence author can only receive a systematic description by incorporating the achievements of various humanitarian sciences into stylistic research, while preserving the basic principles of stylistics — the functional conditioning of linguistic means in a text, variability, and intentionality. The author of the monograph concludes that in the expanding technological space, it is precisely the human being, their living thought conveyed in language, that should become the measure of value for all communications of the new era.

Keywords: stylistics, neostylistics, author, style, text, artificial intelligence, generative text.

Citation: Sinelnikova L.N. Stylistics in the Fusion of Analog and Virtual-Digital Technologies. Review of N.I. Kulushina's Monograph “(Neo)Stylistics in the Era of Artificial Intelligence”. Moscow: FLINTA, 2026. ISBN 978-5-9765-5864-9, 17 (3) (2026) 227–235. DOI: 10.18721/JHSS.17314

Рецензия, как и любой текст, имеет ряд сильных позиций: название, которое, по мнению автора рецензии, фиксирует основную идею монографии и создает рамку читательского ожидания; начало и конец выделенных разделов; резюмирующее заключение. Включенное в название слово единство подчеркивает базовую установку монографического исследования — подтвердить, что аналоговое и виртуально-цифровое не просто дополняют друг друга, а находятся в состоянии взаимной детерминации. Но эта сопряженность не идеальна и, будучи протянутой во времени, обрастает проблемами и наполняется вопросами, на которые не всегда есть ответы.

Актуальность обращения к теме стилистики, базовые категории которой в эпоху искусственного интеллекта (ИИ) претерпевают значительные изменения, безусловна и вызывает уважение к исследователю, который взял на себя труд проработать, систематизировать и экспериментально подтвердить изменения, происходящие в этой области знания. В названии монографии реперной точкой является префиксид нео-, отражающий «переходный период в развитии науки стилистики новейшего времени», но предполагается, что, «когда добытые новые результаты войдут в теорию общей стилистики, префиксид будет утрачен» [1, с. 7–8]. Путь такого рода «пересборки» (метафора принадлежит Н.И. Клушиной) маркируется словами *поворот*, *вызов*,

кризис, которые задают смысловые и оценочные направления в организации материала и обеспечивают его внутреннюю связность: поворот — действие, меняющее траекторию; кризис вынуждает к действиям; вызов требует решения.

В основу монографии легли статьи, опубликованные в авторитетных журналах и в разное время — с 2008 до 2025 г. Включенные в целостный текст монографии, статьи становятся носителями синхронно-диахронической информации о движении знания по проблемам стилистики как «по горизонтали» (положение дел в конкретное время), так и «по вертикали» (изменения во времени).

Системную целостность представленного в монографии материала обеспечивает исследовательская рамка, ориентирующая на базовые характеристики предлагаемых научных действий: актуальность (раскрытие роли стилистики, способной дать новые импульсы развитию гуманитарного знания в условиях интегративной структурно-функциональной парадигмы, которая позволяет целостно анализировать как систему языка, так и ее функционирование в речи); объект исследования (русская стилистика как лингвистическая дисциплина); предмет (выявление и описание познавательных возможностей стилистики, связанных с развитием традиционных и новых направлений); цель (определение научного поля современной стилистики и перспектив формирования (нео)стилистики в эпоху ИИ); новизна (категории гуманитарной стилистики проверяются на генеративных текстах, которые еще только начинают становиться предметом и объектом современной лингвистики).

В жанре научной монографии разделы и их границы представляют собой иерархически сильные позиции текста и объясняют последовательность рассуждения на пути к результирующим выводам. В рецензируемой монографии три раздела: «Познавательные возможности современной стилистики», «Метастилистика», «Гуманитарная и нейросетевая стилистика». Итоговые обобщения завершают каждый раздел, что снимает любое подозрение в механическом объединении статей. Раздел «Результаты исследования» в конце текста монографии — новый и очень полезный для понимания концепции автора формат сжатого научного текста в виде обобщающего аннотирования всех проблемных зон проведенного исследования. Соблюден принцип композиционной гармонии: разделы и подразделы размещаются так, чтобы каждый из них попадал в зону «золотого сечения» — ключевой идеи, сформулированной в Предисловии: «Данная монография — попытка автора осмыслить и решить научные задачи, поставленные перед современной русской (и — шире славянской) стилистикой, которая представляет собой глубокую традицию в русской филологии» [1, с. 6].

В традиционных вводных сегментах монографии — Предисловии и Введении — задается ряд понятий и векторов, важных для последующего анализа проблем стилистики на пути к (нео)стилистике. Например, философское понятие *нового осевого время*, в которое стилистика «интегрирует в себя, помимо собственно лингвистических, философские, этические, социальные, биологические и другие аспекты» [1, с. 7], получает дополнительные характеристики в разделе «Результаты исследования», но уже на основании описания технологического осевого времени — появлении «нового технологического автора, который пока только дополняет автора-человека, но, очевидно, будет развиваться в русле эволюции человека биологического» [1, с. 135]. Так, стилистика возвращается к предложенной Карлом Ясперсом концепции *осевого времени*, но уже в переработанном ИИ виде. Н.И. Клушина, по сути, включилась в важную для понимания глобальных изменений дискуссию о новом осевом времени как времени масштабного перелома и неопределенности [2] с вполне определенным пониманием места стилистики в этом времени: «Цивилизационный слом, провоцирующий создание нового гуманизма современного осевого времени, наиболее ярко прорисовывается через категории стилистики и формирует философию стилистики» [1, с. 75].

Вводные разделы завершаются формулировкой миссии исследования, которую автор видит в том, что «классическая триада стилистики: автор — текст — стиль, замещаемая в нейросетевой стилистике технологическим автором — постклассическим генеративным текстом — генеративным стилем, должна сохранять свою гуманитарную и гуманистическую ценность во всё более расширяющемся технологическом пространстве медиа, поскольку именно человек, его мысль и язык в итоге должны остаться мерилем коммуникации и всех живых процессов нового времени» [1, с. 10]. Основные параметры исследования заданы и последовательно наполняются содержанием во всех разделах монографии.

Познавательные возможности современной стилистики проявляют все ее традиционные разделы: стилистика ресурсов, идиостилистика, стилистика текста и функциональная стилистика. В современном научном сообществе эти составляющие воспринимаются разрозненно, хотя связь между ними безусловна: на основе языковых резервов рождаются социально обусловленные и индивидуально окрашенные тексты, системные нормы которых формируют функциональные стили.

Переход от структурной парадигмы к функциональной (антропоцентрической, когнитивной, коммуникативной) в монографии описывается через серию поворотов. *Дискурсивный поворот*, который, по мнению автора, «чуть не привел к кризису в стилистике», но в то же время признается, что текст как общий предмет исследования «можно (и нужно — добавление наше: Л.С.) изучать с помощью разных научных дисциплин — как стилистики, так и дискурсологии» [1, с. 22]. *Прагматический поворот* также стал «вызовом для стилистики» через общие точки — изучение коннотаций и внимание к контексту. Обратим внимание на модальный предикат *могли*, который в форме индикатива проявляет семантику сослагательного наклонения: «Такие наложения прагматических исследований на традиционные стилистические в отечественной лингвистике, к тому же усиленные дискурсологическими разработками, могли привести к эклектичности терминосистемы и методов» [1, с. 23]. Действительно, различия есть: в стилистике коннотация — носитель экспрессивности, образности и особенностей идиостиля, в прагматике — средство воздействия на адресата. Но именно в зоне «фактора адресата» происходит пересечение стилистики и прагматики. *Медийный, цифровой и виртуальный повороты* привели к развитию медиастилистики, формированию концепции медиастиля, созданию интернет-стилистики и стремительному развитию ИИ. Поворот, связанный с ИИ, «по своей значимости для стилистики (и в целом науки и общества) становится экзистенциальным» [1, с. 26]. Для эпохи ИИ характерно переосмысление краеугольных для теории стилистики категорий «автор — текст — стиль». Отмечается особая значимость того, что постклассические генеративные тексты меняют представление о стиле как гуманитарном феномене.

Метастилистика — подтверждение востребованности семантики приставки «мета-» в научном пространстве (*метафизика, метатеория, метаязык, метаанализ, метапознание, метапамять, металогика, метатекст, метадискурс*), что объясняется реальными вызовами, с которыми столкнулась современная наука, в том числе стилистика, которая «неизбежно начинает включать в себя философские проблемы, то есть становится интегративной, трансдисциплинарной гуманитарной наукой, способной внести собственный вклад в понимание и осознание мира» [1, с. 37]. Представленный в разделе монографии материал подтверждает когнитивную семантику приставки «мета-» — переход к более высокому уровню осмысления и анализа, стремление к систематизации, рефлексии и концептуализации на уровне, выходящем за рамки непосредственного предмета исследования [3].

Идея интегративной стилистики принадлежит профессору С. Гайде, который определял феномен стиля с точки зрения интеграции в стилистике [4]. В монографии Н.И. Клушиной идея интегральной стилистики получила развитие в условиях усложнения отношений в стилистическом треугольнике «стиль — автор — текст», к которому подключился ИИ. Стиль проявляет

особенности стилистического мышления, которое автор монографии прямо связывает с подходом С. Гайды к стилю как к гуманитарной структуре текста, в котором стиль выражает и многомерную личность автора, и его инклюзивные отношения с обществом. Сгенерированные нейросетями тексты очищены от рефлексии автора-человека, от его стилистических предпочтений, и этот всеми принимаемый факт становится новым вызовом, порождающим множество вопросов. Можно ли говорить о новом технологическом стиле, создаваемом нейросетями, или это стилизация под имеющиеся функциональные стили? Существует ли идиостиль у ИИ или идиостиль — категория только гуманитарной стилистики? Н.И. Клушина настаивает на том, что адекватное изучение таких феноменов, как стиль, текст, автор-человек, автор-ИИ, «возможно будет только при включении в стилистические исследования достижений различных гуманитарных наук, при сохранении базовых принципов стилистики» [1, с. 47].

Автор и его языковая репрезентация — предмет постоянного интереса исследователей, представляющих разные науки и научные школы. Во всех разделах монографии Н.И. Клушина сохраняет принцип научного историзма — изучения явления в развитии (диахрония в действии), причем не столько через хронологию значимых для стилистики событий, сколько через имена ученых, заложивших долгосрочно действующие основы понимания сути стилистики. Обращение к идеям Ш. Балли, В.В. Виноградова, Ю.Н. Караулова, И.Р. Гальперина, Н.С. Валгиной, М.Н. Кожинной сопровождает размышления о положении дел в современной стилистике. *Цифровая личность, электронная личность, дигитальная личность, виртуальная личность* — это номинации другого времени, других текстов и новых стилистических конфигураций. Самое новое и проблемное — *технологическая языковая личность*. И здесь возникает много вопросов, которые на начальном этапе важно сформулировать: ИИ как новый тип автора; уникальность или тривиальность авторского стиля ИИ; наличие/присутствие гуманитарной структуры у сгенерированного нейросетями текста; место и роль ИИ в современном языковом пространстве.

Медийный, дигитальный и виртуальный повороты требуют корректировки сложившейся в науке типологии текстов. Предлагается различать классический и постклассический тексты, то есть тексты линейного и гипертекстового формата. Речь идет о способах организации смысла и о том, как организуется взаимодействие читателя с первичным текстом. Принципиально иную природу проявляет генеративный текст, который пока не имеет устойчивой дефиниции и в самом общем виде определяется как текст, автоматически сгенерированный ИИ. Ответ YandexGPT на запрос автора монографии об отличии генеративного текста от классического может претендовать на предварительную, задающую рабочий ориентир дефиницию: «Генеративный текст создается алгоритмом, который генерирует текст на основе заданных правил и данных; имеет законченную структуру, но его содержимое может быть изменено путем изменения параметров алгоритма или исходных данных». Но в этом определении отсутствует один из важных параметров: генеративный текст имеет принципиально новый тип авторства — ИИ, и этот тип авторства «лишен эмоциональности, авторской интуиции и креативности, интенционального замысла и интенционально осознанного выбора средств для создания своего произведения» [1, с. 68, 70]. Небольшое добавление от рецензента на основании собственного опыта. В научных работах об ИИ очень часто используется наречие «пока» со значением ожидания перемен (пока — это «на данный момент, но не навсегда»). И перемены в поведении нейросети есть, например, в организации диалога с автором запроса. Ответы на очередной запрос нейросеть коррелирует с предыдущими, она уже не просто помощник, но участник совместно создаваемого дискурса промптов, так как, сопоставляя признаки разных феноменов, участвует в формировании новых связей между запросами. Возможно, это тоже имитация, но уже с признаками манипуляции, которую привычно соотносить с человеческими действиями.

Гуманитарная и нейростилевая стилистики различаются именно по типу авторства. Тип авторства позволяет отделить гуманитарную модель от технологической, что особенно важно для

журналистов и журналистики в целом. В медиаиндустрии происходят глубинные изменения, трансформируется сама природа медиапродукта [5]. Гуманитарная нормативная модель коммуникации «ориентируется на сложившиеся языковые, жанровые и коммуникативные нормы литературного языка» [1, с. 82]. Особенности этой модели, которая сохраняет литературный язык в медиа как коммуникативную ценность, были выявлены через рассмотрение одного и того же инфоповода — появления нейродиктора Снежаны Тумановой на российском телевидении как контента, размещенного на разных платформах. Эксперимент показал, что гуманитарная креативная модель реализует креативную функцию языка в неофициальном сегменте интернета, в соцсетях и мессенджерах. В реакции пользователей проявляется мультимедиаальный код языка, знаки новой устности и окказиональное словотворчество. «Креативная модель „коллективно-го Пушкина“ создает креативный узус, способствующий обновлению языка через творческую энергию его носителей» [1, с. 85]. В неофициальном пространстве интернета формируется *новая устность*, расширяющая лексические и стилистические ресурсы современного интернет-языка, и развитие технологий «послужило триггером обновления языка» (подробнее см. [6]). «Можно предположить, что в обозримом будущем система литературного языка обновится вслед за опробованными в сетевом узусе трансформациями» [1, с. 90]. В конкурентные отношения вступили традиционные академические нормы доцифровой эпохи и быстро сформировавшиеся правила совместного действия человека и нейросети. Более того, появился соблазн довериться ИИ без подключения критического мышления [7].

Для подтверждения гипотезы о том, что эмотивность — категория гуманитарной стилистики, был проведен эксперимент с метафорой-стимулом «буря эмоций». Магистранты факультета журналистики МГУ получили задание: дать спонтанную реакцию на эмоциональное состояние, определяемое этой метафорой. Было замечено, что, в то время как никто сразу не мог пояснить, какие чувства выражает эта номинация, ответ ИИ был обстоятельным, включал сравнения, описание физического состояния человека, испытывающего бурю эмоций и освобождающегося от них. Делается обоснованный экспериментом вывод о механистической (алгоритмической) последовательности «сложения» эмоций. Это подтверждается и ответом YandexGPT на запрос автора монографии о способности ИИ испытывать бурю эмоций: «ИИ не имеет эмоций в том смысле, в котором их испытывают люди. У меня нет сознания, чувств или субъективного опыта. Я способен распознавать эмоции и генерировать ответы». Понятно, что уровень доверия информации нейросети о себе зависит от количества данных, которыми она располагает в момент запроса, и для понимания сложных научных вопросов нужна многоступенчатая верификация получаемых ответов, но такая компетенция только начинает формироваться.

В монографии описана серия экспериментов для выявления идиостилевых показателей ИИ, «корректных только для сегодняшнего момента, пока еще не создан прогнозируемый учеными Сильный Интеллект» [1, с. 127]. Важно, что эксперимент по проблеме идиостиля был проведен в рамках традиционных функциональных стилей. Результат значим как для характеристики функциональных стилей, так и для понимания особенностей технологического автора. ИИ практически равен автору в официально-деловом стиле, научный и публицистический стили подстраиваются под каноны официально-делового, разговорный и художественно-литературный умело стилизуются. Харизматического стиля, отличающего творческую личность, у ИИ пока еще нет [1, с. 128]. Впрочем, целостного описания харизматического стиля нет и в науке. Возможно, о некоторых моделях поведения нейросети уже можно говорить как о признаках харизматичности. Например, нейросеть «Алиса» все больше проявляет себя как антропоморфный коммуникант, она стремится быть вежливой и при необходимости отстаивает заданные ей этические нормы [8]. Кроме того, вежливость положительно влияет на точность ответов нейросети [9]. Установка на процесс сближения с человеком очевидна, возможно, в определенное время в неостилистике (уже без префиксоида нео-) будет признан факт харизматичности ИИ.

Несколько раз автор монографии использует метафору «технологический Солярис» (аллюзия на роман Станислава Лема) как сложившийся культурный код размышления о границах познания и об отношениях с принципиально иной, чуждой человеку формой интеллекта. В статье с интригующим названием «„Солярис“ как предчувствие искусственного интеллекта» В. Тарасенко вполне справедливо оценивает сложившееся положение: «Мы загружаем в нейросети терабайты данных, словно учёные на станции посылали в Океан свои гипотезы и схемы. Мы кормим машину нашими словами, нашими страхами, нашими историями, ожидая ответа. А она возвращает нам результат, основанный на паттернах, которые мы сами же в неё и заложили» [10]. Н.И. Клушина формулирует благоприятный прогноз развития – сосуществование гуманитарной стилистики и нейростилистики под контролем человека. Трудно сказать, поможет ли такого рода контроль избежать технологической сингулярности, но лучше оптимистический сценарий, чем риск встречи с принципиально иным разумом, к которой человечество не готово.

Заявленная в монографии тема исходно предполагает дискуссионное продолжение. Причин несколько. Одна из них – вынужденность исследователей проблем, связанных с ИИ, действовать в пределах фронтального мышления (от англ. frontier – «граница», «рубеж»), то есть мышления первооткрывателей. Описание новых идей, возможностей и рисков, формирование типологий происходит в новое осевое время – время быстрых изменений, которые происходят короткими циклами (в отличие от изменений в научном поле стилистики доцифровой эпохи). В изложении проблемного материала Н.И. Клушина проявила стратегическую гибкость, и неопределенность через систему вопросов, экспериментов, параллелей, прогнозов, гипотез получила кванты определенности. Следует добавить проявленную в риторических приемах особенность научного стиля автора монографии – готовность к вызовам на новой исследовательской территории (например, название одного из подразделов: «Автор мертв. Да здравствует ИИ?» можно считать проявлением «рефлексивного отношения субъекта к себе или к предмету» [11, с. 46]).

Нет сомнений, что монография Н.И. Клушиной, в названии которой сошлись две реперные точки – неостилика и ИИ, вызовет интерес и увеличит дискуссионное пространство. Такого рода проблема не укладывается в традиционные оценочные рамки: проблема – решение – результат, так как многое находится в процессе формирования и переформирования, и верификация по шкале «определенность/неопределенность» оказывается затруднительной. Высокой степенью определенности обладает методологическая (а вместе с этим культурологическая и этическая) установка автора монографии: стилистика – самобытная область лингвистики, которая имеет глубокую традицию в русской филологии, и сохранить эту науку, которой на разных этапах ее существования грозила маргинализация, необходимо. На протяжении всего текста монографии в той или иной форме сохраняется диалог между разными временами и разными подходами к содержанию стилистики как ведущей науки гуманитарного цикла. В результате автор приходит к выводу о том, что стилистика является холистической наукой и имеет наибольшие перспективы для объяснения современной коммуникации.

Исследователи проблем стилистики редко включают философский аспект в интерпретацию рассматриваемого материала. Монография Н.И. Клушиной, в которой акцентируется подход к стилю как к «гуманитарной структуре текста» (С. Гайда), представляет собой очевидное исключение. Но остается остро дискуссионная проблема: включение в блок «стиль – автор – текст» нового агенса в виде ИИ и создаваемых им текстов – это только усложнение отношений между составляющими (через добавление деталей) или уже настолько существенное изменение, что меняется природа каждого объекта, входящего в цепочку. Разные подходы – разный уровень понимания проблемы, а также алгоритмы интерпретации стиля, автора, текста.

Ученые обратили внимание на то, что такая сильная позиция научного текста, как посвящение, «стирает границы между личной и институциональной составляющей научного дискурса» [12, с. 1], персонифицирует автора как личность, имплицитно включает ассоциации о ценностных показателях его картины мира. «Моей семье посвящается» — находится в сильной позиции текста монографии и говорит именно об этом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Клушина Н.И.** (Нео)стилистика в эпоху искусственного интеллекта. М.: ФЛИНТА, 2026. 148 с.
2. **Голиков К.С.** «Новое осевое время»: действительно ли это так? // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25. № 5. С. 98–107. DOI: 10.37482/2687-1505-V464
3. **Гнитецкая Т.Н., Заболотский В.С.** Динамика содержания понятия метапредметности: от античности до наших дней // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17. № 4. С. 200–209. DOI: 10.63973/2949-1258/2025-4/200-209
4. **Гайда С.** Стиль как вызов // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 13–23.
5. **Жеребненко А.В.** Филологический компонент как основа ИИ-грамотности медиаспециалистов // Неофилология. 2026. Т. 12. № 3. С. 621–631. DOI: 10.20310/2587-6953-2026-12-3-621-631
6. **Клушина Н.И.** Тенденции развития лексики русского языка в коммуникативном пространстве интернета // Terra Linguistica 2023. Т. 14. № 3. С. 52–60. DOI: h10.18721/JHSS.14305
7. **Синельникова Л.Н.** Искусственный интеллект в научном дискурсе: слом аксиологической траектории // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2026. № 2. С. 5–10.
8. **Цвигун Т.В., Черняков А.Н.** Нейросеть как «машина вежливости» // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 12. № 4. С. 922–938. DOI: 10.24147/2413- 6182.2025.12(4).922-938
9. **Пиперски А.Ч.** Вежливость в коммуникации между человеком и искусственным интеллектом // Слово.ру: Балтийский акцент. 2024. Т. 15. №4. С. 89–98. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-4-6
10. **Тарасенко В.** «Солярис» как предчувствие искусственного интеллекта // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/aXyCNCxOMy6Uvzsy> (дата обращения: 03.07.2026).
11. **Чернявская В.Е.** Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 44–55. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-3-44-55
12. **Ефимова Н.Н., Виолина М.И., Ружникова М.Л.** Лингвосемиотический потенциал посвящения научного текста как фактор персонализации дискурса // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 12 (150). С. 1–5. DOI: 10.60797/IRJ.2024.150.132

REFERENCES

- [1] **Klushina N.I.**, (Neo)stilistika v epokhu iskusstvennogo intellekta [(Neo)stylistics in the Era of Artificial Intelligence], FLINTA, Moscow, 2026.
- [2] **Golikov K.S.**, New Axial Age: Is It Really the Case?, Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: “Humanities and Social Sciences”, 25 (5) (2025) 98–107. DOI: 10.37482/2687-1505-V464
- [3] **Gnitetskaya T.N., Zabolotsky, V.S.**, Dynamics of the concept of meta-subjectivity: from antiquity to the present day, The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University, 17 (4) (2025) 200–209. DOI: 10.63973/2949-1258/2025-4/200-209
- [4] **Gayda S.**, Stil kak vyzov [Style as a challenge], Actual Problems of Stylistics, (2) (2016) 13–23.

- [5] **Zherebnenko A.V.**, The philological component as the basis of AI literacy for media professionals, *Neophilology*, 12 (3) (2026) 621–631. DOI: 10.20310/2587-6953-2026-12-3-621-631
- [6] **Klushina N.I.**, Trends in development of Russian language lexicon in Internet communicative space, *Terra Linguistica*, 14 (3) (2023) 52–60. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.14305>
- [7] **Sinelnikova L.N.**, *Iskusstvennyj intellekt v nauchnom diskurse: slovm aksiologicheskoy traektorii* [Artificial intelligence in scientific discourse: breaking the axiological trajectory]. *Bulletin of the Lugansk State Pedagogical University. Philological Sciences*, (2) (2026) 5–10.
- [8] **Tsvigun T.V., Chernyakov A.N.**, Neural network as a "machine of politeness", *Communication Studies (Russia)*, 12 (4) (2025) 922–938. DOI: 10.24147/2413- 6182.2025.12(4).922-938
- [9] **Piperski A.Ch.**, Politeness in the communication between humans and artificial intelligence, *Slovo.ru: Baltic Accent*, 15 (4) (2024) 89–98. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-4-6
- [10] **Tarasenko V.**, "Solyaris" kak predchuvstviye iskusstvennogo intellekta ["Solaris" as a Premotion of Artificial Intelligence], *Dzen*. Available at: <https://dzen.ru/a/aXyCNCxOMy6Uvszy> (accessed 03.07.2026).
- [11] **Chernyavskaya V.E.**, Evaluative Language in Scientific Discourse: Terminological Framework and Methodological Perspectives, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 14(3) (2022) 44–55. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-3-44-55
- [12] **Efimova N.N., Violina M.I., Ruzhnikova M.L.**, Linguosemiotic Potential of Dedication of Scientific Text as a Factor of Discourse Personalization, *International Research Journal*, 12(150) (2024) 1–5. DOI: 10.60797/IRJ.2024.150.132

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Синельникова Лара Николаевна

Lara N. Sinelnikova

E-mail: Prof.sinelnikova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0001-0001-8140-5648>

Поступила: 05.07.2026; Одобрена: 26.08.2026; Принята: 08.09.2026.

Submitted: 05.07.2026; Approved: 26.08.2026; Accepted: 08.09.2026.